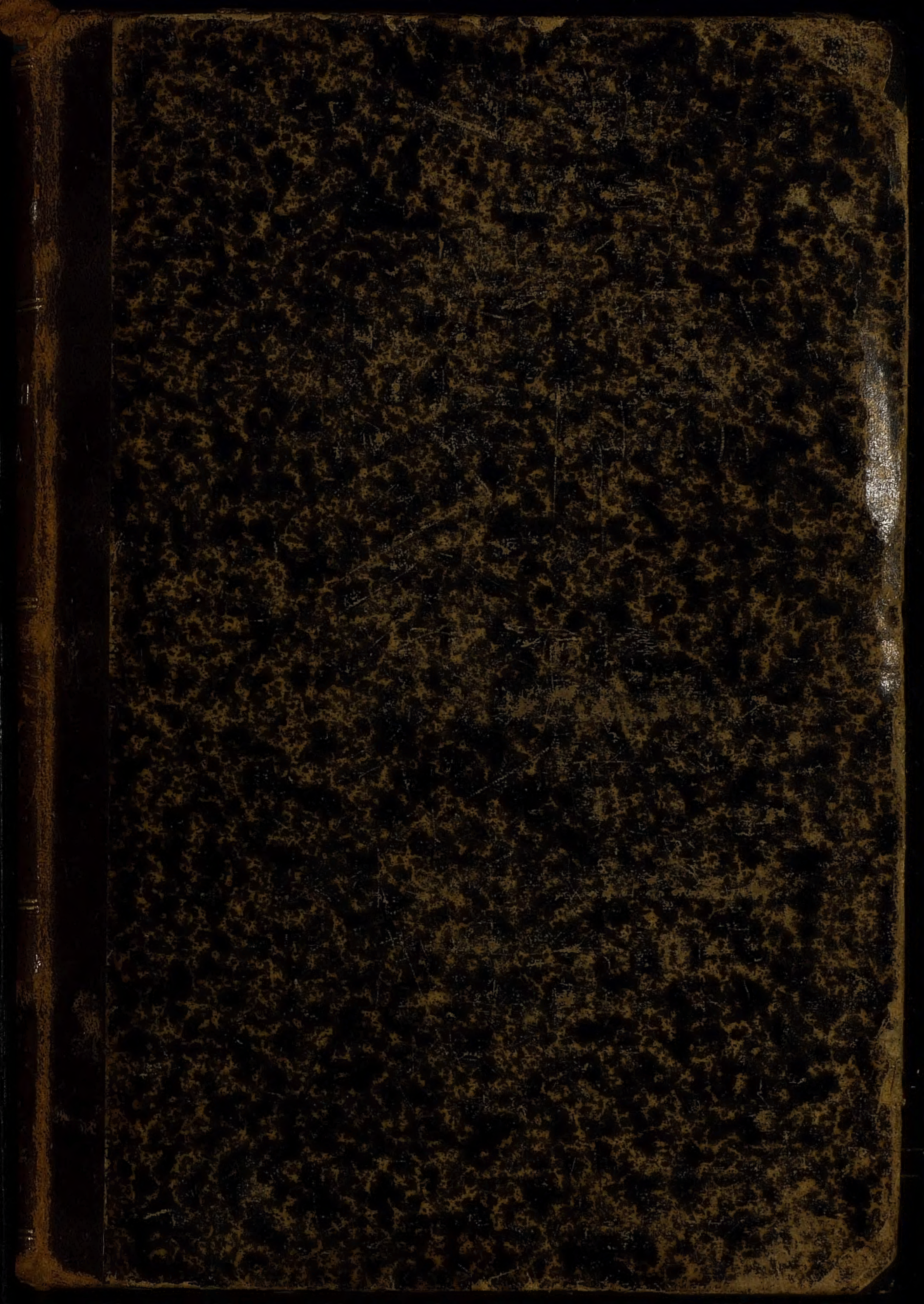
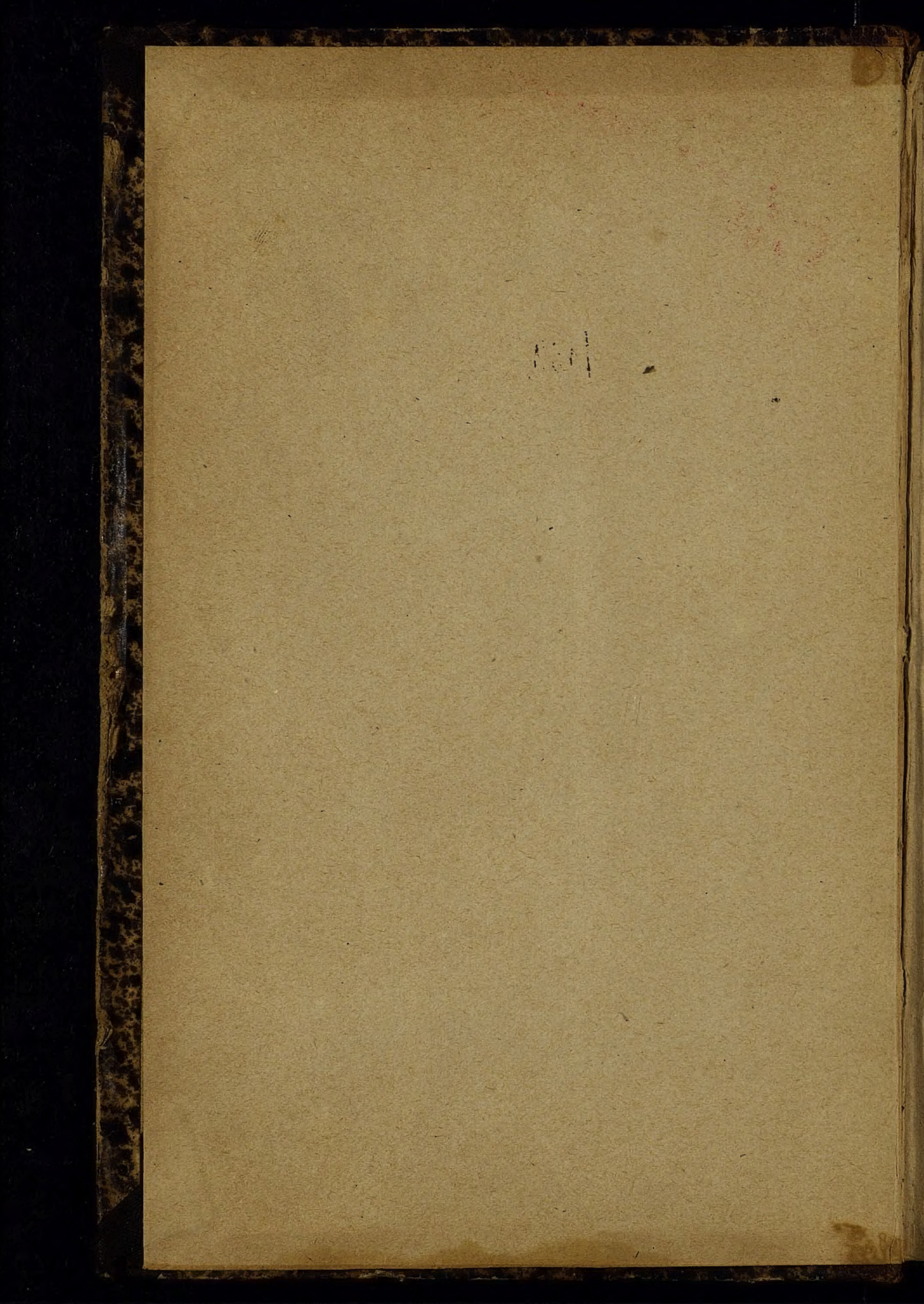
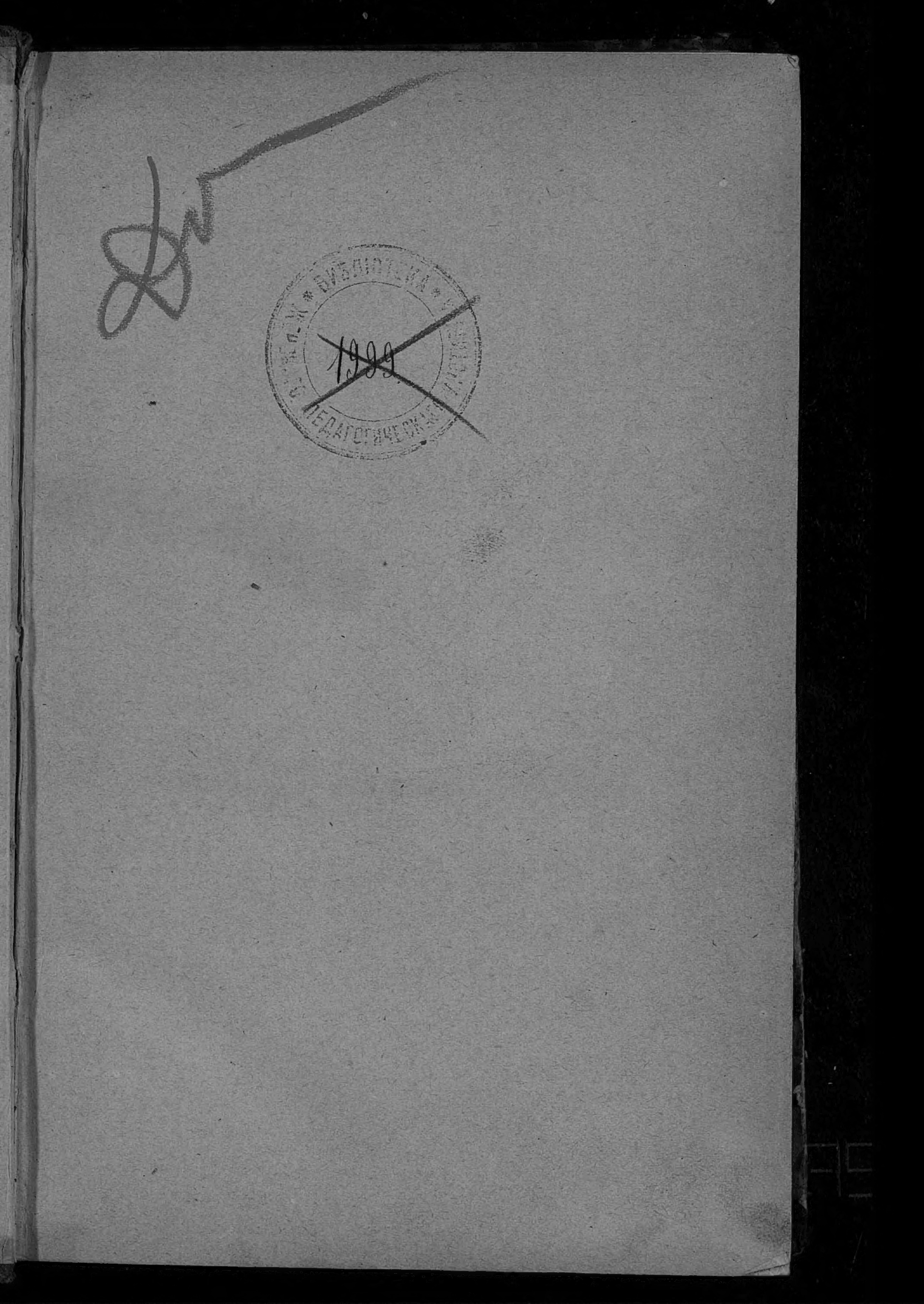

БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
1999

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНIЕ

1882

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

[ТОМЪ XXXIV].

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ · РОМАНОВЫ

АРТ. МАТВѢЕВЪ · БОР. ГОЛИЦЫНЪ · ГОЛОВИНЫ

ПОСОШКОВЪ · ШАФИРОВЪ · МАКАРОВЪ

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ

ШЕРЕМЕТЕВЪ · ѲЕОФАН · ПРОКОПОВ · ЯК · ДОЛГОРУКОВ · МЕНШИКОВ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА

КАНТЕМИР · ВОЛЫНСКІ

ЛОМОНОСОВ · ЯК · ШАХОВСК · БЕСТУЖЕВ · РЮМ · ИВ · ШУВАЛОВ

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ XXXIV.

1882.

Ѳ · ВОЛКОВЪ · СУМАРОКОВ · КОКОРИНОВ · БОРТНЯНСК · ДЕРЖАВИНЪ · КУЛИБИНЪ · ГОЛ · КУТУЗОВ

НОВИКОВ · ДАШКОВА · ОРЛОВЫ · ПОТЕМКИН · РУМЯНЦОВ · СУВОРОВ · БЕЗБОРОДКО · БЕЦКОЙ

ТАТИЩЕВЪ · ШЛЕЦЕРЪ · ГЕРАРД · МИЛЛЕР · М · ЩЕРБАТОВ · БОЛТИНЪ · ВИЗИНЪ · РАДИЩЕВЪ

БѢЛИНСК · ПАСКЕВИЧ · ВОРОНЦОВ · ЛЕРМОНТОВ · ГОГОЛЬ · М · ГЛИНКА · ЖУКОВСК

СПЕРАНСКІЙ · КАРАМЗИНЪ · МОРДВИНОВЪ · КРЫЛОВЪ · ЕРМОЛОВЪ · ГРИБОѢДОВЪ · ПУШКИНЪ

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. Л. Шарлеман. рис. К. Брожъ.

1-е марта

Минулъ годъ горестному, злосчастному дню.

Внѣшній, формальный трауръ снимется, но внутренній останется. На историческую могилу великаго историческаго дѣятеля Россіи—Царя-Освободителя—въ этотъ день годовой тризны понесутся помыслы всѣхъ русскихъ людей. Что совершилось? Не понять Русской землѣ и теперь, по минованіи года, ни причинъ, ни побужденій злостнаго дѣла. Осиротѣлая и оцѣпененная, стоитъ и теперь Россія передъ могилою, сокрывшею прахъ добродушнѣйшаго и любимѣйшаго изъ ея Царей.

Только этимъ полнымъ разбитіемъ мыслей и объясняется то хаотическое состояніе, въ которомъ пребываютъ теперь русскіе люди. Всѣ сознаютъ это состояніе, но не имѣютъ силъ отъ него освободиться. Рѣзкія, отрывочныя мысли и планы несутся въ обществѣ, въ печати, по разнымъ направленіямъ, соперничая другъ съ другомъ нерѣдко въ полной практической неприложимости.

Возгласы объявляющихъ себя народолюбцами и не допускающихъ потому бытія русской интелигенціи, сталкиваются съ другими, не менѣе тягостными кликами о томъ, что ни интелигенція, ни народъ ничего совершать не могутъ, что одинъ надзоръ и только надзоръ можетъ привести къ успокоенію. Это все клочки, потерявшіе связность; отрывки подавленнаго, разбившагося размышленія. Да и какъ было не разбиться ему послѣ тяжкаго, страшнаго событія 1-го марта.

Можно ли теперь скоро разобраться въ массѣ великихъ и сложныхъ дѣлъ, заведенныхъ усопшимъ Царемъ? На неустанную энергію и великій патріотизмъ дѣятелей былъ въ правѣ разсчитывать Царь-Освободитель, взявъ на себя великую миссію обновленія Россіи.

Гдѣ вы, дѣятели-патріоты, на работу которыхъ разсчитаны безпримѣрныя въ исторіи реформы? Покиньте безплодныя пререканія, откажитесь отъ недостойныхъ укоровъ, соединитесь въ цѣлый, могучій союзъ русскихъ людей, поддержите работу, въ которой нуждается русское государство и его Вѣнценосный Вождь. Не забудемъ, русскіе люди, что великій Монархъ, котораго не престанемъ оплакивать, оставилъ намъ завѣтъ на выполненіе дѣла, столько же труднаго, сколько великаго. Свершивъ властію Самодержца не себялюбивое, но величайшее, невиданное въ исторіи народолюбивое дѣло — освобожденіе милліоновъ крѣпостныхъ душъ съ землею, Онъ создалъ тѣмъ новый складъ соціальныхъ и аграрныхъ отношеній, какого не знала исторія. Послѣдствія этихъ новыхъ отношеній вызовутъ, да и начали уже вызывать многое, что потребуетъ неустанныхъ, мирныхъ, но трудныхъ работъ. Вдумайтесь въ великое, предначертанное для васъ дѣломъ покойнаго Монарха!

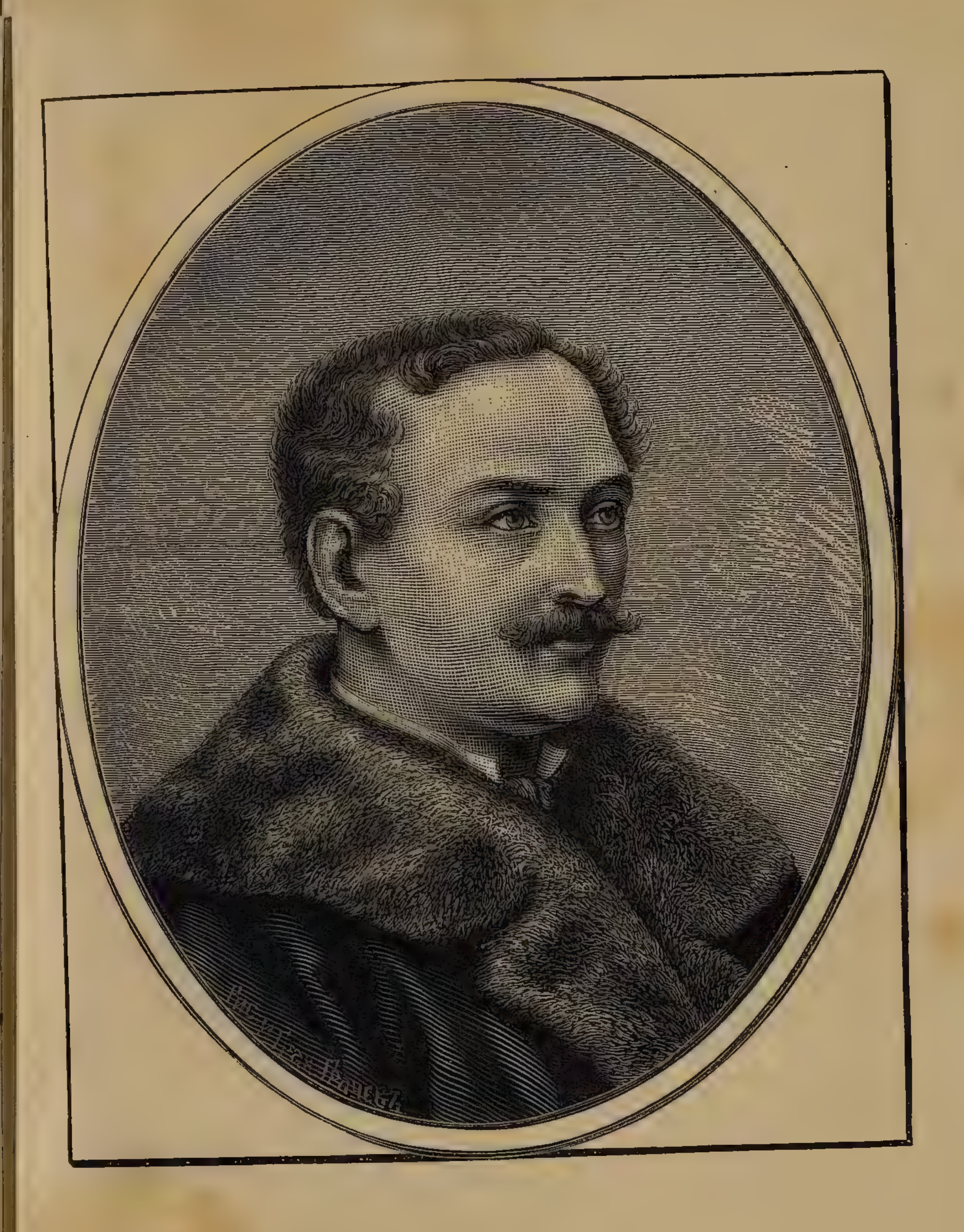
Чѣмъ болѣе будутъ достигаемы важные плоды этихъ новыхъ отношеній, Имъ созданныхъ, тѣмъ ярче и свѣтлѣе будетъ выдѣляться въ ходѣ дальнѣйшей исторической жизни Россіи свѣтлый историческій образъ Царя-Освободителя, Царя-Мученика.

19-го февраля 1882 г.
С.-Петербургъ.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛЕНА ПАВЛОВНА,
СУПРУГА В. К. МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА
въ 1824 г.

Приложение къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.
Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 января 1882 г.
Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ

1804—1839.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1882 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 февраля 1882 г.

Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.

погоду на бульварѣ было много гуляющихъ, и дамскія платья подметали дорожку, между памятникомъ Казарскому и павильономъ. Проваленныя крыши, вышибленныя балки и простѣнки, закопченныя стѣны попадались тогда только по Екатериненской, за домомъ губернатора, въ части города, къ югу отъ библіотеки, на южномъ концѣ Морской, сзади Ростиславскаго редута и въ Артиллерійской слободкѣ. Всѣ эти мѣста были покинуты жителями; улицы здѣсь были пусты, изрыты бомбовыми взрывами и покрыты снарядами и осколками. Въ нѣкоторыхъ болѣе уцѣлѣвшихъ домахъ помѣщались кашевары, и здѣсь воздухъ былъ отравленъ запахомъ отъ отбросковъ провизіи и отъ помой. За разрушеннымъ театромъ на мѣстахъ домовъ оставались лишь кучи щебня и мусора, которыми было покрыто все пространство позади 4-го бастіона и чесменскаго редута. По этимъ развалинамъ бродили иногда матросы, выдирали пробои, гвозди и тащили уцѣлѣвшія двери и доски, для блиндажей и землянокъ.

Корабельная слободка была наполнена семействами матросовъ; даже на западномъ скатѣ Малахова Кургана было еще много домишекъ, и въ нѣкоторыхъ гнѣздились еще неугомонныя матроски, пока ихъ оттуда не выгнали снаряды, громившіе Севастополь на Святой недѣлѣ. Стѣна, окружавшая доки и примыкавшая къ морскимъ казармамъ, хотя и была повреждена, но еще не походила на рѣшето, а за казармами возвышался пронизанный ядрами куполъ принадлежавшей морякамъ церкви.

На Большомъ рейдѣ стояли остатки славнаго черноморскаго флота. Бухта перерѣзывалась линіею кораблей, повернутыхъ бортами къ морю; тутъ были корабли: „Великій князь Константинъ“, „Парижъ“, „Храбрый“, „Чесма“ и „Марія“. Шестой изъ уцѣлѣвшихъ кораблей „Ягудіилъ“, кажется, не былъ въ этой линіи и стоялъ отдѣльно, не могу навѣрно припомнить—гдѣ именно; помнится, что въ теченіи осады онъ разъ или два перемѣнилъ мѣсто. Фрегатъ „Коварна“ и нѣсколько транспортныхъ судовъ стояли близь сѣвернаго берега бухты, въ одномъ изъ ея заливовъ; недалеко отъ нихъ, помнится, стоялъ и фрегатъ „Кулевча“.

На всѣхъ этихъ судахъ, не смотря на исключительныя обстоятельства, неизмѣнно поддерживались совершенная чистота и щегольской порядокъ; чисто-начисто вымытыя палубы были также безукоризненно свѣжи, какъ воротнички англиканскаго епископа:

на люминаторахъ—ни пылинки; всякая мѣдная скоба была ярко вычищена. Вся эта чистота и свѣжесть, обычная для военныхъ судовъ, бросалась въ глаза теперь, когда все въ Севастополѣ было грязно, неопрятно и весь онъ былъ погруженъ въ зловоніе.

Ничего подобнаго этому порядку не было, да и быть не могло, на мелкихъ судахъ черноморскаго флота, корветахъ, шхунахъ и бригахъ, стоявшихъ въ Южной бухтѣ; да щеголеватость здѣсь была и не нужна, такъ какъ, въ сущности, суда эти перестали быть военными, по крайней мѣрѣ на это время: они стояли поперекъ бухты, и положенныя на нихъ борты доски составляли узкое полотно, по которому можно было даже проѣхать верхомъ. Это было въ то время единственное сообщеніе городской части съ Корабельной слободкой; весною оно прервалось, потому что непріятельскіе снаряды потопили нѣкоторыя изъ этихъ судовъ, и сообщеніе города съ слободкой поддерживалось катерами и шеландами, ходившими отъ Графской пристани къ Павловскому мыску. Впослѣдствіи былъ построенъ плавучій мостъ, изъ бревенъ, гораздо сѣвернѣе прежняго, отъ низменнаго мыска, отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты.

Хотя артиллерійская прислуга, на севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, и занимавшія ихъ войска несли ощутительныя потери и въ первое полугодіе осады, но до послѣднихъ чиселъ марта батареи еще не представляли картины той непрерывающейся бойни, которая, въ послѣдніе мѣсяцы обороны Севастополя, характеризовала ее. Въ иные дни враги, на перевязочныхъ пунктахъ, дремали и играли въ пикетъ. На батареяхъ текла своеобразная жизнь, нарушаясь кровавыми эпизодами; но кровь тогда представляла лишь пятна на картинѣ, а не фонъ ея, какъ было въ послѣдній періодъ осады. Матросы имѣли еще досугъ добывать изъ разрушенныхъ домовъ бревна и строить изъ нихъ блиндажики; оттуда-же добывались доски, изъ которыхъ около доковъ и за правымъ флангомъ 5-го бастіона какіе-то оборотливые ребята сколачивали гробы; товаръ у этихъ комерсантовъ не залеживался. Изрѣдка матроски приносили на батареи, для продажи, сайки и квасъ; на 5-мъ и 6-мъ бастіонахъ появлялся одинъ длиннобородый мѣщанинъ, въ долгополомъ нанковомъ кафтанѣ, съ мѣшкомъ орѣховъ на плечахъ, почти всегда полупьяный; дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, вѣроятно дочь его, носила за нимъ небольшіе мѣдные

вѣсы и часто, отъ страха, плакала. Не знаю—уцѣлѣла-ли бѣдняжка; съ конца мая ея уже не было видно.

Изрѣдка и въ то время перестрѣлка оживлялась; но обыкновенно она велась вяло, какъ бы лишь для соблюденія формальностей осады и обороны [1]). Штуцера лѣниво трещали; изрѣдка гудѣлъ пушечный выстрѣлъ съ той или другой батареи; отвѣтный дымъ клубился надъ непріятельской амбразурой, сигнальщикъ кричалъ: „берегись, пушка-а!“—и ядро, визжа, неслось черезъ гребень бруствера или съ глухимъ звукомъ врѣзывалось въ мерлонъ. По ночамъ пальба усиливалась; ружейные огоньки сверкали по укрѣпленіямъ, орудія перестрѣливались чаще; поминутно огненныя полоски бороздили темное небо, красноватыя звѣздочки быстро взносились на высоту, какъ будто пріостанавливались тамъ на мгновеніе и потомъ опускались, сначала медленно, а потомъ все съ бо̀льшею и большею скоростью, на какую нибудь батарею; черезъ нѣсколько секундъ вспыхнувшій огонь освѣщалъ ея мерлоны и раздавался трескъ лопнувшей бомбы.

До десятыхъ чиселъ февраля огонь непріятеля былъ сильнѣе противъ Малахова и 4-го бастіона. Но съ постройкою Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и Камчатскаго люнета этотъ фаворетизмъ перешелъ къ нимъ. Не то, чтобы уменьшилось количество снарядовъ, падавшихъ на Курганъ и на 4-й бастіонъ; непріятель ихъ не обдѣлялъ. Но на вновь построенные редуты снаряды падали въ удесятеренномъ количествѣ, чему обыкновенно подвергаются контръ-апроши. Въ то время, когда на нѣкоторыхъ батареяхъ можно было считать перелетавшіе черезъ нихъ снаряды лишь десятками и когда, въ иные дни, на флангахъ нашей оборонительной линіи вовсе не было слышно жужжанія ядеръ, Селенгинка, Волынка и Камчатка въ такой степени ощущали тяжесть осады, въ какой на другихъ батареяхъ она ощущалась только мѣсяца черезъ три-четыре, въ послѣдній ея періодъ. Селенгинскій и Волынскій редуты построены были наскоро, выдвинуты далеко впередъ и отдѣлялись отъ оборонительной линіи Киленбалкою и пространствомъ, около версты, открытымъ для

---

[1]) Перестрѣлку эту я называю вялою, конечно, лишь по сравненію съ пальбою въ послѣдній періодъ осады Севастополя. Безотносительно-же, пальба была значительна и въ первые шесть мѣсяцевъ. В.

непріятельскаго пушечнаго и штуцернаго огня. Брустверы редутовъ, составленные изъ двухъ-трехъ рядовъ туровъ, насыпанныхъ рыхлыми камнями, были слишкомъ тонки и низки, чтобъ защищать внутренность редутовъ отъ ядеръ; значительно утолстить брустверы, при безпрерывно поддерживаемомъ французами разрушительномъ огнѣ, было невозможно: скопленіе значительной массы рабочихъ стоило-бы намъ весьма большихъ жертвъ, а результатъ работъ двухъ-трехъ сотъ человѣкъ былъ ничтоженъ, такъ какъ грунтъ здѣсь состоялъ изъ сплошнаго камня и едва поддавался киркѣ и лому. Все, что намъ удавалось, съ большими усиліями, сдѣлать—это не допускать насыпи до разрушенія и по ночамъ исправлять поврежденія, которыя дѣлались непріятелемъ днемъ. Въ особенности, редуты терпѣли отъ бомбъ, которыя разносили цѣлые мерлоны, разщепляли платформы и убивали осколками прислугу при орудіяхъ и людей гарнизона, незащищенныхъ ни однимъ траверзомъ. Врачамъ, дежурившимъ на перевязочномъ пунктѣ, находившемся въ балочкѣ, за Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами, работы было много; въ балочку часто залетали снаряды, и это былъ, въ то время, самый опасный изъ перевязочныхъ пунктовъ. Окончивъ здѣсь свое дежурство, врачи смѣнялись съ особенною стремительностью. Отсюда можно было пройти въ городъ по удобной тропинкѣ, шедшей по горкамъ, отвѣсно обрывавшемся у бухты; но мѣсто это было сильно обстрѣливаемо. Другая тропинка, защищенная отъ снарядовъ и пуль, шла внизу, у самой воды; но она была едва намѣчена и совершенно прерывалась тамъ, гдѣ вода подходила къ самымъ прибрежнымъ скаламъ. Тутъ можно было пробраться только по выглядывавшимъ изъ воды каменьямъ. Смѣнившіеся съ дежурства врачи предпочитали этотъ послѣдній путь и дѣлали забавные прыжки, перескакивая съ камня на камень.

На Селенгинскомъ редутѣ я провелъ Страстную недѣлю, встрѣтилъ Пасху и пробылъ всю мартовскую бомбардировку. Въ послѣдніе дни страстной недѣли непріятель менѣе обыкновеннаго безпокоилъ Севастополь, вѣроятно, сберегая снаряды для бомбардированія, подготовляемаго къ 28 марта. На второй день Святой недѣли мы поняли причину сравнительнаго бездѣйствія непріятеля въ предшествовавшіе дни; тогда-же мы думали, что это дѣлается изъ уваженія къ днямъ, которые одинаково должны были-бы

чтиться всѣмъ христіанскимъ міромъ, такъ какъ Пасха въ томъ году и у насъ, и на Западѣ приходилась въ одинъ и тотъ-же день.

Ночь, накануне Свѣтлаго Воскресенія, была темная и холодная. На редутѣ должны были быть отслужены утреня и обѣдня. У амбразуры бомбовой пушки (комендоръ Фоменчукъ), стоявшей на правомъ фасѣ редута, близь выхода изъ пороховаго погреба, висѣлъ мѣдный крестикъ и былъ прикрѣпленъ къ туру листъ бумаги (помнится—безъ рамки), на которомъ перомъ и чернилом кое-какъ нарисованъ былъ ликъ Богоматери. Никогда мнѣ не случалось потомъ встрѣчать подобнаго образа, да ни одинъ изъ нашихъ простолюдиновъ даже и не призналъ-бы его за образъ, такъ какъ онъ лишенъ былъ непремѣннаго атрибута святости: той красочной мазни, которою пестрѣютъ образа, разносимые офенями. Какъ ни неумѣло, однако, былъ сдѣланъ на этомъ листѣ бумаги рисунокъ, онъ, все-таки, былъ менѣе неизященъ, нежели chef-d'oeuvre холуйскихъ Фіезоле. Этотъ образъ перенесли на передній фасъ редута и прикрѣпили къ туру, немного правѣе капонира; передъ образомъ зажгли восковыя свѣчи, и матросы ставили свѣчки въ теченіи всей ночи. Утреня и обѣдня были отслужены при гулѣ непріятельскихъ пушечныхъ выстрѣловъ; церковное пѣніе иногда прорѣзывалось громкимъ предупредительнымъ крикомъ сигнальщика и черезъ молящуюся толпу переносились снаряды. Одна изъ бомбъ начала было опускаться прямо на насъ, но, къ счастью, разорвалась въ воздухѣ, не долетая нѣсколько саженей до редута.

Не помню, молчали-ли въ день Свѣтлаго Воскресенія орудія на другихъ батареяхъ; но Селенгинскій и Волынскій редуты не сдѣлали ни одного выстрѣла. Непріятельскія орудія дѣйствовали слабо, но ружейный огонь былъ гораздо сильнѣй обыкновеннаго. Говорили, что французы, для празднованія Пасхи, были выведены изъ траншей и вмѣсто нихъ тамъ поставлены были турки. Мы не имѣли случая провѣрить этотъ слухъ, но онъ казался намъ правдоподобнымъ, такъ какъ ружейная пальба велась нелѣпо и безцѣльно.

День Свѣтлаго Воскресенія былъ солнечный и безоблачный. Уже съ разсвѣтомъ пули засвистѣли надъ Селенгинскимъ редутомъ, и стрѣльба все учащалась. Большинство нашей орудейной прислуги спало около орудій; нѣкоторые матросы свернулись въ

укромныхъ уголкахъ, другіе-же распростерлись на платформахъ, не ощущая, что черезъ нихъ шагали и наступали имъ на руки и на ноги. Не смотря на отдаленность редутовъ отъ города, изъ экипажей доставлено было матросамъ разговѣнье, передъ обиліемъ котораго большинство ихъ подалось. Только немногіе, сравнительно трезвые и обладавшіе поразительно емкими желудками, сидѣли на лафетахъ и турахъ и продолжали разгавливаться, хотя уже не такъ порывисто, какъ ночью. Прислуга ближайшей къ моему банкету бомбовой пушки представляла различныя стадіи состоянія невмѣняемости. Комендоръ Фоменчукъ лежалъ на платформѣ, просунувъ голову подъ тали орудія. Это былъ старый и бравый матросъ, плотный, рыжеватый и рябой; онъ былъ очень мужественъ, часто грубъ и никогда не упускалъ случая выпить; онъ не находилъ достаточнымъ удовольствіе выпивать ежедневно отпускавшіеся чарки, а сливалъ ихъ въ бутыль во всѣ будничные дни недѣли, чтобы потомъ, въ воскресенье, собранною такимъ образомъ водкою напиваться до безчувствія. Эта привычка припасать не на черный, а красный день была, впрочемъ, не у одного Фоменчука, а у многихъ матросовъ. Не смотря на регулярныя воскресныя и случайныя будничныя выпивки, Фоменчукъ былъ хорошій комендоръ. На той-же платформѣ нѣсколько матросовъ лежало такъ же безпомощно, какъ валяются на морскомъ берегу медузы, послѣ отлива. Двое или трое сидѣли на пушечномъ станкѣ, на „медвѣдкѣ", какъ они его называли. Оперпись о винградъ, стоялъ недавно поступившій въ экипажъ рекрутикъ. Онъ смотрѣлъ средней руки медвѣжонкомъ и не успѣлъ еще усвоить той походки и тѣхъ манеръ, по которымъ можно издали узнать матроса, какъ бы его ни переряди́ли. Его ротъ былъ плотно набитъ куличемъ, и, глядя на него, я уже не удивлялся аппетиту тѣхъ эскимосовъ и якутовъ, о которыхъ повѣствуютъ Джонъ Россъ и Кохренъ. Едва-ли можно сомнѣваться, что поглощенная имъ масса пищи частью оставалась непереваренною, когда, на другой день, утромъ, его туловище валялось близъ той же платформы, а оторванная ядромъ голова была унесена куда-то за брустверъ.

День Свѣтлаго Воскресенія прошелъ, не отличаясь рѣзко отъ предшествовавшихъ ему дней страстной недѣли. Только меньше бомбъ лопнуло надъ редутомъ, больше пуль пролетѣло надъ

нимъ, да платформы и банкеты пестрѣли красною яичною скорлупою. Къ вечеру тучи покрыли небо и въ сумерки пошелъ мелкій дождь и подулъ холодный вѣтеръ.

Часамъ къ девяти вечера, совершенно промокшіе и окоченѣлые, мы пріютились у дверей пороховаго погреба, чтобъ подъ нависшими надъ входомъ бревнами накатника немного защититься отъ вѣтра. Черезъ двадцать-тридцать минутъ, вода, пропитывавшая мое платье и бѣлье и покрывавшая тѣло, нѣсколько согрѣлась, и мною начала овладѣвать дремота, хотя крупныя, холодныя дождевыя капли, заносимыя подъ навѣсъ вѣтромъ, кропили мнѣ лицо. Немногіе офицеры сидѣли и разговаривали; остальные спали, скорчившихъ и прижавшись плотнѣе къ дверямъ погреба и къ боковымъ откосамъ спуска. Ночь была очень темная, на редутѣ было тихо; только съ ближайшей платформы слышался говоръ протрезвившихся матросовъ. Вдругъ, въ цѣпи, стоявшей впереди Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ, раздалось нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ, и вслѣдъ за тѣмъ затрещала стрѣльба по всей цѣпи. Со стороны непріятеля къ намъ доносился крикъ, похожій на „ура"; трескъ и сверканье огоньковъ въ нашей цѣпи быстро приближались къ редутамъ. Прислуга поспѣшно стала по орудіямъ, и велѣно было зарядить картечью.

Въ цѣпи, зашедшей за фланги редутовъ, раздался условный сигналъ. Изъ амбразуры Волынскаго редута вырвался огонь, грянулъ выстрѣлъ—и редутъ заговорилъ всѣми орудіями передняго и праваго фасовъ. По гребню бруствера бѣгло засверкалъ ружейный огонь, огненною полосою отчетливо обозначая очертанія редута. Съ громомъ и шипѣньемъ выносилась картечь изъ переднихъ амбразуръ нашего редута. На Камчаткѣ загорѣлся фальшфейеръ; лѣвый ея фасъ засверкалъ, фланкируя насъ, и вслѣдъ за тѣмъ загрохотали орудія 4-й оборонительной линіи, отъ Малахова Кургана до 1-го бастіона, включительно. Непріятель отвѣчалъ преимущественно ядрами. Снаряды неслись черезъ насъ по всѣмъ направленіямъ и рикошетировали передъ редутомъ. Наши бомбы взвивались изъ-за Киленбалки, медленно повертывались въ высотѣ надъ Волынкою и неслись въ Георгіевскую балку. Одна изъ нихъ, брошенная, кажется, со втораго бастіона, начала было опускаться на передній лѣвый уголъ нашего редута; но, къ счастью, она лопнула, не долетая саженей восьми до земли, и

осколки разлетѣлись за валы. Всѣ наши выстрѣлы дѣлались наудачу, безъ наводки, съ приблизительнымъ лишь направленіемъ орудій и подъемомъ клиньевъ, потому что ночь была такъ темна, что человѣкъ могъ стать на вершину контръ-эскарпа, не будучи замѣченъ съ укрѣпленія; огонь выстрѣловъ освѣщалъ только щеки амбразуръ, да нѣсколько шаговъ за рвомъ: дождь не пропускалъ свѣта далѣе. Не смотря, однако же, на трескъ и грохотъ, мы вскорѣ замѣтили, что слышимый съ непріятельской стороны крикъ не приближался къ намъ, и не открывали ружейнаго огня. Комендоръ орудія, стоявшаго правѣе капонира, медлилъ выстрѣломъ. „Не копаться“, крикнулъ ему мичманъ Ф., „стрѣляй!“ Стрѣлки 1-ой карабинерной роты, занимавшіе банкетъ около орудія, думая, что приказаніе это относится къ нимъ и не видя въ темнотѣ приказывавшаго, открыли было огонь, но его тотчасъ же остановили. Минскій батальонъ, занимавшій Волынку, прекратилъ его также. Вскорѣ получено было извѣстіе, по которому орудія на редутахъ замолчали. Оказалось, что цѣпь напрасно поторопилась отступить, такъ какъ французы не показывались изъ своихъ траншей; причина же слышавшагося оттуда сильнаго крика осталась неразъясненною. Орудія Малахова Кургана и 2-го бастіона еще съ полчаса лѣниво перестрѣливались съ осадными батареями. Въ продолженіи всей этой ночи шелъ дождь, и на насъ не осталось ни одной нитки сухой.

Лѣвѣе пороховаго погреба была небольшая землянка, гдѣ ютились отбывшіе свою очередь у орудій матросы и куда они складывали засаленные узлы и тряпки, „наши вещи“, какъ они называли всю эту дрянь. Къ потолку землянки было прикрѣплено нѣсколько ружей, для чего то данныхъ орудейной прислугѣ; тутъ же висѣли сумки, съ розданной матросамъ на руки провизіей. Въ углу стоялъ боченокъ съ прокисшимъ и вонючимъ квасомъ. Изъ землянки несло сыростью и плѣсенью. Въ ненастную погоду приходилось здѣсь укрываться отъ дождя офицерамъ, отбывшимъ свою очередь на банкетѣ и при работахъ. Землянка не представляла, конечно, убѣжища отъ навѣсно падавшихъ снарядовъ; но отъ осколковъ здѣсь было безопасно, и прицѣльно брошенные снаряды не задѣвали крыши, если не были наизлетѣ. Совершенно промокнувъ во время ночной перестрѣлки, я вошелъ въ землянку, легъ въ углу, подложивъ себѣ подъ голову чью-то шинель, и сейчасъ же крѣпко уснулъ.

II.

Мое пробужденіе, на слѣдующій день, совпало съ открытіемъ непріятельской канонады. Это было началомъ того адскаго бомбардированія, которое началось рано утромъ 28-го марта и продолжалось почти двѣ недѣли. Не помню уже, проснулся ли я за нѣсколько минутъ до открытія непріятельскаго огня или былъ разбуженъ первыми залпами. Впрочемъ выраженіе „первые залпы“ вовсе тутъ не подходитъ: никакихъ тамъ ни первыхъ, ни вторыхъ залповъ не было, а во весь день 28-го марта былъ одинъ только залпъ, грянувшій около пяти часовъ утра и грохотавшій до сумерокъ, когда онъ раскатился на сотни отдѣльно различаемыхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Въ теченіе же дня не было такой полусекунды, когда не гремѣло-бы нѣсколько выстрѣловъ, такъ что ни малѣйшаго промежутка между ними не было и вся канонада сливалась въ сплошной ревъ. Уже въ первую минуту канонады невозможно было сосчитать несшихся черезъ редутъ снарядовъ.

„По орудіямъ, по орудіямъ, брандировка!“ кричали ошеломленные командиры.

Очередная прислуга суетилась у орудій. Изъ землянокъ, выкопанныхъ за рвомъ задняго фаса редута, сыпались матросы, на-бѣгу надѣвая куртки и пальто. Съ ревомъ, визгомъ, шипя, неслись на насъ снаряды. Нѣкоторыя наши батареи уже отвѣчали. Шелъ довольно мелкій, но частый дождь. Онъ ли мѣшалъ наводкѣ непріятельскихъ орудій или непріятельскіе наводчики слишкомъ торопились—но первые, направленные въ насъ, снаряды ложились безвредно для насъ; бомбы большею частію разрывались за редутомъ; ядра неслись черезъ валъ. Редутъ нашъ спѣшно готовился къ отвѣту, банники и гандшпуги работали у орудій; на платформахъ слышалось мѣрное „разъ-два-а... разъ-два-а“ — натягивали тали. Черезъ нѣсколько минутъ все было готово.

Дымъ вырвался изъ амбразуры капонира: другой — съ лѣваго угла... третій — и нашъ редутъ задрожалъ и загремѣлъ отвѣтными выстрѣлами. Волынка дымилась; Малаховъ Курганъ и Камчатка, кажется, заговорили раньше насъ; вся линія нашихъ укрѣпленій сверкала и гудѣла. Гребни горъ Сѣверной стороны гуще и гуще

застилались дымомъ; клубами вылеталъ онъ изъ амбразуръ сѣверныхъ батарей, выручавшихъ своихъ товарищей.

Орудіе Фоменчука было фланговое и не было направлено на какую-либо изъ непріятельскихъ батарей; но обстрѣливаемое имъ пространство было усѣяно ложементами. Непріятельскіе ложементы были устроены и на находившейся тутъ каменной ломкѣ. Фоменчукъ зорко наблюдалъ за обстрѣломъ своего орудія и, замѣтивъ на каменной ломкѣ движеніе, сказалъ объ этомъ стоявшему близь орудія штурманскому прапорщику Л—ву.

— Твое туда наведено?—спросилъ Л—въ.

— Туда.

— Валяй!

— Товсь!—гаркнулъ Фоменчукъ, отскакивая отъ орудія, и дернулъ снурокъ. Шестидесяти-восьми фунтовая пушка, визжа, отпрыгнула и граната понеслась на каменную ломку. Одинъ матросъ вскочилъ на банкетъ.

— Не донесло, сказалъ онъ. Съ каменной ломки не стрѣляли и она была явственно видна, сквозь легкую пелену дыма.

Л—въ самъ навелъ орудіе, но и этотъ выстрѣлъ былъ неудаченъ: ядро высоко взбросило землю, перелетѣвъ черезъ ломку. Третій спарядъ попалъ хорошо, и Фоменчукъ отмѣтилъ мѣломъ на подъемномъ клинѣ.

Наши и непріятельскіе выстрѣлы, трескъ бомбъ и гранатъ— все слилось въ непрерывный ревъ и грохотъ. Промежутковъ между выстрѣлами не было и оглушительная сила этого рева возрастала или понижалась, соразмѣрно съ количествомъ орудій, стрѣлявшихъ одновременно. Только выстрѣлы нашего и Волынскаго редутовъ слышались раздѣльно. Масса чугуна текла надъ нашими головами. Въ воздухѣ и, казалось, въ землѣ слышался какой-то потрясающій стонъ. Дымъ такъ сгустился, что орудія направляли и наводили по замѣткамъ, сдѣланнымъ на платформахъ и подъемныхъ клиньяхъ, послѣ прежнихъ удачныхъ выстрѣловъ. Густая пелена дыма стлалась надъ бухтою. Огонь непріятеля становился все мѣтче и губительнѣе для насъ; бомбы безпрестанно рвались на редутѣ, ядра врывались въ амбразуры, врѣзывались въ брустверъ и опрокидывали туры, изъ которыхъ онъ исключительно состоялъ. Къ счастью, намокшія отъ предшествовавшаго дождя мерлоны осыпались не такъ легко. Уже много

прислуги убыло, но подбитыхъ орудій пока еще не было, и комендоры живо отстрѣливались. Какой-то поджарый малый лѣтъ семнадцати, босой и засаленный до-нельзя, какъ бѣшенный метался изъ погреба и въ погребъ, вынося оттуда картузы и гранаты. „Гранату“! кричали ему комендоры, „ядро“,—и онъ мчался изъ погреба, съ гранатой въ своихъ цѣпкихъ рукахъ или съ зарядомъ для ядра, такъ какъ самыя ядра лежали у орудій. Непонятно, какъ онъ въ этомъ хаосѣ ошеломляющихъ звуковъ различалъ, что голосъ, кричащій „ядро“, несся отъ тридцати-шести фунтовой пушки, а гранату требовали къ орудію такого-то вѣса.

Съ капонира лейтенантъ С. уставилъ телескопъ въ дымъ, клубившійся между нашимъ редутомъ и непріятельскими батареями, и дѣлалъ видъ, что видитъ самыя батареи.

— Отлично, сказалъ онъ, сходя съ банкета, — у французовъ завалено шесть амбразуръ.

Никакихъ амбразуръ онъ, конечно, не видѣлъ и сказалъ это для утѣшенія комендоровъ. Передъ редутомъ видны были только дымовыя тучи, прорѣзывавшіяся огнями тамъ, гдѣ онѣ были менѣе густы.

Вскорѣ изъ пороховаго погреба дали знать, чтобы комендоры поменьше расходовали разрывныхъ снарядовъ. Порохъ какъ-то успѣли доставить на Селенгинскій редутъ въ достаточномъ количествѣ, но снарядовъ было мало. На Селенгинскій и Волынскій редуты и на люнетъ, стоявшій лѣвѣе послѣдняго, не легко было доставлять снаряды. Ихъ подвозили въ катерахъ къ бухточкѣ, находившейся въ полуверстѣ отъ редутовъ, за саперными блиндажами, и оттуда на рукахъ носили на гору, обстрѣливаемую перекрестно. Бомбы и гранаты доставлялись, кажется, не снаряженными и снаряжались на редутахъ.

Начали стрѣлять только ядрами, но ихъ было немного; выстрѣлы раздавались съ Селенгинскаго редута рѣже и рѣже. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ огонь редута, непріятельскіе снаряды ложились все вѣрнѣе и вѣрнѣе. Меньше визга и свиста слышалось надъ головою: ядра уже не неслись черезъ укрѣпленіе, какъ въ первыя минуты бомбардированія, а врѣзывались въ мерлоны и въ щеки амбразуръ, разметывая прутья изорванныхъ туровъ. На внутренней площадкѣ редута сверкали огни и клу-

бился дымъ ежеминутно лопавшихся бомбъ, и осколки, урча и визжа во всѣхъ направленіяхъ, били людей на банкетахъ и платформахъ. Раненыхъ едва успѣвали относить къ перевязочному пункту, убитыхъ стаскивали съ редутовъ, кажется, туда же.

Около полудня принесли изъ ротныхъ кухонь ушаты съ солдатскими щами, и мы вошли въ землянку, чтобъ пообѣдать. Едва мы пообѣдали наскоро, какъ надъ нами раздался трескъ лопнувшихъ брустьевъ, поддерживавшихъ досчатый потолокъ землянки; удушливая пыль наполнила всю ея внутренность и земля обдала насъ съ головы до ногъ. Два унтеръ-офицера, стоявшіе близь выхода, рухнули на полъ, съ головами, проломленными лопнувшими брусьями; одинъ былъ убитъ на поваль, другой еще слабо стоналъ. Брошенная прицѣльно и бывшая напзлетѣ бомба, сдѣлала по крышѣ землянки рикошетъ; къ счастью, она ударила не въ середину крыши, причемъ, конечно, она обрушилась бы и мы были бы задавлены насыпанною на ней землею; ударъ пришелся къ самому углу землянки, и брусья хотя лопнули и вогнулись, но нѣкоторые изъ нихъ были только надломлены и удержали потолокъ. Съ землянки бомба вскочила на насыпь пороховаго погреба и скатилась оттуда обезсиленная; трубка ее оказалась погасшею. Совокупный громъ нѣсколькихъ тысячъ орудій пяти націй былъ немощенъ, чтобъ прервать сонъ и прогнать хмѣль какого-то пожилаго матроса, съ утра валявшагося въ землянкѣ. Онъ лежалъ близь выхода, рядомъ съ трупомъ убитаго унтеръ-офицера, покрывшись шинелью, на которую навалилось съ проломленнаго потолка нѣсколько пудовъ земли. Когда всѣ выбѣгали изъ грозившей рухнуть землянки, то кто-то наступилъ ему на кисть руки и только этимъ пробудилъ его на минуту. Онъ приподнялъ было голову и несказанно удивился, видя всеобщее бѣгство, казавшееся ему безпричиннымъ. „Господи, Боже мой! — то входятъ, то выходятъ“, промычалъ онъ сердито, переворачиваясь на другой бокъ.

Часу во второмъ дня канонада, казалось, начала едва замѣтно ослабѣвать, но на правый фасъ редута, въ началѣ дня менѣе другихъ терпѣвшій отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, теперь снаряды ложились въ большомъ количествѣ. Тросовый щитъ [1]), за-

[1]) Для защиты орудейной прислуги отъ пуль, въ Севастополѣ амбразуры завѣшивались щитами, сплетенными изъ корабельныхъ веревокъ средней толщины; въ щитахъ оставлялось отверстіе, для дульной части орудія. В.

слонявшій амбразуру, въ которую глядѣло орудіе Фоменчука, былъ истрепанъ ядрами; наконецъ, ядро разшибло брусъ, на которомъ висѣлъ этотъ щитъ и открыло орудіе совершенно. Уже много прислуги убыло на этой платформѣ; но орудіе замолчало не отъ невозможности замѣстить убывшихъ, а отъ того, что опасались выпустить послѣдній запасъ снарядовъ. На переднемъ фасѣ многія орудія были подбиты; одно изъ нихъ успѣли замѣнить, но новое тоже молчало, по недостатку снарядовъ. Селенгинскій редутъ былъ сильно избитъ и изуродованъ. Валы его, вообще болѣе похожіе на траншейный брустверъ, теперь стали кучами глины и щебня, изъ которыхъ торчали прутья фашинъ и изорванные туры. Земля осыпалась бы еще болѣе, еслибы не была смочена дождемъ. Нѣкоторыя платформы, у амбразуръ передняго фаса, были разщеплены бомбами; даже брустверъ задняго фаса, состоявшій изъ двухъ рядовъ туровъ, мѣстами былъ опрокинутъ снарядами, перелетѣвшими черезъ передній валъ. Почти всѣ землянoчки, вырытыя матросами за редутами, были завалены. Много людей снесли за этотъ день на перевязочный пунктъ, устроенный въ полуразрушенномъ каменномъ домикѣ, близь берега бухты, въ балочкѣ, за возвышеніемъ, занятымъ Селенгинскимъ и Волынскимъ редутами. Снаряды, перелетая черезъ возвышеніе, часто ложились около этого домика, иногда задѣвая остатки крыши или отваливая часть угла. Помощь, подаваемая здѣсь раненымъ, ограничивалась наложеніемъ на рану пучка корпіи и поспѣшною обвязкою ея бинтомъ. Тщательныхъ перевязокъ здѣсь невозможно было дѣлать, такъ какъ раненыхъ было много и нужно было кончать перевязку поскорѣе, подъ трескомъ разрывавшихся бомбъ, которыя могли перебить людей, толпившихся съ носилками.

Къ вечеру огонь непріятеля значительно ослабѣлъ, но канонада не прерывалась во всю ночь, а съ разсвѣтомъ бомбардированіе загорѣлось съ новою силою.

Едва ли возможно точно опредѣлить: сколько дней продолжалось бомбардированіе, такъ какъ оно не окончилось такъ же рѣзко, какъ началось, а ослабѣвая постепенно, незамѣтно перешло въ такую перестрѣлку, какая обыкновенно велась между нашими и непріятельскими батареями. Не легко также опредѣлить: въ какой день бомбардированіе было наиболѣе сильно. Позднѣйшія разнорѣчія въ опредѣленіи времени наибольшаго напряженія

канонады понятны, такъ какъ они дѣлались людьми, находившимися на различныхъ пунктахъ нашей оборонительной линіи. Въ одинъ день сильнѣе громили однѣ батареи, а въ слѣдующій затѣмъ—другія. Но разсказы о бомбардированіи Севастополя на Святой недѣлѣ, кажется, сходятся въ опредѣленіи пунктовъ наиболѣе страдавшихъ — это наши контръ-апроши: Селенгинскій и Волынскій редуты и Камчатскій люнетъ. Во всѣ послѣдніе дни марта и въ теченіи первыхъ семи-восьми дней апрѣля внутренность Селенгинки представляла картину постоянной, непрерывавшейся ни на одинъ часъ, бойни; но я не могу съ увѣренностью сказать: который изъ этихъ дней былъ наиболѣе кровавъ; мнѣ кажется, что 28-го марта. Человѣческая рѣчь и всѣ данные человѣку способы выражать его представленія о предметахъ безсильны, чтобы дать хотя отдаленное понятіе о томъ, что происходило въ этотъ день. Понятіе объ этомъ днѣ можетъ быть дано единственно повтореніемъ такого дня. Если когда-нибудь было произведено что-либо, подобное этому хаосу потрясающихъ звуковъ, сопровождаемому гибелью и разрушеніемъ всего окружающаго, то это было произведено стихійными силами. Волею же человѣческою съ сотворенія міра ничего въ подобномъ размѣрѣ произведено не было.

За балочкою, гдѣ былъ перевязочный пунктъ, каменистый берегъ круто подымается надъ бухтою. Въ одномъ мѣстѣ волны подмыли отвѣсный берегъ, мягкій известнякъ осыпался и образовалось углубленіе, съ нависшею надъ нимъ каменною массою и съ полоскою земли у бухты. Только сильный вѣтеръ съ моря нагонялъ въ это углубленіе воду; обыкновенно же между скалою и водою была полоса влажнаго песка, аршина въ три-четыре шириною. Сюда батальоны иногда приходили съ редутовъ на отдыхъ или, правильнѣе говоря, здѣсь они находили защиту отъ снарядовъ; отдыхать же на временно обнажившейся части морскаго дна впору развѣ тюленямъ и сивучамъ. Нависшій утесъ хорошо защищалъ это мѣсто отъ снарядовъ; бомба едва ли могла бы обвалить его, а перелетѣвъ черезъ него, падала въ воду и захлебывалась. Только ударя въ самый край утеса, снарядъ могъ бы отвалить глыбу камня и раздавить ею человѣка или двухъ; или бомба, не долетая нѣсколькихъ аршинъ до воды, могла разорваться и послать осколки въ нашу нору, что разъ и случилось. Но, вообще, это

мѣсто было самое безопасное на той сторонѣ Киленбалки, и мы могли оттуда спокойно любоваться бухтою и горами крутаго прибрежья Сѣверной Стороны, увѣнчанными батареями. Часто бомбы низвергались въ бухту; на мѣстѣ паденія бомбы, столбъ водяной пыли взлеталъ на нѣсколько аршинъ вверхъ и вода минутъ пять-шесть бурлила и кипѣла, какъ Нарзанъ; осколки бомбъ, лопавшихся надъ водою, рикошетировали иногда до середины бухты, вышибая брызги съ гладкой ея поверхности. По временамъ на той или другой изъ батарей Сѣверной стороны клубился дымъ, грохотъ выстрѣла несся надъ бухтою и эхо отдавалось отъ прибрежныхъ скалъ. Вечеромъ, когда полетъ бомбъ былъ видѣнъ, любопытно было наблюдать выстрѣлы батареи, стоявшей правѣе Куриной балки: изъ амбразуры сверкнетъ огонь, огненная черта изогнется по небу, на непріятельской батареѣ вспыхнетъ огонь—и только тогда раздавался запоздавшій звукъ выстрѣла и слышалось шипѣніе отъ полета снаряда, успѣвшаго уже разорваться.

Правѣе этой батареи виднѣлся какой-то хуторъ; свѣжо и зелено выглядывалъ онъ изъ балочки, разрушеніе въ то время еще не коснулось его. Когда, залѣпленные грязью и измокшіе, мы приходили съ редутовъ или изъ передовыхъ ложементовъ и ложились на мокрый песокъ—съ завистью смотрѣлъ я на свѣтлые домики хуторка; воображеніе мое рисовало ихъ комнатки сухими и опрятными; тѣмъ свѣтлѣе и уютнѣе воображались мнѣ онѣ, чѣмъ болѣе проницала мою одежду сырость и чѣмъ болѣе я былъ покрытъ грязью. Мечтая о сухой постели и чистомъ бѣльѣ, лежалъ я, положивъ голову на влажный камень. Солдаты подкладывали себѣ подъ головы патронныя сумки, намъ же служили подушками плоскіе куски пропитаннаго сыростью слоистаго камня, въ трещинахъ котораго гнѣздились огромныя сороконожки. Мокрая рубашка прилипала къ зудѣвшему тѣлу и всякое движеніе какимъ нибудь членомъ сопровождалось непріятнымъ ощущеніемъ, отъ соприкосновенія съ намокшимъ бѣльемъ.

Въ томъ мѣстѣ мы оставались иногда часть дня и вечера, удѣляя нѣсколько времени для сна; всѣ же ночи мы проводили на редутахъ или въ передовой цѣпи, въ ложементахъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ сна въ охватывавшей меня сырости, я почти всегда просыпался съ тяжелою головою, со звономъ въ ушахъ и

съ ознобомъ во всемъ тѣмъ. Но часто я жадно ждалъ и такого полуотдыха. Я припоминаю одну томительную ночь, проведенную въ ложементахъ, во время которой я ждалъ-не-дождался возвращенія на обычное мѣсто нашего отдыха. Ночь эта была лунная и сухая; перестрѣлка была незначительная. Уже вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло и мы залегли въ ложементы, я почувствовалъ жажду, а у солдатъ, сидѣвшихъ со мною въ одномъ ложементѣ, воды не оказалось. Я надѣялся перетерпѣть до утра, когда наша цѣпь должна была сняться; но послѣ полуночи жажда у меня сдѣлалась нестерпимою; полость рта и горло горѣли. Отбросивъ предосторожности, я обошелъ всѣ ложементы, предлагая солдатамъ полуимперіалъ за чарку воды; но всѣ манерки были пусты. Только тотъ, кто самъ когда либо былъ мучимъ жаждою, пойметъ, какъ я провелъ остатокъ ночи. Напрасно я прибѣгалъ къ традиціонному грызенію пули: прикосновеніе свинца не уменьшало жара во рту и языкъ оставался сухъ, какъ трутъ. Къ счастью, апрѣльская ночь не длинна. Едва мы, снявшись съ цѣпи, подошли къ бухтѣ—я не имѣлъ терпѣнія достать чарку или стаканъ, подбѣжалъ къ водѣ, упалъ на колѣни, какъ одинъ изъ воиновъ Гедеона, и жадно началъ пить воду пригоршнями. Только уже послѣ первыхъ глотковъ, я подумалъ о непригодности морской воды, для утоленія жажды. Къ счастью, сильный и продолжительный восточный вѣтеръ отогналъ изъ этой части бухты массу морской воды, и вода, которую я пилъ, была разбавлена такимъ количествомъ прѣсной, нашедшей изъ Черной рѣчки, что была едва лишь горьковата.

По окраинамъ скалы, надъ нашимъ убѣжищемъ, шла дорога съ редутовъ въ Корабельную слободку; дорога эта служила только пѣшеходамъ, орудія же таскали по другой, шедшей около холма, получившаго впослѣдствіи названіе Забалканской высоты, отъ батареи, построенной тутъ пѣхотнымъ графа Дибича Забалканскаго полкомъ. Непріятельскіе снаряды неслись постоянно вдоль обѣихъ этихъ дорогъ. Однажды, когда мы сидѣли подъ нашею скалою, надъ нами раздался взрывъ бомбы, и что то слетѣло сверху и шлепнулось о прибрежную глину. Солдаты увидѣли, что это былъ мозгъ, поднялись на дорогу и снесли трупъ матроса; отъ его затылка висѣли покрытые волосами клочки кожи, на которой держались куски раздробленнаго черепа. Въ дру-

гой разъ бомба лопнула, не долетая двухъ-трехъ аршинъ до поверхности воды, почти у самаго берега; ворвавшіеся къ намъ осколки ранили легко двухъ солдатъ и одному оторвали обѣ ноги—одну выше колѣна, а другую у самаго живота. Солдатъ упалъ навзничь; изъ мяса лѣвой его ноги далеко торчала перебитая бедряная кость, а на правомъ бедрѣ клочья мяса и кожи висѣли какими-то кровавыми тряпками. Какъ-то случайно въ моей памяти заронилась фамилія этого солдата—онъ назывался Барановскимъ. Онъ какъ-то нечеловѣчески мычалъ и безсмысленно водилъ помутившимися глазами. Черезъ нѣсколько минутъ онъ умеръ. Много людей умерло передъ моими глазами, но я видѣлъ еще только двѣ физіономіи, выражавшія столько страданія, сколько его было въ предсмертномъ выраженіи лица этого бѣдняка; одна изъ нихъ была у трупа какого-то солдата, лежавшаго у Павловскаго форта, а другая у комендора Мѣшкова, разорваннаго пополамъ, при разрывѣ орудія на Шварцевомъ редутѣ. Мѣшковъ тоже жилъ еще нѣсколько минутъ. Онъ былъ георгіевскій кавалеръ, боцманматъ, отличный комендоръ и отличался правильнымъ, серьезнымъ и умнымъ лицомъ; послѣднее, впрочемъ, не рѣдкость между матросами. Мѣшковъ заслужилъ лучшую эпитафію, нежели эти строки.

Въ теченіи нашего пребыванія на контръ-апрошныхъ редутахъ, баталіоны поочередно приходили по два или по три раза въ Корабельную слободку и оставались тамъ около сутокъ. Эти сутки, проведенные въ сухомъ и сравнительно-опрятномъ мѣстѣ, были дѣйствительнымъ, освѣжающимъ отдыхомъ. Мартовское бомбардированіе смело съ западнаго склона Малахова Кургана большую часть тѣснившихся тамъ домиковъ и значительно повредило всю Корабельку; но въ началѣ апрѣля она еще имѣла не совсѣмъ пустынный видъ. Снаряды залетали сюда весьма часто, но какъ то рѣдко было слышно, чтобы они убивали въ домахъ людей. Я видѣлъ только разъ, какъ несли офицера, расплюснутаго влетѣвшею въ его комнату бомбою. Вообще такіе случаи были не настолько часты, чтобы выжить изъ Корабельки ея обычное населеніе, состоявшее преимущественно изъ матросскихъ семействъ. По улицамъ слободки бродило много бабъ и ребятъ; были кое-какіе лавчонки, а нѣсколько бывшихъ въ Корабелькѣ трактировъ бывали всегда полнешеньки.

Темна, неопрятна и неприглядна была та комната, которую мы занимали на одной изъ улицъ Слободки. Въ комнатѣ этой, почти лишенной мебели, тѣснилось болѣе десяти офицеровъ и спали мы просто на полу, на разостланныхъ коврахъ. Но послѣ безсонныхъ ночей на редутахъ и послѣ мокраго и рыхлаго прибрежнаго камня, наши требованія относительно спальнаго комфорта не шли далѣе сухаго пола, покрытаго ковромъ. Я не сумѣю дать понятія о томъ чтò я ощущалъ, снявъ насквозь прогрязненное платье и ослизлую обувь, не снимавшіяся нѣсколько сутокъ, и надѣвъ чистое бѣлье. Какая-то истома чувствовалась въ членахъ, нѣсколько дней и ночей не знавшихъ отдыха; мышцы едва повиновались и слипались отяжелѣвшія вѣки. Суточный отдыхъ въ Корабельной слободкѣ возстановлялъ бодрость организма, примятаго недѣльными лишеніями, едва ли знакомыми и бѣглымъ варнакамъ, прячущимся въ тайгѣ.

На второй недѣлѣ апрѣля на Селенгинскомъ редутѣ, взамѣнъ разваленной бомбою землянки, начали строить новую. Никакихъ матеріаловъ на нее отпущено не было; но Фоменчукъ, завѣдывавшій постройкою, ухитрялся добывать гдѣ-то бревны, въ обхватъ толщиною, и строенная имъ землянка вѣрнѣе могла бы быть названа блиндажемъ. Потолокъ былъ сдѣланъ изъ прочнаго накатника, могшаго вынести саженную насыпь, непробиваемую средней величины бомбою. Но намъ не пришлось видѣть архитектурнаго тріумфа Фоменчука. 13-го апрѣля мы были въ гарнизонѣ Селенгинскаго редута; вечеромъ смѣнились и пошли въ Корабельную слободку, гдѣ получили приказаніе перейти на укрѣпленія праваго фланга, ограждавшія западную часть Севастополя, то есть собственно городъ. Мы были очень довольны этой перемѣной, потому что войска, занимавшія правофланговыя укрѣпленія, терпѣли менѣе лишеній, нежели войска лѣваго фланга; а ужъ съ войсками, находившимися за Киленбалкою, ни тѣ, ни другія, по тягости службы и по переносимымъ лишеніямъ, и сравниваемы быть не могли. 14-го марта мы переправились черезъ южную бухту.

Я уже говорилъ, что до конца марта сообщеніе Корабельной слободки съ городомъ производилось по мосткамъ, опиравшимся на борты мелкихъ судовъ черноморскаго флота, рядъ которыхъ перерѣзывалъ Южную бухту. Мартовское бомбардированіе уни-

чтожило это сообщеніе, потопивъ нѣкоторыя изъ судовъ. Впослѣдствіи былъ построенъ широкій плавучій мостъ, изъ бревенъ, съ привязанными къ нимъ бочками; онъ былъ наведенъ гораздо сѣвернѣе прежняго, отъ низменнаго мыска, отдѣлявшаго входъ въ доки отъ Южной бухты. На этомъ мыскѣ стоялъ подъемный кранъ и были нагромождены тесанные камни, приготовленные для какого-то, заложеннаго здѣсь, строенія. Но въ половинѣ апрѣля переправа черезъ бухту производилась только на судахъ, казенныхъ и частныхъ, безпрерывно сновавшихъ между Графскою пристанью и Павловскимъ мыскомъ.

Уже было темно, когда батальоны опустились къ морскимъ пакгаузамъ, около которыхъ, у набережной, стояли назначенныя для переправы шаланды. Переправлялись небольшими частями, очень медленно; переправою завѣдывалъ лейтенантъ князь Кекуатовъ, впослѣдствіи, при самомъ концѣ обороны Севастополя, взлетѣвшій на воздухъ, при взрывѣ непріятельскою ракетою нагруженной порохомъ шеланды [1]). Переправившись черезъ бухту, батальоны расположились на площади, между Николаевскою батареею и домомъ благороднаго собранія.

III.

Взошедъ на графскую пристань, я почувствовалъ почти тоже, что можно чувствовать, попадая изъ глухаго и забытаго захолустья въ оживленный городъ. Да уцѣлѣвшая отъ разрушенія часть западной половины Севастополя и была еще въ то время дѣйствительно городомъ, съ остатками оживленія и торговли, тогда

[1]) Могу съ увѣренностью говорить только о томъ, что происходило передъ моими глазами; взрыва же шеланды и гибели кн. Кекуатова я самъ не видѣлъ и потому весьма возможно, что онъ погибъ вовсе не такъ, какъ я говорю со словъ другихъ. При припоминаніи подробностей многомѣсячной севастопольской обороны, возможны еще болѣе грубыя ошибки, такъ какъ, находясь на одномъ изъ пунктовъ длинной оборонительной линіи, иногда можно было и вовсе не узнать о происшедшемъ на другихъ пунктахъ или же услышать разсказы, которые, переходя изъ устъ въ уста, совершенно переиначивали фактъ. 15 лѣтъ послѣ окончанія войны, я былъ въ Севастополѣ, и на плитахъ, опоясывающихъ внутренность кладбищенской церкви, прочелъ имена тѣхъ, кого считалъ въ числѣ уцѣлѣвшихъ; и я нисколько не былъ удивленъ, когда, наоборотъ, у Огюста, на севастопольскихъ обѣдахъ, передо мною пили абсентъ и закусывали икрою тѣ, которыхъ я предполагалъ истлѣвшими въ глубинѣ братскихъ могилъ. А. В.

какъ Корабельная слободка походила на предверье погоста. Смерть, хотя и не въ одинаковой степени, косила по всей подковѣ, охватывавшей какъ городскую часть Севастополя, такъ и Корабельную; но въ первой, рядомъ со смертію, кипѣла и жизнь, тогда какъ въ Корабельной чувствовалось что-то кладбищенское.

Отъ Графской пристани тянулась на югъ лучшая изъ севастопольскихъ улицъ, Екатериненская. Она уцѣлѣла на довольно большомъ протяженіи, потому что только съ южнаго своего конца была поражаема снарядами, перелетавшими черезъ 4-й бастіонъ и смежныя съ нимъ укрѣпленія; со сторонъ же улицы снаряды на нее не залетали или, по крайней мѣрѣ, залетали рѣдко.

При началѣ Екатериненской улицы, на площади, передъ Графской пристанью, стоялъ домъ благороднаго собранія, гдѣ устроенъ былъ главный перевязочный пунктъ. Саженяхъ въ шестидесяти отсюда, по лѣвой сторонѣ Екатериненской улицы (если стать лицомъ къ югу) былъ Михайловскій соборъ. Онъ не былъ еще отдѣланъ, и на недоконченной верхней части его купола оставались подмостки для кровельщиковъ. Богослуженіе производилось не въ немъ, а въ стоявшей рядомъ большой часовнѣ или церкви, принадлежавшей ли къ собору или самостоятельной—не знаю. Въ часовнѣ всегда было много молящихся: многіе, идя на бастіоны, заходили сюда; передъ образами всегда теплились свѣчи, и посреди часовни стоялъ рядъ гробовъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда возвышалась небольшая и некрасивая башня, надъ воротами, ведшими въ арсенальный дворъ. Отъ арсенала до дома севастопольскаго губернатора шли, сколько мнѣ помнится, исключительно частные дома. По мѣрѣ приближенія къ этому дому, строенія все болѣе были повреждены снарядами; но сѣверный конецъ Екатериненской улицы, саженей на двѣсти отъ Графской пристани, еще вполнѣ уцѣлѣлъ. Конечно, и здѣсь на нѣкоторыхъ домахъ были пробоины; но ихъ было немного, и я не помню, чтобы до начала іюня я хоть разъ видѣлъ здѣсь паденіе бомбы. Во всѣхъ разрушенныхъ и сильно поврежденныхъ частяхъ Севастополя осада вытѣснила всѣ остатки мирной жизни; но на сѣверномъ концѣ Екатериненской улицы и на прилегавшей къ нему сѣти переулковъ, рядомъ съ жизнью осажденнаго города, продолжала течь и та жизнь, которою жили въ Севастополѣ до высадки въ Крымъ французовъ и англичанъ. Въ этомъ уцѣлѣвшемъ уголкѣ

ютились многія семейства моряковъ, севастопольскіе горожане и торговцы. Для нихъ осада была лишь случайностью, на время нарушившею теченіе ихъ обычной жизни, и многимъ изъ нихъ, быть можетъ, не приходило и въ голову, что дни ихъ дорогаго гнѣзда сочтены. Въ сѣверной части Екатерининской улицы торговля, казалось, шла такъ же, какъ и въ мирное время; по крайней мѣрѣ, не видно было запертыхъ и прекратившихъ торговлю лавокъ. У меня въ памяти остались имена купцовъ, но я не помню уже, какимъ именно товаромъ нѣкоторые изъ нихъ торговали. Кажется, нѣкоторыя изъ лавокъ нѣсколько отклонились отъ своей спеціальности и, въ виду разностороннихъ требованій покупщиковъ, къ своему обычному товару подбавили всякой всячины. Я помню лавки Коломейцева и Ветчинкиной; въ большомъ угловомъ домѣ, съ аркадой внизу, помѣщался погребъ южно-бережскихъ винъ Мальцева; караимъ Мичри торговалъ бакалейными товарами; было нѣсколько караимскихъ бакалейныхъ и табачныхъ лавокъ. Былъ магазинъ офицерскихъ вещей, но едва ли эта торговля была прибыльна, такъ какъ въ Севастополѣ не было и въ поминѣ о соблюденіи формы. Въ противоположность этому, шапочникъ былъ заваленъ заказами. Все это были коренные севастопольскіе торговцы и не высасывали офицерскихъ кармановъ, какъ тѣ паразиты, которые спѣшатъ облѣпить армію, едва она трогается въ военный походъ. Эта саранча не показывалась въ Севастополѣ, потому что и въ наименѣе опасныхъ его мѣстахъ была все-таки вѣроятность паденія снаряда. Она гнѣздилась на Сѣверной сторонѣ, въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, гдѣ опасности не было, а ненасытная жажда наживы удовлетворялась легче, потому что тамъ кишмя кишѣли интендантскіе чиновники, начальники конныхъ и воловыхъ транспортовъ, эти кузки и гессенскія мухи русской казны, тороватые на накраденныя деньги.

Бывшіе на Екатерининской улицѣ рестораны Шнейдера и Томаса могли бы считаться порядочными даже и не въ осажденномъ городѣ. Кормили здѣсь довольно хорошо и, не смотря на затруднительность доставать провизію, брали цѣны, которыя показались бы безсмысленно-малыми разноплеменнымъ рестораторамъ, впивавшимся въ наши карманы во всѣхъ этихъ Зимницахъ, Обиртеникахъ и Горныхъ-Студняхъ.

Другая большая севастопольская улица, Морская, уцѣлѣла

гораздо менѣе. По всему ея протяженію на нее падали снаряды, перелетѣвшіе черезъ 5-й бастіонъ и черезъ куртины, соединявшія его съ 4-мъ и 6-мъ бастіонами. Морская отдѣлялась отъ Екатерининской продолговатымъ холмомъ, пологіе скаты котораго, спускавшіеся къ этимъ двумъ улицамъ, были застроены; по вершинѣ же возвышенности стлался бульваръ, съ памятникомъ Казарскому. Съ площади передъ Николаевскимъ фортомъ вела на бульваръ широкая каменная лѣстница. Лѣвѣе памятника Казарскому стояла небольшая (кажется четырехъ-орудейная) временная батарея, обращенная къ морю. Далѣе по бульвару, шагахъ во ста отъ памятника, былъ павильонъ и близь него—сигнальный флагштокъ. По вечерамъ на бульварѣ бывало довольно много гуляющихъ, а въ иные вечера даже и очень много. Недалеко отъ бульвара, на продолженіи той же возвышенности, стояло окруженное садомъ прекрасное зданіе офицерской библіотеки и рядомъ съ нимъ—выведенныя до карниза стѣны собора св Владиміра. Далѣе начинались городскіе кварталы, которые занимали остальную часть возвышенности, до укрѣпленій, стоявшихъ въ тылу 4-то бастіона. Значительно уцѣлѣвшая вблизи библіотеки, эта часть города представляла постепенный переходъ къ развалинамъ, въ которыя превращены были постройки у Язонскаго редута. Въ средѣ уцѣлѣвшихъ зданій выдавались: католическая церковь и православная Петропавловская церковь, издали похожая на парижскую Madelaine. Въ лощинѣ, между Язонскимъ и Чесменскимъ редутами, всѣ дома были въ развалинахъ. Нѣсколько болѣе сохранились постройки за Ростиславскимъ редутомъ и за 6-мъ бастіономъ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ (весьма, впрочемъ, немногихъ) домахъ еще упрямо оставались ихъ обитатели. Я помню, что даже въ половинѣ мая я видѣлъ въ одной изъ уличекъ, правѣе Ростиславскаго редута, трехъ женщинъ, которыя проживали тутъ въ одномъ изъ домиковъ. Не знаю, удалось ли впослѣдствіи имъ подобру-поздорову убраться оттуда. Вся же часть города, за 7-мъ бастіономъ, хорошо сохранилась, потому что непріятель вовсе не направлялъ своего огня на этотъ бастіонъ. Иногда, впрочемъ, и здѣсь падали снаряды, направленные на 6-й бастіонъ, съ лѣваго его фланга, и наискось перелетавшіе черезъ него. Я разъ видѣлъ, какъ несли торговку, у которой нога была оторвана осколкомъ бомбы, за-

летѣвшей на базаръ, бывшій въ то время на берегу бухточки, западнѣе Николаевской батареи.

Обыкновенно, каждый изъ вновь прибывшихъ въ Севастополь полковъ вначалѣ не имѣлъ опредѣленнаго пункта на оборонительной линіи, а въ теченіи нѣкотораго времени получалъ случайныя назначенія на работу или въ прикрытіе, на ту или другую батарею, пока ему не находили мѣста и не приписывали къ какому нибудь бастіону. То же самое бывало, если полкъ переходилъ съ лѣваго фланга севастопольской линіи на отдѣленный отъ него южною бухтою правый флангъ или наоборотъ. Переправившись 15-го апрѣля изъ-за Южной бухты, мы ходили на 4-й бастіонъ, на работы, посылались въ прикрытіе за Ростиславскій редутъ, занимали передовые траншеи передъ редутомъ Шварца, пока, наконецъ, не были водворены на этомъ послѣднемъ редутѣ.

Траншеи эти были недавно передъ тѣмъ вырыты и еще не вполнѣ окончены. Мы должны были ихъ занять 16-го апрѣля, вечеромъ. Солнце заходило, когда мы черезъ Чесменскій редутъ, вышли на батарею Завалишина. Впослѣдствіи мнѣ не только стало ясно взаимное соотношеніе бывшихъ тутъ батарей, но я зналъ на нихъ каждую рытвину и каждый бугорокъ; но я совершенно неспособенъ былъ оріентироваться, когда увидѣлъ ихъ въ первый разъ. Я совершенно терялся при видѣ нагроможденныхъ по всѣмъ направленіямъ траверзовъ, орудій, обращенныхъ въ разныя стороны, тщетно стараясь уяснить себѣ, что составляетъ этотъ лабиринтъ: фасъ ли бастіона, флангъ ли его, куртину ли. Впослѣдствіи я узналъ, что это не составляло ни того, ни другаго, ни третьяго. Учившись фортификаціи у А. З. Теляковскаго, я не представлялъ себѣ укрѣпленій иначе, какъ такими, какими онѣ изображены на чертежахъ его руководства и на фортификаціонныхъ моделяхъ. Видѣнныя мною крѣпости, въ общихъ чертахъ, не отступали рѣзко отъ этихъ чертежей. Попавъ же на севастопольскіе бастіоны, я былъ сбитъ съ толку совершеннымъ несходствомъ всего встрѣченнаго съ моими представленіями объ укрѣпленіяхъ. Батареи, обращенныя въ разныя стороны, выглядывающія одна изъ-за другой, стрѣляющія одна черезъ другую; пространство между ними, перерѣзанное траверзами, вдоль и поперегъ изрытое; блиндажи, виднѣющіеся по всѣмъ направленіямъ,— все это строилось и выкапывалось не по заранѣе начертанному

плану, а разновременно, по указанію опыта и практической необходимости: замѣчалось ли, что по какой-нибудь лощинѣ могъ быть сравнительно легкій, для непріятеля, доступъ къ нашимъ укрѣпленіямъ—строили батарею, начертаніе которой и выбранное для нея мѣсто были внѣ всякой зависимости отъ направленія общей линіи укрѣпленій; рикошетировали ли гдѣ-нибудь на батареѣ непріятельскіе снаряды—насыпали траверзъ; оказывался-ли онъ недостаточнымъ, чтобы предохранить отъ продольныхъ выстрѣловъ—возвышали его или громоздили другой; ложилось ли много снарядовъ въ какой-нибудь узкій проходъ—блиндировали его. Такимъ образомъ составлялась масса насыпей, соотношеніе которыхъ было понятно только бывавшимъ между ними неоднократно и хорошо ознакомившимся съ окружною мѣстностью. На первый же взглядъ все это казалось такимъ лабиринтомъ, что всякая аріаднина нить тамъ перепуталась бы.

Съ батареи Завалишина мы прошли на редутъ Шварца и спустились въ ровъ этого укрѣпленія. Изъ рва мы повернули въ проходъ, ведшій въ траншеи. Въ одномъ мѣстѣ проходъ этотъ, на протяженіи нѣсколькихъ саженей, былъ едва углубленъ въ землю, такъ что почти вовсе не прикрывалъ проходившаго тамъ человѣка. Французы не могли не замѣтить нашего прохода по этому мѣсту, и выстрѣлы направлялись сюда изъ всѣхъ ближайшихъ непріятельскихъ траншей. Батальоны пріостановились и люди, по одному, перебѣгали въ траншею, что продолжалось довольно долго и, конечно, не могло обойтись безъ потерь. Перебѣжавъ это пространство, мы заняли траншеи, изъ которыхъ одна шла параллельно линіи батарей, тянувшихся вправо отъ Шварцева редута, а другая выгибалась впереди первой. Здѣсь, кромѣ насъ, были владимірцы, углублявшіе траншеи. Когда совершенно стемнѣло, перестрѣлка между осадными и нашими батареями усилилась, и непріятель началъ обстрѣливать занимаемыя нами траншеи изъ мортиръ небольшаго колибра. Гранаты ложились очень счастливо для насъ, онѣ падали за траншейный валъ, на гребень его и въ заднюю часть довольно широкой траншеи; въ переднюю же ея часть, наполненную людьми, онѣ не попадали. Къ тому же, между паденіемъ и разрывомъ большей части этихъ гранатъ проходило по нѣсколько секундъ, что давало солдатамъ возможность принять обычныя предосторожности

отъ осколковъ. Еще съ вечера французы сильно обстрѣливали наши траншеи ружейнымъ огнемъ, а ночью огонь этотъ еще усилился. Такъ какъ работы происходили внутри траншей, и владимірцы, защищенные валомъ, не несли потерь отъ ружейнаго огня, то мы могли бы и вовсе не отвѣчать на него или же поддерживать рѣдкій огонь, собственно изъ вѣжливости; но мы увлеклись и открыли по сверкавшимъ у непріятеля огонькамъ черезчуръ живую пальбу. Послѣ полуночи пришелъ къ намъ Лавровъ, который, помнится, былъ здѣсь траншей-маіоромъ. Это былъ конно-артиллерійскій офицеръ, прикомандированный къ штабу дѣйствующей арміи, энергическій, добросовѣстный, прикомандировавшійся для принятія на себя наиболѣе трудныхъ и опасныхъ порученій, а не затѣмъ, зачѣмъ обыкновенно прикомандировываются тѣ фазаны, которыми кишатъ штабы. Мы радостно встрѣтились съ Лавровымъ, котораго я не видѣлъ съ зимы 1853—1854 годовъ, со времени обложенія Калафата. Эта встрѣча была послѣднею: черезъ день, 18-го мая, генералъ-квартирмейстеръ Бутурлинъ сообщилъ мнѣ, что Лавровъ убитъ наповалъ въ той траншеѣ, которая состояла въ его вѣдѣніи.

Послѣ его смерти, траншеи эти оставались въ нашихъ рукахъ только два дня. Не помню, какимъ полкомъ мы были смѣнены; въ ночь же съ 20-го на 21-е апрѣля траншеи, занятыя батальономъ Углицкаго полка, были атакованы и взяты французами. Разсказывали, что батальонный командиръ (если не ошибаюсь—маіоръ Бершовъ) не повѣрилъ опредѣленнымъ извѣщеніямъ, бывшихъ въ секретѣ пластуновъ, о скопленіи большаго числа французовъ въ ихъ передовыхъ траншеяхъ и не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности. Оплошность свою онъ искупилъ отчаянной защитой и смертію; офицеры защищали траншеи молодцами и изъ нихъ было убито, кромѣ батальоннаго командира, пять или шесть. На другой день я видѣлъ ихъ трупы—всѣ были исколоты штыками, а у одного черепъ былъ размозженъ прикладомъ. Этотъ бой въ траншеяхъ поднялъ на ноги всю западную половину Севастополя. Мы быстро собрались и, узнавъ причину тревоги, были убѣждены, что насъ поведутъ отбивать потерянныя траншеи. И я не сомнѣваюсь, что мы ихъ и отбили бы, еслибы насъ повели немедленно, пока французы не пересыпали траншейнаго вала на другую сторону; взяли бы, хотя и

съ гораздо бо̀льшими потерями, и на другой день, когда этотъ валъ былъ уже переставленъ. Въ то время у насъ еще не было въ привычкѣ терять наши ретраншементы. Каждому изъ насъ казалось несомнѣннымъ, что строить укрѣпленія можно было только при намѣреніи защищать ихъ, а не съ мыслію, что авось непріятель не сдѣлаетъ попытки овладѣть ими. Впослѣдствіи, особенно послѣ 10-го и 11-го мая, мы убѣдились, что въ штабѣ арміи думали иначе.

24-го апрѣля мы подвели итоги за мѣсяцъ пребыванія нашего въ Севастополѣ: изъ четырехбатальоннаго полкъ переформированъ въ двухбатальонный; слѣдовательно, со времени нашего прихода сюда, полкъ потерялъ почти половину своего состава. Девятнадцать двадцатыхъ этой потери понесены были за Киленбалкою.

Весною непріятельскія апроши еще не настолько приблизились къ нашей линіи и наши батареи не подвергались еще такому безостановочному и страшному разрушенію, чтобы на нихъ безпрестанно требовалась такая масса прикрытія и рабочихъ, какъ въ послѣдній періодъ осады. Батальоны, численный составъ которыхъ былъ еще значителенъ, имѣли возможность чередоваться и приходить на отдыхъ въ городъ. Хотя три-четверти Севастополя были уже разрушены, но недостатка въ помѣщеніи не было. Потомъ, при дальнѣйшемъ разрушеніи города, въ одинаковой мѣрѣ истреблялись и войска, для которыхъ нужно было бы помѣщеніе. Къ концу осады, въ составъ севастопольскаго гарнизона было введено много новыхъ полковъ; но тогда уже непріятельскіе подступы были такъ близко, что всѣ войска были безотлучно или на самыхъ батареяхъ, или вблизи ихъ, въ резервѣ.

Мы втроемъ—графъ Зубовъ, Смагинъ и я—заняли квартиру въ домѣ Орлова или Орловскаго, ниже бульварной батареи. Надъ нами, въ мезонинѣ, жилъ какой-то отставной матросъ, съ женою, разбитною прачкою. Стирка у нея шла неособенно успѣшно, такъ какъ супруги бывали трезвы лишь изрѣдка и ежедневно дрались съ утра до вечера. Прачка пыряла своего мужа ножницами въ лицо, а тотъ колотилъ ее утюгомъ по чему ни попало; но какимъ-то чудомъ глаза его оставались не выколотыми, а у нея не были переломаны ни руки, ни ребра.

24-го апрѣля мы стали въ гарнизонъ редута Шварца, и съ этого дня охраняли редутъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, до конца

іюля. Къ концу іюня и въ іюлѣ мы оставались безсмѣнно на редутѣ Шварца, а въ началѣ наши два батальона чередовались: одинъ оставался на редутѣ Шварца, а другой — день проводилъ на отдыхѣ, въ городѣ, а ночь стоялъ въ резервѣ, за Ростиславскимъ редутомъ.

Укрѣпленіе, носившее названіе Шварцева редута, редутомъ, въ сущности, не было: оно не было ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ. Правый флангъ редута смыкался съ линіею батарей, шедшихъ отъ 5-го бастіона; лѣвый же примыкалъ къ батареѣ Забудскаго. Фланки эти не были между собою сомкнуты; въ тыльной части редута наискось стояла Завалишина батарея, но пространство между ея эскарпомъ и батареею Забудскаго ничѣмъ не было занято. Часть батареи Забудскаго входила въ самую внутренность редута Шварца и закруглялась здѣсь кольцеобразно, нося названіе Вышки. На Вышкѣ стояли двѣ пудовыя мортиры и небольшая каронада, обращенная во внутренность нашего редута и исключительно предназначенная обдать ее картечью, еслибы непріятель къ намъ ворвался.

Фасы редута Шварца [1]) были вооружены тяжелыми морскими орудіями; въ переднемъ исходящемъ углу была прорѣзана амбразура, для орудія большаго калибра (помнится—шестидесяти-восьмифунтовой пушки). Вправо отъ нея стоялъ пудовый единорогъ. Правый флангъ редута былъ вооруженъ двѣнадцатифунтовыми пушками, на крѣпостныхъ станкахъ; одна пушка-каронада стояла на уступѣ этого фланга, сдѣланномъ для фланкированія праваго фаса. Внутри редута было нѣсколько маленькихъ кегорновыхъ мортирокъ.

Для охраненія редута вполнѣ было достаточно одного батальона. Сверхъ того, по почамъ, приходили еще двѣ-три роты, а иногда и цѣлый батальонъ, для исправленія поврежденій, за день сдѣланныхъ непріятельскими снарядами, для углубленія рва и прочихъ работъ. Наши штуцерники, которыхъ было тогда лишь по нѣсколько человѣкъ въ ротѣ, уходили съ редута на ночь,

---

[1]) Обыкновенно, всѣ стороны редута называются фасами; но редутъ Шварца, не будучи ни отдѣльнымъ, ни сомкнутымъ укрѣпленіемъ, былъ, собственно, выступомъ изъ линіи укрѣпленій; поэтому, его боковыя стороны носили названія фланковъ. А. В.

когда мѣткость ихъ стрѣльбы не могла имѣть примѣненія. Для стрѣльбы въ темнотѣ, наугадъ, годились и гладкоствольныя ружья; немногихъ же бывшихъ въ полкахъ хорошихъ стрѣлковъ приходилось приберегать, тѣмъ болѣе, что наиболѣе истребительный непріятельскій огонь бывалъ именно по ночамъ, во время производства у насъ работъ [1]). Поврежденія на редутѣ иногда исправлялись нами же, а иногда на работы приходили части другихъ полковъ. При производствѣ работъ, вообще, потери бываютъ значительнѣе, нежели во время нахожденія въ гарнизонѣ укрѣпленія. Въ послѣднемъ случаѣ солдаты могутъ замѣтить мѣста, гдѣ особенно часто ложатся снаряды; могутъ пользоваться защитою траверзовъ. При работахъ же, невозможно избѣгать того или другаго мѣста, хотя бы и было замѣчено, что на этихъ мѣстахъ мететъ осколками. Чаще всего приходится работать тамъ, гдѣ амбразура или мерлоны сильнѣе повреждены, то есть именно тамъ, куда наиболѣе падаетъ снарядовъ.

Въ одномъ только мѣстѣ опасность уравнивалась какъ для людей, бывшихъ въ гарнизонѣ редута, такъ и для приходившихъ на работы: узкій проходъ, соединявшій редутъ Шварца съ батареей Завалишина былъ продольно поражаемъ ядрами, опускавшимися здѣсь послѣ перелета черезъ брустверъ; бомбы же—кромѣ садившихся прямо въ проходъ—скатывались сюда съ его боковыхъ откосовъ. Все это заставило насъ впослѣдствіи блиндировать этотъ проходъ.

Въ теченіи мая направленный на нашъ редутъ непріятельскій огонь не былъ особенно силенъ; но наши потери, всетаки, не были незначительны; въ иные дни онѣ даже доходили до средней цифры потерь, которыя мы несли на Селенгинскомъ редутѣ. Часто обмѣнъ выстрѣловъ нашего редута и противустоявшихъ ему батарей учащался не по нашему почину и не по почину этихъ батарей, а потому что, вслѣдствіе боя или вылазки, за-

---

[1]) Изъ штуцерниковъ была составлена отдѣльная команда, подъ начальствомъ прапорщика Завадскаго. Изъ числа моихъ севастопольскихъ сослуживцевъ, Завадскій на службѣ до сихъ поръ. Въ послѣднюю турецкую войну мнѣ не удалось съ нимъ встрѣтиться, такъ какъ онъ былъ подъ Плевною, а я въ рущукскомъ отрядѣ. Потомъ я читалъ о выдающемся участіи командуемаго имъ батальона въ дѣлѣ подъ Иметли, въ декабрѣ 1877 г.

А. В.

вязывавшихся на какомъ-нибудь, иногда отдаленномъ отъ насъ, пунктѣ, орудейная пальба разгоралась по всей линіи. Такъ, между прочимъ, было въ ночь съ 10-го на 11-е мая, когда французы атаковали траншеи, наканунѣ заложенныя нами у кладбища, противъ 6-го бастіона. Бо̀льшую часть этой ночи намъ пришлось видѣть сверканіе безчисленныхъ огоньковъ, на всемъ пространствѣ впереди 6-го бастіона; несшіеся оттуда клики и немолчная ружейная трескотня не заглушались ни канонадою, разлившеюся по всей линіи, ни громомъ орудій нашего редута. Конечно, никогда другое зрѣлище не можетъ представить такого захватывающаго интереса, какъ видъ боя, но въ ночь на 11-е мая я не чувствовалъ того замиранія сердца, тѣхъ переходовъ отъ горя къ восторгу, которые ощущаешь, слѣдя за перипетіями боя, когда по перемѣщенію линій огня можно видѣть: кто изъ сражающихся одолѣваетъ. Тутъ не было этихъ полосъ огня, показывающихъ относительное положеніе противныхъ сторонъ, а только видно было, въ непроглядной ночной тьмѣ, какое-то хаотическое клокотаніе и сверканіе огней, на всемъ пространствѣ, между нашими верками и французскими осадными батареями. Самое напряженное наблюденіе не могло уяснить хода дѣла. Даже когда оно кончилось, мы все еще не могли съ увѣренностью опредѣлить: за кѣмъ остались спорныя траншеи; мы потому только могли догадываться, что французы отбиты, что огонь съ люнета Шемякина и съ 6-го бастіона былъ довольно рѣдкій, такъ какъ оттуда производилась бы учащенная стрѣльба картечью, еслибы траншеи были заняты непріятелемъ. Результаты ночнаго боя сдѣлались намъ вполнѣ извѣстны только утромъ, когда мы были смѣнены. Проходя мимо 6-го бастіона, я взошелъ на деревянные подмостки, сдѣланные для сигнальщика, и посмотрѣлъ въ бинокль на лежавшее впереди поле — въ перерѣзывавшихъ его траншеяхъ копошились наши солдаты, и все оно было густо усѣяно тѣлами. Съ перваго же взгляда видно было, что труповъ въ красныхъ штанахъ въ полтора раза было болѣе, чѣмъ нашихъ сѣрыхъ труповъ; виднѣлось нѣсколько убитыхъ въ черныхъ курткахъ и бѣлыхъ панталонахъ: это наши митросы, ходившіе съ пѣхотою, для указанія мѣстности.

Объ обстоятельствахъ дѣла въ ночь съ 10-го на 11-е мая я

знаю только по разсказамъ его участниковъ; но мнѣ кажется, что обстоятельства эти были переданы мнѣ вѣрно, такъ какъ всѣ эти разсказы, въ общемъ, были совершенно между собою сходны. Да и обстоятельства эти, какъ и весь ходъ дѣла, весьма немногосложны. При производствѣ атаки, французы могли имѣть тотъ или другой планъ; наша же задача сводилась къ единственному пункту: отстоять траншеи и подкрѣплять тѣ части, на которыя наиболѣе напирали. Впрочемъ, не легко было различить, гдѣ была дѣйствительная опасность, такъ какъ ночь была особенно темна. За темнотою, нельзя было опредѣлить числа атакующихъ, но было замѣтно, что они значительно превосходили числомъ наши войска, защищавшія траншеи. Въ составъ атаковавшихъ французскихъ войскъ вошла гвардія, незадолго передъ тѣмъ прибывшая въ Крымъ, подъ начальствомъ генерала Реньо-Сенъ-Жанъ-д'Анжели. Темнота была такъ велика, что невозможно было оріентироваться и нѣкоторыя наши части разбились на отдѣльныя кучки солдатъ, вскорѣ потерявшія всякую между собою связь. Тоже было и у французовъ, и нѣкоторые изъ нихъ очутились, сами того не подозрѣвая, въ тылу нашихъ войскъ. Кучки солдатъ, сталкиваясь между собою въ темнотѣ, въ первую минуту не знали: кто передъ ними, свои или непріятельскіе солдаты. Въ этихъ случаяхъ французскихъ гвардейцевъ выдавала ихъ бѣлая амуниція, которая виднѣлась въ темнотѣ, когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ; въ то время, когда французы недоумѣвали: кто передъ ними,—наши солдаты давали по нимъ залпъ и бросались на нихъ. Быть можетъ, отчасти тому можно приписать, что у французовъ было больше убитыхъ, чѣмъ у насъ.

Траншеи нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, причемъ, по заранѣе условленнымъ сигналамъ, то наши, то французскія батареи открывали по нимъ огонь. Кажется, въ этой стрѣльбѣ принимали участіе и суда непріятельскаго флота. Разсказывали даже, что однажды залпъ одного изъ нихъ совпалъ съ направленнымъ въ этотъ же пунктъ картечнымъ залпомъ съ Шемякина люнета. Это международное привѣтствіе досталось на долю французовъ, занимавшихъ въ ту минуту этотъ пунктъ. Не знаю, дѣйствительно ли это случилось; но подобная ошибка была бы весьма возможна въ такой сумятицѣ. Въ бою 10-го мая участвовали полки: Подольскій, Житомирскій, Минскій, Углицкій и Ор-

ловскій (который въ Севастополѣ называли Эриванскимъ, по фамиліи его шефа, Паскевича-Эриванскаго). Всѣ эти полки бились превосходно, но особенно говорили о мужествѣ Орловцевъ. Послѣ одной изъ отбитыхъ атакъ французовъ, углицкіе батальоны зарвались почти до осадныхъ батарей.

Возвратившись въ городъ, я пошелъ, вмѣстѣ съ Смагинымъ, на перевязочный пунктъ, навѣстить раненаго въ ночномъ дѣлѣ знакомаго намъ офицера Орловскаго полка. Зная нервность раненыхъ, мы на цыпочкахъ пробирались между койками, которыя всѣ были заняты; но какъ ни осторожно мы шли—одинъ изъ лежавшихъ офицеровъ раздражительно началъ насъ упрекать въ мучительномъ безпокойствѣ, которое производили въ немъ наши шаги. Тогда я былъ удивленъ этими упреками; но впослѣдствіи, будучи самъ раненъ, я понялъ, какъ мучительно отдается въ нервахъ каждый звукъ, иногда даже незначительный шорохъ.

Въ это утро кто-то объѣзжалъ и, отъ имени главнокомандующаго, поздравлялъ и благодарилъ полки, бывшіе въ ночномъ бою. Чуть ли даже не служили благодарственнаго молебна, съ пѣніемъ: „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Да во время этого пѣнія и рѣшили уступить траншеи французамъ, если они снова ихъ атакуютъ. Почему рѣшили уступить?—на это трудно было бы отвѣтить, не зная общаго духа распоряженій, исходившихъ изъ главной квартиры арміи, какъ въ Крыму, такъ и передъ тѣмъ еще, на Дунаѣ. Вызвано ли было это рѣшеніе значительностію потерь нашихъ въ послѣднемъ бою?—но вѣдь французы потеряли гораздо больше. Предвидѣлось ли, что они, не останавливаясь передъ значительностью потерь, будутъ упорно домогаться отнятія у насъ траншей, во что бы то ни стало?—но развѣ закладка этихъ траншей была вызвана надеждою, что французы будутъ такъ любезны, что предоставятъ намъ безпрепятственно укрѣпляться тутъ. Какіе же изъ севастопольскихъ передовыхъ верковъ остались не атакованными непріятелемъ? Упорному стремленію французовъ овладѣть нашими траншеями можно было противоставить не менѣе упорную рѣшимость не уступать ихъ. Если, при веденіи правильной осады, атакующій имѣетъ значительное преимущество надъ обороняющимся, то отношенія ихъ совершенно обратны, при атакѣ открытою силою, въ особенности же, когда позиціи обороняющагося могутъ быть сильно обстрѣливаемы съ

его батарей. Наши же траншеи передъ 6-мъ бастіономъ могли быть осыпаемы картечью многихъ нашихъ орудій, огромнаго калибра. Вообще одно изъ двухъ: или владѣніе этими траншеями имѣло для насъ большое значеніе—тогда ихъ ни за что не слѣдовало отдавать; или же онѣ значенія этого не имѣли—въ такомъ случаѣ, не зачѣмъ было ихъ и возводить, въ предвидѣніи, что сохраненіе будетъ намъ дорого стоить. А не предвидѣть этого было нельзя, такъ какъ вразумительные прецеденты представлялись предшествовавшими мѣсяцами осады. Какъ бы то ни было, было рѣшено: занять траншеи однимъ батальономъ, а другой поставить въ резервѣ; въ случаѣ нападенія непріятеля, подкрѣпленій туда не посылать, и если непріятель будетъ превосходить силами два нашихъ батальона, то батальонамъ этимъ очистить траншеи, безъ боя. Соотвѣтствующія инструкціи были разосланы многимъ начальствовавшимъ лицамъ, вѣроятно и такимъ даже, до которыхъ это вовсе не касалось; забыли только объ одномъ: сообщить объ этомъ рѣшеніи занимавшимъ эти траншеи двумъ батальонамъ Житомірскаго полка, что, конечно, не содѣйствовало благополучію этихъ батальоновъ. Въ слѣдующую же ночь непріятель, въ значительныхъ силахъ, бросился на житомірцовъ, которые, ничего не зная о рѣшеніи преподнести траншею непріятелю и ожидая немедленнаго прибытія подкрѣпленій, начали было отчаянно защищать ввѣренный имъ постъ и, конечно, понесли въ этомъ неровномъ бою напрасныя потери. Послѣдняя часть рѣшенія штаба арміи, впрочемъ, осуществилась: траншеи очутились въ рукахъ непріятеля. Хотя судьба, вообще, не баловала этотъ штабъ исполненіемъ его предначертаній; но нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такъ-таки ни одно изъ нихъ не исполнилось.

О разсѣянности штаба арміи, забывшаго увѣдомить о своемъ рѣшеніи именно тѣхъ, кому всего необходимѣе было знать о немъ, я говорю, впрочемъ, не какъ о фактѣ, мнѣ лично извѣстномъ, а какъ о всеобщей молвѣ въ севастопольскомъ гарнизонѣ, въ справедливости которой никто не сомнѣвался. Я же всѣ кампаніи дѣлалъ не иначе, какъ въ строю, и не былъ au courant относительно штабныхъ отправленій; увѣренность же всѣхъ небумажныхъ защитниковъ Севастополя въ справедливости вышеприведенной молвы раздѣлялъ и раздѣляю, такъ какъ ни одна

изъ ея подробностей не противорѣчитъ общему духу и порядку распоряженій, исходившихъ изъ штаба крымской арміи.

Послѣ 12-го мая жизнь на бастіонахъ потекла по прежнему. Пушечная пальба сильнѣе всего была по ночамъ; съ разсвѣтомъ она значительно уменьшалась и такъ шла до вечера, когда, передъ закатомъ солнца, обыкновенно часа на полтора наступало затишье. Не было никакой особенной причины, чтобы именно въ это время дня пріостанавливалась перестрѣлка; но это какъ то такъ вошло въ обоюдную привычку, что рѣдко случалось, чтобы это предвечернее затишье нарушалось пушечнымъ выстрѣломъ. Въ сумерки пушечная пальба возобновлялась и, постепенно разгораясь, доходила до своего нормальнаго максимума. Ружейный же огонь, наоборотъ, былъ жарче днемъ; но и отъ него потери днемъ были гораздо менѣе значительны, чѣмъ по ночамъ, когда работавшіе часто бывали принуждены всходить на мерлоны и даже работать на эскарпѣ. Днемъ же надъ гребнями бруствера и траншей, конечно, никто не показывался, и стрѣлкамъ, нашимъ и французскимъ, приходилось мѣтить другъ другу въ бойницы. Едва изъ какой нибудь изъ нихъ выпархивалъ дымокъ, какъ туда направлялось пять-шесть выстрѣловъ, въ надеждѣ, что выстрѣлившій изъ этой бойницы не успѣлъ отклонить отъ нея голову. По утрамъ условія перестрѣлки благопріятствовали французамъ, потому что солнце освѣщало наши валы съ тылу и наши бойницы просвѣчивали. Если которая нибудь изъ нихъ переставала сквозить—это былъ признакъ, что она закрыта головою прицѣливавшагося стрѣлка, и туда летѣло нѣсколько пуль. Въ полдень солнечные лучи падали параллельно направленію нашихъ верковъ и французскихъ траншей, и шансы уравновѣшивались. Къ вечеру солнце освѣщало непріятельскія траншеи сзади, и преимущество было на нашей сторонѣ.

Тѣ ночи, которыя мы проводили не на редутѣ Шварца, мы стояли въ резервѣ за Ростиславскимъ редутомъ, а иногда, гораздо рѣже,—за Чесменскимъ. Улички, находившіяся за послѣднимъ изъ нихъ, были покрыты развалинами, тогда какъ за Ростиславскимъ редутомъ оставались еще нѣкоторые дома, хотя поврежденные значительно, но еще не разрушенные. Дальнѣйшее ихъ разрушеніе продолжалось на нашихъ глазахъ; то тотъ, то другой изъ нихъ разрушался ударомъ снаряда или загорался отъ взрыва

бомбы. Загоравшіеся близъ насъ дома мы старались тушить не для спасенія домовъ, такъ какъ они, все равно, обречены были на погибель; а потому что разгорѣвшійся пожаръ всегда привлекалъ къ себѣ усиленную пальбу непріятеля. Черезъ нѣсколько недѣль все это мѣсто было покрыто лишь остатками стѣнъ и кучами щебня.

Составивъ ружья въ козлы, люди стоявшихъ въ резервѣ батальоновъ ложились спать тутъ же, посреди улицы, подложивъ себѣ подъ голову—кто камень, кто патронную сумку. Однажды, когда Смагинъ, графъ Зубовъ и я спали, положивъ головы на свернутую шинель, приложенную къ стѣнѣ дома,—большой осколокъ лопнувшей невдалекѣ бомбы врѣзался въ стѣну, какъ разъ надъ нашими головами, вершковъ лишь на шесть повыше. Если бы кто изъ насъ, пробужденный паденіемъ этой бомбы, немного привсталъ—ему раздробило бы голову. Къ счастію, мы такъ привыкли къ грому выстрѣловъ, что могли не просыпаться даже при близкой пальбѣ изъ тяжелыхъ орудій. И въ этотъ разъ трескъ разорвавшейся бомбы никого изъ насъ не разбудилъ; только утромъ мы увидѣли у нашихъ головъ глубоко врѣзавшійся въ стѣну осколокъ и обсыпавшіе насъ мелкіе куски штукатурки.

Кажется, въ послѣдней половинѣ мая мы были принуждены задѣлать амбразуру, находившуюся на исходящемъ углу нашего редута. Нѣсколько разъ она была разрушаема непріятельскими снарядами и нѣсколько разъ была нами возобновляема; но французы такъ пристрѣлялись къ ней, что каждый разъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея возобновленія, она снова была заваливаема. Многихъ жизней стоило намъ ея многократное возобновленіе—и мы должны были, наконецъ, рѣшиться задѣлать ее и насыпать въ этомъ мѣстѣ барбетъ, на который, въ случаѣ штурма, должны были взвозиться два горные единорога, для стрѣльбы картечью черезъ банкъ.

25-го мая непріятель открылъ сильную канонаду. Мы понимали, конечно, что онъ не безцѣльно расходуетъ снаряды, а намѣренъ что нибудь предпринять противъ одного изъ пунктовъ лѣваго фланга севастопольскихъ укрѣпленій, такъ какъ непріятельскій огонь былъ направленъ преимущественно противъ этого фланга. Было почти несомнѣнно, что предстояло подвергнуться атакѣ Селенгинскому и Волынскому редутамъ или Камчатскому

люнету, такъ какъ положеніе ихъ обезпечивало за ними эту кандидатуру. На другой день, 26-го, передъ вечеромъ, французы атаковали оба редута и люнетъ. Передъ закатомъ солнца, въ самый разгаръ боя за Киленбалкою, я стоялъ у Ростиславскаго редута. Въ этотъ моментъ Селенгинскій и Волынскій редуты были нами уже окончательно потеряны; бой еще продолжался у Камчатскаго люнета и на такъ называемой Забалканской высотѣ. Наблюдать за боемъ и понять что нибудь въ его ходѣ отъ Ростиславскаго редута было невозможно, и о результатѣ боя я узналъ позже, когда былъ потерянъ нами и Камчатскій люнетъ. Потерянъ онъ былъ нами небезславно, два раза перейдя изъ рукъ въ руки. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ: французы ими овладѣли почти безъ боя и встрѣтили отпоръ только дальше, на Забалканской батареѣ, отъ подоспѣвшихъ изъ города батальоновъ. Муромскій же полкъ, которому было ввѣрено охраненіе редутовъ, уступилъ ихъ слишкомъ легко. Въ севастопольскомъ гарнизонѣ очень потомъ обвиняли Муромцевъ въ томъ, что французы, при овладѣніи редутами, почти не встрѣтили отпора. Въ извиненіе Муромцевъ, можно, пожалуй, привести ихъ малочисленность, отдаленность отъ подкрѣпленій. Не раздѣляя безусловно огульнаго обвиненія полка, я, лично, остаюсь при убѣжденіи, что Селенгинка и Волынка достались бы французамъ не такъ дешево, если бы они встрѣтили на редутахъ солдатъ одного изъ полковъ, съ осени охранявшихъ Севастополь, или одного изъ полковъ 3-го корпуса, прибывшихъ туда позже, но съ перваго же шага показавшихъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ севастопольскимъ аборигенамъ.

Казалось, удача при овладѣніи нашими контръ-апрошами придала союзникамъ самонадѣянности. Черезъ 10 дней они рѣшились на новую, несравненно болѣе серьезную попытку. Послѣ суточнаго бомбардированія, непріятель, 6-го іюня, рано утромъ, повелъ атаку на весь лѣвый флангъ нашей линіи. Я не описываю этого штурма, такъ какъ разсказываю исключительно о томъ, чему самъ былъ очевидцемъ; 6-го же іюня я былъ на редутѣ Шварца, который атакованъ не былъ, равно какъ и сосѣдніе съ нимъ укрѣпленія. Часу въ девятомъ утра, по прекращеніи ружейнаго огня, мы видѣли, что штурмъ отбитъ; но о подробностяхъ этого блистательнаго отраженія мы узнали только ве-

черомъ. Въ теченіи всего дня непріятель поддерживалъ сильную канонаду противъ неатакованныхъ укрѣпленій, и гарнизоны этихъ укрѣпленій несли гораздо большія потери, нежели тѣ войска, которымъ пришлось отбивать штурмъ. Я хорошо помню. что на Шварцевомъ редутѣ мы потеряли въ теченіи этого дня 99 человѣкъ, а вечеромъ, когда мы перешли на Чесменскій редутъ, у у насъ, для округленія счета, убили сотаго.

Послѣ штурма, нарушившаго однообразное теченіе нашей жизни, она опять пошла попрежнему. Послѣ 6-го іюня мы потеряли одного за другимъ нѣсколько хорошихъ офицеровъ. 7-го іюня, поздно вечеромъ, Кареевъ, Смагинъ и я ходили, разговаривая, по площадкѣ Шварцева редута. Снаряды изрѣдка падали па нашъ редутъ, но больше дѣлали перелетъ и опускались или на Завалишина батарею, или на Чесменскій редутъ. Одна бомба, перелетѣвъ черезъ нашъ редутъ, разорвалась на одномъ изъ этихъ укрѣпленій и послала къ намъ нѣкоторые изъ своихъ осколковъ; я слышалъ, что хриплый басъ одного изъ нихъ раздается прямо по направленію къ намъ; но такъ какъ это случалось безпрестанно, то я не обратилъ на это вниманія, и мы продолжали идти, лицомъ въ сторону непріятельскихъ траншей. Вдругъ раздался глухой звукъ и шедшій со мною рука объ руку Смагинъ перевернулся и упалъ навзничь. Было очень темно, и я не могъ видѣть, куда его ударилъ проклятый черепокъ. Я ощупалъ Смагину голову—она была суха; грудь—тоже; я поддѣлъ руку подъ спину—и пальцы вошли въ глубокое отверстіе, подъ лопаткой. Смагинъ лежалъ безъ чувствъ. Я зачерпнулъ воды изъ только-что привезенной матросами бочки и брызнулъ ему въ лицо; онъ очнулся и первое почувствованное имъ ощущеніе было чувство холода; боли, онъ, повидимому, не чувствовалъ. Его подняли на носилки и отнесли.

Съ Смагинымъ я сошелся ближе, нежели съ другими офицерами полка, съ которыми мнѣ пришлось быть на севастопольскихъ бастіонахъ, въ послѣдніе пять мѣсяцевъ обороны. Это былъ очень симпатичный и развитой молодой человѣкъ, и меня очень огорчила его потеря. Нужно, впрочемъ, оговориться, что огорченіе, по поводу чьей либо смерти или тяжелой раны, въ Севастополѣ было весьма слабымъ подобіемъ того чувства, которое, вообще, называется огорченіемъ. Ежеминутное зрѣлище смерти и

увѣчій притупило въ каждомъ изъ насъ способность живо ощущать состраданіе, и на смерть мы смотрѣли равнодушно. Дня черезъ три я навѣстилъ Смагина на Сѣверной сторонѣ; онъ былъ въ памяти и, какъ кажется, не сознавалъ безнадежности своего положенія. Вскорѣ онъ скончался. Возвращаясь съ его похоронъ, я встрѣтилъ близь 5-го бастіона носилки, за край которыхъ держалась блѣдная рука лежавшаго въ нихъ раненаго. Это былъ молодой, всѣми очень любимый офицеръ, Василій Никитичъ Моховиковъ, раненый въ бокъ осколкомъ гранаты. Онъ прожилъ еще часа четыре, вынося страданія мужественно, несмотря на его почти отроческій возрастъ. Вскорѣ послѣ того еще одинъ хорошій офицеръ, Бѣлаго, находясь ночью въ цѣпи, съ охотниками, былъ убитъ наповалъ ядромъ или настильно летѣвшею гранатою. Не помню, до штурма или послѣ него былъ раненъ командиръ нашего редута, М. П. Шварцъ. Послѣ него временно командовалъ редутомъ артиллерійскій офицеръ Проценко, которому матросы очень неохотно подчинялись, какъ не моряку. Потомъ былъ присланъ командовать редутомъ лейтенантъ Дмитрій Спиридоновичъ Ханжогло, который и оставался на редутѣ до конца обороны. Мнѣ помнится, что Дмитрій Спиридоновичъ говорилъ мнѣ, что онъ попалъ въ число черноморскихъ моряковъ случайно; онъ числился, собственно, въ Балтійскомъ флотѣ и былъ въ Крыму, передъ высадкою непріятеля, въ отпуску; когда Севастополь осадили, онъ остался, при его оборонѣ, а въ Кронштадтъ написали, что, тамъ, въ этихъ случаяхъ обыкновенно пишется. Формалистомъ Севастополь вообще не былъ, и ужъ никакъ не былъ педантиченъ въ выборѣ своихъ защитниковъ. Я видѣлъ тамъ, въ пѣхотныхъ рядахъ, кавалеристовъ, не имѣвшихъ самыхъ элементарныхъ понятій о пѣхотной службѣ; видѣлъ трактирныхъ половыхъ, ходившихъ на вылазки, и девятилѣтнихъ дѣтей, стрѣлявшихъ изъ мортиръ; видѣлъ одного господина, носившаго какое то неправдоподобное званіе горнаго вѣдомства, и руководившаго фортификаціонными работами, на нѣкоторыхъ батареяхъ.

Одинъ за другимъ потянулись іюньскіе и іюльскіе дни, сухіе и знойные. Каждый изъ нихъ былъ богатъ разнообразными эпизодами; но, въ общемъ, это было однообразное теченіе времени, такъ какъ всѣ эти эпизоды были варьяціями на одну и ту же тему: разрушеніе, гибель и смерть. Степень опасности, при нас-

сивномъ участіи въ оборонѣ и при участіи въ боевыхъ эпизодахъ, почти сравнялась. Заурядъ самыя мирныя функціи человѣческой жизни заканчивались также, какъ можетъ закончиться участіе въ какой нибудь отчаянной вылазкѣ. Часто бомбы накрывали спавшихъ людей; иногда солдаты, несшіе на бастіонъ ушатъ со щами, до бастіона не доходили, а прямо съ дороги попадали на Сѣверную сторону, въ братскую могилу. Разъ какъ-то, на Шверцевомъ редутѣ, сидѣвшій близь меня солдатъ ѣлъ кашицу, изъ своего маленькаго котелка; въ минуту, когда онъ, конечно, менѣе всего думалъ объ опасности, ядро сшибло съ траверза зачѣмъ то лежавшую тамъ небольшую доску; доска хватила солдата въ затылокъ, и онъ, отъ ротной кашицы, моментально перешелъ ко вкушенію райскаго блаженства. Это внезапное измѣненіе menu застало его врасплохъ; онъ сидѣлъ, откинувшись спиною на туръ, раскинувъ руки, въ одной изъ которыхъ была ложка, и безсмысленно вытаращивъ оловянные глаза. Въ другой разъ, на 3-мъ бастіонѣ, я видѣлъ окровавленные остатки за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ разрушеннаго навѣса, подъ которымъ семь офицеровъ какого-то полка собрались было пить чай, но всѣ семеро были убиты осколками разорвавшейся между ними бомбы.

Послѣ штурма 6-го іюня мы перестали чередоваться на редутѣ Шварца, а находились на редутѣ безсмѣнно. Только все ночное время было у насъ занято поправкою сдѣланныхъ днемъ поврежденій и нахожденіемъ въ цѣпи и секретахъ; большая же часть дня у насъ не была занята, хотя и къ этому времени едва ли подходило бы названіе свободнаго времени. Мы занимали редутъ, ежеминутно готовые встрѣтить внезапный натискъ непріятеля; главное же—мы принимали на себя удары сотенъ и тысячь непріятельскихъ снарядовъ. Были дни, когда наши потери были значительнѣе; были дни, когда число убитыхъ и раненыхъ у насъ было меньше; но не было такихъ дней, когда потерь у насъ не было бы вовсе.

Кое какъ коротали мы незанятое, но и не свободное время. Солдаты балагурили и играли въ карты, до того загрязненныя, что бубновую даму не сразу можно было отличить отъ трефовой двойки; отъ налипшей на карты грязи, каждая колода была вершка въ полтора толщиною. Матросы и солдаты находили отраду, воспитывая животныхъ на батареяхъ. На нашемъ редутѣ

общею любимицею была Флора, собаченка М. П. Шварца. Потомъ ее, впрочемъ, съ редута убрали, потому что послѣ одной канонады замѣтили, что она лакомится клочками человѣчьяго мяса и обломками костей, забившихся между прутьями туровъ. На круглой мортирной батарейкѣ, входившей во дворъ нашего редута, было цѣлое семейство кошекъ; въ казематѣ 6-го бастіона былъ котъ, у котораго одна лапа была какъ-то странно отбита: часть кожи осталась неповрежденною и висѣла пустымъ чехломъ, а кости въ этомъ чехлѣ не было. На стѣнкѣ, правѣе 6-го бастіона, часто сидѣлъ павлинъ и непріятный крикъ его былъ слышенъ издали. Выстрѣлы, даже очень близкіе, его нисколько не пугали. Вообще, птицы въ Севастополѣ совершенно освоились съ огнемъ; я часто видѣлъ, какъ, при сильномъ громѣ канонады, стаи воробьевъ беззаботно перепархивали съ мѣста на мѣсто. Болѣе обычнымъ развлеченіемъ для офицеровъ служило участіе въ перестрѣлкѣ съ французами, которую вели наши штуцерники; я перестрѣливался иногда съ французами изъ своего легонькаго штуцера; разъ попробовалъ выстрѣлить изъ казеннаго, да закаялся: такъ отдало, что въ ушахъ зазвенѣло и я свѣта Божія не взвидѣлъ. Лютихскіе штуцера, которыми были вооружены по три (кажется) человѣка въ ротѣ, были хороши, но послѣ пяти-шести выстрѣловъ нарѣзы такъ засаривались пороховою копотью, что, вновь заряжая штуцеръ, приходилось досылать пулю ударами молотка, и, при выстрѣлѣ, сильно отдавало. Сквозь бойницу, составленную изъ набитыхъ землею мѣшковъ, можно было наблюдать очень ограниченное протяженіе непріятельской траншеи, находившейся отъ насъ съ небольшимъ въ тридцати саженяхъ; хотя наблюдать бо̀льшее протяженіе не было и надобности, но все запрещенное имѣетъ притягательную силу, и мы прибѣгали къ небольшой хитрости, чтобы имѣть возможность смотрѣть черезъ гребень бруствера, выставивъ изъ-за него голову. Надѣвали фуражку на шомполъ и выставляли ее немного изъ-за бруствера, такъ чтобы верхняя ея часть видна была французамъ; немедленно вокругъ нея начиналъ жужжать рой пуль и иногда одна изъ нихъ пронизывала фуражку. Показавъ такъ фуражку нѣсколько разъ, приподнимали ее нѣсколько выше, показавъ французамъ, какъ бы нечаянно, часть шомпола; увидѣвъ, что фуражка не на головѣ, а на шомполѣ, французы переставали въ нее цѣлить и не обра-

щали болѣе на нее вниманія. Тогда фуражку кто нибудь надѣвалъ себѣ на голову и выставивъ изъ-за бруствера голову, по линіи глазъ, смотрѣлъ черезъ гребень. Впослѣдствіи я видѣлъ во французскихъ иллюстрированныхъ журналахъ изображеніе сценъ траншейной жизни, подъ Севастополемъ: французскіе солдаты разставляютъ по гребню траншей, какъ цѣль для русскихъ стрѣлковъ, пустыя бутылки, сдѣланныя изъ лучинокъ вѣтренныя мельницы и картонныхъ генераловъ, дрягающихъ руками и ногами, при дерганіи веревочки. Такихъ штукъ мнѣ не случилось видѣть. Можетъ быть такое обоюдное развлеченіе и практиковалось гдѣ нибудь, противъ одной изъ тѣхъ немногихъ севастопольскихъ батарей, на которыхъ я не былъ; но болѣе вѣроятно, что поставщикъ рисунковъ для иллюстрацій измышлялъ эти сцены въ камышѣ, можетъ быть и не заглядывая въ траншеи.

Развлеченія не всегда были безъобидны для обѣихъ сторонъ. Французы, вѣроятно, предпочли бы, чтобы комендоръ бомбическаго орудія, стоявшаго на переднемъ фасѣ нашего редута, комендоръ трехпудовой бомбовой пушки, на батареѣ Азарьева, и комендоръ, въ вѣдѣніи котораго была одна изъ пяти-пудовыхъ мортиръ, на Чесменскомъ редутѣ,—развлекались какъ нибудь иначе. Эти комендоры, случайно узнавъ, что каждый изъ нихъ превосходно пристрѣлялся къ средней амбразурѣ стоявшей противъ насъ пятиорудейной непріятельской батареи, рѣшили стрѣлять въ нее не порознь, а вмѣстѣ. Сговорившись, партнеры давали залпъ, и три бомбы врывались въ злополучную амбразуру, растерзывая ея щеки и все въ ней коверкая. Предувѣдомленные о залпѣ, мы заранѣе наводили бинокли на кандидатку и каждый разъ видѣли, какъ и въ самой амбразурѣ и непосредственно за нею клубился дымъ, взвивались пыль и комья земли, летѣли вверхъ обломки платформы и какіе-то клочья.

Такъ какъ штурмъ ожидался только на разсвѣтѣ, то днемъ мы считали возможнымъ иногда отлучаться съ редута и проводить нѣсколько часовъ въ городѣ. Къ концу іюня севастопольскія улицы уже опустѣли; на нихъ, сколько я помню, уже не было ни одной лавки и ни одного ресторана; нѣкоторые изъ жителей перебрались на Сѣверную сторону, а другіе вовсе выбрались изъ Крыма. Немногимъ еще оставшимся въ Севастополѣ торговцамъ и трактирщикамъ данъ былъ пріютъ въ казематахъ Николаев-

скаго форта; видно было, что наскоро сбываются только кое-какіе остатки; трактирные обѣды тоже казались составленными изъ остатковъ. Зной былъ такъ силенъ, что капли воды, выплеснутой на камень, испарялись мгновенно; орудія, накалившись въ продолженіи дня, не остывали вполнѣ до полуночи. Воздухъ и на укрѣпленіяхъ, и въ городѣ былъ испорченъ и удушливъ. Кажется, единственнымъ въ городѣ мѣстомъ, куда не достигло разлитое повсюду зловоніе, была морская офицерская библіотека. Прекрасное зданіе библіотеки было окружено не большимъ, но густоразросшимся садомъ. Видно было, что садикъ когда-то былъ содержанъ хорошо; но во время осады онъ былъ запущенъ, дорожки заросли, клумбы и рабатки уничтожились, росшія близь входа въ библіотеку группы присовъ проросли сорною травою. Но, кажется, самая эта запущенность, давъ волю растительности, дѣлала этотъ садикъ особенно свѣжимъ и прохладнымъ оазисомъ, среди накаленной и напитанной міазмами почвы. Не помню, чтобы гдѣ нибудь я съ такимъ наслажденіемъ впивалъ воздухъ, какъ въ тѣни акацій библіотечнаго садика.

Книги были вынесены изъ библіотеки, кажется, въ первый періодъ осады; но получалось много газетъ, и изъ нихъ мы узнавали, что дѣлается въ мірѣ, гдѣ жизнь была въ самомъ дѣлѣ жизнію, а не временною отсрочкою смерти, какъ у насъ. Иногда же мы узнавали изъ газетъ о томъ, что дѣлается у насъ же въ Севастополѣ. У меня какъ-то осталось въ памяти, что именно въ библіотекѣ прочелъ я, что пушки Hôtel des Invalides возвѣстили Парижу о рожденіи императорскаго принца, того самаго злополучнаго Люлу, который потомъ наткнулся на зулусскіе ассагаи, ввязавшись въ вовсе его не касавшееся дѣло. Въ одной изъ залъ библіотеки стояла большая модель корабля „Двѣнадцать Апостоловъ“ съ полною оснасткою; тутъ же была раздвижная модель кузова трехдечнаго корабля, по которой можно было ознакомиться съ мельчайшими подробностями внутренняго устройства корабля. По стѣнамъ были расположены модели разныхъ судовъ; на нижнихъ полкахъ размѣщались модели корабельныхъ орудій и небольшое количество чучелъ морскихъ животныхъ. Не могу безъ озлобленія вспомнить, что всѣ эти модели и чучела я видѣлъ потомъ въ Парижѣ, въ морскомъ музеѣ. Я недоумѣвалъ тогда, какъ недоумѣваю и теперь: какъ нужно смотрѣть на ту часть музея

французскаго флота, гдѣ помѣщаются предметы изъ разграбленнаго французами нашего книгохранилища—какъ на собраніе съ бою взятыхъ трофеевъ или какъ на складъ краденныхъ вещей.

Считая наступленіе, со стороны непріятеля, днемъ, мало вѣроятнымъ, мы всѣ ночи проводили въ полной готовности встрѣтить приступъ; кромѣ общихъ средствъ обороны, имѣвшихся на всѣхъ батареяхъ, у насъ припасены были ручныя гранаты, для бросанія въ ровъ, когда онъ наполнился бы штурмующими. Гранаты эти были набраны изъ числа тѣхъ, которыя имѣлись во флотѣ, для абордажей; снаряжены онѣ были, какъ казалось, давно, и было одинаково правдоподобно какъ то, что онѣ вовсе не загорятся, такъ и то, что онѣ перелопаются у насъ въ рукахъ; губительность же ихъ для французовъ казалась менѣе вѣроятною. На эскарпѣ передняго фаса было у насъ подвѣшено тѣло подбитаго огромнаго чугуннаго орудія, съ отбитыми цапфами. Если бы, въ моментъ штурма, обрубить веревки, удерживавшіе это орудіе, то оно скатилось бы внизъ по эскарпу, расплющивая все подъ собою. Весьма удобнымъ снарядомъ, при отраженіи штурмующихъ колонъ, могла быть изобрѣтенная и практиковавшаяся въ Севастополѣ свѣтлая картечь, которую солдаты прозвали „капральствомъ". Это было десятка полтора маленькихъ гранатъ, которыми заряжали трехъ или пятипудовую мортиру. Нечего и говорить о томъ эффектѣ, который былъ бы произведенъ дождемъ гранатъ, попавшихъ въ непріятельскую колону и терзающихъ ея ряды, разрываясь во всѣхъ направленіяхъ. Но далеко не та польза была отъ этого снаряда, при обыкновенной орудейной перестрѣлкѣ, когда свѣтлою картечью стрѣляли, почти исключительно ради красоты ея полета. Цѣлый букетъ огоньковъ взлеталъ изъ-за нашей батареи и, красиво мерцая, опускался на непріятельское укрѣпленіе или на траншею. Но лишь одна—двѣ звѣздочки изъ этой плеяды случайно падали въ траншею; остальныя безполезно разрывались на пустомъ пространствѣ. Ненужное расходованіе гранатъ на эти красивые букеты—было неизвинительно, такъ какъ доставка въ Севастополь каждаго снаряда стоила большаго труда и обходилась чуть не вдесятеро дороже стоимости самаго снаряда. Между тѣмъ, эти же самыя гранаты сдѣлали бы непріятелю много вреда, будь онѣ выпущены изъ кегорновыхъ мортирокъ—собачекъ, какъ ихъ называли матросы. Изъ этихъ маленькихъ

мортирокъ у насъ превосходно пристрѣлялись, и онѣ, несмотря на ихъ игрушечный видъ, были, для французовъ, преехидными штучками. На нашемъ редутѣ „собачки“ были препоручены одному престарѣлому матросу и какому-то десятилѣтнему мальчугану, одинаково засаленнымъ и оборваннымъ. Мальчикъ почти безъ промаха клалъ гранаты въ непріятельскую траншею. Разъ только одна изъ его гранатъ далеко не достигла своего назначенія: вслѣдствіе дурнаго снаряженія, она разорвалась въ моментъ вылета ея изъ мортирки и кое-кого переранила; одному же саперному унтеръ-офицеру осколкомъ этой гранаты снесло верхнюю часть черепа. На этотъ разрывъ никто не обратилъ тогда никакого вниманія, но почему-то совершенно иное впечатлѣніе произвелъ другой, сходный съ этимъ, случай. Вскорѣ послѣ раны Шварца, когда редутомъ временно завѣдывалъ артиллерійскій офицеръ Проценко, за склономъ холма, правѣе нашего редута, послышался шумъ, похожій на шумъ отъ движенія повозокъ. Мы предположили, что непріятель что-нибудь подвозитъ въ траншеи, пользуясь мѣстностью, хотя и очень близкою къ нашимъ укрѣпленіямъ, но совершенно отъ насъ скрытою бывшею въ этомъ мѣстѣ понижающеюся волною той самой возвышенности, на которой стоялъ нашъ редутъ. Начали стрѣлять, изъ обращенныхъ въ ту сторону четырехъ орудій, картечью, уменьшенными зарядами, такъ чтобы картечь, пролетѣвъ небольшое разстояніе, начинала опускаться, осыпая отвращенный отъ насъ скатъ возвышенности. Орудія стрѣляли поочередно и стрѣльба, вообще, была рѣдкая. Стоя на банкетѣ, я наблюдалъ, черезъ бойницу, паденіе картечи, судя о немъ по выбиваемой ею изъ земли пыли, показывавшейся изъ-за горки. Пришла очередь дать выстрѣлъ ближайшему ко мнѣ орудію. Едва я приложилъ лицо къ бойницѣ, какъ раздался оглушительный гулъ, не похожій на обыкновенный выстрѣлъ, и чѣмъ-то больно и докрови меня сѣкануло по правой щекѣ и правой рукѣ. Обернувшись, я увидѣлъ въ чемъ дѣло: весь прилежащій уголъ редута былъ застланъ дымомъ, изъ котораго неслись стоны и крикъ; когда дымъ разсѣялся, то открылась кровавая картина, истинный образчикъ картинокъ севастопольскаго жанра. На платформѣ стоялъ исковерканный станокъ орудія и лежала оторванная его дульная часть; вокругъ — растерзанныя тѣла прислуги, которая была истреблена вся, за исклю-

ченіемъ комендора, который не только уцѣлѣлъ, но даже не былъ сшибленъ съ ногъ, только бывшая на немъ рубашка была вся прожжена. На сосѣдней платформѣ лежалъ комендоръ того орудія, Мѣщковъ, перерванный пополамъ отлетѣвшимъ туда огромнымъ кускомъ казенной части орудія. Мѣшковъ упирался руками въ платформу, на которой, извиваясь, лежали его кишки; красивое его лицо было искажено мукою; помутившіеся глаза блуждали. Онъ прожилъ еще болѣе четверти часа. Въ спускѣ въ гранатный погребокъ, устроенный подъ однимъ изъ мерлоновъ, лежало трое пѣхотныхъ солдатъ, одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой—раненъ, а третій—только ошеломленъ. На противуположномъ концѣ редута корчился отъ боли Ковальчукъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ комендоровъ, контуженный въ животъ перелетѣвшимъ черезъ весь редутъ подъемнымъ винтомъ разорвавшаго орудія [1]). Отчего разорвалась та двѣнадцати-фунтовая пушка—Богъ знаетъ. Пальба была рѣдкая и стрѣляли уменьшенными зарядами. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, которые бывали съ чугунными орудіями, на которыхъ невозможно было подмѣтить признака предстоящаго разрыва. Во всякомъ случаѣ, въ несчастіи этомъ никого обвинять нельзя, да и число жертвъ этой катастрофы мало превышало число погибавшихъ, иногда, отъ паденія одной бомбы. Но случай этотъ почему-то произвелъ сильное впечатлѣніе на матросовъ и вызвалъ между ними ропотъ. На что они роптали, кого и въ чемъ обвиняли—они, конечно, не знали и сами; но возбужденіе ихъ выказалось въ такой формѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ принуждены были арестовать. Разрывъ орудія былъ, безъ сомнѣнія, лишь случайнымъ поводомъ къ проявленію недовольства матросовъ, что ими командовалъ не морякъ.

Разсказанный случай былъ совершенно исключителенъ и вызванъ исключительными обстоятельствами. Вообще же, многомѣсячное, ежеминутное стояніе лицомъ къ лицу со смертію установило въ отношеніяхъ нашихъ къ ней нѣкоторую фамильярность. Трагизмъ смерти почти вовсе утратился. Какъ-то разъ я сидѣлъ,

---

[1]) Отъ этой контузіи Ковальчукъ выздоровѣлъ, но вскорѣ послѣ выздоровленія былъ разорванъ опустившеюся прямо на него бомбою на такіе мелкіе клочки, что ни одного изъ нихъ не оказалось на редутѣ. Только изъ секрета принесли потомъ ногу, заподозрѣнную въ принадлежности къ разлетѣвшемуся тѣлу Ковальчука. А. В.

съ однимъ ротнымъ командиромъ, М., около траверза. За траверзомъ раздался взрывъ бомбы и крикъ. М. послалъ вблизи стоявшаго унтеръ-офицера узнать, что случилось.

„Ничего, ваше благородіе“, отвѣчалъ онъ, возвратившись: „черепкомъ только немного у штуцера прикладъ откололо“.

— Да что штуцеръ! Человѣкъ-то что?

Унтеръ-офицеръ посмотрѣлъ на насъ недоумѣло. „Человѣкъ... да человѣка, извѣстно, убило“, отвѣчалъ онъ, удивляясь, что насъ могутъ интересовать такіе пустяки.

Со смертію, увѣчьемъ и ранами такъ освоились, что для избѣжанія ихъ не дѣлали лишняго шага или лишняго движенія. Въ одномъ мѣстѣ, между Ростиславскимъ редутомъ и 5-мъ бастіономъ, была прорыта траншея, параллельно стѣнкѣ, соединявшей этотъ бастіонъ съ 6-мъ. Но по этой траншеѣ, дававшей полное прикрытіе отъ ружейнаго огня, мало кто ходилъ; почти всѣ шли прямой дорогой, осыпаемой пулями, хотя выигрышъ въ разстояніи не превышалъ тутъ тридцати или сорока шаговъ.

Старые севастопольцы рѣдко также брали на себя трудъ ложиться на землю, при близкомъ паденіи бомбы, хотя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это былъ довольно вѣрный способъ не быть задѣтымъ разлетавшимися осколками, которые рѣдко летятъ параллельно землѣ, а обыкновенно отдѣляются отъ нея подъ угломъ, который бываетъ тѣмъ острѣе, чѣмъ менѣе снарядъ углубляется въ землю.

Только одна рана и одна смерть заставила застонать весь Севастополь. 28-го іюня, вечеромъ, командиръ нашего редута, Ханжогло, получилъ записку и сообщилъ намъ о смертельной ранѣ Павла Степановича Нахимова, прося насъ не объявлять пока объ этомъ солдатамъ и матросамъ. Старались, чтобы слухъ объ этомъ несчастіи сколько возможно далѣе не дошелъ до матросовъ, зная, какое подавляющее впечатлѣніе произведетъ на нихъ извѣстіе, что обожаемаго ими Павла Степановича они ужъ не увидятъ. На другой день прошли было утѣшительные слухи, что рана не смертельна и что Нахимову лучше; но 30-го мы узнали, что самаго любимаго и самаго популярнаго на Черноморьи человѣка не стало.

Въ теченіи іюля въ ходѣ севастопольской обороны было какъ-то мало выдающихся случаевъ. Не помню, въ іюлѣ или еще въ

іюнѣ начали вести съ Шварцева редута контръ-минныя галлереи, противъ тѣхъ минныхъ работъ, которыя были открыты, со стороны непріятеля. Минные колодцы находились во рву редута; при устройствѣ ихъ, трудно было пробить камень, аршина въ два или три толщины; но подъ этимъ каменнымъ слоемъ оказалась глина, и галлереи вести было довольно легко. Не помню—кто изъ инженеровъ управлялъ веденіемъ контръ-минныхъ работъ; команда же рабочихъ была въ завѣдываніи поручика Углицкаго егерскаго полка Стеніуса [1]).

Во рву нашего редута всегда возились эти рабочіе, вытаскивавшіе землю изъ минныхъ галлерей. Разъ утромъ одинъ изъ нихъ, вылѣзшій изъ своей кротовьей норы, нашелъ валявшуюся во рву ногу, вѣроятно, оторванную и брошенную здѣсь ночью. Минеръ захватилъ ногу съ собою, на редутъ.

— „Ребята, чья, вотъ, нога?“

Солдаты подошли, посмотрѣли: сапогъ старый плохенькій, не стоитъ изъ-за него относить ногу къ каземату 5-го бастіона, гдѣ складывали покойниковъ.

— Это не наша; это, должно, четвертой егерской роты.

Я подмѣтилъ, что, изъ всѣхъ принадлежностей ихъ одежды, солдаты относятся съ особенною интимностію именно къ сапогамъ. 11-го или 12-го мая, вечеромъ, я проходилъ мимо Ростиславскаго редута, около котораго были свалены только что подобранные трупы солдатъ, убитыхъ въ ночь съ 10-го на 11-е мая. Пролежавъ цѣлый день на солнечномъ припекѣ, тѣла раздулись; лица почернѣли и почти утратили подобіе человѣческихъ лицъ, глаза были выпучены. Вдругъ одинъ изъ шедшихъ со мною солдатъ остановился, всмотрѣлся въ одного изъ убитыхъ и началъ креститься.

„Да ты его развѣ знаешь?“ спросилъ кто-то.

— Какъ не знать—это углицкій одинъ землячокъ.

„По чемъ же ты его узналъ?“

— Да по сапогамъ.

Покойникъ и узнавшій его солдатъ служили въ разныхъ полкахъ, слѣдовательно лишь изрѣдка имѣли возможность сойтись и

---

[1]) Стеніусъ уцѣлѣлъ. Въ семидесятыхъ годахъ я его встрѣтилъ на одной изъ станцій желѣзныхъ дорогъ, въ Финляндіи.

потолковать, между прочимъ, и объ излюбленныхъ сапогахъ. Своего же сослуживца солдатъ прежняго времени безъ труда узналъ бы по одному каблуку.

Чтобы дать отдыхъ нашимъ крайне истомленнымъ батальонамъ, въ двадцатыхъ числахъ іюля ихъ сняли съ редута Шварца и перевели на 7-й бастіонъ. Штурма на этотъ бастіонъ нельзя было ожидать, и мы могли спать по ночамъ. Не сразу, впрочемъ, мы могли воспользоваться этою возможностію: въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на редутѣ Шварца, мы совершенно отвыкли отъ ночнаго сна, и въ первые два-три дня нашей новой стоянки мнѣ по ночамъ не спалось, а клонило ко сну днемъ.

На другой или на третій день, по переходѣ нашемъ на 7-й бастіонъ, я пошелъ въ городъ и близь памятника Казарскому увидѣлъ нѣсколько неуклюжихъ сѣрыхъ фигуръ, въ дурно пригнатыхъ на нихъ армякахъ и въ сѣрыхъ шапкахъ, съ крестами. Это были ратники курскаго ополченія. Этотъ суррогатъ войска прибылъ въ Севастополь уже за нѣсколько времени предъ этимъ; но я тутъ въ первый разъ увидѣлъ ратниковъ, такъ какъ въ іюлѣ приходилось безотлучно находиться на редутѣ.

Утромъ 3-го августа блокировавшія нашъ рейдъ французскія суда разцвѣтились флагами, по случаю имянинъ Наполеона III. Впечатлѣніе чего-то пошлаго и театральнаго производили эти флаги, которыми былъ иллюминованъ флотъ націи, имѣвшей такое славное прошлое, а теперь не стыдившейся имѣть во главѣ своей авантюриста и пройдоху.

Въ тотъ же день мы сошли съ 7-го бастіона и переправились черезъ Южную бухту на Корабельную сторону. Мы знали, что идемъ туда, чтобы принять участіе въ большомъ дѣлѣ, предполагавшемся на другой день. Говорили, что изъ Севастополя выйдетъ сильная колона, чтобы обрушиться на флангъ французской позиціи, которую будутъ атаковывать наши войска, изъ-за Черной рѣчки; говорили, что честь идти во главѣ этой колоны будетъ предоставлена намъ и Орловскому полку; что колона эта, по условленному сигналу, не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій, вырвется изъ-за Рогатки, между Курганомъ и 2-мъ бастіономъ, и бросится на бывшій Камчатскій люнетъ, передѣланный французами въ редутъ и названный ими, кажется, Бран-

сіоновскимъ, и, овладѣвъ имъ, пойдетъ дальше; говорили еще, что редутъ этотъ минированъ и что передовымъ частямъ, которыя ворвались бы въ него, пріидется вспорхнуть къ ласточкамъ. Не знаю, что изъ разсказываемаго было справедливо и что лишено основанія; очень можетъ быть, что ни намъ, ни Орловцамъ не предназначалось идти впереди, или, наконецъ, что мы и вовсе не должны были идти, а должны были находиться за Рогаткою, на всякій случай; но тогда мы не сомнѣвались ни въ чемъ, что говорилось о предстоявшей вылазкѣ. Настроеніе войскъ было превосходное. Теперь я знаю, что Брансіоновскій редутъ минированъ не былъ; но тогда мы вѣрили, что онъ былъ минированъ и, все-таки, никому не уступили бы чести первымъ взойти на его брустверъ. Нужно ли говорить о томъ уныніи и той злобѣ, которыми къ вечеру 4-го августа смѣнился этотъ подъемъ духа. Никакого сигнала мы не дождались, никуда насъ не двинули, никого мы не выручили, а простояли праздно весь день, напряженно вслушиваясь въ перекаты пальбы, доносившейся до насъ съ Черной рѣчки.

Вспоминая теперь объ этомъ несчастномъ днѣ, я съ удивленіемъ думаю объ энтузіазмѣ, охватывавшемъ офицеровъ и солдатъ. Что могло породить такое настроеніе, обусловливаемое надеждою на успѣхъ? Развѣ мы не знали, что всѣ предначертанія штаба арміи неизмѣнно вели къ путаницѣ и заканчивались позорными неудачами? Идя въ бой и зная впередъ о предстоящей неудачѣ, можно и должно имѣть рѣшимость исполнить свой долгъ и умереть, если нужно; но проникнуться энтузіазмомъ можно только при большей или меньшей вѣроятности успѣха. А весь предшествовавшій ходъ войны могъ бы намъ показать, что не подъ такимъ предводительствомъ достигается побѣда.

5-го или 6-го августа мы стали на батарею Будищева, на лѣвомъ флангѣ 3-го бастіона, а дней черезъ десять перешли на батарею Жерве, примыкавшую къ Малахову Кургану. Стоянка на батареѣ Жерве намъ стоила нѣсколькихъ хорошихъ офицеровъ. Черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ прихода на батарею, былъ убитъ наповалъ отличный ротный командиръ, капитанъ Чубаровъ. Осколкомъ гранаты или ядромъ его ударило въ затылокъ и снесло верхнюю часть черепа; отъ силы толчка, глаза у него выскочили изъ своихъ орбитъ. Чубаровъ получилъ нѣсколько

ранъ подъ Альмою; вскорѣ по выздоровленіи, онъ былъ снова слегка раненъ въ плечо, кажется, на батареѣ Завалишина; наконецъ, на батареѣ Жерве съ нимъ покончили.

Разъ вечеромъ, дня черезъ два-три послѣ смерти Чубарова, около траверза, у котораго мы сидѣли, упала бомба и глубоко вошла въ рыхлую землю. Стоявшій возлѣ солдатъ хотѣлъ отскочить, но запнулся и упалъ прямо на землю, засыпавшую бомбу. Бомба разорвалась, взбросила землю, а лежавшаго на ней солдата перебросила черезъ бруствeръ. Отдѣленный отъ снаряда толстымъ слоемъ земли, солдатъ не былъ раненъ осколками, но, при паденіи, переломалъ себѣ ноги, и лежалъ у подошвы эскарпа, на виду у непріятеля, такъ какъ рва въ этомъ мѣстѣ вовсе не было. Поручикъ Москевичъ перескочилъ черезъ бруствeръ, чтобы выручить упавшаго туда солдата, но и самъ туда упалъ съ прострѣленною ногою. Затѣмъ, одинъ за другимъ, перескочило туда еще нѣсколько человѣкъ; нѣкоторые изъ нихъ были ранены, такъ какъ непріятельскіе стрѣлки усиленно стрѣляли сюда, но, все таки, всѣхъ раненыхъ удалось перетащить на батарею, и ни одинъ изъ нихъ за бруствeромъ не остался.

26 августа, поздно вечеромъ, бомба упала на землянку, въ которой сидѣли наши офицеры: Аристовъ, Кауровъ и Залѣскій, и завалила ее. Аристовъ остался живъ, послѣднихъ же двухъ вынули изъ подъ земли мертвыми; Каурова вытащили по частямъ, а Залѣскаго цѣликомъ, но сплюснутаго, какъ шептала. Ихъ даже похоронить не удалось: ихъ положили въ часовнѣ, возлѣ какихъ-то казармъ, и тѣла ихъ сгорѣли, когда, на другой день, испепелили все, что въ Севастополѣ еще было сгораемаго.

IV.

Глухой пушечный гулъ, особенно густо стоявшій надъ Севастополемъ въ двадцатыхъ числахъ августа, утромъ 27-го, внезапно прорѣзался ружейной трескотней, закипѣвшей на Малаховомъ Курганѣ, и почти непосредственно затѣмъ тамъ показались трехцвѣтныя знамена. Въ нѣсколько минутъ потокъ французовъ затопилъ внутренность укрѣпленій Кургана; захваченные врасплохъ, уцѣлѣвшіе отъ бомбардированія остатки гарнизона не могли, конечно, дать связнаго отпора, который задержалъ бы штурмую-

щихъ хоть на четверть часа, и лишь разрозненными кучами тамъ и сямъ отчаянно отбивались, охваченные массами французовъ; кучки нашихъ солдатъ, засѣвъ въ башнѣ и нѣкоторыхъ блиндажахъ, отстрѣливались еще долго послѣ того, какъ остальные клочки гарнизона были выброшены за горжу. Но съ сосѣднихъ съ Курганомъ батарей, въ густомъ дымѣ, клубившемся надъ его валами, не было замѣтно дымковъ отъ ружей послѣднихъ его защитниковъ, и слабый трескъ ихъ выстрѣловъ тонулъ въ хаосѣ звуковъ. Съ батареи Жерве, гдѣ я въ ту минуту находился, видны были только трехцвѣтныя знамена, на серединѣ Кургана, и непрерывный рядъ клубочковъ бѣлаго дыма, по всему тыльному брустверу. Пороховой дымъ облегъ верхній край этого бруствера почти сплошной клубящейся полосой, словно по гребню наложенъ былъ непрерывный рядъ огромныхъ клочьевъ ваты. Изъ этой трещащей полосы летѣли рои пуль на батарею Жерве и на Камчатскую стѣнку, составлявшую вторую оборонительную линію, за которой толпились остатки частей, занимавшихъ Малаховъ Курганъ, и сбѣжавшіеся съ Корабельной слободки кашевары, артельщики и тому подобный людъ. Они могли бы и не разлучаться съ своими котлами; но не таковскій то былъ народецъ, чтобы держать въ рукахъ уполовчики, когда сказывалось послѣднее слово великой кровавой эпопеи.

Черезъ нѣсколько минутъ ружейный трескъ закипѣлъ на 3-мъ бастіонѣ, но здѣсь атака была менѣе неожиданна, нежели на Курганѣ. На Курганѣ исключительно господствовалъ рѣзкій звукъ ружейной пальбы, на 3-мъ же бастіонѣ къ нему присоединялся пушечный гулъ, и ружейные дымки поглотились густыми бѣлыми клубами, вылетавшими изъ пушекъ и мортиръ. Любо было видѣть, какъ работалъ 3-й бастіонъ, гудя и клубясь дымомъ, съ каждой секундой все болѣе сгущавшимся. Видно было, что не бездѣйствовало ни одно орудіе. Впослѣдствіи французы подсмѣивались надъ неудачей англичанъ, отбитыхъ отъ 3-го бастіона. Но нужно было видѣть огонь этого бастіона и знать, что не смотря на весь этотъ ураганъ картечи, англичане, все-таки, дошли до рва и ворвались было на бастіонъ — чтобы понять восколько не удача англичанъ была славнѣе удачи французовъ на Малаховомъ Курганѣ, откуда успѣли по нимъ сдѣлать едва лишь нѣсколько торопливыхъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Впрочемъ, я лишь мелькомъ взглянулъ на отбивавшійся 3-й бастіонъ, когда съ нашей батареи сдѣлали нѣсколько анфиладныхъ выстрѣловъ вдоль лѣваго его фаса. Намъ не приходилось наблюдать за обороной другихъ батарей, такъ какъ нужно было отстаивать свою отъ потока французовъ, лившагося съ Малахова Кургана, какъ горящій керосинъ изъ переполненнаго сосуда.

Въ первый штурмъ Севастополя, 6 іюня, французамъ удалось ворваться на батарею Жерве и отсюда они полѣзли было на западный скатъ Малахова Кургана и засѣли въ домикахъ, еще бывшихъ тамъ въ то время. Оттуда ихъ выбили штыками. 27 августа случилось наоборотъ: на батарею Жерве даже не было нападенія съ фронта; она атакована съ лѣваго фланга и отчасти съ тыла французами, спустившимися съ Малахова Кургана. Егеря Казанскаго полка, занимавшіе батарею Жерве, быстро перемѣнили фронтъ и очистили ту часть батареи, которая примыкала къ Кургану. Тутъ, конечно, не было произведено той „перемѣны фронта лѣвымъ флангомъ назадъ", которая такъ красиво изображена на чертежахъ, приложенныхъ къ воинскому уставу; а егеря, просто, кучей, отбѣжали съ той части батареи, надъ которой нависъ Малаховъ Курганъ. Впрочемъ, вовсе не атака французовъ была причиною очищенія лѣваго фланга батареи Жерве: она только совпала съ этимъ очищеніемъ. Оно вполнѣ обусловливалось положеніемъ этой части батареи у подошвы Малахова Кургана, откуда, сверху, могли перестрѣлять, убивая на выборъ, всѣхъ находившихся внизу, съ такимъ же удобствомъ и почти съ такою же безопасностью, какъ стрѣлять фазановъ въ фазаneріи.

Эту часть батареи неминуемо пришлось бы оставить, если бы она и вовсе не была атакована. И, наоборотъ, атака была бы отбита, если бы она была произведена не въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ эскарпа нависшихъ надъ этимъ мѣстомъ укрѣпленій Малахова Кургана, уже занятаго французами. Какъ только егеря, очистивъ пространство, на которомъ безусловно невозможно было держаться, остановились, то прекратилось и стремленіе красноштаннаго потока. Зуавы засѣли за траверзы и блиндажи, за орудія и выступы мерлоновъ. Мѣсто, гдѣ собрался Казанскій полкъ, было тоже вполнѣ командуемо Малаховымъ Курганомъ; но, по сравнительно большому отъ него разстоянію, все-таки, была какая нибудь возможность держаться за траверзами и тому подобными

закрытіями. Хотя насъ и здѣсь осыпали пулями съ Кургана, но это не были выстрѣлы почти въ упоръ, какъ было бы на верхней части батареи. Намъ очень пригодились два довольно длинные траверза, стоявшіе перпендикулярно къ фронту батареи; мы стали за ними, лицомъ къ Кургану и правымъ плечомъ къ нашему брустверу, и открыли огонь по Кургану и по зуавамъ, спустившимся съ него на нашу батарею. Хотя они были нашими ближайшими сосѣдями, но на нихъ мы меньше обращали вниманія, нежели на Курганъ, господствовавшій надъ нашимъ уголкомъ и весьма серьезно на насъ смотрѣвшій амбразурами своего тыльнаго бруствера. Изъ числа орудій, стоявшихъ на заднемъ фасѣ Кургана, болѣе пятнадцати могло стрѣлять на батарею Жерве и мы ежеминутно ожидали, что изъ ихъ амбразуръ хлынетъ на насъ картечь. Достаточно было бы одного картечнаго залпа, чтобы насъ истребить, такъ какъ изъ четырехтысячнаго полка въ это время оставалось менѣе семисотъ человѣкъ. Къ счастію, опасеніе наше не оправдалось. Успѣла ли прислуга, оставляя эти орудія, заклепать ихъ, или по какой нибудь другой причинѣ—но ни одно изъ этихъ орудій не открыло по насъ огня.

Немедленно по сборѣ нашемъ за траверзами, началась жаркая перестрѣлка между нами и атаковавшими насъ зуавами. Хотя они были многочисленнѣе насъ, но перестрѣлка эта кипѣла при довольно равныхъ условіяхъ. Нельзя того же сказать о перестрѣлкѣ съ Курганомъ: онъ командовалъ занятою нами мѣстностію, и пальба оттуда настолько имѣла преимущества передъ нашимъ отвѣтнымъ огнемъ, что почти не стоило и отвѣчать, и лишь немногіе изъ насъ стрѣляли по Кургану. Не смотря на подкрѣпленіе зуавовъ стрѣлковымъ баталіономъ (кажется, гвардейскимъ), мы цѣпко держались за занятое нами мѣстечко и хотя двѣ трети изъ насъ полегли на немъ, но остальная треть сошла съ него только вечеромъ,—и не повторившееся нападеніе французовъ заставило насъ оставить это мѣсто, а приказаніе главнокомандующаго оставить всѣ батареи и Севастополь.

Фономъ многочасовой обороны батареи Жерве служила наша горячая перепалка съ французами и постепенное истребленіе нашихъ егерей огнемъ съ Малахова Кургана. Многочисленные эпизоды испещряли этотъ фонъ, но мало его разнообразили, такъ какъ каждый изъ этихъ эпизодовъ, повторяясь многократно, пе-

реставалъ быть выдающимся пятномъ на картинѣ, а становился лишь оттѣнкомъ фона. Часто мы рвались въ штыки, бросались впередъ и оттѣсняли передовыя толпы французовъ. Мы не отдавали себѣ отчета въ цѣли нашихъ атакъ и не спрашивали себя: былъ ли вѣроятенъ какой нибудь успѣхъ. Мы рвались впередъ, опьяненные пыломъ боя и забывая, что пытаемся овладѣть тѣмъ самымъ мѣстомъ, съ котораго, за полчаса передъ тѣмъ, сошли, по невозможности на немъ держаться. Эта невозможность напоминала о себѣ немедленно, какъ только мы овладѣвали частицею лѣвой половины батареи Жерве: съ Кургана обдавалъ насъ свинцовый дождь, и мы снова бывали принуждены возвратиться за траверзы, оставляя нѣсколько десятковъ труповъ. Для человѣка, неотуманеннаго свалкой, была бы ясна сумасбродность нашихъ порывовъ; но мы не думали о томъ, были ли наши дѣйствія цѣлесообразны или безцѣльны. Одно время мы даже порывались, сломивъ бывшихъ противъ насъ зуавовъ, ворваться на Малаховъ Курганъ, и намъ и въ голову не приходило то, что четыремъ или пятистамъ человѣкамъ почти такъ же невозможно выбить оттуда нѣсколько тысячъ французовъ, какъ невозможно сшибить фуражкою Исаакіевскій соборъ. Прошло уже двадцать шесть лѣтъ съ послѣдняго штурма Севастополя, но рядъ картинъ изъ защиты батареи Жерве явственно возстаетъ въ моей памяти. Каждый изъ этихъ эпизодовъ, взятый отдѣльно, незначителенъ; но цѣлый рядъ ихъ, въ совокупности, составляетъ общую картину обороны нашей батареи. Главные начальники переранены; иниціативу того или другаго движенія взяла на себя кучка уцѣлѣвшихъ офицеровъ. Вотъ, возбуждаемые ими, егеря метнулись впередъ и передъ нами мелькаютъ пятки бѣгущихъ отъ насъ зуавовъ. Нѣсколько французскихъ труповъ распласталось по землѣ; тяжело раненый молодой зуавъ лежитъ, подперши лѣвой рукой торсъ и мрачно глядя въ землю; около него лежитъ новехонькій штуцеръ, повидимому въ первый разъ взятый въ дѣло. Подпоручикъ Степановъ, на бѣгу, поднялъ этотъ штуцеръ и на бѣгу же, смѣясь, показалъ его мнѣ, вѣроятно, обращая мое вниманіе на его совершенную новизну. Черезъ нѣсколько минутъ Степановъ лежалъ бездыханный, убитый пулею наповалъ. Это былъ развитой молодой человѣкъ съ основательнымъ университетскимъ образованіемъ. Наружностію онъ былъ надѣленъ отнюдь не марсіальною: его блѣд-

ная сухая фигура скорѣе походила на какого нибудь нѣмецкаго школьнаго учителя. Всегда холодный, молчаливый, несообщительный, онъ не былъ любимъ товарищами; его сухость и неохота съ кѣмъ либо сближаться многихъ заставляла относиться къ нему недружелюбно и даже быть къ нему несправедливыми. Нѣкоторые, напримѣръ, высказывали сомнѣніе относительно его храбрости. Я же, пробывъ съ нимъ около мѣсяца на Селенгинскомъ редутѣ и три мѣсяца на редутѣ Шварца, считаю его храбрость неподлежащею никакому сомнѣнію. Онъ не былъ, правда, надѣленъ тою пылкою храбростію, которая обращаетъ на себя вниманіе; но достаточно было видѣть его 27-го августа, чтобы не сомнѣваться въ его мужествѣ. Съ грустью я припоминаю его тощую фигуру, такъ какъ мы съ нимъ близко сошлись въ послѣдніе мѣсяцы севастопольской осады, и я едва ли не былъ тогда единственнымъ человѣкомъ, съ которымъ онъ переставалъ быть сухимъ и несообщительнымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ упалъ Степановъ, небольшое пространство между траверзомъ и брустверомъ было сплошь залито кровью. Смѣсь крови съ пылью толстымъ слоемъ покрывавшею землю, образовала какое-то тѣсто. Растоптанное бившимися здѣсь егерями, оно походило на обыкновенную грязь, какая бываетъ на базарныхъ площадяхъ уѣздныхъ городишекъ, но только была буро-краснаго цвѣта. Лицомъ къ землѣ, лежалъ въ этой кровяной грязи молодой офицеръ, Кедровъ, и метался въ предсмертныхъ судоргахъ. Грудь и лѣвая его щека плотно прильнули къ землѣ. и только рука и нога его порывисто двигались. Съ ними двигалась и шашка, судорожно зажатая въ правой рукѣ. Кедровъ только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ былъ произведенъ въ офицеры. Не знаю экзаменъ или что-то, тамъ, другое ему не давалось; но онъ невѣроятно долго пробылъ юнкеромъ и этотъ юношескій рангъ весьма не шолъ къ его почтенной, украшенной бакенбардами фигурѣ. Онъ былъ человѣкъ до наивности добродушный, очень простой и очень храбрый.

Забавно теперь вспомнить, что наши офицеры тогда между собою толковали: не попытаться ли намъ ворваться на Курганъ. Въ наши слова внимательно вслушивался молодой статный солдатъ. Въ его ясныхъ, красивыхъ глазахъ свѣтилась жадная готовность слѣдовать за нами на самое опасное и самое безразсуд-

ное предпріятіе. Тогда, впрочемъ, ни намъ, ни ему наше намѣреніе не казалось безразсуднымъ и успѣхъ не казался несбыточнымъ. Это былъ унтеръ-офицеръ Чесновичъ, молодой, красивый, смышленый солдатъ, лучшій стрѣлокъ въ полку. Отошедши отъ умиравшаго Кедрова, я увидѣлъ Чесновича, который сидѣлъ у кучи туровъ, перегнувшись напередъ; красивыя черты его лица были искажены страданіемъ; онъ держался обѣими руками за животъ и корчился отъ боли. Пуля ударила его въ животъ и, вѣроятно, изорвала внутренности.

Мнѣ случилось быть во многихъ сраженіяхъ, но никогда я не слышалъ такого полета пуль, какъ на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Какъ бы густо ни летѣли пули, но, обыкновенно, слышится нѣкоторая раздѣльность свиста одной изъ нихъ отъ свиста другой. Здѣсь же слышалось сплошное шипѣніе; казалось, что потокъ пуль какъ бы струится; ощущалось какое-то теченіе свинца. Мы не могли цѣлить въ французовъ, занимавшихъ часть нашей батареи, такъ какъ ни одного изъ нихъ не видно было изъ-за густаго дыма. Мы стрѣляли въ этотъ дымъ, стараясь только дать нашимъ пулямъ направленіе, параллельное землѣ. Мы слишкомъ горячились въ пальбѣ, и часа черезъ полтора начало недоставать патроновъ; у иныхъ оставалось еще по нѣсколько патроновъ, но у большинства сумки были пусты. Началось обычное въ такихъ случаяхъ, безрезультатное бросаніе камней. Камни летѣли съ обѣихъ сторонъ: видно французы также небогаты были зарядами. Мы послали въ Суздальскій полкъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 3-го бастіона, просить патроновъ. Суздальцы сначала не рѣшались подѣлиться съ нами, въ виду вѣроятности повторенія атаки англичанъ на 4-й бастіонъ; по посланному нами унтеръ-офицеру удалось таки какъ-то подъѣхать и выманить нѣсколько сотъ патроновъ, которые и были къ намъ принесены въ полахъ солдатскихъ шинелей.

Изъ дыма, опоясывавшаго Малаховъ Курганъ, виднѣлось два знамени. Видны были только развѣвавшіяся полотна знаменъ, а нижнія части древокъ были погружены въ густой дымъ, такъ что нельзя было различить: стояли ли онѣ на одной линіи, около бруствера, или одно изъ нихъ было нѣсколько позади. Я поднялъ съ земли ружье и нѣсколько разъ выстрѣлилъ, цѣлясь настолько ниже полотна одного изъ знаменъ, чтобы попасть въ знаменщика,

совершенно скрытаго дымомъ. Какъ ни старательно я цѣлилъ, конечно, не попалъ, потому что, при стрѣльбѣ изъ нашихъ солдатскихъ ружей того времени, наименьшей опасности подвергался именно тотъ, въ кого цѣлили. О солдатскомъ ружьѣ тогдашніе острословы говорили, что „изъ него въ десяти шагахъ въ домъ не попадешь“. Впослѣдствіи я узналъ имя человѣка, котораго старался убить. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ войны, я видѣлъ, въ Версали, картину Ивона, изображающую штурмъ Малахова Кургана. На ней — первый моментъ вторженія французовъ на Курганъ. Русскіе еще не выбиты; часть пѣхоты разстроена; другая ломитъ стѣной на ворвавшихся въ укрѣпленіе зуавовъ; прислуга умираетъ на орудіяхъ, отбиваясь банниками, топорами и гандшпугами. На развалинахъ башни стоитъ Мак-Магонъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него бравый зуавскій сержантъ (кажется, 3' полка) Ligo или Ligault держитъ развивающееся знамя. Не знаю, оставалось ли это знамя на развалинахъ башни до конца дня или было перенесено на банкетъ тыльнаго бруствера Корниловскаго бастіона. Въ первомъ случаѣ M-r Ligault былъ скрытъ отъ насъ не только дымомъ, но и валомъ. Другаго знамени нѣтъ на этой картинѣ; но его могло и не быть въ тотъ моментъ атаки, который изображонъ Ивономъ: оно могло быть внесено на Курганъ послѣ, или же могло стоять въ пунктѣ укрѣпленія, который не входилъ въ кругъ мѣстности, охваченной картиною. Я только очень хорошо помню, что знаменъ было два, одно нѣсколько больше другаго.

Бой въ жаркое время дня, вдыхаемый дымъ и крикъ возбуждали во мнѣ палящую жажду и изъ пересохшаго моего горла, вмѣсто словъ, выходило хрипѣніе. Шагахъ въ десяти за нами былъ маленькій навѣсъ, подъ которымъ, въ послѣдніе дни осады, ютилось двое или трое офицеровъ. Я вошелъ подъ этотъ навѣсикъ, въ надеждѣ найти тамъ воду; воды не оказалось, но стоялъ самоваръ и на немъ чайникъ. Жадно потянувъ изъ носика тепловатаго чая, я вышелъ изъ подъ навѣса, зарядилъ ружье и хотѣлъ выстрѣлить въ французовъ, стоявшихъ между двумя знаменами, на Курганѣ. Но я еще не успѣлъ взвести курка, какъ меня сильно ударило въ правое бедро; въ верхней части бедра почувствовалась острая боль, а остальная часть ноги онѣмѣла и безсильно повисла. Я пошатнулся, но быстро опустилъ прикладъ

на землю и оперся на ружье. Почти въ ту-же минуту меня подхватилъ подъ руку юнкеръ де-Прейсъ и, подозвавъ своего брата, повелъ меня съ батареи. Сначала, хотя съ большимъ трудомъ, но я могъ еще передвигать прострѣленной ногой и даже слегка становиться на нее. Мы спустились въ Доковъ оврагъ, по которому тащились раненые солдаты и гдѣ притаились кучки нераненыхъ ополченцовъ. Перейдя оврагъ, мы начали подыматься на его противоположный склонъ. Кровь лилась изъ моей раны, до краевъ наполнила голенище высокаго сапога и выливалась изъ этого голенища. Я началъ терять силы; раненая нога передвигалась плохо и почти тащилась, и я почти повисъ на юнкерѣ, поддерживавшемъ меня справа. Повременамъ, нѣсколько освободивъ правую руку, я закрывалъ ею рану, чтобы меньше выливалось изъ нея крови. Потъ покрывалъ мое тѣло; легкая шинель казалась мнѣ невыносимой тяжестію и я хотѣлъ остановиться и сбросить ее. Полусвободной лѣвой рукой я вынулъ изъ кармана бинтъ и корпію и сунулъ ихъ въ карманъ рейтузъ. Этотъ бинтъ и пучекъ корпіи я всегда носилъ въ лѣвомъ карманѣ шинели, получивъ ихъ отъ одного изъ товарищей, при отъѣздѣ моемъ въ Севастополь, изъ Александрійскаго гусарскаго полка. Впрочемъ, пока я возился съ перекладываніемъ корпіи, мы уже поднялись изъ оврага и были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, окружавшей доки. Стѣна эта была изрѣшетена снарядами, но составляла надежную защиту отъ пуль. Пройдя ворота, я опустился на землю. Подъ защитою стѣны можно было перевязать рану; но корпіи и бинта въ рейтузномъ карманѣ не оказалось. Перекладывая несвободной рукой, я ихъ недостаточно глубоко вложилъ въ карманъ, и они выпали. Пришлось корпію замѣнить носовымъ платкомъ, а бинтъ—подтяжками. Впрочемъ, истеченіе крови само собой значительно уменьшилось: вмѣсто потока густой крови, лившагося за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ изъ обѣихъ ранъ, изъ нихъ слабо струилась теперь жидкая, какъ бы разбавленная лимфой кровь.

Перевязавъ кое какъ раны, меня понесли на перевязочный пунктъ, съ помощью подошедшаго горниста Казанскаго полка. Перевязочный пунктъ былъ въ доброй верстѣ оттуда, въ морскихъ пакгаузахъ, тянувшихся по набережной, до Павловскаго мыска Передъ входомъ въ каждый изъ пакгаузовъ земля сплошь

была устлана приползшими сюда ранеными. Пронести меня, не наступивъ на нихъ, было невозможно. Меня поставили на ноги; я собралъ послѣднія силы и прошелъ нѣсколько шаговъ, отдѣлявшихъ меня отъ перевязочнаго пункта. Внутренность его мнѣ сразу напомнила двадцать-восьмую пѣснь Дантова ада. Тутъ, правда, не было особенно изувѣченныхъ, такъ какъ всѣ раны были отъ пуль и штыковъ, но въ обширный пакгаузъ, уже заваленный ранеными, все несли и несли прострѣленныхъ и исколотыхъ солдатъ и офицеровъ, русскихъ и французовъ. Не было слышно отдѣльныхъ громкихъ криковъ и стоновъ; но раненыхъ было такое множество, что отъ тихаго стона только нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пакгаузѣ, стоймя стоялъ глухой гулъ. Работа медиковъ и фельдшеровъ кипѣла, но это была борьба съ гидрой: едва успѣвали перевязать одного, какъ вновь вносили цѣлый десятокъ. Мнѣ посчастливилось быть перевязаннымъ безъ замедленія, но инымъ приходилось ждать по часу, по два и болѣе. Послѣ перевязки, я оставался на перевязочномъ пунктѣ часа четыре, и все это время лежавшій рядомъ со мною, съ раздробленнымъ бедромъ, унтеръ-офицеръ Владимірскаго полка тщетно умолялъ о перевязкѣ. Несправедливо было бы обвинять медиковъ: они дѣлали все, что могли, и ни минуты не оставались безъ дѣла. Фельдшера̀ метались, не переводя духу; особенно старательно и добросовѣстно накладывали перевязки бывшіе тутъ прусскіе молодые фельдшера.

Мимо меня проносятъ полнаго французскаго штабъ-офицера; онъ кряхтитъ и грузно лежитъ на носилкахъ, какъ мѣшокъ съ отрубями. Вотъ пробирается между ранеными сухощавый солдатъ, съ странной физіономіей и съ кровавой раной на мѣстѣ лѣвой скулы, совершенно отшибленной пулею. Вправо отъ меня стоитъ, съ обнаженнымъ торсомъ, молодой офицеръ; его сухія губы сжаты и неподвижные глаза свѣтятся лихорадочно; ему вырѣзываютъ пулю, попавшую въ грудь и засѣвшую въ спинѣ.

Страданіе отъ ранъ не заглушало у насъ заботы о томъ, что дѣлается на Малаховомъ Курганѣ: переходитъ ли онъ въ наши руки или остается въ рукахъ французовъ. У многихъ мысль объ этомъ оттѣсняла далеко назадъ заботу о своемъ личномъ положеніи. Отъ каждаго вновь прибывающаго ждали услышать, что русскіе ворвались въ горжу; при каждомъ пароксизмѣ ружейнаго

треска мы думали, что это наши отбиваютъ Курганъ. Между нами даже распространился было на нѣсколько минутъ слухъ, что русскіе ужъ овладѣли одной половиной Кургана и французы едва держатся на другой.

Со мною былъ въ Севастополѣ старый слуга, бывшій еще камердинеромъ моего отца, Иванъ Лебягинъ. Извѣщенный о томъ, что я раненъ, онъ поспѣшилъ прійти ко мнѣ, и съ этой минуты начались тѣ неусыпныя его попеченія обо мнѣ, къ какимъ способны были только слуги стараго закала. Меня мучила жажда, и я попросилъ Ивана принести мнѣ стаканъ воды. При видѣ воды, со всѣхъ сторонъ послышались просьбы раненыхъ напоить ихъ. Я увидѣлъ, что жажда была общимъ ощущеніемъ всѣхъ раненыхъ. Можетъ быть она возбуждалась потерею крови или усиліями добраться съ батареи на перевязочный пунктъ, или, вообще, возбужденнымъ состояніемъ предшествовавшаго боя. Иванъ носилъ воду раненымъ во все то время, которое я оставался на перевязочномъ пунктѣ.

День началъ склоняться къ вечеру. Раненые все прибывали и прибывали. Трескъ ружейной пальбы заглушался громомъ пушекъ съ нашихъ пароходовъ, стоявшихъ вблизи насъ, въ южной бухтѣ, и стрѣлявшихъ черезъ крыши нашихъ пакгаузовъ. Эти выстрѣлы, не знаю вслѣдствіе какихъ акустическихъ условій, раздавались у насъ какимъ-то чудовищнымъ воемъ. Часу въ шестомъ раненыхъ начали переправлять, наконецъ, на Сѣверную сторону. Ихъ, сплошнымъ слоемъ, настлали на палубу парохода „Дунай“ и бывшихъ у него на буксирѣ двухъ шеландъ. Едва пароходъ вышелъ изъ-за Павловскаго мыска, какъ раздался выстрѣлъ съ стоявшей надъ Большой бухтой французской батареи (кажется, съ Маrіе), и граната разорвалась надъ нашей палубой; осколки, къ счастію, никого не задѣли. У берега Сѣверной стороны, пароходъ вошелъ въ небольшую бухту, близь Михайловскаго форта, и раненыхъ начали сгружать. Матросы положили меня на носилки и понесли на берегъ. Солнце уже заходило, но его косые лучи, попадая мнѣ въ глаза, мучили меня: всякій звукъ и свѣтъ, хотя бы и не сильный, болѣзненно отзывались на потрясенныхъ нервахъ. Я надвинулъ на глаза козырекъ фуражки, чтобы защитить ихъ отъ свѣта. На берегу стояла густая толпа народа, съ любопытствомъ глядѣвшая на кровавый грузъ судовъ. Справа

стояла старушка и съ нею молоденькая дѣвушка, съ хорошенькимъ смуглымъ личикомъ, пунцовыми губками и бархатными глазами—одинъ изъ прелестныхъ южно-русскихъ типовъ. Она наклонилась надъ моими носилками, заглянула мнѣ въ глаза и сказала: „бѣдный, такой молодой“. Эти слова участія тронули бы меня во всякую другую минуту; но тогда все меня раздражало, и я, съ досадою, отвернулся.

Меня отнесли въ гауптвахту, стоявшую близь берега, и положили на полъ. Я послалъ въ лагерь, бывшій восточнѣе Сѣвернаго укрѣпленія, извѣстить моего товарища по полку графа Платона Александровича Зубова, что я раненъ, и попросить его пріѣхать за мной. Онъ былъ сильно контуженъ въ голову осколкомъ бомбы и, мало по малу оправляясь, жилъ въ лагерѣ. До лагеря было версты три, и прошло довольно много времени, пока посланный туда дошелъ. По комнатѣ, гдѣ я лежалъ на полу, шатались пьяные матросы, едва не наступая на меня. Время тянулось невыносимо долго. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, наконецъ, раздался топотъ лошадей, и Платонъ Александровичъ пріѣхалъ за мною. Меня перевезли въ его палатку, разбитую на высотѣ, откуда хорошо были видны и бухта и Севастополь. Я попросилъ отстегнуть и опустить полу палатки и сталъ смотрѣть на горделивую агонію, завершавшую трехсотъ-сорока-девятидневную борьбу. Перестрѣлка прекратилась. За бухтой тянулось сплошное пятно пламени, пересѣченное толстыми, расширявшимися кверху, жгутами чернаго дыма. Мѣстами онъ былъ такъ густъ, что стоялъ стѣной, непроницаемой ни для малѣйшаго проблеска огня. Рангоутъ еще незатонувшихъ судовъ чертился яркими полосами. Къ глухому гулу взрыва пороховыхъ погребовъ примѣшивались какіе-то трещащіе звуки; воздухъ раздирался громовымъ трескомъ разрыва многихъ сотенъ бомбъ и гранатъ, лопавшихся въ подожженныхъ бомбовыхъ складахъ. Не знаю, было ли то въ дѣйствительности или это только такъ представлялось моему горячечному воображенію—но мнѣ казалось, что въ воздухѣ слышится какое то клокотаніе. Чувствовалось что-то стихійное въ томъ, что происходило тогда передо мною. Въ умѣ невольно составлялось уподобленіе этого момента событію, случившемуся почти за восемнадцать столѣтій передъ тѣмъ. Впрочемъ, сравненіе не шло дальше нѣкотораго внѣшняго сходства трагизма той и этой ми-

нуты: какъ тогда, такъ и теперь, все гибло и рушилось, земля вздрагивала и окружающая атмосфера трепетала, но народонаселеніе Помпеи бѣжало, въ паническомъ ужасѣ, пассивно склоняясь передъ неотразимой силой стихіи; здѣсь же люди энергически отбивались отъ враждебной силы и сами разнуздали стихію, въ гордомъ желаніи въ конецъ истребить все, что отстоять было невозможно. Сходство между двумя истребленными городами стало гораздо полнѣе впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ по окончаніи Крымской войны. Посѣтивъ развалины Севастополя, я былъ потомъ въ Помпеѣ. Тѣ же мертвыя улицы; лишонные крышъ дома, въ окна и двери которыхъ видно синее небо; верхи стѣнъ, поросшіе травой; деревья и кустарникъ среди комнатъ; то же могильное безмолвіе. Только Помпея гораздо менѣе разрушена. И не одинаковыя мысли приходятъ въ голову, когда стоишь на развалинахъ этихъ двухъ городовъ. Въ фактѣ разрушенія Помпеи нѣтъ, въ сущности, ничего славнаго: между гибелью и спасеніемъ выбора не было, и она погибла отъ изверженія волкана, какъ многіе десятки голландскихъ мѣстечекъ погибли отъ прорыва морскихъ волнъ черезъ плотины. Въ погибели этихъ забытыхъ мѣстечекъ было ровно столько же трагизма, какъ и въ гибели Помпеи; но самый фактъ ихъ погибели почти никому неизвѣстенъ. Помпея же стала славна, потому что ея гибель, спустя много вѣковъ послѣ того, какъ она совершилась, была прославлена перомъ и кистью.

Въ разрушеніи Севастополя не было ничего фатальнаго; его разрушеніе или сохраненіе зависѣло отъ произвола людей. Онъ уцѣлѣлъ бы вполнѣ, если бы его гарнизонъ поступилъ такъ, какъ поступали впослѣдствіи гарнизоны всѣхъ этихъ Абевилей и Арасовъ. Онъ уцѣлѣлъ бы на три четверти, если бы защищался столько же, сколько защищался Страсбургъ; но разрушеніе Севастополя было полное, потому что не было примѣра такой обороны, съ тѣхъ поръ какъ понятіе о нападеніи и защитѣ возникло въ умахъ человѣческихъ. Цѣлый годъ его громили враги, стремясь овладѣть имъ, и coup-de-grâce нанесенъ ему былъ своими, нежелавшими, чтобы врагамъ досталось что нибудь, исключая пепла и обломковъ. Каждый квадратный дюймъ севастопольской почвы былъ свидѣтелемъ геройскаго подвига и геройской смерти, несхожей съ пассивной гибелью кучи людей, трепетно прижавшихся къ стѣнѣ погреба, въ домѣ Діомеда.

Это пришло мнѣ въ голову, конечно, не тогда, когда я смотрѣлъ на разрушеніе Севастополя. Измученный усталостію, истекши кровью, подавленный горемъ отъ утраты того, что намъ казалось тогда дороже всего на свѣтѣ, я не былъ способенъ даже къ самому элементарному анализу. Сравненіе гибели Севастополя съ гибелью Помпеи мелькнуло въ моихъ мысляхъ, просто, потому что и тамъ и здѣсь были гибель и разрушеніе.

Послѣ полуночи я началъ впадать въ тихій, безсвязный бредъ и заснулъ тревожнымъ сномъ.

На другой день, рано утромъ, Лебягинъ отыскалъ фургонъ, такъ какъ въ коляскѣ нельзя было ѣхать лежа. Въ фургонъ была впряжена пара бойкихъ лошадокъ, но бойкость ихъ была, на этотъ разъ, излишняя, потому что я могъ подвигатьсят олько медленно, шагъ за шагомъ: самый незначительный толчокъ отдавался въ ранѣ острою болью. Когда меня уложили въ фургонъ, я приказалъ повернуть его такъ, чтобы мнѣ можно было видѣть Севастополь. Я хотѣлъ взглянуть на него въ послѣдній разъ, не зная, удастся ли когда нибудь, въ теченіи моей жизни, его увидѣть. Представившаяся мнѣ картина была однообразна, безъ всякихъ потрясающихъ деталей; но, при видѣ ея, горе и бѣшенство сдавили мнѣ горло и слезы покатились изъ глазъ. Севастополь былъ затопленъ густымъ слоемъ осѣвшаго дыма, изъ котораго виднѣлось только нѣсколько наиболѣе возвышенныхъ точекъ города. Въ теченіи почти года дымъ составлялъ обычную принадлежность картины Севастополя; но то былъ дымъ, оживленно клубившійся надъ бастіонами, то сгущаясь отъ выстрѣловъ, то рѣдѣя. А теперь онъ лежалъ неподвижнымъ, мертвымъ пластомъ надъ землею, которую мы такъ долго, такъ яростно и такъ любовно охраняли.

Какъ ни медленно подвигался фургонъ и какъ ни осторожно правилъ кучеръ, но нельзя было избѣжать толчковъ, когда колеса попадали на камешки, во множествѣ разсѣенные по дорогѣ. Толчки эти возбуждали жгучую боль въ моей ранѣ, и я очень завидовалъ раненому полковнику, котораго солдаты несли на носилкахъ, рядомъ съ моимъ фургономъ. Уже смеркалось, когда мы прибыли въ Бахчисарай. Мнѣ нашли помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ небольшаго домика, съ такой узкой и крутой лѣстницей, что меня внесли по ней съ большимъ трудомъ. Почти двое сутокъ я ничего не ѣлъ и попросилъ теперь тарелку супу. Никогда потомъ

ни одно блюдо у Вефура или Maison Dorée не казалось мнѣ такимъ вкуснымъ, какъ поданный мнѣ въ Бахчисараѣ куриный супъ съ рисомъ. На другой день я пріѣхалъ въ Симферополь и переночевалъ на частной квартирѣ. Оставаться на квартирѣ, не поступая въ госпиталь, было невозможно, потому что штурмъ 27-го августа завалилъ ранеными симферопольскіе госпитали, и медики не имѣли возможности дѣлать перевязки еще на дому. На другое утро послѣ пріѣзда я приказалъ везти себя въ одно изъ отдѣленій госпиталя. Отдѣленія эти назывались по именамъ владѣльцевъ занимаемыхъ ими домовъ или по тому назначенію, которое имѣли прежде эти дома; такъ были: домъ Мейера, Благородный пансіонъ и проч. Особенно хорошо отзывались о первомъ изъ нихъ, находившемся въ рукахъ чрезвычайно добросовѣстнаго и самоотверженно преданнаго своему долгу врача, что было отнюдь не общимъ свойствомъ симферопольскихъ медиковъ. Я безуспѣшно объѣхалъ всѣ госпитальныя отдѣленія: вездѣ не только всѣ койки были заняты, но раненыхъ разложили всюду, гдѣ только была какая нибудь возможность ихъ уложить. Меня нѣсколько возмущало то, что раненый въ сраженіи офицеръ не можетъ найти себѣ пріюта; но дѣлать было нечего—пришлось возвратиться домой. Изъ Благороднаго пансіона привели ко мнѣ фельдшера; я попросилъ его перевязять мнѣ рану и обѣщалъ ему дать нѣсколько рублей, какъ только онъ меня своевременно увѣдомитъ объ открывшемся въ пансіонѣ мѣстѣ. Мнѣ не долго пришлось ждать. Вечеромъ того же дня фельдшеръ прибѣжалъ ко мнѣ, сіяя радостію, и объявилъ, что „капитанъ умеръ“. Мнѣ стыдно теперь подумать, что я тогда не безъ удовольствія услышалъ о смерти бѣднаго капитана.

Было совершенно темно, когда я пріѣхалъ въ Благородный пансіонъ. Меня внесли въ тусклоосвѣщенную залу и попробовали положить на кровать, съ которой только что сняли покойника. На бѣду, покойный, вѣроятно, былъ очень небольшаго роста и его кровать оказалась для меня коротка. На нее переложили одного изъ раненыхъ, покороче, а мнѣ предложили занять его койку, не безъ протеста, однакоже, съ его стороны.

На другой день, утромъ, многіе изъ раненыхъ съ замѣтной тревогой ожидали прибытія доктора и начала перевязки. Часовъ въ 9 въ залу вошелъ довольно высокій и толстоватый господинъ

съ жирнымъ и рябымъ улыбающимся лицомъ, обросшимъ густыми черными бакенбардами. Если бы я встрѣтилъ такого господина теперь, то сразу счелъ бы его, по его довольной и сытой улыбкѣ, за средней руки концессіонера, но тогда этотъ типъ еще не народился и такими улыбками улыбались провіантскіе чиновники, коммиссіонеры, завѣдующіе погонскими ротами офицеры и прочая проказа Крымской арміи. На этотъ разъ, впрочемъ, самодовольная физіономія принадлежала не кому-либо изъ вышеисчисленныхъ дѣятелей, а доктору М., завѣдывавшему Благороднымъ пансіономъ. За докторомъ слѣдовала небольшая, румяная и полная старуха—сестра милосердія. Она тоже, повидимому, была весьма довольна всѣмъ дѣящимся; но въ ея улыбкѣ было гораздо менѣе самодовольства, и къ этому самодовольству примѣшивалось другое выраженіе, которое можно было, пожалуй, считать и за выраженіе добродушія. За сестрой милосердія шли два фельдшера и нѣсколько грязныхъ лазаретныхъ служителей, съ тазами и теплою водою, для промывки ранъ.

Перевязка нѣсколькихъ офицеровъ обошлась безъ стоновъ. Очередь дошла до молодаго офицера, раненаго пулей въ пятку, сбоку. Рана обильно поросла дикимъ мясомъ; пришлось его вырѣзывать, да прихватить и не дикаго. „Мамаша, сядьте около меня“, сказалъ раненый сестрѣ милосердія. Она сѣла и онъ обнялъ ее. Началась операція; офицеръ, поблѣднѣвъ и стиснувъ зубы, молчалъ, но толстая сестра милосердія вопила. Насъ сначала удивило, что раненый уполномочилъ ее кричать, вмѣсто себя; но оказалось, что, отъ боли, онъ судорожно впился пальцами въ ея жирный бокъ, и она кричала своекоштно. Эта сцена насъ развлекла, хотя нѣкоторымъ изъ насъ, въ томъ числѣ и мнѣ, предстояло такое же взрѣзываніе. Перевязавъ еще нѣсколько моихъ сосѣдей, докторъ, все также концессіонерно улыбаясь, подошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ мою рану и, для изслѣдованія ея внутренности, запустилъ въ нее не зондъ, а, просто, указательный палецъ, весь, до соединенія его съ пястью руки. На бѣду, пальцы у М. были толщиною съ пистолетную кабуру. Объявивъ, что дюймахъ въ трехъ отъ передняго отверстія раны есть гнойные затеки, докторъ впустилъ туда желобчатый зондъ, ввелъ въ него скальпель и, не торопясь, разрѣзалъ мышцы, дюйма на три въ глубину и почти настолько же въ ширину.

Этому трудно повѣрить—но инструментъ былъ настолько тупъ, что разрѣзываемое имъ мясо издавало какіе-то скрипящіе звуки. Когда окончилось вскрытіе раны, мнѣ сказали, что я очень блѣденъ, и посовѣтовали мнѣ выпить стаканъ воды. Докторъ прибавилъ, что напрасно я дѣлалъ усиліе ничѣмъ не выказать перенесенную мною боль. Но что меня изумило, такъ это дурнота, сдѣлавшаяся у Ивана Лебягина, при видѣ рѣзанія меня тупымъ ножемъ: до тѣхъ поръ я считалъ Ивана способнымъ невозмутимо смотрѣть, какъ сдираютъ кожу съ живаго человѣка. Послѣ перевязки я попросилъ, чтобы меня перемѣстили изъ большой шумной палаты въ болѣе спокойную комнату. Палаты назывались по тому назначенію, которыя имѣли комнаты, до превращенія пансіона въ госпиталь: были классы, по нумерамъ, рекреаціонная зала и проч.; одна палата носила названіе театра, потому что въ ней были кулисы, вѣроятно оставшіяся тутъ, послѣ устроеннаго воспитанниками любительскаго спектакля. Одну комнату прозвали „уборной", не потому, впрочемъ, что учитель чистописанія совершалъ тутъ, предъ началомъ классовъ, свой туалетъ. Это была единственная изъ комнатъ, которая называлась не такъ, какъ называли ее аборигены, а получила названіе впослѣдствіи, въ госпитальную эпоху. Комната была названа „уборною", потому что предназначалась для тяжело раненыхъ, и оттуда, чаще нежели изъ другихъ палатъ, убирали сперва на нѣсколько часовъ, въ погребъ, а потомъ на кладбище. Моя рана не была такъ опасна, и меня помѣстили туда только изъ желанія доставить мнѣ побольше спокойствія; но изъ числа моихъ сосѣдей, сколько мнѣ помнится, только одинъ выздоровѣлъ.

Въ „уборной" было, всего, три кровати; одну занималъ я, другую—тощій офицеръ, съ какою-то хроническою внутреннею болѣзнію; на третьей лежалъ артиллерійскій поручикъ Б., раненый на послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Пѣшая батарея, въ которой служилъ Б., открыла, изъ-за Камчатской стѣнки, картечный огонь по французамъ, занимавшимъ Малаховъ Курганъ, но вскорѣ потеряла большую часть прислуги и лошадей. Пуля попала Б. въ кисть руки и прошла до локтя, разщепивъ локтевую и лучевую кости; ему отняли руку ниже плеча. Его ежедневно навѣщала его невѣста, высокая, стройная брюнетка, съ правильными и красивыми чертами лица. Звали ее Людмилой. Эта симферопольская барышня не грѣшила противъ

одиннадцатой заповѣди: „не зѣвай“. Безъ жениха она никогда не бывала; но Севастополь былъ какъ-то особенно безжалостенъ къ избранникамъ ея сердца: уже двое изъ нихъ улеглись на его бастіонахъ. Б. былъ третьимъ. Въ теченіи нѣкотораго времени Людмила могла считать удовлетворительнымъ теченіе болѣзни своего жениха; но потомъ силы его начали оставлять; появилась изнурительная лихорадка, а черезъ два-три дня въ ранѣ открылась гангрена. Больной тихо метался и, въ бреду, безпрестанно повторялъ имя свое невѣсты. Но она не могла слышать его стоновъ: какъ только онъ впалъ въ безсознательное состояніе—она перестала приходить къ нему. Ея любвеобильное сердце не могло выносить вида страданій умиравшаго. Да и недосугъ былъ: нужно же было пріискать ему преемника. Наконецъ, проснувшись разъ ночью, я увидѣлъ, при слабомъ свѣтѣ ночника, что Б. лежитъ неподвижно, черты его восковаго лица застыли, носъ какъ-то заострился. Я разбудилъ спавшаго около моей койки Ивана Лебягина; тотъ, въ свою очередь, прервалъ противоестественное храпѣніе деньщика Б. Позвали сонныхъ лазаретныхъ служителей и трупъ вынесли.

Госпитальная жизнь тянулась однообразно. Утромъ являлся упитанный докторъ, съ сестрой милосердія и, со смакомъ, разсказывалъ ей о выигранныхъ имъ вчера роберахъ; фельдшерà же въ это время дѣлали перевязку. Послѣ обѣда приходила ко мнѣ сестра милосердія, благодушествовала, сидя около меня, пила мой хересъ, разсказывала о своемъ московскомъ житьѣ-бытьѣ и била меня по губамъ, когда я, отъ скуки, говорилъ ей о миніатюрности ея ножки. Ножка ея, дѣйствительно, была замѣчательно мала. Изрѣдка появлялись откуда-то двѣ другія сестры милосердія, считавшіяся помощницами старшей, которую мы звали мамашей. Такъ какъ она сама до страсти любила ничего не дѣлать, то и ея помощницамъ только оставалось ревностно помогать ей въ этой ея спеціальности. Мы знали, что онѣ помѣщались гдѣ-то тутъ-же въ госпиталѣ, но точно опредѣлить ихъ мѣстопребыванія не могли; а еще въ болѣе непроницаемую таинственность была облечена цѣль, съ которою онѣ тутъ гнѣздились. Вечеромъ снова была перевязка, съ столь же малымъ участіемъ доктора. Однажды я спросилъ его: отчего наиболѣе сильную боль я чувствую не въ самой ранѣ, а повыше ея, въ вертлюгѣ. „А очень

болитъ"? спросилъ, прищуря одинъ глазъ и имянинно улыбаясь, докторъ. Я отвѣчалъ, что очень. „Ну, до свадьбы заживетъ", сказалъ докторъ, улыбаясь уже совсѣмъ паточно. Прикованный раною къ кровати, я абсолютно лишонъ былъ возможности побить его за такой отвѣтъ. А такъ какъ было ясно, что, при такомъ безучастіи медика, „до свадьбы не заживетъ", то послѣ его ухода, я продиктовалъ письмо къ нему, въ которомъ благодарилъ его за самоотверженный уходъ за мною и необычайно старательное лѣченіе, и отправилъ къ нему, вложивъ въ конвертъ двѣсти рублей. На другой день сестра милосердія не получила ровно никакихъ свѣдѣній о выигранныхъ или проигранныхъ докторомъ роберахъ. Вошедши въ „уборную", онъ быстро подошелъ ко мнѣ, потрясъ меня за руку и сказалъ: „благодарю васъ; но зачѣмъ же: это и безъ того моя обязанность". Непосредственно затѣмъ онъ прозондировалъ мою рану, досталъ скальпель — и Лебягину снова пришлось волноваться. Обстоятельное изслѣдованіе раны было произведено только теперь. О томъ же, съ какою небрежностію было произведено первое изслѣдованіе, можно заключить изъ того, что куски сукна, вбитые пулей въ рану, были тогда не замѣчены и вышли, съ гноемъ, только черезъ двадцать дней, послѣ того, какъ я былъ раненъ. Я долженъ сказать, что съ этихъ поръ докторъ М. лѣчилъ меня уже въ самомъ дѣлѣ старательно; а такъ какъ онъ былъ не безъ медицинскихъ свѣдѣній, то лѣченіе приняло благопріятный оборотъ. Окончательнымъ излѣченіемъ я обязанъ, впрочемъ, не ему, а доктору С—ту, котораго я зналъ еще на Дунаѣ, какъ свѣдущаго и добросовѣстнаго медика. Онъ смѣнилъ мѣсяца черезъ три М., уличеннаго во многихъ прегрѣшеніяхъ.

Госпитальный столъ, должно быть, былъ очень плохъ. Я имѣлъ свой собственный столъ, приготовлявшійся на кухнѣ смотрителя госпиталя; но Лебягинъ, которому я предоставилъ право получать, вмѣсто меня, госпитальное кушанье, объявилъ, что онъ этой дряни ѣсть не станетъ. Не лучше были и лѣкарства. Еще какая нибудь tinctura aromatica или растворъ ляписа были сколько нибудь годны; но когда, при наклонности раны къ развитію въ ней гангрены, потребовалось спринцовать рану іодомъ, то самъ же докторъ посовѣтовалъ взять его въ вольной аптекѣ. Принесенная изъ этой аптеки тинктура іода отличалась отъ казенной и цвѣтомъ и запахомъ; о разницѣ въ дѣйствіи этихъ двухъ несход-

ныхъ жидкостей я уже и не говорю. Всѣ лѣкарства, употреблявшіяся мною внутрь, я тоже бралъ изъ вольной аптеки. А внутрь я довольно таки поглоталъ лѣкарствъ, такъ какъ приходилось бороться съ нѣсколько разъ начинавшеюся у меня лихорадкой, могшею перейти въ тифъ или въ какую-нибудь иную изъ премій, которыми щедро награждаетъ госпиталь. Кромѣ лихорадки, меня безпокоили пролежни, т. е. раны, сдѣлавшіяся отъ постояннаго лежанія на одной и той же части тѣла, именно на лѣвомъ боку. Я перелегъ на спину, но вскорѣ и на спинѣ сдѣлались пролежни. Кое какъ удалось помочь подкладываніемъ подушекъ, съ отверстіемъ внутри; эти подушки подкладывались такъ, чтобы пролежни приходились надъ отверстіемъ, слѣдовательно, ни къ чему не прикасались.

Мѣсто умершаго Б. занялъ штабсъ-капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка Бѣликъ, раненый на послѣднемъ же штурмѣ, на 2-мъ бастіонѣ, въ верхнюю часть ноги, причемъ пуля раздробила бедренную кость, на протяженіи двухъ вершковъ. Это раздробленіе было такъ высоко, что отнять ногу было невозможно иначе, какъ посредствомъ вылущиванія. А такъ какъ эта операція лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ведетъ къ благопріятному исходу, то Бѣлику оставили ногу неотнятою, въ надеждѣ на авось. Мученія Бѣлика были продолжительны и сильны; каждое незначительное движеніе тѣла отзывалось страшной болью въ ранѣ, вызывая движеніе въ раздробленной кости, такъ какъ нога, соединенная съ торсомъ лишь мягкими частями тѣла, оставалась неподвижною, когда двигался корпусъ, и наоборотъ. Между осколками костей завелись черви и раненый сильно кричалъ, когда ихъ выживали оттуда скипидаромъ. Страданія Бѣлика еще увеличились отъ безсовѣстнаго за нимъ ухода. У него былъ грязный, грубый и лѣнивый деньщикъ, типъ одного изъ тѣхъ деньщиковъ прежняго времени, которые были слишкомъ большими негодяями, чтобы отъ нихъ была какая-нибудь польза во фронтѣ, и недостаточно большими негодяями, чтобы быть присужденными къ каторжной работѣ. Посланный съ утра за какою-нибудь бездѣлицей — за пачкой папиросъ, напримѣръ, — деньщикъ Бѣлика пропадалъ иногда до вечера, и въ теченіи этого времени Бѣликъ оставался въ самомъ безпомощномъ положеніи: онъ не могъ пошевелиться, чтобы поправить подушку, не могъ получить глотка воды. Иванъ Лебягинъ иногда помогалъ ему, но Иванъ не всегда

былъ дома: ему часто приходилось сходить или въ аптеку, или за какой-нибудь покупкой. Долго мучился такъ бѣдный Бѣликъ, и о его смерти я узналъ лишь въ своемъ Курскомъ имѣніи, куда я, выздоровѣвъ, уѣхалъ, для окончательнаго поправленія.

Изъ комнаты, сосѣдней съ „уборною", мнѣ безпрестанно слышались то шансонетки молодаго пѣхотнаго офицера Лунда, то стоны и бредъ пожилаго офицера Курскаго ополченія, который лежалъ въ горячкѣ. Бѣднякъ говорилъ о своемъ домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ и испустилъ духъ, не придя къ сознанію, что между нимъ и дорогими его сердцу—вѣчность. Лундъ былъ мнѣ очень полезенъ, потому что писалъ мнѣ, подъ мою диктовку, письма и развлекалъ своею болтовнею. Но комната, въ которой онъ помѣщался, была мнѣ извѣстна только по доносящимся изъ нея звукамъ: о ея видѣ я не имѣлъ понятія.

Вскорѣ, впрочемъ, докторъ С—нтъ посовѣтовалъ мнѣ подняться на костыли. Попытка исполнить этотъ совѣтъ сопровождалась немалою вознею. Меня воздвигали, какъ какой-нибудь монолитъ.

На слѣдующій день я предпринялъ экскурсію, для ознакомленія съ сосѣднею комнатою, а потомъ началъ дерзать проходить въ „театръ". Какъ я уже сказалъ, это была зала, въ которой воспитанники преждепомѣщавшагося тутъ благороднаго пансіона устраивали домашніе спектакли и гдѣ остались декораціи какихъ-то садовъ, съ клумбами яркихъ и неправдоподобно крупныхъ тюльпановъ. Спустя съ недѣлю послѣ моего перваго посѣщенія „театра", я рѣшился побывать на воздухѣ и проѣхаться по Симферополю. Меня усадили въ экипажъ, съ меньшимъ затрудненіемъ, нежели я ожидалъ, и, Боже мой, какъ радостенъ былъ мой первый выѣздъ. День былъ ясный и немного морозный; дома и улицы были облиты солнечнымъ свѣтомъ; я возвратился утомленный; но чувствовалось, что въ меня влился потокъ новыхъ силъ и далъ живительный толчокъ моему дремавшему организму. Недѣли черезъ три я имѣлъ уже возможность, лежа въ экипажѣ и съ почти закрывшеюся раною, выѣхать изъ Симферополя.

С. Макѣево. А. А. Вязмитиновъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

По поводу соч. г. Елагина „Бѣлое духовенство и его интересы".

XVII [1]).

Но возвратимся къ книгѣ г. Елагина. Правительство, усиливая надъ нами надзоръ, имѣетъ въ виду улучшеніе нравственнаго нашего состоянія, слѣдовательно принести пользу и намъ самимъ и обществу, — цѣль благая, высокая, святая. Но какая же цѣль у г. Елагина позорить насъ? Тутъ цѣль уже не та. Г. Елагинъ, какъ видно изъ всей его книги, проникнутъ крѣпостничествомъ до костей. При такомъ душевномъ состояніи онъ слышитъ вдругъ въ народѣ молву объ улучшеніи быта духовенства. Онъ приходитъ въ ужасъ! Такое смѣшное положеніе его напоминаетъ намъ персидскаго шаха. Послѣ путешествія шаха по Европѣ писали, что онъ, увидѣвши въ Лондонѣ какого-то богатаго лорда, посовѣтовалъ королевѣ отрубить ему голову, какъ человѣку опасному, — что богатые, по его убѣжденію, могутъ возставать на власть, — могутъ не покоряться ей. Такъ и г. Елагинъ боится, какъ персидскій шахъ, что духовенство, выведенное изъ пресмыкающагося состоянія, будетъ не вполнѣ покорно епархіальной власти. И вотъ онъ напрягаетъ всѣ силы души, употребляетъ всѣ средства, чтобы отвратить это. Онъ готовъ однимъ взмахомъ меча снять головы со всего духовенства, какъ желалъ снять съ своихъ сенаторовъ одинъ изъ римскихъ императоровъ. Мы, надѣемся, ни мало не преувеличиваемъ, потому что у него есть ясный намекъ на это, когда онъ говоритъ о какомъ-то римскомъ императорѣ, утопившемъ всѣхъ нищихъ (25). При такихъ низкихъ побужденіяхъ онъ употребляетъ и низкія средства: онъ позоритъ духовенство, какъ только можетъ, и позоритъ все поголовно, какъ будто уже

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1882 г., томъ XXXIII, февраль, стр. 365—401; мартъ, стр. 691—716.

и нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка во всемъ духовенствѣ. Духовенство представляетъ онъ толпою какихъ-то зараженныхъ, искаженныхъ, изуродованныхъ, прокаженныхъ, на которыхъ нельзя смотрѣть безъ отвращенія. Въ этой массѣ мерзостей онъ видитъ только самую ничтожную, самую маленькую кучку, рельефно отдѣляющуюся отъ массы, какъ непорочныхъ агнцевъ между козлищемъ, какъ представителей благородства, честности неподкупной (86), доброты, безкорыстія, какъ кроткихъ вѣстниковъ небесной истины,—членовъ консисторій. Но и имъ, съ сокрушеніемъ сердечнымъ, какъ Господь Своимъ апостоламъ на тайной вечери, говоритъ: вы чисти есте, но не вси, — и «изъ нихъ есть люди дурные»!... Г. Елагинъ употребляетъ все, лишь бы только по прежнему закрѣпостить духовенство. Крѣпостничество до того въѣлось въ его душу, что онъ жертвуетъ и честью, и совѣстью, и правдой, и историческими фактами, и словомъ Божіимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ, и матеріальнымъ состояніемъ всего духовенства, и религіозно-нравственнымъ состояніемъ народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, благосостояніемъ всего отечества,—всѣмъ, лишь бы только повелѣвать попами по всей своей широкой волюшкѣ.

Такъ онъ, усиливаясь доказать, что духовенство должно нищенствовать, приводитъ такой историческій фактъ: «при Константинѣ Великомъ, говоритъ онъ, стали появляться вполнѣ обезпеченные въ средствахъ содержанія священники. Но императору это не нравилось. Въ числѣ его конституцій есть одна, которою воспрещалось выбирать богатыхъ въ духовное званіе» (13). Очень ясно, что примѣръ приведенъ не къ дѣлу: обезпечивать или давать средства къ содержанію бѣднымъ, и принимать въ число духовенства богатыхъ,—двѣ вещи разныя. Это почти тоже, что подать милостыню бѣдному, умирающему съ голоду, и богачу. Но при Константинѣ Великомъ запрещеніе принимать богатыхъ было по такому случаю: когда онъ сдѣлалъ христіанскую религію религіею государственною, то служители церкви были освобождены отъ обязанности нести государственную службу (особенно тяжелую, при частыхъ войнахъ); имущество ихъ освобождено было отъ государственныхъ налоговъ; церкви получили право пріобрѣтать недвижимыя [illegible] отъ поступленія въ клиръ богатыхъ людей, постороннихъ пожертвованій и по духовнымъ завѣщаніямъ, и такимъ образомъ въ церкви собрались огромныя богатства. Кромѣ того, императоръ повелѣлъ выдавать клирикамъ хлѣбную ругу. Богатство церквей привлекло въ клиръ массу бѣдныхъ; изъ-за освобожденія же отъ военной службы бросились туда и богатые,—точно такъ, какъ у насъ нынѣ бросились многіе въ учебныя

заведенія не изъ любви къ образованію и наукѣ, а единственно изъ-за льготъ при воинской повинности. Чтобы пресѣчь злоупотребленіе милостями, императоръ ограничилъ, вообще, право поступленія въ клиръ, богатымъ же запретилъ поступать всѣмъ безъ исключенія. При Ѳеодосіи I былъ изданъ законъ, по которому люди богатые, желавшіе поступить въ клиръ, должны были отказываться отъ своего имущества и передавать его другимъ; тѣ же лица, которымъ имущества передавались, обязывались нести всѣ государственныя обязанности, лежавшія на поступившихъ въ клиръ. И Константинъ, и Ѳеодосій желали не того, чтобы клирики были бѣдны и нищенствовали, но имъ не хотѣлось только, чтобы государство лишалось дохода. Напротивъ и тотъ, и другой заботились, чтобы клирики были обезпечены вполнѣ. Константинъ узаконилъ, напримѣръ, на вѣчныя времена, чтобы во всей имперіи отдѣлялась извѣстная часть государственныхъ доходовъ въ пользу мѣстныхъ церквей и клира. Онъ далъ грамоты начальникамъ провинцій, приказывалъ имъ выдавать дѣвственницамъ, вдовамъ и всѣмъ, посвященнымъ на службу Божію, ежегодное жалованье (хлѣбомъ), назначивъ его количество соразмѣрно скорѣе съ своею щедростію, чѣмъ съ (пастоятельною) нуждою. Легко можетъ видѣть всякій, какова была щедрость государя. Такимъ образомъ мысль Константина, почему онъ запретилъ поступать въ клиръ людямъ богатымъ, видна ясно, видна щедрость его къ клиру и видно полное обезпеченіе клира. Всѣ такіе факты г. Елагинъ искажаетъ и говоритъ то, чего не было и быть не могло. Духовенство было обезпечиваемо и въ послѣдующія времена. Много разъ узаконялось и гражданскою, и духовною властію, чтобы никто не смѣлъ строить новыхъ церквей, если не будетъ предварительно отведено для клира земли и не назначено полнаго обезпеченія.

Указывая на первые вѣка христіанства, г. Елагинъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ отечественной церкви. Если въ вопросѣ объ улучшеніи быта духовенства ему понадобилась непремѣнно исторія, то прямѣе и ближе къ дѣлу было бы взглянуть на свою русскую, родную, тѣмъ болѣе, что предки наши, принявши христіанскую вѣру чрезъ грековъ, приняли и всѣ церковные каноны и многіе обычаи грековъ, и истори[illegible]еркви полнѣе исторіи первыхъ вѣковъ. Исторія нашей церкви богата указаніями такого рода. Что духовенству покровительствовали св. Владиміръ и Ярославъ,—это извѣстно всѣмъ и, поэтому, мы упоминать о нихъ не будемъ; но мы находимъ нужнымъ сдѣлать два-три указанія на князей удѣльныхъ, менѣе извѣстныхъ своей политической дѣятельностью.

XVIII.

Соорудивъ на собственныя средства каменную церковь во имя св. Іоанна Предтечи на Петрятиномъ дворищѣ, что на Опокахъ, съ придѣломъ во имя Захаріи (1127—1132 гг.), и предназначивъ ей быть соборною, благочестивый Всеволодъ хотѣлъ обезпечить содержаніе какъ самой церкви, такъ и ея причта на будущее время. Съ этою цѣлію онъ, примѣнительно къ уставу св. Владиміра, предоставившему духовному вѣдомству наблюденіе за торговыми мѣрами и вѣсами, далъ (окт. 1131—1135 гг.) означенной церкви грамоту и право держать въ притворѣ вѣсы, взвѣшивать на нихъ воскъ и, вѣроятно, нѣкоторые другіе товары и зато брать съ торговцевъ вѣсчія пошлины. Для производства торга отведено было вокругъ церкви св. Іоанна Предтечи опредѣленное пространство земли, гдѣ мѣста отдаваемы были на откупъ и плата за нихъ шла на церковь св. Іоанна. Наконецъ, за право торговать здѣсь, или точнѣе, включиться въ постоянное «купечество Иванское» желавшіе должны были вносить прежнимъ купцамъ извѣстную сумму, изъ которой часть отдѣлялась въ казну той же церкви. Чтобы смотрѣть за правильностью вѣсовъ, собирать разныя подати въ пользу церкви, хранить и употреблять ихъ соотвѣтственно назначенію, князь поставилъ ей трехъ старостъ отъ житыхъ людей, одного тысяцкаго отъ черныхъ и двухъ старостъ отъ купцевъ и велѣлъ «ни во что Иванское» не вмѣшиваться ни посаднику, ни боярамъ новгородскимъ. Изъ доходовъ церкви положено было ежегодное жалованье: священникамъ по осми гривенъ серебра, діакону по четыре гривны серебра, дьячку три гривны серебра, сторожамъ три гривны серебра съ тѣмъ, чтобы священники отправляли службу въ церкви св. Іоанна ежедневно, а въ придѣлѣ св. Захарія на хорахъ по воскресеньямъ, а діаконъ служилъ каждую субботу и каждое воскресенье. Сказавъ, почти вначалѣ грамоты: «даю св. великому Іоанну отъ своего имѣнія великаго на строеніе церкви во вѣки вѣсъ вощаный», князь продолжаетъ: «а въ Торжку даю пудъ вощаный, половина Спасу, а половину св. великому Іоанну на Петрятино дворище». Отсюда можно заключить, говоритъ высокопреосвященный Макарій, что и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Новгорода, были церкви, напр. въ Торжкѣ,—Спасская, которыя пользовались жалованьемъ княжескимъ (Ист. Русск. церк. т. II, стр. 76—78). Изчисливъ всѣ суды церковные и пошлины за всѣ эти суды въ пользу епископа св. Софіи и причта, Всеволодъ заповѣдуетъ, чтобы въ суды церковные не вмѣшивались ни дѣти его, ни внучата, ни

намѣстники, ни тіуны и заключаетъ: «своимъ тіунамъ приказываю суда церковнаго необидѣти, а съ суда давати: девять частей князю, а десятую св. Софіи за княжу душу» (тамъ-же). Святославъ новгородскій (1137 г.) подтвердилъ бывшій до него уставъ о десятинахъ: «имати бискупамъ десятину от даній и от виръ и от продажъ, что входитъ въ княжъ дворъ всего». Высокопреосвященный Макарій говоритъ: «почитая духовный санъ, князья заботились доставлять духовенству средства содержанія. Таковыми средствами служили: 1) судныя пошлины; 2) вѣсчія пошлины; 3) десятина княжескихъ доходовъ и 4) опредѣленное жалованье (Ист. Рус. ц. Макарія, т. VIII, 292).

Подобныхъ примѣровъ мы могли бы представить множество, но и изъ того, что представлено нами, видно ясно, что правительство наше всегда заботилось объ обезпеченіи духовенства въ средствахъ содержанія. Г. Елагинъ долженъ знать отечественную исторію. Будь въ ней хоть слабый намекъ, что духовенство оставлялось нищенствовать намѣренно,—онъ не преминулъ бы воспользоваться такимъ случаемъ. Не имѣя же его, онъ бросается къ первымъ вѣкамъ христіанства и силится одурачить всѣхъ, искажая факты. Нѣтъ, повторяемъ мы, правительство всегда старалось объ обезпеченіи причтовъ въ содержаніи, и если они не всѣ были обезпечены, то это происходило уже не отъ желанія поставить ихъ въ нищенское состояніе, но отъ недостатка къ тому средствъ.

Но къ чему можетъ послужить въ настоящемъ случаѣ, вообще, исторія? Какое значеніе можетъ имѣть для насъ то, если мы знаемъ, что при Константинѣ или когда-бы то ни было, давалось или не давалось содержаніе причту? Если нынѣ находятъ нужнымъ обезпечить въ содержаніи духовенство и есть къ тому средства, то естественно, что потребности этой нужно удовлетворить. Было бы курьезнымъ, еслибъ и находили нужнымъ, и имѣли къ тому средства и, однакожъ, не дѣлали именно потому только, что этого не было при Константинѣ. Мало ли ввелось чего, вообще, у насъ въ жизни, чего не было при нашихъ предкахъ, и мало ли что оставлено нами, что отцы наши считали необходимымъ. Кто обращаетъ вниманіе на времена прошедшія въ подобныхъ случаяхъ? Если брать во вниманіе времена Константина только въ военномъ отношеніи, то намъ пришлось бы измѣнить не только весь строй арміи, но и всѣ новѣйшихъ системъ скорострѣлки, пушки и под. замѣнить ихъ стрѣлами, бойницами и таранами. Мною приведенъ историческій примѣръ изъ отечественной исторіи только потому, что на исторію указываетъ г. Елагинъ; но, въ сущности, ни его и ни мои примѣры не имѣютъ

ровно никакого значенія. Но г. Елагинъ, усиливаясь придать себѣ особенное значеніе, выставляетъ себя несокрушимымъ поборникомъ православія, основывающимъ всѣ доводы свои на словѣ Божіемъ, исторіи, канонахъ и собственной его «совѣсти». Онъ полагаетъ, что если онъ упомянетъ о словѣ Божіемъ, первыхъ вѣкахъ христіанства и своей «совѣсти», то уже никакое возраженіе невозможно.

«Господь І. Христосъ избралъ Своихъ учениковъ и апостоловъ не изъ среды вельможъ и богачей, Онъ избралъ бѣдныхъ поденщиковъ и рыбаковъ· проповѣдывать евангеліе бѣднымъ должны были такіе же, какъ и они бѣдняки». Неправда! Господь призывалъ всѣхъ: много было званныхъ, но оказалось мало избранныхъ. Извѣстно, напр., что къ Господу приходилъ за наставленіемъ одинъ молодой человѣкъ, надобно полагать строгой жизни, соблюдавшій весь законъ «отъ юности». Но когда Господь сказалъ ему: продай имѣніе и иди вслѣдъ Меня, — онъ отошелъ со скорбію, потому что не хотѣлъ разстаться съ своимъ богатствомъ. Бѣдняки же съ полнымъ вниманіемъ слушали ученіе Господа и ходили за Нимъ всюду, потому что сердце ихъ было свободно отъ всякихъ домашнихъ и мірскихъ заботъ. И опять: не потому Господь избралъ бѣдняковъ, что бѣднымъ должны проповѣдывать только бѣдные; еслибъ было такъ, то кто же долженъ бы былъ проповѣдывать богатымъ? Эти же самые бѣдняки проповѣдывали не однимъ бѣднымъ, но они проповѣдывали и богатымъ фарисеямъ, и членамъ аѳинскаго ареопага, и вельможамъ, какъ напр. Филиппъ вельможѣ царицы Еѳіопской Кандакіи и под. Совсѣмъ не кстати г. Елагинъ искажаетъ факты. По смыслу г. Елагина выходитъ: священники должны быть бѣдны, потому что должны имѣть дѣло съ бѣднымъ народомъ. Неужели же всѣ наши люди богатые должны быть оставлены безъ просвѣщенія словомъ евангелія? Еслибъ было такъ, то нынѣ всякій богачъ имѣлъ бы право сказать священнику въ отвѣтъ на его назиданія: «священникъ не имѣетъ и права говорить мнѣ; онъ можетъ говорить только бѣднымъ; затѣмъ Господь и апостоловъ избралъ изъ бѣдныхъ людей». Пересолилъ г. Елагинъ!

«Не въ домахъ богатыхъ Господь І. Христосъ останавливался, а отыскивалъ бѣдныхъ»... Что ни слово,—ложь. И къ чему все это? Пусть г. Елагинъ потрудится отыскать въ евангеліи IX главу Луки. Тамъ говорится: мужъ, нарицаемый Закхей: и сей бѣ старѣй мытаремъ, и той бѣ богатъ... и пріятъ Его (І. Христа въ домъ свой), радуяся. Тайная даже вечеря была совершена въ домѣ человѣка богатаго, покрайней мѣрѣ такого, который имѣлъ прислугу и, кромѣ своего помѣщенія, хорошую, большую, свободную и убранную хорошо «горницу». Сколько разъ упоминается въ евангеліи о

посѣщеніи Господомъ домовъ богатыхъ фарисеевъ! Опять, по г. Елагину, выходитъ, что священникъ въ домъ богатаго,—ни ногой! Самъ Господь де ходилъ только къ бѣднымъ, тѣмъ болѣе священникъ ходить туда не долженъ. Ну, на что же похоже такъ заговариваться!

«Господь, посылая апостоловъ на проповѣдь, не говорилъ имъ: запасайтесь деньгами, облекайтесь въ богатыя одежды, но сказалъ: не берите съ собой ни золота, ни серебра... ни сапогъ, ибо трудящійся достоинъ пропитанія». Апостолы такъ и пошли; но, бывши на проповѣди, говорили: «мы и алчемъ, и жаждемъ, и наготуемъ, насъ злословятъ; мы питаемся своими трудами». Послѣ приведенныхъ словъ изъ евангелія и посланій апостола г. Елагинъ восклицаетъ: «можетъ быть указанія и примѣры эти слишкомъ высоки для настоящаго времени. Но мы не имѣемъ право игнорировать ихъ». Этими словами онъ укоряетъ насъ, что мы не слѣдуемъ ни ученію Господню и ни примѣру апостоловъ, а слѣдовательно и не заслуживаемъ сострадания и сочувствія общества и не имѣемъ права просить его помощи. Но отвѣтимъ ему, что онъ не вникъ ни въ порядокъ вещей и ни въ смыслъ того, что говоритъ онъ, иначе онъ и не сказалъ бы этого. Г. Елагину и на умъ не пришло, что приведенными словами Господа и примѣромъ апостоловъ онъ, какъ нельзя лучше, защищаетъ насъ и позоритъ себя, а съ собою вмѣстѣ, и всѣхъ прихожанъ нашихъ. Представлялъ ли себѣ онъ это? Смотрите: апостолы были всѣ бѣдняки. Господь сказалъ имъ: идите такъ, каковы вы теперь: не заготовляйте ни платья, ни денегъ,—ничего. Вы будете дѣлать свое дѣло,—и вамъ, какъ и всякому обыкновенному работнику, будутъ платить: вы будете питать словомъ Божіимъ душу, слушатели же ваши будутъ питать ваше тѣло,—будутъ давать вамъ все необходимое къ вашему существованію, потому что всякій работникъ долженъ получать плату: «достоинъ бо дѣлатель мзды своея». Апостолы, зная, что такъ и должно быть, пошли, не заботясь о своемъ пропитаніи; они вполнѣ надѣялись, что слушатели ихъ удовлетворятъ всѣмъ ихъ нуждамъ. Такъ. Посмотрите же теперь: кто идетъ въ проповѣдники Слова Божія? Семинаристъ. Приготовительныя школы для проповѣдничества и, вообще, для священнослуженія, открыты для всѣхъ классовъ общества, но идутъ ли въ нихъ дворяне, купцы, чиновники и пр.? Ровно никто. Идутъ дѣти бѣдныхъ священнослужителей—семинаристы. Но взгляните на любого семинариста: у него нѣтъ ни то, чтобы злата и серебра,—у него нѣтъ, какъ говорится, гроша мѣднаго за душой; не то, чтобъ имѣлъ онъ «двѣ ризы»,—у него всего одинъ-единый какой нибудь сюртучишка, да и то, пожалуй, съ дырявыми локтями; сапоги-то хоть и есть, а присмотритесь къ нимъ, такъ, пожалуй, что они

безъ подошвъ. Словомъ, любой семинаристъ стóитъ рыбака-апостола, по бѣдности. Эти-то бѣдняки, безъ денегъ, безъ одежды, безъ сапогъ, и идутъ въ міръ проповѣдывать слово Божіе. Кто читалъ мои предъидущія «Записки», тотъ видѣлъ сколько злата и серебра взялъ я съ собою, отправляясь въ приходъ свой. Да, г. Елагинъ, мы идемъ въ свои приходы именно такъ, какъ шли на проповѣдь апостолы! Мы идемъ безъ всего, надѣясь вполнѣ, что прихожане наши дадутъ намъ все необходимое къ нашему существованію. Апостолы, бывши на дѣлѣ своего служенія, вмѣсто любви и обезпеченія въ содержаніи, встрѣтили злобу, гоненія и терпѣли голодъ, жажду, наготу и скитались въ горахъ и вертепахъ. Прошу припомнить изъ моихъ «Записокъ», что перенесъ я по поступленіи въ приходъ свой!..

Мнѣ не дали ни помѣщенія, ни отопленія, ни одежды, ни хлѣба, ни денегъ,—ровно ничего. Мало того: я встрѣтилъ чванство, гордость, притѣсненія, насмѣшки, презрѣніе,—я вполнѣ могъ говорить съ апостоломъ: я сдѣлался позоромъ для міра, я терпѣлъ голодъ, я скитался по сторожкамъ, меня не пускали даже въ гнилыя хохлатскія хаты, мнѣ приходилось, просто, мерзнуть среди улицы. Такова участь всѣхъ насъ, но многихъ еще и хуже. Кто-жъ виновенъ въ томъ, что мы, проповѣдники слова Божія, терпимъ такую нужду? Вы, г. Елагинъ,— прихожане наши. То, что зависѣло отъ насъ, мы сдѣлали: мы вышли къ вамъ безо всего, надѣясь, что вы не откажете намъ въ нашихъ нуждахъ; мы думали, что намъ придется заботиться только о душахъ вашихъ; мы воображали, что мы будемъ между вами просвѣтителями, умиротворителями, руководителями, сочувственниками въ вашихъ радостяхъ и утѣшителями въ скорби; но вы, со дня появленія нашего къ вамъ, отравили нашу душу и притупили самыя священныя наши стремленія!.. Скажу о себѣ лично, потому что большинство изъ насъ тоже, что и я. Я шелъ въ священники съ полною преданностью предстоявшему мнѣ дѣлу. Еще до рукоположенія я составилъ себѣ, въ умѣ своемъ, программу моего пастырскаго служенія. Я заранѣе опредѣлилъ что̀, какъ и когда я долженъ дѣлать. Я шелъ къ будущей своей паствѣ съ безкорыстною, чистою, апостольскою готовностью къ дѣлу. Пріѣзжаю въ приходъ зимой,—и не нахожу мѣста, гдѣ я могъ бы остановиться и отогрѣть свои окоченѣвшіе члены: въ селѣ нѣтъ ни постоялаго двора, ни свободной крестьянской избы, нѣтъ уголка и у причта—ровно ни у кого. Я помѣстился въ церк. сторожкѣ; но сторожка была маленькая, старая холодная, покосившаяся, мокрая, темная и гнилая избушка, жить въ которой не было никакой возможности. Намъ съ женой и сторожемъ негдѣ было ни сѣсть, ни лечь, ни стать мало-мало сносно: стѣны заплеснѣв-

шія, полъ мокрый и грязный, и мы кое-какъ пристроились спать на скамейкахъ. Кромѣ чернаго хлѣба (котораго мы съ женой никогда не ѣдали), кислой капусты и пшена, нельзя было найти ничего; нельзя было найти ложки масла (въ постъ) и нельзя было найти свѣчки. Жена моя не вынесла такой жизни и чрезъ недѣлю сильно заболѣла. Вблизи не было ни доктора, ни фельдшера и никакихъ медицинскихъ пособій; ѣхать же за докторомъ, за 40—50 верстъ, я не имѣлъ средствъ. Женѣ моей нуженъ былъ только кусочекъ бѣлаго хлѣба, двѣ-три ложки супу и сухое и свѣтлое помѣщеніе, но мы не могли найти ничего,—и она едва не умерла. Я позвалъ къ себѣ сельскаго старосту и умолялъ его дать мнѣ сносное помѣщеніе; но я не зналъ, что, при этомъ, я долженъ былъ напоить его до-пьяна; я не поилъ, онъ осерчалъ и, потомъ, никакія уже просьбы не могли его тронуть. Послѣ долгихъ просьбъ моихъ и обѣщанія старосты дать мнѣ квартиру, ко мнѣ въ сторожку стали ходить старики чуть ни каждый день. Я долженъ былъ поить ихъ чаемъ и, стоя передъ ними, просить о квартирѣ. Наконецъ крестьяне вызываютъ меня на сходъ. Долго я просилъ тутъ всѣхъ, почти, по одиночкѣ; долго ломались они надо мною. Здѣсь вполнѣ высказались и сила прихода, и мое безсиліе. Наконецъ квартиру мнѣ хотя и дали, но въ одной избѣ съ хозяевами. Чрезъ нѣсколько времени ко мнѣ пришелъ староста съ требованьемъ, чтобы я звалъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ поздравлять меня съ новосельемъ и поилъ ихъ виномъ; при этомъ онъ сказалъ мнѣ самымъ внушительнымъ тономъ, что если я не позову и не угощу всѣхъ, то міръ велитъ мнѣ сей же часъ уходить съ этой квартиры и запретитъ всѣмъ остальнымъ крестьянамъ принимать меня. До сихъ поръ я не могу забыть той тоски, того отчаянія, какія овладѣли мною при мысли, что я, пастырь, въ руки котораго даны Богомъ души всѣхъ моихъ прихожанъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣтить передъ Богомъ своею собственною душою, долженъ буду вести ихъ къ погибели,—поить ихъ виномъ! Я тосковалъ, метался, я не спалъ ночи. Я раскаявался, зачѣмъ я принялъ на себя обязанности пастыря: я увидѣлъ явно, что выполнить ихъ не могу. Когда пришли ко мнѣ крестьяне, то они заставили меня подносить имъ вино и, въ то же время, выслушивать ихъ внушенія и угрозы,—что если я не буду дѣлать все по ихъ желанію, и не буду сей часъ изъ своихъ рукъ угощать ихъ, то они сей же часъ велятъ мнѣ убираться съ квартиры опять въ сторожку. Сколько душевныхъ страданій вынесъ я при этомъ, а еще болѣе проводивши крестьянъ, я не могу и выразить. Я увидѣлъ себя совсѣмъ задавленнымъ, уничтоженнымъ. Я чувствовалъ, что на меня налегла какая-то сила, бороться съ ко-

торой я не могъ. О планахъ моихъ, которые я лелеялъ въ душѣ своей до пріѣзда въ приходъ: научить, вразумить, разъяснить, утѣшить,—нечего было думать. Физическая сила налегла на мою душу,—я плакалъ отъ отчаянія. На другой день нѣкоторые изъ крестьянъ пришли ко мнѣ, которыхъ я вчера поилъ, опохмѣлиться. Я опять поилъ ихъ, но уже болѣе съ спокойнымъ духомъ, чѣмъ наканунѣ. Значитъ переломъ въ душѣ моей уже совершился. Причтъ нашъ состоялъ изъ меня, дьякона и двоихъ дьячковъ. Доходу мы получали около восьми руб. въ мѣсяцъ на штатъ. Изъ нихъ я получалъ 4 р., діаконъ 2 р., дьячки по 1 р. Жить нечѣмъ было совершенно. При первой же свадьбѣ я настоялъ, по убѣжденію причта, взять съ крестьянина лишній рубль, противу того, что давалъ онъ. До того времени я бралъ однѣ только добровольныя пожертвованія, но тутъ настоялъ. Это, однако-же, такъ возмутило меня, что когда, въ ближайшее воскресенье, говорилъ я въ храмѣ поученіе, то мнѣ такъ и чудилось, что кто-то сзади говорилъ мнѣ: а ты самъ-то кто? Помнишь, какъ ты самъ поилъ виномъ ихъ? Помнишь, какъ ты вынудилъ дать тебѣ лишній рубль? Я говорилъ народу, но совѣсть моя говорила мнѣ самому то, что я говорилъ другимъ. Потомъ? Потомъ: совѣсть говорила одно, нужда—другое и, мало-по-малу, все вошло въ обыкновенную колею, по которой идемъ мы всѣ. Кто же виноватъ теперь въ томъ, если мы теперь не то, чѣмъ бы быть должны? Вы г. Елагинъ,—прихожане. Мы идемъ, насколько есть нашихъ силъ, по примѣру апостоловъ, но вы по примѣру... ну, по крайней мѣрѣ, не по примѣру тѣхъ христіанъ, кои приносили имѣніе свое къ колѣнамъ апостоловъ.

Апостолы, гдѣ приношенія вѣрующихъ были не достаточны, или гдѣ они не хотѣли обременять ихъ, питались трудами рукъ своихъ. Такъ и мы: и пашемъ, и сѣемъ, заводимъ дома, хозяйство.

Представлялъ ли г. Елагинъ, что ему придется защищать насъ? Конечно ему хотѣлось не того, но вышло такъ. Да, часто многое дѣлается противу нашего желанія. И спутникъ Валаама заговорилъ однажды по человѣчески.

Но хотя г. Елагинъ сказалъ и невпопадъ, однако же видно, что ему хотѣлось высказать намъ укоръ отъ слова Божія,—что Господь заповѣдалъ апостоламъ не заботиться о своемъ матеріальномъ обезпеченіи, но мы заботимся. Въ такомъ случаѣ мы попросимъ г. Елагина припомнить слова Господа слѣдующія: не пецытеся душею вашею что ясте, и что піете... воззрите на птицы небесныя... Иди, продай имѣніе твое, раздай все нищимъ и слѣдуй за Мною и под. Кому было сказано это? Всѣмъ послѣдователямъ Его ученія, стало быть всѣмъ христіанамъ. Нелюбостяжательность есть общая обязан-

ность всѣхъ послѣдователей ученія Спасителя. Слѣдовательно, укоряя насъ, г. Елагинъ забываетъ о таковой же заповѣди Господней, данной и ему, а это значитъ видѣть сучекъ въ глазу другаго, и не видѣть у самого себя даже того, что побольше сучка.

XIX.

Указаніемъ на жизнь апостоловъ г. Елагинъ требуетъ, чтобы и мы жили по ихъ примѣру: не имѣли ни дома, ни хозяйства,—ничего, и жили исключительно отъ благовѣстія? Но вѣдь объ этомъ и мы говоримъ, въ этомъ вся рѣчь наша. Обезпечьте наше существованіе, — и мы бросимъ всякую заботу обо всемъ, отвлекающемъ насъ отъ существенныхъ нашихъ обязанностей. При настоящихъ же условіяхъ не заводиться домомъ и хозяйствомъ и не отдавать заботамъ о своемъ существованіи большей части жизни, нѣтъ возможности. Апостолы посылались «въ міръ весь,»—во всю вселенную;—заводиться домомъ, и какимъ бы-то ни было хозяйствомъ имъ не было и возможности, переходя изъ города въ городъ, изъ одной области въ другую. Мы же посылаемся въ одно, опредѣленное мѣсто и на весь свой вѣкъ. Поэтому непремѣнно должны имѣть и постоянное помѣщеніе и обез печенное содержаніе,—переходить изъ домовъ въ домъ, какъ апостолы, мы не можемъ. У насъ, по деревнямъ, пастухи скота ходятъ по дворамъ и кормятся подворно; нынѣ одинъ пастухъ въ одномъ дому, завтра въ другомъ и т. д., ходятъ только лѣтніе мѣсяцы и одни, безъ женъ и дѣтей, но и то всѣмъ надоѣдаютъ до крайности. Вынесли-ль бы наши прихожане такой муки, еслибъ къ нимъ и зиму и лѣто,—весь вѣкъ,—ходили ночевать, обѣдать и ужинать: нынѣ священникъ съ женой и дѣтьми, завтра дьяконъ съ женой, ребятишками и стариками, тамъ одинъ дьячекъ съ семьей, а тамъ другой съ семьей, особенно если крестьянину и самому въ своей избеночкѣ и повернуться негдѣ и самому ѣсть нечего? Пустили-ль бы къ себѣ въ домъ люди состоятельные, позволилъ ли бы придти къ себѣ въ домъ самъ г. Елагинъ? Возможно ли такое мыканье по чужимъ домамъ кому-бы-то ни было? Конечно, нѣтъ. Стало быть нужна постоянная осѣдлость. Готоваго же дома нѣтъ, слѣдовательно нужно строить свой. Средствъ на постройку нѣтъ, слѣдовательно нужно брать ихъ въ томъ же приходѣ; добровольныхъ пожертвованій недостаетъ и на содержаніе—одежду и хлѣбъ, слѣдовательно отсюда неизбѣжны вымогательства при требоисправленіяхъ, а отсюда сами собою слѣдуютъ непріязненныя отношенія между пастыремъ и пасомыми, или

потворство всѣмъ ихъ слабостямъ, заискиванье ихъ благоволенія и, у людей слабохарактерныхъ, нетрезвая, вмѣстѣ съ прихожанами, жизнь. А такъ какъ священнику и какъ человѣку, вообще, и какъ семьянину нужно многое и кромѣ помѣщенія, то онъ запутывается въ житейскія сѣти еще болѣе,—и болѣе удаляется отъ своихъ существенныхъ обязанностей.

Наконецъ, необходимо брать во вниманіе время и обстоятельства, при которыхъ Спасителемъ предрекались лишенія и гоненія апостоламъ, и время настоящее, въ которомъ живемъ мы. Въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени замѣчательна ссылка г. Елагина на первыя времена христіанства. Апостолы были гонимы отъ іудеевъ и язычниковъ; но между кѣмъ живемъ мы? Представьте же себѣ: мы живемъ между людьми, которые тотчасъ по рожденіи принимаютъ чрезъ насъ св. крещеніе; съ полнымъ убѣжденіемъ считаютъ себя православными христіанами; съ сердечнымъ умиленіемъ слушаютъ наши поученія; слѣдуютъ нашимъ совѣтамъ; открываютъ предъ нами всѣ сокровеннѣйшія свои дѣла и даже помышленія; съ благоговѣніемъ присутствуютъ при совершаемомъ нами богослуженіи; преданные нашему духовному водительству, обращаются къ намъ не иначе, какъ съ словами: «батюшка,»—дѣти наши,—и эти дѣти говорятъ намъ: вы наши отцы, но вы терпите отъ насъ голодъ, холодъ, наготу; мы хотимъ, чтобы вы терпѣли отъ насъ побои, злословіе, срамъ; мы желаемъ, чтобы вы были позоромъ для міра, прахомъ, всѣми нами попираемымъ, какъ были прахомъ для міра ваши предмѣстники—апостолы! Что остается намъ сказать, послѣ этого? Одно только: что если ужъ обращаться ко временамъ апостольскимъ, то нужно быть послѣдовательнымъ,—обращаться къ нимъ не однимъ намъ, пастырямъ, но и пасомымъ, и обращаться во всемъ. Если же первыхъ проповѣдниковъ евангелія мучили, то вѣдь и участь послѣдователей ихъ ученія,—вѣровавшихъ,—была такая же. Не приняться ли и вамъ другъ друга бить, жечь, топить, душить и т. д.? Вѣдь сказано въ св. писаніи: въ царствіе Божіе входятъ тѣсными вратами; многи скорби праведнику! Конечно этого не пожелаетъ ни одинъ безумный; но мы скажемъ, что не болѣе ума выражаетъ и тотъ, кто настаиваетъ, чтобы пастыри нынѣшняго времени терпѣли то же самое отъ христіанъ, что терпѣли пастыри первыхъ вѣковъ отъ идолопоклонниковъ и іудеевъ. Надобно благодарить Бога, и мы благодаримъ Его, что тѣ горькія времена уже миновали. Не даромъ мы, послѣ каждой литургіи, поемъ многолѣтіе своему Государю Императору, мы молимъ Господа сохранить нашего Отца отечества на многія лѣта за то, что подъ его покровомъ мы имѣемъ возможность тихо и без-

мятежно излить предъ Господомъ чувства души нашей. Наслаждаясь спокойствіемъ, поворотится ли честный языкъ восхвалять времена гоненій, и благородное сердце желать зла другому, не желая, однако же, этого самому себѣ?!

Все идетъ сообразно требованію времени. Напримѣръ, одинъ преемникъ апостольскій, Поликарпъ, епископъ Смирнскій (возьмемъ хоть его) жилъ также, какъ и апостолы; но черезъ полуторы тысячи лѣтъ другой апостольскій преемникъ, нашъ русскій, московскій митрополитъ Симонъ (1492 — 1508 гг.) владѣлъ въ пятнадцати уѣздахъ землею и крестьянами. Въ семи изъ этихъ уѣздовъ, по сохранившимся писцовымъ книгамъ, у него находилось: селъ и деревень 531 и 51,750 десятинъ земли. Въ концѣ XVI в. московскій епископъ имѣлъ до семи тысячъ дворовъ крестьянъ. Когда, въ 1478 году, великій князь Иванъ Васильевичъ осадилъ Новгородъ, то новгородцы согласились уступить ему половину волостей владыки и шести богатыхъ монастырей. Великій князь половины волостей владыки не взялъ, а взялъ только десять волостей, всего 320 сохъ, т. е. до 14,400 десятинъ. Сколько же, спрашивается, было десятинъ въ половинѣ владѣній владыки и сколько во всѣхъ волостяхъ? Чрезъ нѣсколько времени великій князь взялъ у владыки еще 400 деревень, потомъ 230 десятинъ. Не смотря на такія лишенія, новгородскаго владыку считали самымъ крупнымъ вотчинникомъ между нашими епископами. (Ист. рус. ц. Макарія т. VIII). Напутственное слово Господне одинаково было обязательно какъ епископу смирнскому, такъ московскому и новгородскому. Но какая между ними разница! Однако же, не смотря на страшныя богатства нашихъ владыкъ, никто не говорилъ имъ: не стяжите ни злата, ни сребра, потому что все,—бѣдность однихъ и богатство другихъ,—обусловливалось временемъ, въ которое они жили.

Всѣмъ извѣстны побужденія отшельнической жизни основателей монашества: Пахомія, Антонія, Макарія и др. и нашихъ отечественныхъ подвижниковъ, напр. св. Сергія, и ихъ святая, труженическая жизнь; но въ XVI столѣтіи, чрезъ двѣсти лѣтъ послѣ основанія, обитель св. Сергія имѣла владѣній, только пожертвованныхъ князьями и другими лицами па поминъ душъ: волость (на Клязьмѣ, по имени Вохну, въ девять сохъ [1]); селъ 88, при этихъ селахъ малыхъ селъ и деревень 1,080 и земли до 113,040 дес. При нѣкоторыхъ изъ этихъ селъ не показано числа деревень и земли, а сказано только: село такое-то съ деревнями. Кромѣ пожалованныхъ

[1]) Соха въ 100 вытей заключала въ себѣ отъ 1,500 до 3,000 десятинъ.

селъ и деревень, монастырь имѣлъ много пріобрѣтенныхъ покупкою. Сколько ихъ было, неизвѣстно, но извѣстно, что на покупку ихъ употреблено 16,934 р., что по тогдашнему времени составляло громадную сумму. Кирилловъ Бѣло-езерскій монастырь имѣлъ 15 селъ большихъ, 8 малыхъ и 3 приселка. При селахъ имѣлось тяглыхъ дворовъ 892 и земли 43,800 д. Кромѣ того во владѣніи монастыря находилось 94 деревни, что было «за попы, и за слугами, и за кузнецы, и за плотники, и за извощики и 2,490 д. земли. Словомъ: во владѣніи владыкъ и монастырей, во времена Іоанна IV, находилась третья часть всего государства. (Ист. Рус. ц. Макарія т. VIII, 229). Общины отшельниковъ пріобрѣли страшныя богатства; но ставилъ ли кто нибудь въ вину имъ это? Нѣтъ. Было такое время, что въ мѣста, прославленныя святынею, дѣлались большія пожертвованія,—и только. Ставитъ ли нынѣ кто въ вину нашимъ обителямъ, если онѣ принимаютъ приношенія богомольцевъ и сами дѣлаютъ нѣкоторыя пріобрѣтенія, въ родѣ пристроекъ? Конечно, нѣтъ. Приношеніями въ обители выражается попеченіе жертвователей о своемъ спасеніи и усердіи къ мѣстамъ, прославленнымъ благодатію Божіею. Ниже ли была нравственность святителей и обитателей монастырей, при ихъ громадныхъ богатствахъ? Богатства ихъ не мѣшали многимъ изъ нихъ быть въ высшей степени людьми нравственными и благочестивыми. Вообще же дома епископовъ и монастыри были единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія и пристанищемъ тысячъ народа во времена голода и другихъ бѣдствій. Изъ нынѣшнихъ же монастырей многіе находятъ для себя невозможнымъ дать какихъ нибудь 20—30 р. въ годъ на образованіе спеціально служителей церкви. Изъ этого и слѣдуетъ, что люди, обезпеченные въ собственномъ содержаніи, могутъ оказывать пользу другимъ и, напротивъ, люди, поставленные въ необходимость заботиться о дневномъ пропитаніи самихъ себя, благотворительности другимъ оказывать не могутъ, при всемъ ихъ къ тому желаніи. Такъ и духовенство, поставленное въ необходимость заботиться о дневномъ своемъ пропитаніи, не можетъ уже посвятить себя всецѣло своему существенному долгу.

Правительство, увидѣвъ, что отъ бѣдности чиновниковъ терпитъ много и общество, и дѣло ихъ службы, улучшило ихъ бытъ, облагородило ихъ,—вывелись уже теперь «земскіе ярыжки»,—и въ судахъ стало болѣе правды, чѣмъ было это до того. Всѣ правительства считаютъ своимъ долгомъ заботиться о благосостояніи государства. Конечно, онѣ не имѣютъ въ виду, при этомъ, одну только матеріальную, животную, сторону человѣка. Онѣ заботятся, вмѣстѣ съ этимъ, и о возвышеніи нравственности. Стало быть онѣ находятъ, что возвыше-

ніе матеріальнаго благосостоянія не можетъ развиться въ ущербъ возвышенія нравственности. Какимъ же образомъ можетъ случиться то, что общественная нравственность не упадетъ, а нравственность духовенства должна пасть; чиновники могутъ хорошо вести свое дѣло только при обезпеченномъ состояніи, а духовенство—только при нищенскомъ?

Самое же главное: апостолы были люди простые, безхитростные: въ доказательство истинности божественнаго ученія они не искали «знаменій», какъ прочіе ихъ соотечественники—іудеи, и умъ ихъ не былъ искаженъ еллинскою премудростію. Божественную истину принимали они чистою и непорочною душею и съ сердечнымъ умиленіемъ говорили своему Учителю: куда пойдемъ мы отъ Тебя, Ты глаголы живота имаши! Св. слово евангелія познали они не по учебникамъ, и не розгами возбуждали умиленіе ихъ сердца, какъ возбуждалось оно въ нашихъ школахъ, готовящихся быть проповѣдниками евангелія. Слово истины они слышали непосредственно отъ самаго Господа; они бесѣдовали съ Нимъ лицомъ къ лицу; своими глазами видѣли непостижимую Его любовь къ людямъ при всевозможномъ злословіи, неправдѣ и неблагодарности. Еще во время Своей земной жизни Господь, какъ бы, практиковалъ ихъ въ проповѣдничествѣ и лишеніяхъ, давая примѣръ Собою; Онъ научалъ ихъ самымъ опытомъ, подъ непосредственнымъ Своимъ надзоромъ и водительствомъ, проповѣдывать евангеліе: Онъ, при Себѣ еще, посылалъ ихъ проповѣдывать людямъ спасеніе, предсказывалъ имъ лишенія и, по возвращеніи къ Нему, спрашивалъ ихъ: еда что лишени бысте? Но они не обращали и вниманія на лишенія и говорили только о плодахъ проповѣди: «нѣтъ, Господи, отвѣчали они, и самые бѣсы повинутся намъ о имени Твоемъ! Разставаясь съ ними, на послѣдней вечери, Онъ утѣшалъ ихъ въ предстоявшей скорби; говорилъ имъ, что Онъ особенно молился и молится о нихъ Отцу Своему и что Онъ не оставитъ ихъ одинокими сиротами, но что пошлетъ имъ Св. Духа, Который будетъ съ ними неразлучно, будетъ подкрѣплять ихъ души и научитъ ихъ на всякую истину. Чрезъ нѣсколько дней по вознесеніи Господнемъ апостолы видѣли нисшествіе на нихъ Св. Духа видимымъ образомъ и тѣмъ могли сами увѣриться вполнѣ, что Духъ Святой низошелъ на нихъ и будетъ пребывать съ ними неразлучно, какіе бы труды, скорби и лишенія ни постигли ихъ. При такомъ только именно состояніи апостолы и могли быть тѣмъ, чѣмъ они были!

XX.

«Въ сознаніи духовенства утвердилась мысль, какъ какой нибудь непреложный догматъ, объ улучшеніи его матеріальнаго быта, и эта мысль сдѣлалась возглавицей.. Возглавица эта кладется подъ всякій локоть, и подъ всякую голову» (17). Духовенству вмѣняется въ вину то, даже, что оно заботится объ обезпеченіи себя въ содержаніи и желаетъ, чтобъ оно было выведено изъ нищенскаго состоянія. Но представьте: средства къ существованію моему таковы, что, при всей моей бережливости, мнѣ едва достаетъ ихъ на мое содержаніе; но у меня куча дѣтей,—и я вижу: у одного нѣтъ сапоговъ, у другой избились башмачишки, третій съ голыми локтями... Не болитъ у меня сердце, глядя на этихъ несчастныхъ, не въ правѣ желать я, чтобы они были одѣты? У меня разваливается домъ, зимою невыносимый холодъ, лѣтомъ въ крышу льетъ дождь, какъ въ рѣшето; по ночамъ, въ дождь, мнѣ съ женою приходится перетаскивать сонныхъ дѣтей своихъ, какъ кошкѣ котятъ, изъ угла въ уголъ, чтобъ дождь не лилъ на нихъ сквозь потолокъ... Не въ правѣ я желать имѣть теплый и сухой уголъ? У меня два сына въ училищахъ; они пишутъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ ни книгъ, ни хлѣба, ни одежды и хозяева квартиръ требуютъ платы... Не въ правѣ я желать, чтобы, хоть откуда нибудь, Господь послалъ какую нибудь полусотню рублей, чтобы отослать дѣтямъ? То, что говорю я, это не поэзія какая нибудь, нѣтъ, я испыталъ все это на себѣ лично. Нѣкогда у меня учились въ С.-Петербургѣ два сына и два въ Саратовѣ. Въ теченіе мѣсяца, бывало, что нибудь сбережешь, къ концу знаешь, что нужно посылать на содержаніе дѣтей во всѣ концы, а денегъ нѣтъ. Что же дѣлать, гдѣ взять ихъ? Тоска не даетъ спать. Продашь одну изъ трехъ коровъ, и отошлешь, думая, при этомъ: а дальше какъ? И скажешь, въ успокоеніе себя: «ну, какъ нибудь Господь поможетъ»! Мысль о содержаніи дѣтей мучила день и ночь. А тамъ смотришь: подходитъ зима, а дровъ купить не на что; пришло лѣто,—и дождь льетъ во всѣ углы. Тутъ, батюшка вы мой, подложишь этотъ «догматъ» подъ всякій локоть!.. Да, «облокотишься», бывало, да и не спишь ночи,—и думаешь: какъ же выдти изъ этого безвыходнаго положенія? Что буду я дѣлать, думаешь, бывало? Чувствуешь въ груди боль до тошноты. Ноетъ сердце, ты не видишь, какъ говорится, точки опоры,—не видишь впереди у себя никакой надежды на лучшее,—доходишь до какого-то одуренія и чувствуешь слабость, усталость во всемъ организмѣ. Въ такомъ состояніи не-

вольно подумаешь: эхъ, еслибъ побольше жалованья! Не мучился бъ и я, не терпѣли бы нужды и дѣти... Такое желаніе вовсе не отъ жадности. Нужно испытать, чтобы понять насъ,—испытать на себѣ то, что переносимъ мы въ жизни, тогда уже и судить о насъ. Наше желаніе улучшенія своего состоянія совсѣмъ не то, что видимъ мы безпрестанно во многихъ, изъ другихъ сословій. Взгляните, напр., на чиновниковъ,—и не на тѣхъ изъ нихъ, которые получаютъ рубли, но на тѣхъ, которые состояніе свое считаютъ десятками тысячъ: довольствуются ли они своимъ содержаніемъ? Иной, не смотря на то, что имѣетъ собственныя или унаслѣдованныя отъ предковъ «благопріобрѣтенныя» средства, и отъ мѣста, должности получаетъ хорошее жалованье,—все-таки втирается, на сколько только возможно, чуть ни во всѣ комитеты, акціонерныя и банковыя общества,—нахватываетъ себѣ должностей столько, что смотришь и думаешь: когда человѣкъ успѣваетъ дѣлать дѣло по всѣмъ этимъ мѣстамъ? Присмотришься, и видишь, что за него работаютъ мелкія пташки, а онъ самъ беретъ только деньги. При всемъ этомъ онъ не постыдится взять не легонькій кушъ и подъемныхъ, переходя съ казенной квартиры на частную, а квартирныхъ само собою. Другой, какъ говорится, дышетъ уже на ладонъ, имѣетъ и состояніе и хорошую пенсію и, не смотря, однакоже, на это, все-таки держится за мѣсто, получаетъ жалованье и не брезгуетъ кое какими обрѣзками отъ смѣтныхъ суммъ. Что все это, не жадность? А что продѣлываютъ купцы, заводчики, фабриканты и пр. и пр.?! Взгляните на иного купца: вдоволь всего, можно бы, кажется, быть довольнымъ: и дома, и фабрики, и заводы, и мельницы, и торговыя дѣла, — все идетъ отлично, но, не смотря на это, онъ все-таки вздуетъ васъ, вздуетъ и не поморщится, да еще прибавитъ, въ ваше утѣшеніе, что «это-де только-съ для васъ-съ такое-съ уваженіе-съ; для другаго ни за чтобы-съ»! Иной земецъ давнымъ-давно спустилъ приданое жены; свое родовое состояніе заложилъ и перезаложилъ чуть ни во всѣхъ банкахъ; втерся всѣми неправдами въ члены управы и, кажется, долженъ бы былъ дорожить своимъ мѣстомъ,—вести дѣла земства, какъ слѣдуетъ; но нѣтъ, во многихъ мѣстахъ, члены управы, почему-то, все-таки стараются провести мысль въ собраніяхъ гласныхъ, чтобы въ члены ревизіонной коммисіи были избраны такія лица, которыя и не знаютъ съ котораго конца приступиться къ ревизіи и, вдобавокъ, дадутъ такой короткій срокъ для ревизіи, что и опытный чиновникъ не успѣлъ бы ничего сдѣлать. Разумѣется, тутъ и выйдетъ, что «все обстоитъ благополучно». А какъ посмотришь на иныхъ отцовъ-благодѣтелей,—землевладѣльцевъ и арендаторовъ,—то

не можешь надивиться той изобрѣтательности, съ какой «дерутъ они лыки съ камня», и тому невозможному спокойствію, съ какимъ снимаютъ они послѣднюю шкуру. Не жадность все это? Но г. Елагинъ видитъ жадность только въ духовенствѣ. Но если люди состоятельные не всегда довольны своимъ состояніемъ, то духовенству, брошенному на произволъ судьбы, желать улучшенія своего положенія совершенно естественно. Всѣ стараются о себѣ, и никому не ставится это въ вину; духовенству же запрещается и думать о томъ, чего не забываетъ никто, — не забываетъ и тотъ, кто запрещаетъ думать намъ. Гдѣ же справедливость?!

«Мысль объ улучшеніи быта сдѣлалась для духовенства возглавицей»... Не слишкомъ ли уже мелочно сказано? Еслибъ и дѣйствительно духовенство говорило объ этомъ часто, то это значило бы только, по пословицѣ: «у кого что болитъ, тотъ про то и говоритъ». Написалъ же г. Елагинъ цѣлую книгу, испугавшись, чтобы бытъ духовенства въ самомъ дѣлѣ не улучшился! Если у него настолько наболѣло сердце, столько накипѣло на душѣ зла, при одной мысли объ улучшеніи быта ненавистныхъ ему людей, и людей для него постороннихъ, что онъ написалъ цѣлую книгу пасквили, то говорить намъ о себѣ, о собственныхъ нашихъ нуждахъ, о положеніи дѣтей нашихъ —совершенно естественно.

«О чемъ бы духовенство ни писало въ газетахъ и журналахъ, оно непремѣнно сводитъ рѣчь свою на свою приниженность и бѣдность». Г. Елагинъ всѣми силами старается закидать духовенство грязью; для этого: ложь, клевета, подлоги, искаженіе фактовъ и т. под.— его первое оружіе. Нѣтъ, напротивъ, мы скажемъ, духовенство терпѣливо переноситъ свою участь, и молчитъ. Въ защиту свою оно не пишетъ, почти, ничего. Единственный журналъ, гдѣ помѣщаются нѣкоторыя отрывочныя корреспонденціи изъ провинціи,—это журналъ, издаваемый достоуважаемымъ А. И. Поповицкимъ; большинство же статей и въ этомъ журналѣ пишется людьми свѣтскими. Открытъ для меня и журналъ, издаваемый глубокоуважаемымъ Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ «Русская Старина»; но болѣе этого духовенство не пишетъ ничего. Въ минувшемъ 1881 году, по случаю появленія въ свѣтъ книги г. Елагина, въ нѣкоторыхъ, и духовныхъ и свѣтскихъ, журналахъ были статьи въ защиту духовенства, но онѣ были писаны сотрудниками этихъ журналовъ. «Церковный Вѣстникъ» открылъ особый отдѣлъ, въ которомъ говоритъ о современномъ состояніи духовенства только въ 1881 году. Здѣсь отвѣчается только на выдающіяся клеветы на духовенство со стороны свѣтской литературы, но и эти замѣтки пишутся, опять-таки, постоянными сотрудниками журнала.

Въ послѣднее время даже были дѣлаемы приглашенія духовенству, чтобы оно заявляло о своей пастырской дѣятельности и тѣмъ отражало клеветы враговъ своихъ; но скромность духовенства настолько велика, что отклика его мы еще не видимъ. Въ нѣсколько часовъ можно перебрать всѣ духовные журналы лѣтъ за пять,—и можно ручаться, что тамъ не найдется ни одной статьи, гдѣ духовенство жаловалось бы на свою горькую участь. Переберите всѣ свѣтскіе журналы и газеты,—и вы увидите то же самое. Если г. Елагинъ хотѣлъ быть справедливымъ, то онъ обязанъ былъ доказать то, что говоритъ онъ,—онъ обязанъ былъ указать хотя на одну—двѣ статьи такого рода. Но, сказать, не досказать, не доказать и бросить,—обыкновенная его манера. Оттого у него такая и масса обвиненій на духовенство. Веди онъ дѣло честно,—укажи онъ на порокъ, укажи мѣсто и лицо, докажи онъ то, что говоритъ,—тогда у него, мы увѣрены, не было бы и десятой доли того, что сказалъ онъ,—тогда онъ не написалъ бы пасквили множество листовъ. Но онъ хорошо знаетъ, что, говоря о цѣломъ сословіи, раскинутомъ по огромному пространству государства, никто преслѣдовать за клевету судомъ его не будетъ,—и говоритъ все, чѣмъ только надѣется втоптать духовенство въ грязь. Но добросовѣстно ли все это!..

XXI.

«На всякое предложеніе, на всякую добрую мысль, на всякое замѣчаніе,—одинъ отвѣтъ: дайте намъ ѣсть, сравняйте насъ, по крайней мѣрѣ, съ мужикомъ». Если г. Елагинъ человѣкъ добросовѣстный, то онъ долженъ былъ бы, скажемъ мы опять, указать на факты,—когда и отъ какого предложенія отказывалось духовенство. Говорить же безъ доказательствъ, голословно, и говорить обо всемъ духовенствѣ,—не честно.

То, чтобы духовенство желало, чтобы оно было сравнено съ мужикомъ,—такихъ желаній нигдѣ не заявлялось; но, дѣйствительно, если провести параллель между духовенствомъ и мужикомъ, то гражданскія права послѣдняго несравненно шире, и позавидовать есть чему. Возьмите, напримѣръ, хоть одно то, что мужика судитъ міръ, гласно, и судъ даетъ ему всѣ способы къ оправданію; нась же судятъ въ консисторіяхъ нашихъ при закрытыхъ дверяхъ; консисторскій же судъ, по словамъ самого защитника консисторій, г. Елагина, есть судъ самый не надежный. Самъ защитникъ консисторій говоритъ, что «при обширной свободѣ извлекать подходящіе (?) къ дѣламъ за-

коны откуда хочешь, понятное дѣло, возможенъ въ консисторiяхъ всякiй произволъ (165, 166)». «И дѣйствительно, дѣла рѣшаются, можно сказать, на обумъ (165—172)». Скажите же, Бога ради, какъ же не позавидовать, послѣ этого, мужику! Извѣстно, что судомъ рѣшается, часто, участь человѣка на всю его жизнь, а тутъ сами даже защитники консисторiй говорятъ, что дѣла рѣшаются тамъ на обумъ и допускается всякiй произволъ.... И за то, что мы желаемъ себѣ суда «скораго и праваго», т. е. такого, какой имѣетъ мужикъ, насъ осуждаютъ! Гдѣ же совѣсть!..

«Благородно-мыслящiе (!) изъ мiрянъ не могутъ надивиться жалобамъ духовенства на свою бѣдность и многiе изъ нихъ изъ одного этого потеряли уваженiе къ духовенству». Такъ говоритъ г. Елагинъ въ концѣ 17-й страницы; но на 135-й страницѣ онъ говоритъ: «католическихъ пасторовъ въ высшихъ классахъ общества, по большей части, презираютъ. У насъ же, напротивъ, никто не питаетъ къ священникамъ ни вражды, ни презрѣнiя». Соединивши оба отзыва его о духовенствѣ, предоставляю самому читателю судить насколько г. Елагинъ точенъ и послѣдователенъ въ своихъ сужденiяхъ и насколько здрава его мысль. Мы же скажемъ, что есть изъ мiрянъ уважающiе и неуважающiе, и изъ духовенства есть уважаемые и неуважаемые. То и другое зависитъ отъ личнаго характера той и другой стороны.

«Приступая къ самому дѣлу обезпеченiя, правительство потребовало свѣдѣнiй отъ архiереевъ и духовенства». Отъ кого же, спрашивается, нужно было требовать эти свѣдѣнiя? Кто знаетъ мои доходы, источники, откуда получаю ихъ я и способы, которыми могу я увеличить ихъ, кромѣ меня самаго? Кто знаетъ самыя мелочныя и самыя разнообразныя условiя жизни духовенства, кромѣ него самаго? Къ кому нужно отнестись за разъясненiемъ этихъ условiй, какъ не къ самому духовенству? Правительство такъ и поступило,—обратилось къ самому духовенству. Св. синодъ и всѣ правительственныя лица, по дѣламъ епархiи, сносятся съ епархiальными преосвященными и отчеты по дѣламъ епархiи даетъ св. синоду епархiальный преосвященный. Слѣдовательно и это дѣло, неминуемо, должно было идти чрезъ мѣстныхъ преосвященныхъ. Правительство такъ и поступило. Но г. Елагинъ негодуетъ, что оно прошло «мимо консисторiй». Дѣло, кажется, ясное, что консисторiи необходимыхъ для правительства свѣдѣнiй о состоянiи духовенства дать не могли. Но г. Елагину не точность свѣдѣнiй и нужна. Онъ соболѣзнуетъ только консисторскимъ дѣльцамъ, или, какъ выражается онъ, «честнымъ дѣятелямъ въ консисторiяхъ», (которыми допускается «всякiй произволъ»). Онъ говоритъ, что «консисторскимъ честнымъ дѣятелямъ крайне было «грустно»,

что дѣло это началось помимо ихъ. Да, мы въ этомъ съ нимъ согласны совершенно. Мы вѣримъ совершенно, что было имъ «грустно», и грустно даже очень, что жирный этотъ кусокъ не попалъ имъ въ лапы съ самаго начала. О грусти ихъ, при этомъ дѣлѣ, мы можемъ судить по IX и X ревизіямъ. Что можетъ быть, кажется, проще какъ въ печатный, бланкъ внести имена членовъ причта, ихъ семейства, и подать въ консисторію? Придраться здѣсь, кажись, не къ чему совсѣмъ. Однакоже мы знаемъ хорошо, что въ нѣкоторыхъ консисторіяхъ благочинный, представля ревизскія сказки своего округа, долженъ былъ дать секретарю по 5 р. со штата, члену по 5 и въ столъ по 1 р. Иначе благочинный, хоть тресни, — отъ него не принимали и бумагъ. Нѣкоторые благочинные и должны были уѣзжать назадъ и собирать съ духовенства деньги; а другіе, понатершіеся уже около консисторій еще пріемѣ отъ причтовъ, брали по 10 р., изъ которыхъ расплачивались и съ консисторіей, и себя не забывали. По извѣстнымъ намъ консисторіямъ мы можемъ судить, что ни одна тысяча перепала въ руки консисторскихъ дѣльцовъ, если большинство нашихъ консисторій поступало также. И это при безгрѣшныхъ ревизскихъ сказкахъ! Представляемъ же себѣ: что было бы, еслибъ дѣло объ улучшеніи быта духовенства предоставлено было ючисклительно консисторіямъ! «Честные ихъ дѣятели» непремѣнно сталибъ выдавать себя за рѣшителей судебъ,—что отъ нихъ зависитъ все. Тутъ полились бы цѣлыя рѣки благожеланій, обѣщаній, увѣреній; насулились бы цѣлыя горы самыхъ несбыточныхъ благъ и, вмѣстѣ, опасенія, застращиванія, угрозы и самая незастѣнчивая ложь. Характеръ дѣльцовъ того времени выразился бы во всей своей силѣ. Желаніе улучшить свое положеніе и страхъ лишиться и послѣдняго куска вынудили бы многихъ продать послѣднюю корову, чтобы склонить на свою сторону людей, въ рукахъ которыхъ вся ихъ участь. Да, «честные дѣятели» нагрѣли бы руки! Не одинъ домикъ прибавился бы тутъ въ городѣ и не одинъ банковый билетикъ уложился бы въ шкатулку. И еще, послѣ такого горя, не было бы «грустно»! И, въ такомъ горѣ, консисторіи, устами защитника своего, г. Елагина, изливаютъ скорбную свою душу: всѣмъ-то мы опостылѣли! «Насъ ругаютъ среди духовенства, позорятъ въ свѣтскихъ кругахъ, безчестятъ въ газетахъ и книгахъ»,—мы всегда притчею въ народѣ,—но начальство наше вѣрило намъ,—и мы могли дѣлать все по своему «произволу»; теперь же «мы должны убѣдиться, что на поддержку высшей власти нечего болѣе расчитывать». Теперь всѣ противъ насъ! Такъ, за это недовѣріе и пока власть не отнята еще отъ насъ, покажемъ же себя!.. И, дѣйствительно, самъ г. Елагинъ говоритъ, что

воображаемое недовѣріе начальства къ консисторіямъ отозвалось «вредными послѣдствіями на всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ».

Хотя мы имѣемъ основанія вполнѣ довѣрять, въ этомъ, г. Елагину, но, тѣмъ не менѣе, если онъ честный и безпристрастный человѣкъ, то обязанъ былъ представить хотя одинъ фактъ незаконныхъ дѣйствій консисторій. Друзья ли мы, враги ли мы,—а факты быть должны.

Такимъ образомъ, г. Елагинъ оказалъ консисторіямъ, за которыя распинается онъ, медвѣжью услугу!.. Съ такимъ защитникомъ можно поздравить! «Честные» люди, но не удовлетворенные въ ихъ желаніяхъ, стали дѣлать гадости: заводить, стало быть, и разводить кляузы, тѣснить духовенство, беззаконно рѣшать дѣла,—осуждать невинныхъ и оправдывать виновныхъ, напрасно налагать штрафы (хотя они и, вообще, есть чистый «произволъ»), въ искаженномъ видѣ представлять дѣла преосвященнымъ и под. Словомъ: по г. Елагину, они стали олицетворённымъ зломъ и для духовенства, и для высшей власти... Хороши же, значитъ, эти «честные дѣятели», хорошъ и ихъ защитникъ!

«Оказавши недовѣріе консисторіямъ, правительство, въ то же время, не очень любезно поступило и съ архіереями. Отъ нихъ потребовали, правда, отзывовъ, но обязали (?) ихъ представить отзывы духовенства отъ всѣхъ церквей въ подлинникахъ. Очевидно, не вѣрили даже и архіереямъ. На первый разъ все это мелочи. Но этими мелочами открывалось въ духовномъ вѣдомствѣ новая эра, когда дѣти стали учить своихъ отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ и лица, самымъ призваніемъ своимъ обязанныя къ строгому повиновенію властямъ, настойчиво стали требовать (!) самоуправленія».

XXII.

Г. Елагинъ находитъ обиднымъ для преосвященныхъ то, что св. синодомъ велѣно было, вмѣстѣ съ своими мнѣніями, представить подлинные отзывы духовенства? Напротивъ, намъ кажется, что этимъ оказано преосвященнымъ большое вниманіе, избавивши ихъ отъ египетской работы. Представьте: преосвященному представлено 700—800 разнообразнѣйшихъ проэктовъ; извольте всѣ ихъ прочесть и привести къ единству! Сколько было бы отнято у него дорогаго времени, силы и здоровья! При другихъ многочисленныхъ дѣлахъ, одинъ онъ сдѣлать это былъ бы не въ состояніи, ему понадобились бы помощники, но коль скоро помощники, то дѣло должнымъ образомъ идти уже не могло. Они должны были бы взять двоихъ или троихъ писцовъ изъ консисторій

и, подъ присмотромъ своего секретаря, поручить имъ это дѣло. Какого результата можно было было бы ожидать отъ такой коммисіи, можетъ видѣть всякій. Нѣтъ сомнѣнія, что они переиначали бы, перепутали и обезсмыслили бы только дѣло. Путаница эта, однакоже, лежала бы на совѣсти преосвященныхъ. Но г. Елагину, какъ видѣли мы и прежде, не точность и нужна. Ему досадно лишь именно то, что духовенству дозволено выражать свои мысли. Ему невыносимо не только то, что оно само за себя отвѣчаетъ, но даже и то, что къ нему обращаются за вопросомъ, — что правительство признаетъ за нимъ жизнь, что ему дано право говорить. Право и жизни, и голоса онъ признаетъ исключительно за однимъ только начальствомъ—преосвященными и консисторіями. Такая надменность, такое полное презрѣніе къ низшимъ выражались, и то въ былое, давно минувшее время, только въ американскихъ плантаторахъ къ неграмъ; нынѣ можно найти его, развѣ только у дикихъ африканскихъ народовъ: Дагомеевъ, Абомеевъ и под. Но ужъ никакъ не хотѣлось бы видѣть въ нашемъ дорогомъ отечествѣ... Мы, напротивъ, должны сказать, что если люди хотѣли дѣлать дѣло, безъ всякой предвзятой мысли, то непремѣнно должны были за нужными свѣдѣніями обратиться исключительно къ самому духовенству. Представьте: нужно было правительству знать: а) «какими средствами содержанія пользуется духовенство»? Могутъ ли на такой вопросъ отвѣтить, по каждому приходу, преосвященные или консисторіи?—Можетъ ли, кто-бы то ни былъ, посторонній отвѣтить: сколько при церкви земли удобной и неудобной; по какой цѣнѣ за десятину и на какую сумму отдается она въ аренду; сколько засѣваетъ самъ причтъ; сколько, среднимъ числомъ, снимается сѣна; гдѣ помѣщается причтъ и каково помѣщеніе; откуда получается отопленіе; побираясь по приходу, причтъ сколько можетъ собрать хлѣба зерномъ, мукой, крупой, печенымъ хлѣбомъ и под., и сколько изъ собраннаго остается за излишествомъ и продается, или насколько прикупается? Нѣтъ, такихъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ, ихъ дать можетъ только само духовенство. б) «Сколько получается денежнаго доходу»? Опять свѣдѣній и этихъ нѣтъ ни у кого, и отвѣчать на такой вопросъ можетъ само только духовенство. в) «Какія у каждаго члена причта важнѣйшія статьи расхода»? Подобныхъ свѣдѣній ни у кого и быть не можетъ. г) «Что можно было бы сдѣлать для обезпеченія причтовъ въ содержаніи»? Здѣсь необходимо знать мѣстныя условія каждаго прихода, знать же ихъ можетъ только мѣстный причтъ. Что могли отвѣтить на всѣ 4 вопроса преосвященные и консисторіи? Ровно ничего. Правда, они могли отвѣтить на послѣдній вопросъ, но отвѣтить только

кое что, и то въ общихъ чертахъ. Слѣдовательно необходимо было нужно спросить духовенство. Такъ и сдѣлано. Когда на такіе вопросы, на которые никто посторонній не можетъ отвѣтить, отвѣчаетъ само духовенство, то можно вывести изъ этого заключеніе, что «дѣти учатъ отцовъ, подчиненные стали судить своихъ начальниковъ, что явилась новая эра»? Только г. Елагинъ и могъ вывести такое заключеніе. Есть ли тутъ, хоть тѣнь, самоуправленія? Ни чуть не бывало. «Дѣти стали учить своихъ отцовъ». Мы-то, дѣйствительно, признаемъ преосвященныхъ своими духовными отцами; но г. Елагинъ-то самъ, въ другомъ мѣстѣ, не признаетъ этого: онъ говоритъ: «архіереевъ мы называемъ отцами. Но это почетное названіе, почетный титулъ—не болѣе» (94 л. 2 ст.). Вотъ тутъ и толкуй съ нимъ: то отецъ, а то—не отецъ.

Отвѣчая на сказанные вопросы, могло ли духовенство хоть заикнуться о самоуправленіи? Конечно нѣтъ. Но г. Елагинъ утверждаетъ даже, что духовенство «настойчиво требовало»! Изъ этого «самоуправленія» онъ не можетъ выдти, какъ изъ какого нибудь заколдованнаго круга: о чемъ только ни толкуетъ онъ, но ужъ непремѣнно подойдетъ къ нему. Не желая, чтобы духовенство проявляло въ чемъ бы-то ни было жизни, онъ обрекаетъ его на повальное, безпробудное умственное и нравственное усыпленіе. За начальствованіе свое онъ дрожитъ до болѣзни. Открываете вы ротъ, чтобы отвѣтить, когда спрашиваютъ васъ,—и онъ отскакиваетъ въ испугѣ: «ай! ты проглонуть меня хочешь!» Спрашиваютъ духовенство о его матеріальномъ положеніи, оно отвѣчаетъ—и онъ: «дѣти учатъ отцевъ, самоуправленія требуютъ»! Эта злополучная idée fixe замучила его. Про насъ хотя и говоритъ онъ, что о чемъ бы мы ни заговорили, непремѣнно сведемъ рѣчь свою на приниженность и бѣдность; но, однако же, въ доказательство свое не привелъ ни одного факта. Но вотъ здѣсь факты на лицо: о чемъ онъ ни толкуетъ, но непремѣнно прикроетъ «самоуправленіемъ». Это «самоуправленіе» проѣло его, кажется, до костей и мозговъ. Но пусть укажетъ онъ намъ хотя на одинъ случай, гдѣ духовенство выказывало бы неповиновеніе власти и гдѣ заявляло бы о самоуправленіи. И пусть онъ знаетъ, что мы не думали никогда, не думаемъ и нынѣ противиться власти нашихъ преосвященныхъ. Напрасно онъ дрожитъ за то, о чемъ не думаютъ и они сами. Мы глубоко чтимъ ихъ и, надѣемся, въ тысячи разъ болѣе, чѣмъ онъ самъ. Вотъ и доказательства. «Болѣе проницательные изъ архіереевъ, говоритъ г. Елагинъ, и тогда уже понимали, къ чему поведетъ это любезничанье (!) съ духовенствомъ, но, разумѣется, должны были утѣшать себя лишь своими келейными сѣтованіями».

«Болѣе проницательные изъ архіереевъ», но не состоявшіе въ числѣ членовъ св. Синода, видѣли, а іерархи наши и другіе члены Св. Синода, оберъ-прокуроръ и весь составъ Св. Синода, стало быть, всѣ они, люди менѣе проницательные? Мало проницательные дѣлали дѣло, а «болѣе проницательные смотрѣли на нихъ и сѣтовали?» Хорошъ же сынъ православной церкви г. Елагинъ! Св. Синодъ понять не могъ того, что дѣлаетъ онъ, но люди «болѣе его проницательные» хорошо понимали какія «ужасныя послѣдствія» произойти должны неминуемо, отъ того, если о чемъ нибудь будетъ спрошено само духовенство.

«Духовенство самымъ призваніемъ своимъ обязывается къ строгому повиновенію властямъ»... А прочіе всѣ, спросимъ мы, своимъ призваніемъ обязываются только къ власти?... Нѣтъ, повиноваться властямъ всякій членъ государства обязанъ одинаково. Напротивъ, въ обязанностяхъ приходскаго пастыря лежитъ начало не только повиновенія, но и власти. Къ пастырямъ церкви относятся слова апостола: настой, запрети. А это само собою предполагаетъ уже власть, хотя, конечно, по религіозно-нравственному отношенію къ паствѣ.

XXIII.

Когда потребовались отъ духовенства свѣдѣнія о его матеріальномъ состояніи, то «понятное дѣло», говоритъ г. Елагинъ, «какъ церковные причты должны были исполнить это требованіе». Не зная отвѣта духовенства, онъ заранѣе предугадываетъ уже, каковъ будетъ этотъ отвѣтъ. «По свойственной человѣку слабости, оно очевидно должно было уменьшить доходы и увеличить нужды и требовать (!) елико возможно бо̀льшаго, говоритъ онъ. Предполагая въ духовенствѣ ложь, онъ какъ бы оправдываетъ ее обыкновенною въ людяхъ лживостью: «по свойственной человѣку слабости»... Честности, благородства и правды, онъ не признаетъ уже ни въ комъ. По г. Елагину выходитъ, что кого бы мы ни спросили о его доходахъ и расходахъ, — всѣ солгали бы непремѣнно: всѣмъ «свойственна эта слабость». Но, не говоря уже о всѣхъ людяхъ вообще, скажу лишь о себѣ: честное ли дѣло обзывать всѣхъ пастырей церкви, и всѣхъ поголовно, лжецами, и лжецами предъ правительствомъ, не имѣя на это фактовъ?! Неужто нельзя предполагать правды ни въ одномъ уже пастырѣ церкви? Неужели корысть и безсовѣстность въѣлись

уже такъ въ насъ, что слова благороднаго, слова честнаго и ждать уже нельзя? Мы не знаемъ всего духовенства Россіи, не можемъ знать и всѣхъ отзывовъ его; быть можетъ были отзывы и несправедливые, но предполагать это во всѣхъ пастыряхъ, безъ исключенія, не можемъ ни въ какомъ случаѣ. Напротивъ, скажемъ мы, наша честность, наше благородство, наше точное исполненіе правительственныхъ распоряженій, наша постоянная и неослабная готовность вспомоществовать правительству хорошо доказаны и самому правительству, и всему міру. Правительству хорошо извѣстно это и оно, въ случаяхъ особенной важности, всегда обращается за нашимъ содѣйствіемъ, и въ надеждахъ своихъ не обманывалось никогда. Такое довѣріе къ намъ правительства составляетъ нашу гордость. Мы никогда не были и не будемъ настолько низки, чтобы не оправдывать такого довѣрія.

Но, спрашивается: откуда г. Елагинъ могъ получить свѣдѣнія, что все духовенство лгало? Что въ свѣдѣніяхъ духовенства доходы уменьшались до того, что гдѣ получалось доходу 1000 р., тамъ писалось 300 и даже 100 р.? Почему онъ знаетъ доходы всѣхъ причтовъ, когда не знаемъ мы самыхъ ближайшихъ къ намъ приходовъ? Почему не указалъ, хотя на одинъ причтъ, что тутъ-де доходу получается 1000 р., а показано въ отзывѣ всего 300? Говорить же безъ фактовъ, голословно,—нечестно. Если онъ дорожитъ собственною своею честію, то, изобличая цѣлое сословіе въ безчестности, обязанъ былъ доказать и свою собственную честность,—доказать, что онъ не лжецъ и не клеветникъ. Напротивъ, мы думаемъ, что отзывы духовенства были справедливы, и думаемъ такъ именно потому, что всякій знаетъ, что доходовъ его не отниметъ никто, какъ бы велики они ни были и что еслибъ и увеличились бы оклады жалованья, то не стали же бы дѣлать особыхъ окладовъ по каждой церкви и порознь. Это первое. Второе: не настолько духовенство дико, чтобы совсѣмъ уже не имѣть понятія о финансовомъ состояніи государства того времени. Третіе: свѣдѣнія такого рода собирались много уже разъ,—и духовенство потеряло въ осуществленіе улучшенія своего положенія почти всякую вѣру. Кромѣ всего этого: бывшій у насъ тогда преосвященный Евѳимій, нынѣ уже скончавшійся, говорилъ всѣмъ прямо, что мы не можемъ ожидать никакого улучшенія и чтобы мы писали отзывы свои, насколько возможно, короче. Я хорошо помню тотъ случай, когда представлялъ я ему отзывъ свой и подвѣдомаго мнѣ духовенства. Преосвященный зачеркнулъ почти все, написалъ самъ строкъ 10—15, велѣлъ переписать, отдалъ назадъ, нечитавши, отзывы и духовенства и велѣлъ придерживаться того, что написалъ

онъ. Отдавая мнѣ бумаги онъ сказалъ: «все равно толку не будетъ, сколько ни пиши. Ужъ лучше писать меньше». Не имѣя вѣры въ осуществленіе дѣла, лгать и не было надобности, при всей лживости духовенства, по словамъ г. Елагина.

«Въ означеніи расходовъ проявилась такая изобрѣтательность, которой никто не предполагалъ въ духовенствѣ; указывались такія потребности, о которыхъ не думаютъ даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ. Духовенство объясняло, что оно не можетъ жить безъ хорошихъ винъ, безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ и т. д.». На такую клевету спросимъ прежде: неужели даже въ богатыхъ дворянскихъ домахъ и не думаютъ о хорошихъ винахъ? Кто же пьетъ ихъ, неужели только одни попы? Нѣтъ, г. Елагинъ: если духовенство и пьетъ, такъ только свое,—родное. Въ самыхъ экстренныхъ даже случаяхъ можно встрѣтить у насъ рублевую бутылку хересу мѣстной фабрикаціи, большею же частію и экстренные сходятъ съ рукъ съ 45 копѣечнымъ. Не нашелъ, что уже клеветать, — пересолилъ.

«Духовенство не можетъ жить безъ воспитанія своихъ дочерей въ столичныхъ женскихъ институтахъ»... И этого по крайней мѣрѣ мы, живущіе на низовьяхъ Волги, не заявляли. Это писали вѣроятно Иркутскіе или Енисейскіе, — имъ сподручнѣе отдавать дочерей своихъ въ Петербургъ. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли выдумать что нибудь нелѣпѣе подобной клеветы? Мы не можемъ даже... Какъ будто матери наши, жены и сестры наши — всѣ воспитывались въ столицѣ, что мы свыклись съ столичнымъ образованіемъ до того, что иначе мы и жить не можемъ. Это совсѣмъ не то, чтобы мы выражали только желаніе дать образованіе,—нѣтъ, мы свыклись уже съ нимъ, безъ него мы жить не можемъ! Особенно дочерямъ нашимъ необходимо столичное образованіе, когда подберутся матушка съ дочкой, да и отправятся — одна коровъ доить, другая свиньямъ да курамъ мѣсить. При нашей жизни, по правдѣ сказать, и того образованія слишкомъ много, какое дается нынѣ въ епархіальныхъ училищахъ. Рѣдкой женѣ священника есть время въ недѣлю разъ взять и книгу въ руки. При нашей жизни не до образованія. И человѣку ни мало не стыдно такъ безцеремонно лгать! Это значитъ: задался человѣкъ мыслію позорить тѣхъ, кого терпѣть онъ не можетъ, — и позоритъ, не оглядываясь назадъ и не повѣряя себя не черезъ-чуръ ли уже хватилъ, — и говоритъ безъ удержу, не дорожа собственною честью. Странно видѣть въ человѣкѣ такую беззастѣнчивость, въ которомъ слѣдовало бы предполагать болѣе такту и солидности; но еще болѣе

кажется страннымъ, и даже непонятнымъ, когда видишь, что беззастѣнчивость эта имѣетъ не мало людей, сочувствующихъ себѣ...

Далѣе онъ говоритъ: «одни намѣтили себѣ мукомольныя мельницы, принадлежащія частнымъ лицамъ». Быть не можетъ, ложь! Духовенство не настолько глупо, чтобы писать это. «Другіе требовали (ужъ и требовали!) отведенія казенныхъ лѣсныхъ дачъ». На 20 страницѣ своей книги онъ считаетъ такое желаніе духовенства преступленіемъ, но на 175 стр. онъ говоритъ самъ: «способъ обезпеченія духовенства можетъ выражаться въ отведеніи казенныхъ лѣсныхъ дачъ». Онъ ставитъ намъ въ вину даже и то, что предлагаетъ самъ Это значитъ уже верхъ зла: хорошее ли дѣло, дурное ли, но коль скоро вышло оно отъ насъ, то значитъ, что оно дурное. А это значитъ опять, что человѣкъ ищетъ только случая, чтобы позорить насъ. «Третьи предлагали обязать прихожанъ, чтобы они даромъ обрабатывали ихъ поля, рубили и возили для нихъ дрова». Такъ говоритъ онъ на 20 страницѣ, но на стран. 173 говоритъ: «духовенство должно быть обязательно обезпечено (курсивъ въ подлинникѣ) опредѣленными пособіями отъ прихожанъ. Сюда относятся по преимуществу нарѣзки земли (отъ казны и прихожанъ)... пособія при обработкѣ полей и т. п.». Здѣсь опять онъ осуждаетъ за желанія такихъ пособій, которыя онъ самъ считаетъ для прихожанъ даже обязательными.

«О каноническихъ способахъ содержанія, т. е. о приношеніяхъ прихожанъ за совершеніе требъ, всѣ отозвались болѣе или менѣе презрительно: онѣ-де унижаютъ духовенство, заставляютъ протягивать руку, ставятъ духовенство въ зависимость отъ прихожанъ». Г. Елагинъ безпощадно топчетъ насъ въ грязь: то отступили мы отъ ученія Христа Спасителя и апостоловъ, то отъ преданій и примѣра пастырей первыхъ вѣковъ, то отъ каноническихъ правилъ, — и сдѣлались народомъ безпутнѣйшимъ во всѣхъ отношеніяхъ. Выраженное желаніе духовенства г. Елагинъ называетъ противнымъ каноническимъ правиламъ. Но ему слѣдовало бы при этомъ указать на такія правила. Подобныхъ правилъ мы не знаемъ и не знаемъ именно потому, что ихъ не существуетъ. Если же онъ найдетъ ихъ и докажетъ намъ наше уклоненіе отъ нихъ, то пусть обратитъ вниманіе и на самаго себя,—что и онъ, ревностный блюститель отеческихъ преданій и каноновъ церкви, уклонился отъ нихъ, и болѣе еще, чѣмъ мы сами, потому что тѣ же самые способы предлагаетъ онъ самъ и находитъ ихъ даже обязательными для прихожанъ. Мало этого: онъ находитъ, что «способъ улучшенія быта духовенства не только можетъ,

но даже долженъ выразиться въ разныхъ мѣропріятіяхъ правительства, какъ-то: въ облегченіи дѣтямъ духовенства поступленія въ разныя свѣтскія заведенія для обученія на казенный счетъ или по крайней мѣрѣ безъ взноса платы за обученіе и т. д.». Назвавши въ началѣ книги самый вопросъ объ улучшеніи быта духовенства вопросомъ «несчастнымъ», а способы улучшенія противуканоническими, онъ самъ предлагаетъ теперь то, чего не просило и само духовенство. За направленіе же лучшихъ силъ духовенства въ свѣтскія учебныя заведенія мы имѣемъ право называть г. Елагина даже врагомъ церкви.

XXIV.

Каноническимъ способомъ содерженія г. Елагинъ называетъ содержаніе служителей церкви первыхъ вѣковъ христіанства приношеніями вѣровавшихъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ мы уже имѣли случай. Теперь только желали бы слышать, почему этому каноническому способу содержанія служителей церкви должно подлежать одно только приходское духовенство? Въ первыя вѣка христіанства одними приношеніями содержались всѣ. Здѣсь и явна фальшь доказательствъ мнимыми канонами. Содержаніе опредѣленнымъ жалованьемъ отнюдь не есть противуканоническій способъ и жалованьемъ мы пользуемся давнымъ-давно, но только говоримъ, что оно недостаточно для полнаго содержанія; крайне скудны и чисто добровольныя приношенія. Если въ самыхъ первыхъ христіанахъ встрѣчались такіе люди, которые лгали самимъ даже апостоламъ и не давали имъ того, что обѣщали сами добровольно, такъ что вынуждали въ апостолахъ обличенія во лжи, какъ, наприм., ап. Петръ обличалъ Ананію съ женою, то двѣ тысячи лѣтъ должны имѣть свое значеніе и измѣнить многое и, дѣйствительно, измѣнилось многое: теперь не тѣ уже христіане, начиная съ аристократа и кончая мужикомъ. Чисто добровольныхъ приношеній нѣтъ почти совсѣмъ. Если считать добровольными приношеніями плату за требоисправленія, то это отнюдь не добровольныя, а нужно назвать: не добровольная, а вынужденная необходимостью. Нельзя назвать добровольною платою даже то, когда даютъ духовенству за приходъ его въ домъ съ крестомъ. Плата такого рода опять вынуждена; не приходи духовенство, и большинство будетъ очень тому радо. Не тѣ и пастыри, что было прежде. Какъ вы ихъ ни осуждайте, какіе законы ни прописывайте имъ, но не за-

бывайте, что они тѣ же люди, съ тѣми же слабостями. И какъ между мірянами есть люди, которые, живя сами со всѣми удобствами жизни, желаютъ, чтобы духовенство нищенствовало, таковые есть и между самимъ духовенствомъ. Наприм., мнѣ недавно случилось говорить, въ одной изъ нашихъ столицъ, съ однимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицемъ о положеніи сельскаго духовенства. Онъ получая самъ нѣсколько (до 4 т.) тысячъ руб., говорилъ мнѣ, что положить жалованье духовенству значитъ сдѣлать его чиновниками. Это значитъ, какъ и г. Елагинъ говоритъ, что было бы противно церковнымъ канонамъ. Получая самъ нѣсколько тысячъ казеннаго жалованья, прекрасную казенную же квартиру, мужскую прислугу, отопленіе, освященіе, воду, лошадей, экипажи, — себя онъ не считаетъ чиновникомъ; сельскаго же священника съ нѣсколькими сотнями руб.—чиновникомъ. Себя, съ тысячами и барской обстановкой, считаетъ онъ пастыремъ церкви, а насъ, деревенскихъ горемыкъ, чѣмъ-то въ родѣ урядниковъ. Много пишутъ про насъ всякихъ небылицъ; прискорбно видѣть въ свѣтской литературѣ самыя нелѣпыя и часто безсмысленныя глумленія; но дѣлается невыносимо, до болѣзни грустно, когда топчутъ насъ въ грязь люди, принадлежащіе къ нашему же организму, кость отъ костей нашихъ и плоть отъ плоти нашей. Подобныхъ, можетъ быть, людей апостолъ имѣлъ въ виду, когда говорилъ: «отъ насъ, но не наши». Всѣхъ подобныхъ канонистовъ мы попросили бы испытать то, что несемъ мы, тогда, навѣрное, они запѣли бы другую пѣсню, забыли бы и о канонахъ. Разговаривая со мною, отецъ протоіерей сказалъ мнѣ, что одинъ провинціальный священникъ, смотря на его домашнюю обстановку, спросилъ его: «а что, пошли бы вы въ провинцію, не то, чтобъ въ село, а въ какой нибудь городъ, хоть въ нашъ N»?—«Нѣтъ, не пошелъ бы». И при этомъ на лицѣ отца протоіерея выразилось полное самодовольство. Что же значитъ, что люди, желая себѣ всѣхъ удобствъ жизни, хотятъ, чтобы другіе, подобные же имъ, терпѣли нужду и горе?... Я далъ бы объясненіе, но по личному моему уваженію къ отцу протоіерею, не объясняю. Я знаю хорошо, что то, что пишу я, онъ будетъ читать и поэтому предоставляю самому ему и объяснить это. Точно также, что̀ имѣетъ цѣлію свѣтская литература писать про насъ самыя нелѣпыя небылицы? Исправить наши недостатки? Но одпѣми насмѣшками порока не исправишь. Много въ одно время писалось насмѣшекъ, много ходило разныхъ анекдотовъ про мелкихъ чиновниковъ; иначе и не звали ихъ, какъ земскими ярыжками, держимордами и под. Но исправили-ли ихъ всѣ такого рода насмѣшки?

Ничуть. Но когда улучшили ихъ быть, одряхлѣвшее замѣнилось болѣе лучшимъ, тогда и повѣсти и анекдоты прекратились; измѣнились въ нравственномъ отношеніи и тѣ, про коихъ велись анекдоты. Упомянутый мною столичный отецъ протоіерей говорилъ мнѣ, что «едва ли духовенство будетъ лучше исполнять свои обязанности и лучше вести себя, если и улучшить его положеніе». Но мы и сами не считаемъ единственнымъ и скорымъ способомъ къ поднятію нравственнаго состоянія духовенства, исключительно одно улучшеніе его матеріальнаго положенія. И правительство вовсе не думаетъ, какъ утверждаетъ г. Елагинъ, «что стоитъ только улучшить внѣшнее положеніе духовенства, и тогда церковныя дѣла исправятся сами собою»; но не можемъ не сказать, что духовенство сблизилось бы съ народомъ: оно не стало бы тѣснить прихожанъ и вымогать часто непосильной платы; не стало бы подпаивать и, пожалуй, вмѣстѣ пить изъ-за какихъ нибудь пяти возовъ дровъ или сѣна; взаимныя отношенія облагородились бы. Конечно, какъ и старыя, закоренѣвшія болѣзни не излечиваются тотчасъ, такъ и при улучшеніи быта, духовенство не сдѣлается вдругъ святымъ: и нетрезвость, и притѣсненія проявляться стали бы, но это было бы какъ исключенія. Цѣлые вѣка доказали уже, что нашъ каноническій способъ содержанія не можетъ возвысить нравственно духовенства и что чрезъ него хулится и самая религія, слѣдовательно, неминуемо долженъ быть измѣненъ самый бытъ служителей церкви, начавши измѣненіе это съ воспитанія и окончивши положеніемъ за штатомъ. Мы увѣрены, мы убѣждены, что и духовенство, и народъ измѣнились бы къ лучшему, если бы была прекращена плата за обязательныя требоисправленія.

«О каноническомъ способѣ содержанія духовенство отнеслось презрительно». Такъ какъ духовенство не можетъ относиться къ добровольнымъ пожертвованіямъ «презрительно», то оно не могло этого и писать, и все это есть не болѣе, какъ измышленіе самаго г. Елагина. Не желая повторять разъ сказаннаго уже мною, прошу припомнить изъ прежнихъ моихъ «Записокъ», въ «Рус. Старинѣ» напечатанныхъ, какое чувство волнуетъ душу священника при сборѣ хлѣбомъ. Чувства этого посторонній никто не пойметъ, вообще же: не столичнымъ судить о сельскомъ духовенствѣ... Имѣйся въ столицѣ надлежащее о насъ понятіе, навѣрное, давно бы измѣнился нашъ бытъ. Но люди, родившіеся въ столицѣ, и не могутъ имѣть надлежащаго о насъ понятія: многіе, ушедшіе въ столицу отъ насъ, дѣлаются тамъ столичными и теряютъ память, самихъ же насъ считаютъ лжецами и— «все обстоитъ благополучно».

«По общему мнѣнію причтовъ надлежало дать имъ жалованья отъ казны не менѣе 500—1000 р. въ годъ на причтъ. Но этого все еще было мало». Изъ 500—1000 р. при тогдашнемъ составѣ причтовъ священникъ получалъ бы 250—500 р., т. е. менѣе всякаго столоначальника, причетникъ же 62 р. 50 к.—125 р., т.е. менѣе свинова пастуха. Г. Елагину кажется такое жалованье слишкомъ великимъ, а духовенство выставляетъ онъ неумѣренно жаднымъ, но мы напротивъ находимъ его не только не чудовищно-великимъ, чтобы упрекать насъ въ ненасытности, но даже до того скромнымъ, что за подобную скромность нужно отнестись къ духовенству съ благодарностію и уваженіемъ. Въ настоящее время (1882 г.) трудно найти въ работники простаго мужика, даже дурака, для домашнихъ работъ (неговоря уже о молотьбѣ, пашнѣ и пр. трудныхъ работахъ), на одни зимніе мѣсяцы, съ хозяйскимъ помѣщеніемъ и продовольствіемъ, за 60 р. Годовому работнику плата, обыкновенно, 100—125 р. и опять съ хозяйскимъ содержаніемъ. Свиной пастухъ получаетъ 60—80 р., конный 200 — 300, за одни лѣтніе мѣсяцы, и опять съ хозяйскимъ продовольствіемъ. Укорять, послѣ этого, духовенство въ ненасытности, если оно выражало желаніе дать жалованья причетнику менѣе даже, чѣмъ дается свиному пастуху,—это и грустно и смѣшно, особенно если сравнить ихъ обязанности, отвѣтственность и образованіе и тѣмъ болѣе, если, по мысли правительства, причетникъ долженъ быть съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. Всѣмъ извѣстно какого сорта люди поступаютъ въ урядники, однако же не одинъ изъ нихъ не получаетъ менѣе 300 р. Послѣ урядника причетнику, особенно кончившему курсъ семинаріи, дать 60—100 р., при собственномъ его содержаніи, кажется было бы можно. Всякій видитъ, что 60—100 р.—жалованье нищенское; но духовенство было бы радо и ему, лишь бы только имѣть возможность избѣгнуть каноническаго способа содержанія,—не таскаться по дворамъ мужиковъ съ мѣшкомъ на плечахъ или лукошкомъ въ рукахъ.

«Главнѣе (?) всего требовалось (!) вывести духовенство изъ его забитаго положенія, освободить его отъ деспотизма архіерейской власти, дать ему самоуправленіе (21)». Опять «самоуправленіе»! Въ сотый разъ отвѣчаемъ, что духовенство не имѣло и случая просить его, и не просило.

«Въ общей сложности всѣ эти отзывы представляли колоссальную ложь, колоссальную неумѣренность желаній и потому остались безъ послѣдствій. Но духовенство ожидало другаго исхода, оно надѣялось, что все такъ и будетъ, какъ оно писало въ отзывахъ. Вотъ гдѣ пер-

вая причина того неудовольствія противъ властей, которое съ начала шестидесятыхъ годовъ стало замѣчаться и развиваться въ духовенствѣ. Возбудили въ немъ желанія, расшевелили въ немъ страсти, — и не дали имъ удовлетворенія. Ошибка очень важная! Всѣ революціи въ мірѣ, всѣ потрясенія въ обществахъ подготовлялись именно этимъ способомъ». Сравните то, что говорилъ онъ въ началѣ книги съ тѣмъ, что сказалъ онъ сейчасъ и,—какъ не бейтесь, смыслу вы не доберетесь. Сперва онъ говорилъ: духовенство находилось въ полной власти у епископовъ и, потому, вліяло па прихожанъ, т.-е. прихожане какого-нибудь, напр. Балашева, потому съ уваженіемъ относились къ своему приходскому духовенству, что оно находилось въ полной зависимости отъ преосвященныхъ, — преосвященные вліяли на духовенство, отъ того духовенство вліяло на приходы и пользовалось его уваженіемъ. По освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, печати нужно было возстановить духовенство противъ правительства, для этого было нужно уничтожить вліяніе духовенства на народъ, а для этого нужно было вывести духовенство изъ зависимости отъ преосвященныхъ; для всего же этого необходимо было, чтобы правительство приняло духовенство подъ свое покровительство, —улучшило матеріальный его бытъ и сдѣлало его, такимъ образомъ благодарнымъ къ себѣ. Слѣдовательно, еслибы правительство избавило духовенство отъ консисторскаго «произвола», то этимъ разорвало бы хорошія отношенія его къ прихожанамъ; улучшило его бытъ: прибавило жалованья, дало помѣщеніе и под.—духовенство подняло бы противъ правительства революцію. Облагодѣтельствованное правительствомъ, но оторванное отъ народа и своего ближайшаго начальства, оно неминуемо возстало бы на правительство и революція! Ни правительство и ни духовенство не поняли всей каверзы печати, и поддались ей: правительство запросило духовенство о средствахъ его содержанія и о томъ, что можно было бы сдѣлать къ улучшенію матеріальнаго его положенія; духовенство отвѣтило, но уменьшило свои доходы и увеличило расходы. Поэтому улучшеніе быта не состоялось. Обнадеженное, но неудовлетворенное въ своихъ ожиданіяхъ, духовенство готово теперь къ революціи. Да, скажемъ мы, страшное теперь случиться можетъ дѣло: бросятся поповъ 10 съ пономарями,—и перебьютъ (кадилами?) всѣхъ: и гражданъ, и войско, и всѣхъ кто попадетъ подъ руки,— пропала Россія! Поняли вы, читатель, всю эту нелѣпицу? Нѣтъ? Не поняли ея и мы. Такая путаница недюжинная, а скажемъ словами г. Елагина, «колоссальная», потому что она происходить отъ «колоссальной неумѣренности желаній» духовенству зла. Въ своемъ ослѣ-

пленіи онъ самъ не помнитъ и не понимаетъ, что̀ говоритъ онъ. Онъ говоритъ, лишь бы очернить духовенство и отвлечь правительство отъ оказанія ему пособія. Въ такомъ усердіи онъ до того пересаливаетъ, что теряется охота читать его книгу. Каверзы печати не разгадалъ никто — ни правительство, ни духовенство, — никто, одного только г. Елагина Богъ наградилъ такимъ тонкимъ чутьемъ,—одинъ только онъ разгадалъ,—да ужъ и разгадалъ!.. Какъ «на бобахъ развелъ», всю подноготную наружу вывелъ! Да, кто ни брался разбирать его книгу, никто, кромѣ г. Старова, не имѣлъ терпѣнія довести своей критики до конца,—путаница отбивала всякую охоту.

Сельскій Священникъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Глава пятая [1])

Лѣто 1858 года въ Петербургѣ и губерніяхъ.

I.

Образованіе коммисіи при Главномъ Комитетѣ для разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ.—Постановленіе о вызовѣ двухъ членовъ отъ каждаго комитета для представленія правительству нужныхъ объясненій. — Отъѣздъ изъ Петербурга членовъ Главнаго Комитета.

Окончивъ рѣчь о генералъ-губернаторахъ, возвращаюсь назадъ къ лѣту 1858 года. По указаніямъ реакціонной партіи были: утверждена программа занятій губернскихъ комитетовъ и одобрены начала уѣзднаго и волостнаго управленія, а также состоялось высочайшее повелѣніе о временныхъ генералъ-губернаторахъ. Ободренная такимъ успѣхомъ партія эта не желала выпустить дѣлъ изъ своихъ рукъ и захотѣла облечь въ форму постояннаго учрежденія то, что состоялось случайно. Она вознамѣрилась бывшія у Ланскаго вечернія совѣщательныя собранія о программѣ и началахъ уѣзднаго управленія обратить въ постоянную опеку надъ Ланскимъ, который выставлялся предъ государемъ какъ человѣкъ слабохарактерный, подверженный всѣмъ возможнымъ вреднымъ вліяніямъ.

Вслѣдствіе сего, состоялось высочайшее повелѣніе [2]): „для

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, февраль, стр. 319—362; изд. 1881 г., томъ XXX, мартъ, стр. 211—264; апрѣль, стр. 721—756; томъ XXXI, май, стр. 1—32; изд. 1882 г., томъ XXXIII, январь, стр 227—258.

[2]) Положеніе Главнаго Комитета, утвержденное 15 іюля 1858 г.

предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, образовать при Главномъ Комитетѣ особую коммисію". По этому же высочайшему повелѣнію въ составъ этой коммисіи вошли тѣ же самыя лица, которыя участвовали въ весеннихъ совѣщаніяхъ, т.-е. Ланской, графъ Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ. Управленіе дѣлами возложено было на С. М. Жуковскаго, „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ государственнаго секретаря". Такимъ образомъ въ коммисіи, которая учреждалась для разсмотрѣнія проектовъ крестьянскихъ положеній, единственнымъ представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ самъ министръ; а все веденіе и производство дѣлъ сосредоточивались въ государственной канцеляріи. Левшинъ вовсе былъ устраненъ; онъ роптал на то, что его не пускали въ главный комитетъ; исключеніе его изъ коммисіи для него еще болѣе было обидно. О моемъ участіи въ дѣлопроизводствѣ, что допущено было потомъ, въ то время не могло быть и рѣчи.

Всѣмъ этимъ устройствомъ дѣла орудовалъ Ростовцовъ при сильномъ содѣйствіи Буткова; оба они въ то время [1]) принадлежали къ реакціонной партіи. Но, кажется, кромѣ дѣла, тутъ примѣшивались личные виды обоихъ этихъ лицъ; по слухамъ, тогда ходившимъ въ обществѣ, оба они хотѣли занять мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ ихъ личный интересъ состоялъ въ томъ, чтобы доказывать неспособность министра и его товарища. Если опубликованныя недавно оправданія Ростовцова въ этомъ обвиненіи искренни, то онъ сочувствовалъ Буткову въ его домогательствѣ министерскаго портфёля.

Тѣмъ же положеніемъ Главнаго Комитета 15 іюля 1858 года предоставлялось каждому губернскому комитету избрать и прислать въ Петербургъ двухъ членовъ „для представленія правительству всѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ разсмотрѣніи губернскихъ проектовъ". Коммисіи при главномъ комитетѣ, также какъ и сему послѣднему, предоставлялось право приглашать въ свои засѣданія членовъ, которые будутъ избраны губернскими комитетами.

---

[1]) Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: «душой и всѣми помышленіями»...

Такимъ образомъ (въ подлинникѣ послѣ этихъ словъ зачеркнуто: „упрочивалась опека надъ Ланскимъ и"...) обезпечивался ходъ дѣла въ извѣстномъ направленіи. Реакціонная партія вполнѣ была убѣждена, что она въ членахъ губернскихъ комитетахъ, которые пріѣдутъ въ Петербургъ, найдетъ себѣ неизмѣнныхъ и единодушныхъ союзниковъ [1]). Она вправѣ была ожидать этого; въ то время невозможно было предполагать, чтобы большинство въ комитетахъ выбрало людей, вполнѣ сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и притомъ съ землей; не было никакого повода думать, чтобы меньшинство, образовавшееся потомъ почти въ каждомъ комитетѣ и стоявшее за освобожденіе крестьянъ съ землей [2]), взяло верхъ и изъ меньшинства сдѣлалось большинствомъ. Для полнаго обезпеченія успѣха представители охранительной партіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами старались доказать, что всѣ люди,—къ какому классу они не принадлежали бы,—которые выдаютъ себя за поборниковъ крестьянскаго дѣла, ни о чемъ болѣе не думаютъ какъ о ниспроверженіи сначала дворянства, а потомъ правительства, словомъ мечтаютъ о революціи и демократической республикѣ [3]).

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Впослѣдствіи мы увидимъ, что депутаты раздѣлились на группы самыхъ разнообразныхъ мнѣній и многіе изъ нихъ вовсе не желали того, чего желали петербургскіе защитники помѣщичьихъ интересовъ". Я. С.

[2]) Послѣ этихъ словъ въ подлинникѣ зачеркнуто: „получило силу и примкнуло къ правительственной прогрессивной партіи".

[3]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Выше не одинъ разъ было упомянуто о Земскомъ отдѣлѣ; упомянуто было также, что онъ составлялъ часть центральнаго статистическаго комитета, почему онъ получилъ названіе „отдѣла"; другой части присвоено было наименованіе „статистическаго отдѣла". Происхожденіе этого учрежденія объясняется слѣдующими обстоятельствами. По занятіи должности товарища министра, А. И. Левшинъ получилъ въ свое непосредственное завѣдываніе бывшее до того времени при министерствѣ статистическое отдѣленіе. При появленіи крестьянскаго вопроса всѣ предварительныя работы министръ поручалъ своему товарищу, не пріурочивая ихъ ни къ одному изъ департаментовъ министерства. Отсюда родилась у Левшина мысль устроить для непосредственнаго своего завѣдыванія особое учрежденіе: для статистическихъ работъ и „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи". Оба отдѣла имѣли единственную связь въ общемъ имъ обоимъ предсѣдателѣ; но каждый изъ нихъ имѣлъ особое коллегіальное присутствіе, которое для Земскаго Отдѣла состояло изъ предсѣдателя—това-

Послѣ ряда высочайшихъ повелѣній, въ реакціонномъ направленіи состоявшихся весной и въ началѣ лѣта 1858 года, наступило глухое время перерыва законодательныхъ работъ. Главный Комитетъ, какъ и впослѣдствіи, хотя не закрывалъ своихъ засѣданій, но занимался исключительно разсмотрѣніемъ представленій министерства внутреннихъ дѣлъ по текущимъ дѣламъ. Главные охранительные дѣятели одни раньше, другіе позже уѣхали изъ Петербурга. Ростовцовъ заграницу, Муравьевъ въ губерніи, Бутковъ тоже уѣхалъ въ Москву и въ Нижній-Новгородъ на короткое время [1]). Ростовцовъ отправился заграницу для поправле-

рища министра и трехъ членовъ, изъ которыхъ одинъ, — „непремѣнный", долженъ былъ „завѣдывать всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепиской". Директоры департаментовъ могли участвовать въ засѣданіяхъ земскаго отдѣла не иначе, какъ по особому каждый приглашенію. Представленіе въ Государственный Совѣтъ объ учрежденіи центральнаго статистическаго комитета было сдѣлано осенью 1857 года до выхода перваго рескрипта. По этому представленію, какъ было упомянуто выше, Земскій Отдѣлъ учреждался „для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ Имперіи". Не смотря на то, что штатъ Земскаго Отдѣла разсматривался въ Государственномъ Совѣтѣ тогда, когда послѣдовало уже разрѣшеніе на открытіе въ нѣсколькихъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ „по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", туманное опредѣленіе основной (?) цѣли новаго учрежденія не было исправлено. Штатъ Земскаго Отдѣла былъ утвержденъ 4 марта 1858 года и распубликованъ 27 того же мѣсяца. Я былъ утвержденъ непремѣннымъ членомъ 31 марта; а вслѣдъ за мной дѣлопроизводители и секретарь отдѣла. Въ этомъ составѣ Земскій Отдѣлъ на дѣлѣ существовалъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ и производилъ дѣла по общему департаментскому порядку остальныхъ частей министерства, не встрѣчая никакой надобности въ проектированномъ штатомъ коллегіальномъ присутствіи. Поэтому сіе послѣднее не только не собиралось, но даже не было образовано. Съ выходомъ рескриптовъ крестьянское дѣло перешло изъ области гадательныхъ предположеній въ сферу полной дѣйствительности. Надо было приводить въ исполненіе постановленія главнаго комитета, изъ которыхъ наиболѣе важныя предварительно обсуждались въ особыхъ совѣщаніяхъ трехъ министровъ и генералъ-адъютанта Ростовцова, которыя въ половинѣ 1858 года обратились въ постоянную при Главномъ Комитетѣ коммисію. О коллегіальномъ присутствіи Земскаго Отдѣла какъ бы забыли и вспомнили не прежде конца 1858 года; въ своемъ мѣстѣ я упомяну какъ объ образованіи присутствія Земскаго Отдѣла, такъ и о кратковременной его дѣятельности". Я. С.

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „они уѣхали: частію для подкрѣпленія силъ, частію для собранія свѣдѣній, готовясь на предстоящую борьбу во время законодательныхъ работъ зимой. Но какъ тѣ, которые уѣхали, такъ и тѣ, которые остались, торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ плановъ". Я. С.

нія здоровья и для приготовленія себя къ земскимъ работамъ по крестьянскому дѣлу. Муравьевъ и Бутковъ, оба необыкновенно болтливые, въ разговорахъ съ помѣщиками позволяли себѣ чуть не явную пропаганду мыслей, направленныхъ противъ предпринятой правительствомъ реформы. Главная ихъ цѣль состояла внушить помѣщикамъ, что нѣтъ никакой надобности торопиться дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы замедленіемъ дѣла, выиграть время, необходимое для осуществленій плановъ партіи, противной освобожденію крестьянъ. Вообще какъ уѣхавшіе, такъ и оставшіеся въ Петербургѣ члены большинства главнаго комитета торжествовали побѣду и нисколько не сомнѣвались въ успѣхѣ ихъ предположеній.

Время было тяжелое; надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало.

Государь оставлялъ Петербургъ въ теченіи лѣта 1858 года два раза. Въ первый разъ въ іюнѣ, на короткій срокъ, а потомъ въ первой половинѣ августа на болѣе продолжительное время. Примиреніе Государя съ С. С. Ланскимъ, послѣ неудовольствія по поводу записки министра о временныхъ генералъ-губернаторахъ, произошло наканунѣ или въ день втораго царскаго отъѣзда, когда Государь, вмѣстѣ съ Императрицей, пріѣхалъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы отсюда прямо отправиться по Николаевской желѣзной дорогѣ во внутреннія губерніи.

Еще прежде Государя уѣхалъ за границу на продолжительное время Великій Князь Константинъ Николаевичъ,—одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ освобожденія крестьянъ. Сторонники крѣпостнаго права успѣли охладить отношенія Государя къ Великому Князю и уменьшить довѣріе къ его мнѣніямъ. Уѣзжая за границу, онъ (Великій Князь) сказалъ Ланскому, упоминая объ образованной при Главномъ Комитетѣ особой коммисіи:

— Ну, Сергѣй Степановичъ, на этой тройкѣ (Панинъ, Муравьевъ и Ростовцовъ) вы далеко не уѣдете.

II.

Поѣздка А. И. Левшина по губерніямъ.—Я остаюсь единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго въ крестьянскомъ дѣлѣ.—Мое прошедшее.

А. И. Левшинъ былъ командированъ по высочайшему повелѣнію въ губерніи для поправленія хода дѣла на мѣстахъ. О послѣдствіяхъ его поѣздки я буду говорить потомъ. За его отъѣздомъ, я остался единственнымъ сотрудникомъ С. С. Ланскаго по крестьянскому дѣлу. Но прежде чѣмъ я начну разсказъ о дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ по земскому отдѣлу въ это время, я по неволѣ долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ, чтобы разъяснить на сколько моя предварительная подготовка къ дѣлу, мои личныя отношенія къ людямъ и къ обществу и мое положеніе въ министерствѣ могли быть полезны крестьянскому дѣлу. Конечно, не мнѣ судить о томъ: въ какой степени я съумѣлъ, устраняя препятствія, пользоваться благопріятными для дѣла обстоятельствами.

Дѣтство я провелъ въ деревнѣ среди помѣщичьго быта. Самыя мои любимыя дѣтскія прогулки были лѣтомъ въ полѣ, а осенью и зимой на гумнѣ, т. е. туда, гдѣ производились сельскія работы. По выходѣ изъ Петербургскаго университета (въ 1841 г.) я два года жилъ въ деревнѣ, наблюдая среднее помѣщичье хозяйство въ имѣніяхъ моихъ родныхъ и отчасти хозяйничая: сначала въ симбирскомъ имѣніи моей матери, а потомъ въ собственной моей самарской деревнѣ. Затѣмъ я началъ службу въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по кадастру: сначала чиновникомъ въ Воронежской губерніи, потомъ здѣсь въ Петербургѣ помощникомъ правителя дѣлъ центральной кадастровой коммисіи, послѣ того членомъ Московской губернской коммисіи и наконецъ начальникомъ кадастровыхъ работъ въ трехъ губерніяхъ: Смоленской, Владимірской и Самарской. Вся служба моя по кадастру продолжалась немного менѣе 15-ти лѣтъ. Во время моего пребыванія въ губерніяхъ, по службѣ я былъ хорошо знакомъ съ весьма многими помѣщиками, а разъѣзжая по уѣздамъ, зналъ почти всѣхъ, если не лично, то по слухамъ.

Пробывъ въ Воронежской губерніи два лѣта и зиму (1843—1844 гг.), я вполнѣ освоился съ сущностію и характеромъ када-

стровыхъ работъ. По прибытіи въ Петербургъ, на меня возложено было дѣлопроизводство въ образованной изъ высшихъ кадастровыхъ чиновъ особой коммисіи для составленія инструкціи по этому предмету. Послѣ одного или двухъ засѣданій, проведенныхъ въ общихъ разсужденіяхъ, не оставившихъ никакихъ послѣдствій, я приступилъ прямо къ составленію проекта инструкціи, который по порядку параграфовъ докладывалъ въ коммисіи, приготовляя ихъ постепенно отъ одного засѣданія къ другому. Предсѣдатель коммисіи (А. П. Заблоцкій), въ первое время спрашивалъ меня откуда я заимствовалъ тотъ или другой параграфъ, я ему отвѣчалъ: „изъ моихъ собственныхъ наблюденій". Потомъ онъ уже меня болѣе не спрашивалъ и поддерживалъ меня въ проведеніи одного параграфа за другимъ. Инструкція, такимъ образомъ составленная, быстро прошла въ коммисіи, была утверждена министромъ и дана въ руководство кадастровымъ чиновникамъ.

Четырехлѣтняя моя служба (1844—1848) въ Петербургѣ въ центральномъ кадастровомъ управленіи дала мнѣ средства изучить какъ хозяйственныя условія разныхъ губерній по работамъ всѣхъ коммисій, такъ и недостатки принятой системы оцѣнокъ.

Все это было мною изложено въ нѣсколькихъ запискахъ, представленныхъ директору департамента сельскаго хозяйства, (А. И. Левшину).

Изъ этихъ записокъ особенно была полна о движеніи хлѣбной торговли и среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Она была напечатана и разослана въ коммисіи.

Бывши членомъ Московской кадастровой коммисіи и завѣдывавши работами въ Московскомъ уѣздѣ (1848—1849), я имѣлъ возможность изучить всѣ промышленныя занятія крестьянъ Московской губерніи, потому что всѣ крестьяне, которые встрѣчались въ то время въ Московской губерніи, шли отъ Москвы какъ изъ центра радіусами.

Въ то же время я могъ опредѣлить отношеніе кустарной промышленности къ земледѣльческимъ занятіямъ подстоличныхъ жителей. Я представилъ предсѣдателю коммисіи сельско-промышленное описаніе Московскаго уѣзда.

Въ трехъ губерніяхъ: Смоленской (1850—53), Владимірской (1853—56) и Самарской (1856—57), въ которыхъ я былъ начальникомъ кадастровыхъ работъ, я начиналъ мои занятія объ-

ѣздомъ волостей государственныхъ крестьянъ. По окончаніи объѣзда, я излагалъ въ особомъ „Обзорѣ“ хозяйственныя и промышленныя условія губерніи, какъ основанія будущихъ кадастровыхъ работъ. Обзоры эти представлялись мною въ министерство и два послѣдніе изъ нихъ (Владимірской и Самарской губерній) были напечатаны въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ въ 1854 и 1857 годахъ.

Составленная мной „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи“ (Москва, 1855 г.) была напечатана на казенный счетъ и удостоилась двухъ премій: отъ академіи наукъ и географическаго общества.

Описанія Владимірской губерніи я не успѣлъ окончить, вслѣдствіе перехода моего къ другимъ занятіямъ: сначала по поѣздкѣ съ М. Н. Муравьевымъ, а потомъ по службѣ крестьянскому дѣлу. Но введеніе къ этому труду было мною напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“. 1857 года, подъ названіемъ, если память мнѣ не измѣняетъ: „Памятники и преданія Владимірской губерніи“. Историческая часть была совершенно готова и переписана; она была въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, которыя интересовались моимъ трудомъ, и гдѣ-то пропала такъ, что я не могу отыскать ее. Черновой рукописи у меня не осталось. Статистическіе же матеріалы въ неразработанномъ видѣ помѣщены частію въ особомъ изданіи министерства государственныхъ имуществъ „Хозяйственно-статистическіе матеріалы“, частію, если я не ошибаюсь, въ одномъ изъ изданій географическаго общества въ концѣ пятидесятыхъ или въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Но, кромѣ этихъ учено-литературныхъ трудовъ, которые были послѣдствіями моей служебной дѣятельности, начиная съ 1846 года, помѣщались статьи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Кромѣ моей полемики съ Ивановымъ въ „Экономическомъ указателѣ“ 1857 г. и ряда статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 г., о чемъ было уже упомянуто выше, здѣсь я укажу только на нѣкоторыя: „Объ оброчныхъ работникахъ и единицѣ хозяйственныхъ счетовъ“—въ „Журналѣ министерства государственныхъ имуществъ“ 1847 года; „Объ однодворцахъ“—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1849 или 1850 г., и о полемикѣ съ покойнымъ В. И. Далемъ о грамотности между крестьянами въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“

1857 года; онъ писалъ противъ распространенія грамотности, я ему возражалъ.

Статья объ однодворцахъ касалась преимущественно историческаго происхожденія этого класса сельскихъ обывателей. Въ статьѣ же объ оброчныхъ работникахъ, я первый разъ печатно высказался противъ крѣпостнаго права, на столько на сколько это было возможно въ 1847 году. Это было изобличеніе одного сельско-хозяйственнаго писателя изъ степныхъ помѣщиковъ, который въ двухъ журнальныхъ статьяхъ лицемѣрно доказывалъ, что онъ открылъ секретъ крѣпостныхъ работниковъ обратить какъ бы въ вольно-наемныхъ. Изобличивъ это, я обрисовалъ распредѣленіе работъ въ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ, и затѣмъ присовокупилъ:

„Вотъ каковъ идеалъ хорошо устроеннаго помѣщичьяго имѣнія. Но крестьянину остается только одно опасеніе; но опасеніе очень важное, которое въ состояніи парализировать его стремленія къ увеличенію богатства и такимъ образомъ уничтожить всѣ выгоды, о которыхъ мы сказали выше; опасеніе это заключается въ томъ, что съ перемѣной помѣщика можетъ уничтожиться правильный порядокъ, введенный обычаемъ и разумѣется сознаніемъ обоюдныхъ выгодъ владѣльца и крестьянина, но не имѣющій прочнаго основанія“.

Въ мѣстахъ, исключенныхъ цензурою, къ сожалѣнію у меня не сохранившихся, я гораздо сильнѣе выражался противъ крѣпостнаго права; между прочимъ я доказывалъ, что при крѣпостномъ правѣ не были свободны не только крестьяне, но и сами помѣщики, которыхъ крѣпостное противодѣйствіе и несовершенство работъ связывало при всякомъ начинаніи какого либо улучшенія въ хозяйствѣ. Спустя десять лѣтъ, именно въ 1857 году, наканунѣ общаго движенія по крестьянскому вопросу, можно было гораздо свободнѣе высказываться за освобожденіе крестьянъ: я воспользовался этимъ въ моей полемикѣ съ Ивановымъ. Онъ, возражая мнѣ, между прочимъ писалъ, что въ установленіи крѣпостнаго права виновны не помѣщики, а историческое развитіе всего законодательства, которое постепенно устроило крѣпостныя отношенія между крестьянами и землевладѣльцами, вкоренившіяся въ обычаи народа. „Измѣнить ихъ дѣло правительства“, но и для него встрѣтятся затрудненія; согласіе же землевладѣль-

цевъ въ этомъ дѣлѣ „безсильно“. Далѣе Ивановъ выражалъ, отъ лица „благомыслящихъ помѣщиковъ“, желаніе измѣненія этихъ отношеній, вмѣстѣ съ опасеніями неизвѣстнаго будущаго.

Отвѣтъ мой состоялъ въ слѣдующемъ: „Никто не будетъ спорить противъ того, что настоящія крестьянскія отношенія образовались исторически; но исторія же требуетъ измѣненія этихъ отношеній, когда онѣ исполнили свое историческое значеніе. Мы не понимаемъ выраженія „вкоренились въ обычаи народа“. Какъ можетъ вкорениться то, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе признается неправильнымъ и препятствующимъ нравственному и матеріальному развитію народа. Если подъ этимъ нужно разумѣть одну трудность дѣла, то тѣмъ менѣе можно ограничиваться одпѣми только желаніями, трусливыми опасеніями потрясеній и болѣе чѣмъ скромнымъ сознаніемъ своего безсилія. Все это не облегчаетъ, а затрудняетъ рѣшенія дѣйствительно весьма сложнаго вопроса. Конечно, при такомъ направленіи, это рѣшеніе дѣлается еще болѣе труднымъ для правительства, которому, вмѣсто горячаго сочувствія къ общему патріотическому дѣлу, представляютъ сознаніе своего безсилія и опасеніе потрясеній... Горько было бы думать, что, для каждаго шага впередъ, Россія постоянно будетъ нуждаться въ такихъ энергическихъ понудительныхъ мѣрахъ, какія принималъ Петръ Великій...“.

„Но къ счастію настоящее положеніе не таково. Мы постоянно слышимъ и видимъ и въ отдѣльныхъ фактахъ, чему служатъ доказательствомъ приведенныя самимъ г. Ивановымъ улучшенія въ его имѣніи, и въ мѣрахъ, представленныхъ дворянскими собраніями разныхъ губерній, и въ возникающемъ общемъ направленіи, что сословіе землевладѣльцевъ не можетъ уже ограничиться однѣми желаніями и опасеніями. Развѣ это не большой шагъ впередъ, если вспомнить, что еще такъ недавно нельзя было даже заикнуться о возможности измѣненій крестьянскихъ отношеній подъ опасеніемъ прослыть человѣкомъ неблагомыслящимъ. Отношенія эти признавались нормальными, ими гордились, и серьезно надѣялись на распространеніе ихъ на остальныя сельскія сословія“.

„Но если настоящее направленіе лучше прошедшаго, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы нельзя было бы желать еще лучшаго. Постоянное движеніе впередъ должно быть девизомъ всякаго народа, который хочетъ жить и имѣть свою самостоятельную исто-

рію. Костность ведетъ за собой разложеніе, чего конечно не желаетъ ни одинъ русскій".

Въ шести статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1858 года,—„О поземельномъ владѣніи въ Россіи" я явился защитникомъ освобожденія крестьянъ съ землей. Первая моя статья была написана до выхода рескриптовъ, но помѣщена въ январьской книжкѣ названнаго журнала, слѣдовательно послѣ появленія первыхъ двухъ рескриптовъ; а послѣдняя статья въ сентябрьской книжкѣ, слѣдовательно всѣ онѣ показывались въ печати въ неблагопріятное для крестьянскаго вопроса время, въ цензурномъ отношеніи, также какъ и во всемъ остальномъ. Этотъ трудъ былъ начатъ мной по поводу возникшей въ нашей журналистикѣ въ 1857 году полемикѣ объ общинномъ владѣніи. Противники общиннаго владѣнія противупоставляли ему: одни—личную мелкую поземельную собственность; другіе фермерское хозяйство, ссылаясь на наши прибалтійскія губерніи и Англію. Слѣдовательно эти послѣдніе защищали крупную поземельную собственность. Такимъ образомъ вопросъ самъ собой сводился на освобожденіе крестьянъ съ землей или безъ земли.

Чтобъ обрисовать характеръ моего взгляда на крестьянское дѣло въ то время, я сдѣлаю нѣсколько выписокъ изъ моихъ статей.

Изложивъ пагубный для государства ходъ крестьянскаго дѣла въ прежней Польшѣ, я прибавилъ:

„Въ 1795 году Польша пала и своимъ паденіемъ обязана дворянству, точно также какъ во Франціи это же сословіе было причиной революціи. Въ той и другой странѣ никто болѣе не пострадалъ отъ этихъ государственныхъ катастрофъ, какъ само же дворянство; оно само себя принесло въ очистительную жертву за свое легкомысліе, упрямство и недальновидность. Дворянство въ этомъ случаѣ было похоже на опаснаго, но слабодушнаго больнаго, который въ свѣтлыя минуты сознаетъ необходимость операціи, но каждый разъ, при видѣ хирургическихъ инструментовъ, откладываетъ операцію, утѣшая себя мыслію, что еще рано, болѣзнь не такъ еще опасна, чтобы рѣшиться на послѣднее средство; до времени можно еще прибѣгнуть къ микстурамъ и примочкамъ, но болѣзнь развивается все болѣе и болѣе, зараза проникаетъ во весь организмъ и операція уже не поможетъ: больной умираетъ, проклиная свою нерѣшительность. Такъ было съ дво-

рянствомъ во Франціи и въ Польшѣ. Счастливы тѣ государства, гдѣ въ эпоху жизненныхъ государственныхъ переворотовъ правительство до того сильно, что свое могущество можетъ противопоставить пагубнымъ притязаніямъ дворянства. Такъ было въ Пруссіи. Еще болѣе счастлива та страна, гдѣ само дворянство понимаетъ свое положеніе и настоящія свои выгоды, и идетъ объ руку съ правительствомъ въ дѣлѣ преобразованій, спасительныхъ болѣе для самаго дворянства, чѣмъ для народа. Кровавый періодъ пройдетъ, народъ пойдетъ далѣе по пути усовершенствованія, а дворянство, если не погибнетъ, то потеряетъ много и матеріальныхъ выгодъ, и нравственнаго значенія. Ни одно дворянство лучше англійскаго не понимало своего положенія и своего значенія. Будемъ уповать на Провидѣніе, что грядущая исторія нашего отечества покажетъ, что есть правительство и дворянство, которыя не уступятъ въ этомъ отношеніи ни прусскому правительству, ни англійскому дворянству".

Въ послѣдней моей шестой статьѣ, дѣлая окончательный выводъ и заключеніе изъ предыдущаго изложенія, я поставилъ нѣсколько вопросовъ. Отвѣчая на эти вопросы, я совершенно отвергалъ систему фермерства, а общинное владѣніе признавалъ за переходную форму, которая тѣмъ или другимъ путемъ должна перейти въ личную поземельную собственность.

Между вопросами, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, между прочимъ былъ слѣдующій: „какого способа землевладѣнія держаться при предстоящемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ?" Вотъ что я отвѣчалъ на этотъ вопросъ:

„Способа, указаннаго высочайшими рескриптами; не изыскивать средствъ уклоняться отъ указанныхъ началъ, а стараться прежде всего обезпечить прочную осѣдлость крестьянъ предоставленіемъ имъ усадебныхъ земель въ собственность, съ предоставленіемъ въ то же время каждому отдѣльному домохозяину въ потомственное владѣніе земли, на которой онъ живетъ... Затѣмъ отвести большее или меньшее количество земли сначала въ общественное пользованіе. Въ этомъ случаѣ, мы полагаемъ, что всего удобнѣе держаться настоящихъ надѣловъ, съ отступленіями отъ нихъ въ извѣстныхъ только случаяхъ. Впослѣдствіи или въ тоже время предоставить крестьянину пріобрѣтать слѣдующую ему часть въ общинной землѣ въ собствен-

ность, съ отводомъ къ одному мѣсту". Нѣсколько далѣе, я продолжалъ: „изъ предъидущаго изложенія и изъ многочисленныхъ примѣровъ, которые мы привели, можно видѣть, что въ такомъ государствѣ, какъ Россія, исключительно дробной собственности существовать не можетъ; а исключительное распредѣленіе всей массы поземельной собственности между казной и крупными землевладѣльцами можетъ привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Слѣдовательно дробное личное владѣніе должно существовать рядомъ съ крупной собственностію"... Потомъ я привелъ статистическія данныя изъ кадастровыхъ работъ по Владимірской губерніи, изъ которыхъ оказывалось, что, не смотря на сильное промышленное развитіе, главный доходъ владимірскихъ государственныхъ крестьянъ заключается въ земледѣльческихъ произведеніяхъ. Опершись на эти данныя, я, между прочимъ, сказалъ: „Вотъ почему мы такъ сильно боимся не только совершенной безземельности, но и чрезмѣрно малаго надѣла крестьянъ землей. А въ послѣднемъ случаѣ, по моему мнѣнію, обѣдненіе крестьянъ будетъ неизбѣжное... Но при этомъ, повторяемъ еще разъ, нельзя обольщать себя мыслію, что мы совершенно избѣгнемъ безземельности... Но надо всѣми средствами стараться двинуть впередъ развитіе народнаго богатства, останавливать чрезмѣрное распространеніе безземельности. Думаемъ, что посредствомъ развитія личнаго землевладѣнія, безъ прекращенія общиннаго пользованія землями, можно будетъ достигнуть этой двоякой цѣли. Для избѣжанія недоразумѣній, здѣсь слѣдуетъ прибавить, что общинное владѣніе мы не смѣшиваемъ съ общиннымъ устройствомъ самихъ крестьянъ: послѣднее можетъ быть безъ перваго"...

Въ самомъ концѣ послѣдней статьи „о поземельномъ владѣніи" я самъ указалъ на несовершенство моего труда, и тутъ же присовокупилъ: „можетъ быть мы ошибаемся, но думаемъ, что трудъ нашъ и въ настоящемъ его видѣ не будетъ совершенно безполезенъ... Во всякомъ случаѣ, у насъ была единственная цѣль помочь, сколько позволяютъ наши силы, патріотическому дѣлу правительства и всѣхъ сословій: спокойному и правильному развитію общаго благосостоянія, съ соблюденіемъ истинныхъ интересовъ каждаго сословія и каждаго отдѣльнаго лица".

Излагая факты и данныя и дѣлая собственные свои выводы и заключенія, я ничего не сказалъ о выкупѣ всей земли, по весьма

простой причинѣ, потому что тогдашними цензурными правилами, какъ я упомянулъ выше, вовсе запрещено было писать о выкупѣ. Впрочемъ и въ такомъ случаѣ, были бы иныя комбинаціи, но выводы были бы тѣ же, т. е. предоставленіе крестьянамъ всей находившейся въ ихъ пользованіи земли въ собственность, съ открытіемъ возможности выхода изъ общества съ причитающеюся частью общиннаго надѣла.

Мои литературные труды, въ особенности успѣхъ „Статистики Смоленской губерніи", выдвигали меня нѣсколько изъ ряда обыкновенныхъ чиновниковъ. Этому также способствовало то обстоятельство, что я въ это время былъ уже дѣйствительнымъ членомъ географическаго общества и трехъ обществъ сельскаго хозяйства (Юрьевскаго, Московскаго и вольно-экономическаго), а также членомъ-корреспондентомъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Мое небольшое родовое имѣніе, увеличивая мои матеріальныя средства, давало мнѣ въ то же время нѣкоторую самостоятельность.

Что касается до положенія моего въ обществѣ и до моихъ связей, то я долженъ сказать отдѣльно о моихъ отношеніяхъ: въ губерніяхъ, въ которыхъ я былъ по службѣ, и въ Петербургѣ. Во всѣхъ трехъ губернскихъ городахъ (Смоленскѣ, Владимірѣ и Самарѣ) я былъ знакомъ со всѣмъ губернскимъ обществомъ и со многими помѣщиками; а съ лицами, составлявшими интелигентные кружки въ этихъ губерніяхъ, я былъ въ самыхъ лучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Губернскія мои знакомства значительно увеличились при поѣздкѣ моей съ М. Н. Муравьевымъ по десяти губерніямъ. Мои служебныя занятія не затрогивали ничьихъ интересовъ, и потому у меня не только не было враговъ, но, напротивъ, весьма много людей, расположенныхъ ко мнѣ. Всѣ мои петербургскія знакомства пріобрѣтены были университетскимъ товариществомъ, службой въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и моимъ сотрудничествомъ въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ; но я въ теченіи почти десяти лѣтъ не жилъ въ Петербургѣ постоянно и потому хотя и зналъ нѣсколько отдѣльныхъ личностей, однако не принадлежалъ вполнѣ къ вліятельнымъ кружкамъ, какъ литературнымъ, такъ и административной интеллигенціи. Словомъ, всѣ мои связи были личныя, мной самимъ пріобрѣтенныя; но изъ всѣхъ этихъ связей не было ни одной, опи-

раясь на которую могъ бы разсчитывать на какую либо личную протекцію помимо служебныхъ отношеній.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ мое прошедшее до поступленія моего на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ по крестьянскому дѣлу.

Лицо, съ которымъ я долженъ былъ имѣть непосредственныя служебныя сношенія, былъ предсѣдатель земскаго отдѣла и товарищъ министра Л. И. Левшинъ. Мои отношенія къ нему въ министерствѣ государственныхъ имуществъ были отношенія подчиненнаго къ начальнику, т. е. формальныя и холодныя. Таковы были его отношенія ко всѣмъ его подчиненнымъ; онъ никогда не вносилъ въ эти отношенія ничего искренняго, задушевнаго, никогда не увлекался и не допускалъ увлеченій. Онъ постоянно былъ учтивъ и вѣжливъ; но постоянно холоденъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ я болѣе приблизился къ нему; поэтому отношенія мои къ нему сдѣлались свободнѣе, но въ сущности также холодны какъ и прежде. Во взглядѣ на дѣло, мы оба были согласны въ томъ, что оно не такъ идетъ, какъ бы слѣдовало, но въ вопросѣ [1]) о коренныхъ началахъ будущаго устройства крестьянъ мы были разныхъ понятій, хотя онъ положительно не опровергалъ моего мнѣнія, но одобрить его вполнѣ онъ не могъ. Кромѣ того, его служебныя неудовольствія на министра и Главный Комитетъ сдѣлали его равнодушнымъ къ дѣлу. Изъ этого выходило то, что онъ, не соглашаясь со мной въ какомъ либо случаѣ, но не противопоставляя моему мнѣнію своего ясно формулированнаго, предоставлялъ мнѣ докладывать министру дѣла такъ, какъ я ихъ понималъ, и во время моихъ докладовъ, при которыхъ онъ присутствовалъ, или дѣлалъ нерѣшительныя заключенія, или вовсе ничего не говорилъ. Такимъ образомъ, не устраняясь совсѣмъ отъ дѣла, онъ не препятствовалъ тому направленію, съ которымъ онъ не былъ согласенъ. Не смотря на все это, ничего враждебнаго въ нашихъ отношеніяхъ не было.

Чѣмъ болѣе Левшинъ по собственному своему желанію устранялся отъ дѣла, тѣмъ болѣе это обстоятельство сближало меня

---

[1]) Послѣ словъ: „по въ вопросѣ" зачеркнуто: „о томъ, какъ бы должно было его вести (мы не сходились), онъ не давалъ (яснаго) положительнаго отвѣта". Я. С.

съ министромъ. Подозрѣнія его о моихъ отношеніяхъ къ Муравьеву, о чемъ я уже упоминалъ, отчасти разсѣялись моимъ личнымъ объясненіемъ, а главное—изложеніемъ моихъ мнѣній при докладахъ, такъ что ко времени отъѣзда Левшина, я пріобрѣлъ довѣріе Ланскаго, которое вполнѣ укрѣпилось въ теченіи лѣта 1858 года.

По крестьянскому дѣлу у него не было отъ меня секретовъ; онъ передавалъ мнѣ, что слышалъ отъ государя, что происходило въ главномъ комитетѣ, словомъ дѣлилъ со мной радости и горе. Послѣ Муравьева, служба съ С. С. Ланскимъ была для меня, по личнымъ отношеніямъ, особенно мила и пріятна. При докладахъ моихъ, онъ не только не умѣрялъ моего рвенія и рѣшимости, но напротивъ нерѣдко самъ усиливалъ представленія въ Главный Комитетъ и рѣшался на личные всеподданнѣйшіе доклады весьма важнаго содержанія. Но бѣда заключалась въ томъ, что, внеся какое либо представленіе, въ случаѣ несогласія съ нимъ его сочленовъ, онъ не могъ отстаивать своего мнѣнія и самъ отказывался отъ внесеннаго имъ представленія, тогда вина падала на меня: впослѣдствіи отвѣтственность эту я раздѣлялъ съ Н. А. Милютинымъ, когда онъ сдѣлался товарищемъ министра.

Въ противоположномъ лагерѣ мои дѣйствія были уже замѣчены по поводу составленнаго мною проекта программы для губернскихъ комитетовъ. Мнѣніе о моей „неблагонадежности“ еще болѣе утвердилось съ появленіемъ моихъ послѣднихъ статей „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“. Статьи мои были замѣчены. Моя энергическая защита крестьянской поземельной собственности, съ указаніемъ на примѣры пагубнаго [1]) направленія дворянства въ Польшѣ и во Франціи, не понравилась представителямъ охранительной партіи, потому что они въ то время имѣли полную надежду на безземельное освобожденіе крестьянъ. Государственный секретарь Бутковъ, который былъ всегда самымъ вѣрнымъ и притомъ самымъ громкимъ отголоскомъ господствующаго въ высшихъ сферахъ направленія, началъ заявлять: что человѣку, занимавшемуся по своей должности крестьянскимъ дѣломъ, неприлично печатно высказывать свои мнѣнія по этому предмету,

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: „Противодѣйствія со стороны дворянства“.
Я. С.

которыя могутъ быть несогласны съ правительственнымъ направленіемъ дѣла. Я защищался тѣмъ, что началъ писать статьи о поземельномъ владѣніи прежде, чѣмъ принялъ должность по крестьянскому дѣлу, а необходимость окончить разъ начатый трудъ вытекала изъ нравственнаго обязательства, принятаго авторомъ относительно редакціи журнала и публики.

Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ можно судить насколько я могъ быть полезенъ для крестьянскаго дѣла, оставшись единственнымъ сотрудникомъ по этому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, въ то время, когда на министерство внутреннихъ дѣлъ нападали со всѣхъ сторонъ [1]). Несмотря на все это, ни С. С. Ланской, ободренный государемъ при его отъѣздѣ изъ Петербурга, ни земскій отдѣлъ не теряли присутствія духа и дѣлали для дѣла, что могли.

Бодрость эта имѣла въ своемъ основаніи не фанатическое пристрастіе къ дѣлу, безъ всякой надежды на успѣхъ. Правда, какъ я замѣтилъ выше, надежды на благопріятный исходъ дѣла было мало, но положеніе крестьянскаго вопроса нельзя было назвать безнадежнымъ. Далеко не всѣ составныя части нашего общества (и государства) были противъ крестьянскаго вопроса [2]).

III.

Литература и журналистика. — Прогрессивная часть петербургской администраціи. — Препятствія и затрудненія, возбужденныя противниками освобожденія крестьянъ.

Въ предыдущихъ главахъ моего разсказа я не одинъ разъ имѣлъ уже случай указывать на тѣ общественные элементы въ столицахъ и губерніяхъ, которые не сочувствовали освобожденію крестьянъ [3]). Здѣсь у мѣста разсказать о движеніи въ литератур-

---

[1]) Послѣ этого зачеркнуто: „когда, какъ я выше упомянулъ, надежды на благопріятный исходъ крестьянскаго дѣла было мало".

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Всѣ интеллигентные здоровые элементы были за него. Свѣжія силы были за него и прогрессивное разрѣшеніе поставленнаго на очередь вопроса". Я. С.

[3]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Особенно подробно я разсказалъ о томъ благопріятномъ вліяніи на ходъ дѣла, которое оказали люди прогрессивнаго направленія при подачѣ адресовъ и выборѣ членовъ въ губернскіе

ныхъ сферахъ въ пользу крестьянскаго вопроса послѣ выхода рескриптовъ.

Представители литературы встрѣтили появленіе первыхъ рескриптовъ большимъ обѣдомъ, бывшимъ 28-го декабря 1857 года, въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія [1]). На обѣдѣ присутствовало до 180 человѣкъ; большинство состояло изъ литераторовъ. Самыя восторженныя рѣчи были произнесены Катковымъ, Станкевичемъ, Павловымъ (Н. Ф.), Погодинымъ, Бабстомъ, К. Д. Кавелинымъ, (который пріѣхалъ для этого изъ Петербурга) и Кокоревымъ. Большая часть изъ этихъ рѣчей оканчивалась тостами за здоровье Государя.

Можетъ быть никогда похвалы и пожеланія, провозглашаемыя подданными своему самодержавному государю, не были такъ искренни, безкорыстны и проникнуты теплымъ задушевнымъ чувствомъ, какъ при настоящемъ случаѣ. Первая рѣчь оканчивалась, между прочимъ, словами: „Да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ свѣта и блага для нашей родины!...“ Въ концѣ другой изъ произнесенныхъ рѣчей былъ провозглашенъ тостъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Про-

---

комитеты. Министерство внутреннихъ дѣлъ, дѣйствуя въ пользу дѣйствительнаго освобожденія крестьянъ, могло разсчитывать на благопріятное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, могло разсчитывать на сочувствіе и нравственную поддержку: литературы и журналистики, интеллигентной части петербургской администраціи и тѣхъ губернскихъ кружковъ дворянъ-помѣщиковъ, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались меньшинства въ губернскихъ комитетахъ. Голосъ, раздавшійся за освобожденіе крестьянъ, раздавшійся съ высоты престола, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, подобно тому, какъ это было въ два предъидущія царствованія. Люди, сочувствующіе освобожденію крестьянъ, не стремились къ ниспроверженію монархическаго правленія, какъ это случилось въ промежутокъ между двумя предъидущими царствованіями, напротивъ были убѣждены, что одна только самодержавная власть монарха можетъ совершить это трудное дѣло безъ политическихъ потрясеній. Эти люди не думали также объ уничтоженіи дворянства; напротивъ они полагали, что освобожденіе крестьянъ, произведенное самими дворянами, возвыситъ ихъ въ глазахъ народа и поставитъ ихъ въ главу дѣйствительнаго прогрессивнаго движенія впередъ, путь къ которому указывало правительство“.

[1]) Подробности объ этомъ обѣдѣ и произнесенныхъ на немъ рѣчахъ можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи“ и въ № 24 „Русскаго Вѣстника“ 1857 года. Я. С.

возгласимъ же, господа, отъ чистаго сердца, „многія лѣта“, и еще разъ поднимемъ бокалы во славу тому, кто призываетъ свою вѣрную Россію на подвигъ правды и добра“. Нельзя не привести окончаніе еще одной изъ рѣчей, состоявшее въ слѣдующемъ: „Наступило время для всѣхъ гражданъ великаго государства отозваться честнымъ трудомъ и до послѣдняго вздоха содѣйствовать благимъ начинаніямъ державнаго освободителя народнаго труда“. Всѣ тосты за здоровье государя покрывались восторженными, долго неумолкавшими, кликами ура, а самыя рѣчи безпрестанно прерывались громкими рукоплесканіями.

Въ этомъ обѣдѣ не было обнаружено ни малѣйшей тѣни враждебнаго настроенія: ни къ дворянству, ни къ совѣтникамъ государя; напротивъ, были провозглашены тосты и въ честь дворянства, и въ честь тѣхъ людей, которые будутъ содѣйствовать государю въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Въ одной изъ сказанныхъ рѣчей, между прочимъ, было сказано объ участіи въ дѣлѣ дворянства: „задача указана и поставлена въ разумныхъ предѣлахъ. Просвѣщеннѣйшему сословію, стоявшему выше другихъ, интересы котораго существенно зависятъ отъ того или другаго рѣшенія задачи, предоставлена въ немъ самая дѣятельная роль. Въ этомъ, милостивые государи, скрывается глубокое нравственное начало, составляющее вѣрный залогъ мирнаго успѣха“.

Кокоревъ, какъ принадлежавшій къ купеческому сословію, въ своей рѣчи призывалъ къ содѣйствію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса купечество денежными пожертвованіями.

Сочувствіе свое къ крестьянскому дѣлу, наша литература обнаружила не однимъ торжествомъ, бывшимъ въ Москвѣ 28-го декабря 1857 г.; но положительнымъ содѣйствіемъ къ правильному разрѣшенію поднятаго правительствомъ вопроса. Почти всѣ наши періодическія изданія начали помѣщать статьи по крестьянскому вопросу. Одно названіе этихъ статей показываетъ ихъ направленіе, такъ напримѣръ: „Нѣсколько словъ о необходимости земельной собственности для крестьянъ“, „О возможности выкупа крестьянскихъ участковъ безъ пособія отъ правительства“ и т. п. Появившееся съ 1858 года въ Москвѣ новое ежемѣсячное изданіе („Сельское благоустройство“?), исключительно посвященное крестьянскому дѣлу, не отставало въ своемъ направленіи отъ другихъ періодическихъ изданій, т. е. не только выражало сочув-

ствіе освобожденію крестьянъ, но признавало, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать съ землей.

Какъ противодѣйствіе этому господствующему въ нашей журналистикѣ либеральному направленію, охранительная партія озаботилась создать собственный свой органъ, который появился, въ апрѣлѣ 1858 г., въ Москвѣ подъ названіемъ „Журналъ землевладѣльцевъ". Все направленіе журнала можно охарактеризовать, выписавъ одну фразу изъ первой его книжки: „Не освобожденіе крестьянъ или уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, какъ не правильно выражаются иностранные писатели, а за ними и нѣкоторые русскіе литераторы, указано высочайшей волей, а прочное и притомъ постепенное улучшеніе ихъ быта..." Замѣчательно, что этотъ журналъ былъ единственнымъ представителемъ крайняго помѣщичьяго направленія по крестьянскому вопросу въ нашей литературѣ [1]).

Я указалъ на сочувствіе литературы освобожденію крестьянъ, не какъ на поддержку, на которую можно было бы опереться; но единственно въ доказательство того, что мысль объ освобожденіи крестьянъ, и притомъ не иначе какъ съ землей, созрѣла и осуществленіе ея было такой государственной потребностью, которая сознавалась всѣми мыслящими людьми. Литература была только выраженіемъ этого сознанія. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что интеллигентная часть нашего общества состояла почти исключительно изъ дворянъ, къ числу которыхъ принадлежало и большинство литераторовъ и журналистовъ; притомъ бо̀льшая часть интеллигентныхъ людей были въ то же время помѣщики, владѣвшіе, наравнѣ съ другими, крѣпостными крестьянами. Въ этомъ заключается новое доказательство того, о чемъ не одинъ разъ я упоминалъ въ предыдущемъ моемъ разсказѣ, что оппозиціонное большинство помѣстнаго дворянства представляло далеко не сплош-

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но голоса нашей журналистики того и другаго направленія скоро затихли. Вообще строгость цензурныхъ правилъ и въ особенности запрещеніе говорить о выкупѣ земли сдѣлали невозможнымъ прогрессивное направленіе; поэтому общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а спеціальные, какъ напримѣръ „Сельское благоустройство", вовсе прекратило свое существованіе. Та же участь постигла „Журналъ землевладѣльцевъ", но отъ другой причины, что весьма замѣчательно, отъ недостатка подписчиковъ".

Я. С.

ную единодушную массу. Большинство это и его представители чувствовали подъ собой нетвердую почву. Этимъ объясняется то крайнее раздраженіе, которое они обнаруживали при защитѣ своей точки зрѣнія на дѣло, и тѣ крутыя мѣры, которыя по совѣту сильныхъ представителей большинства принимало иногда правительство: и противъ отдѣльныхъ личностей, и противъ общаго направленія, явно благопріятнаго полному и вполнѣ обезпеченному освобожденію крестьянъ.

Подобныя принятыя правительствомъ мѣры сдѣлали то, что голоса нашей журналистики, раздавшіеся столь единодушно въ пользу освобожденія крестьянъ, принуждены были вскорѣ замолкнуть. Запретительныя мѣры противъ литературы начались по поводу напечатанной въ январьской и апрѣльской книжкахъ „Современника" (1858 г.) той записки профессора К. Д. Кавелина объ освобожденіи крестьянъ, которая по рукамъ ходила въ рукописи до выхода первыхъ рескриптовъ.

Авторъ изданныхъ въ Берлинѣ „Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго права" говоритъ, что дѣло это подняли Бутковъ или г. Тимашевъ, „а можетъ быть оба вмѣстѣ". Но кому принадлежитъ починъ въ этомъ преслѣдованіи—не важно; а важно то, что охранительная партія въ это время до такой степени была сильна, что смогла заставить замолчать людей, сочувствующихъ освобожденію крестьянъ и не желавшихъ ничего болѣе того, что черезъ три года было сдѣлано для крестьянъ самимъ правительствомъ. Изслѣдованіе дѣла было поручено шефу жандармовъ князю Долгорукову. Дѣло доложено было въ совѣтѣ министровъ; послѣдствіемъ доклада былъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, по цензурному управленію, слѣдующаго содержанія:

„Въ апрѣльской книжкѣ журнала: „Современникъ" напечатана статья о новыхъ условіяхъ сельскаго быта. Не говоря уже о нѣкоторыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ и сужденіяхъ автора сей статьи о столь важномъ государственномъ вопросѣ, въ ней главная мысль состоитъ въ томъ, что помѣщичьи крестьяне должны, вопреки главнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьянъ, при освобожденіи ихъ изъ крѣпостнаго состоянія, получить въ полную собственность землю, которою они нынѣ пользуются. Находя такое направленіе статей о помѣщичьихъ крестьянахъ противнымъ высочайше установленнымъ для

цензуры ихъ правиламъ, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о недопущеніи къ печати статей вышеозначеннаго содержанія и вообще о строгомъ соблюденіи предписанныхъ правилъ".

Авторъ статьи К. Д. Кавелинъ, вслѣдствіе переданнаго ему неблагопріятнаго о немъ отзыва государя, самъ отказался отъ занимаемаго имъ мѣста наставника при покойномъ наслѣдникѣ, а предсѣдатель цензурнаго комитета, попечитель петербургскаго учебнаго округа князь Щербатовъ получилъ, по высочайшему повелѣнію, выговоръ за пропускъ статьи. Подробности этого дѣла можно найти въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи".

Вслѣдъ за симъ въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу составленъ былъ другой циркуляръ, который также былъ сообщенъ министромъ народнаго просвѣщенія по цензурному управленію. „Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ", говорилось въ циркулярѣ, начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предполагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ; излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противъ дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія, и наконецъ, стараются доказать право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадьбъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличные разсказы о случаяхъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Такое направленіе печатаемыхъ нынѣ статей можетъ возбудить крестьянъ противъ помѣщиковъ, оскорбить самихъ дворянъ и вселить въ умы крестьянъ такія надежды, кои впослѣдствіи едва ли могутъ осуществиться. Кромѣ того, дошло до высочайшаго свѣдѣнія его императорскаго величества, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ".

Трудно было бы подтвердить положительными фактами нѣкорыя изъ тѣхъ обвиненій, которыя взводились на литературу и на цензурное вѣдомство. Но эти преувеличенія необходимы были для достиженія цѣли. Затѣмъ въ министерскомъ циркулярѣ говорилось: „Государь императоръ, признавая необходимымъ, чтобы,

при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса, не были рѣшительно допускаемы къ печатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ ни были, кои могутъ волновать умы: и помѣщиковъ, и крестьянъ, разсѣвая между сими послѣдними нелѣпые толки и сужденія, изволилъ высочайше повелѣть: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ въ минувшемъ январѣ. Его величеству угодно, чтобы съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, цензура дозволяла къ печатанію только тѣ чисто ученыя теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуждаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, которыя не противны духу и направленію означенной программы и которыя отнюдь не вдаются въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его императорское величество изволитъ признавать необходимымъ, чтобы цензура, разрѣшая печатаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатать статьи, написанныя въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно сословіе противъ другаго, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія. Сверхъ того, государю императору благоугодно, чтобы въ отдѣльныхъ листахъ, продаваемыхъ нынѣ на улицахъ и перекресткахъ, не было вовсе допускаемо сужденій и статей вообще до крестьянскаго вопроса относящихся, и чтобы обращаемо было особое строгое вниманіе на отдѣльныя книжки, издаваемыя для простаго народа, дабы въ нихъ не было допускаемо не только ничего несогласнаго съ постановленными для устройства крѣпостнаго состоянія началами, но и ничего такого, что могло бы давать поводъ, хотя и намеками, къ превратнымъ толкованіямъ".

Весьма понятно, что послѣ этихъ двухъ циркуляровъ общія ежемѣсячныя изданія перестали помѣщать на своихъ страницахъ статьи по крестьянскому вопросу, а начавшееся издаваться собственно для этого вопроса „Сельское Благоустройство" вовсе пре-

кратило свое существованіе. Но замѣчательно то, что несмотря на видимое покровительство, выраженное въ приведенныхъ циркулярахъ направленію дѣла въ пользу помѣщиковъ, „Журналъ землевладѣльцевъ“ также прекратилъ свое существованіе, потому что, по малому числу подписчиковъ, дальнѣйшее продолженіе изданія сдѣлалось невозможнымъ. Хотя этотъ журналъ служилъ отголоскомъ значительнаго большинства помѣщиковъ, но богатые изъ нихъ читали только иностранныя книги, а не богатые, жившіе въ деревняхъ, вовсе ничего не читали.

Но если литература и представители ея, — литераторы, профессора и ученые не могли въ то время, при всемъ ихъ желаніи, помочь практическому осуществленію дѣла, то другой элементъ тогдашняго русскаго общества могъ служить надежнымъ союзникомъ для министерства внутреннихъ дѣлъ въ его борьбѣ съ противоположнымъ направленіемъ. Этотъ элементъ состоялъ изъ людей, которые, съ европейскимъ образованіемъ, были проникнуты истиннымъ патріотизмомъ, и которые были убѣждены, что всѣ наши неудачи въ послѣдніе два года царствованія императора Николая происходятъ отъ нашего внутренняго неустройства, а корень этого неустройства заключается въ крѣпостномъ правѣ. Явленіемъ этихъ людей въ составѣ нашего общества мы были обязаны нашимъ университетамъ и отчасти нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Главный контингентъ нашей тогдашней интеллигенціи состоялъ изъ людей, начавшихъ, послѣ университетской скамьи, свою самостоятельную жизнь въ концѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ [1]). Одной изъ главныхъ причинъ этого явленія слѣдуетъ признать, что въ тридцатыхъ годахъ бо̀льшая часть университетскихъ кафедръ была замѣщена профессорами изъ молодыхъ людей, возвратившихся изъ-за границы, куда они были отправлены для изученія наукъ, по распоряженіямъ частію графа Сперанскаго, частію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова [2]). Появленіе мно-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „со времени особеннаго оживленія нашей журналистики и литературы, въ которыхъ многіе изъ нихъ приняли непосредственное участіе“.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Къ людямъ сороковыхъ годовъ принадлежатъ многіе изъ нашихъ писателей“.

Я. С.

гихъ самостоятельныхъ талантовъ, оживленіе литературы и журналистики, борьба между славянофилами и западниками, которые, расходясь во взглядахъ, въ одинаковой степени были проникнуты любовью къ своему отечеству,—довершили то, начало чему было положено университетскимъ образованіемъ. Имена: Гоголя, Тургенева, Бѣлинскаго, Грановскаго, Кавелина, Гончарова, Григоровича, Некрасова, Аксаковыхъ и многихъ другихъ ученыхъ, писателей и журналистовъ не пройдутъ безслѣдно въ исторіи освобожденія крестьянъ.

Люди сороковыхъ годовъ съ пріобрѣтенными ими понятіями изъ университетскихъ лекцій, изъ чтенія произведеній иностранныхъ и отечественной литературы и изъ взаимнаго обмѣна мыслей, разсѣялись по всей землѣ русской. Эти люди безъ всякихъ явныхъ и тайныхъ обществъ образовали сѣть тѣхъ интеллигентныхъ кружковъ, которая покрыла собой всѣ коренныя русскія губерніи. Бо̀льшая часть этихъ людей поступила въ гражданскую службу и ко времени освобожденія крестьянъ, нѣкоторые изъ нихъ заняли вліятельныя административныя мѣста, какъ въ губернской, такъ и въ центральной служебной іерархіи.

Я имѣлъ уже случай указать какую пользу принесли крестьянскому дѣлу губернскіе интеллигентные кружки при представленіи адресовъ (объ открытіи дворянскихъ комитетовъ) и при выборѣ членовъ въ комитеты. Едва ли не большинство той прогрессивной партіи [1]), которая группировалась въ географическомъ обществѣ и около Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Елены Павловны, состояло изъ людей сороковыхъ годовъ. Объ этой партіи, я уже упоминалъ выше. Она состояла преимущественно изъ лицъ, служившихъ въ министерствахъ: морскомъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, и въ то время занимавшихъ уже болѣе или менѣе видныя мѣста. Личности этой партіи, которыя болѣе другихъ (выдвигались впередъ) пользовались расположеніемъ двухъ великокняжескихъ дворовъ, были: А. В. Головнинъ, кн. Д. А. Оболенскій, Д. П. Хрущевъ, Н. А. Милютинъ, шуринъ послѣд-

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „состоящей изъ второстепенныхъ (въ то время) административныхъ дѣятелей петербургской администраціи, о которой я уже упоминалъ“. Я. С.

няго А. А. Абаза—тогда только что назначенный гофмейстеромъ великой княгини Елены Павловны, М. Х. Рейтернъ и нѣкоторые другіе. Всѣ эти люди, хотя и не составляли тѣсно сомкнутаго кружка, но всѣ были знакомы другъ съ другомъ; каждый изъ нихъ, сверхъ того, имѣлъ своихъ пріятелей и знакомыхъ, а нѣкоторые изъ нихъ—находившихся подъ ихъ нравственнымъ вліяніемъ подчиненныхъ по службѣ. Такимъ образомъ кругъ служащихъ людей либеральнаго направленія былъ весьма обширенъ; при томъ многіе изъ этого круга принимали участіе въ литературныхъ трудахъ, а нѣкоторые литераторы и ученые были въ близкихъ отношеніяхъ съ служащимъ либеральнымъ міромъ. Наконецъ нѣкоторые изъ названныхъ лицъ и ихъ литературныхъ пріятелей вращались въ самыхъ высшихъ сферахъ Петербургскаго общества, не исключая гостиныхъ Императрицы. Все это значительно могло умѣрять тѣ опасенія за крестьянское дѣло, которыя невольно возбуждались при видѣ могущества представителей оппозиціонной партіи.

Успѣху дѣла или, лучше сказать, неуспѣху неблагопріятнаго для него направленія, много могла способствовать та непопулярность, которую имѣли въ либеральномъ кругу личности тріумвирата, составлявшаго опеку надъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Всѣ трое: Муравьевъ, Панинъ и Ростовцовъ, по своимъ понятіямъ и поступкамъ, возбуждали общее противъ себя неудовольствіе всѣхъ прогрессивныхъ людей; кромѣ того, каждый изъ нихъ имѣлъ не мало личныхъ непримиримыхъ враговъ, за сдѣланныя имъ личныя болѣе или менѣе сильныя непріятности.

Говоря о моемъ прошедшемъ, я упомянулъ, что, отчасти по моему продолжительному отсутствію изъ Петербурга, а еще болѣе по совершенному неимѣнію связей, (я) не принадлежалъ къ вліятельнымъ кружкамъ Петербургской интеллигенціи, хотя лично со многими изъ либеральныхъ людей я былъ очень хорошо знакомъ. Положеніе, занятое мной въ крестьянскомъ дѣлѣ, открыло мнѣ доступъ въ прогрессивный кругъ Петербургской администраціи. Двое изъ лицъ, принадлежащихъ къ этому кругу, прежде всѣхъ оказали готовность къ сближенію со мной: Д. П. Хрущовъ, который зналъ меня по службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, и еще болѣе Н. А. Милютинъ, который узналъ меня по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, хотя земскій от-

дѣлъ съ хозяйственнымъ департаментомъ, котораго онъ былъ директоромъ, никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ. Скоро я сблизился съ Милютинымъ до такой степени, что бывалъ у него не менѣе одного раза въ недѣлю [1]), оставаясь почти всегда съ обѣда до поздняго вечера. У Хрущова, но еще болѣе у Н. А. Милютина, я познакомился со всѣми вліятельными лицами прогрессивной партіи, которыхъ я поименовалъ выше, и съ нѣкоторыми другими; а также встрѣтилъ и тѣхъ лицъ, съ которыми былъ знакомъ прежде. Я дорожилъ знакомствомъ съ Милютинымъ, какъ съ человѣкомъ ума, выходящаго изъ разряда обыкновенныхъ, и необыкновенно симпатичнаго. Постояннымъ сочувствіемъ ко всѣмъ моимъ дѣйствіямъ по крестьянскому дѣлу, онъ поддерживалъ мою бодрость. Я дорожилъ его знакомствомъ и для пользы самаго дѣла. Всѣ подробности борьбы министерства внутреннихъ дѣлъ за крестьянское дѣло съ людьми противуположной партіи черезъ меня дѣлались извѣстными при двухъ великокняжескихъ дворахъ, сочувствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Съ другой стороны, отъ нихъ я узнавалъ иногда о настроеніи умовъ въ высшихъ законодательныхъ сферахъ.

Слухи о моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу дошли до великой княгини Елены Павловны. Она, подъ предлогомъ желанія выслушать мое мнѣніе объ устройствѣ ея Карловскаго имѣнія, крестьянъ которыхъ она хотѣла освободить для примѣра другимъ, пригласила меня къ себѣ. Я пробылъ у нея часа два вечеромъ въ присутствіи другихъ приглашенныхъ трехъ или четырехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Н. А. Милютинъ и его шуринъ Александръ Агѣевичъ Абаза.

Во все время говорилъ я одинъ, отвѣчая на вопросы, дѣланные мнѣ великой княгиней. Главная тема разговора была какъ устроить бытъ Карловскихъ крестьянъ. Эта тема дала мнѣ возможность вполнѣ высказать мой взглядъ на крестьянское дѣло и въ числѣ другихъ невѣрныхъ взглядовъ опровергнуть способъ опредѣленія размѣра крестьянскихъ повинностей хлѣбомъ. Всѣми моими объясненіями остались довольны какъ великая княгиня, такъ и всѣ присутствовавшіе.

---

[1]) Далѣе зачеркнуто: „а иногда и чаще, почти всегда“.

Связи мои съ Петербургской прогрессивной партіей выводили меня изъ того одиночества, въ которомъ я находился въ первое время моего поступленія въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Эти же связи укрѣпили довѣріе С. С. Ланскаго къ моему направленію и къ моимъ способностямъ. Чрезъ это я становился бодрѣе, самостоятельнѣе и рѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, слѣдовательно полезнѣе для дѣла.

Здѣсь я считаю умѣстнымъ упомянуть о моемъ знакомствѣ съ человѣкомъ, который хотя и находился въ болѣе скромномъ положеніи, но который своею теплой преданностію крестьянскому дѣлу принесъ и до сихъ поръ приноситъ (1875 г.) такъ много пользы крестьянскому дѣлу. Я хочу сказать о С. М. Жуковскомъ,—тогда управляющимъ дѣлами Главнаго Комитета. Его преданность къ дѣлу никогда не была заподозрѣна, не смотря на то, что въ началѣ дѣла онъ примыкалъ, по своимъ служебнымъ отношеніямъ, къ рядамъ ретроградной партіи. Знакомство наше скоро перешло въ пріязнь и самыя дружескія отношенія, которыя весьма были полезны для дѣла.

Вотъ тѣ отношенія, въ которыхъ я находился съ Н. А. Милютинымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлался членомъ редакціонныхъ коммисій и товарищемъ министра; поэтому я никакъ не могу согласиться съ отзывомъ, высказаннымъ въ Запискахъ его жены, что будто бы въ то время Николай Алексѣевичъ „старался, сколько можно, въ дружескихъ бесѣдахъ разъяснять недоумѣнія Левшина и Соловьева и устранять ихъ колебанія“. Такой отзывъ совершенно несогласенъ ни съ свойствомъ моихъ отношеній къ Ник. Алек., ни съ характеромъ моей дѣятельности по крестьянскому дѣлу.

IV.

Мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ.—Записка о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ съ 24-го ноября 1857 по 1-е іюля 1858 г.—Мѣры противъ удаленія крестьянъ изъ имѣній и измѣненія крестьянскихъ надѣловъ.—Дѣло Кошанскаго.—Отзывы объ этомъ дѣлѣ А. И. Левшина и Д. И. Гаврилова.—Мѣры противъ ссылки крѣпостныхъ людей въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ.—Мѣры противъ переселенія крестьянъ на другія мѣста.—Запрещеніе пріема рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ.—Общіе выводы и соображенія.

Каникулярное затишье, съ отсутствіемъ лихорадочной дѣятельности, господствовавшей во время выхода первыхъ рескриптовъ, программъ и началъ уѣздныхъ учрежденій, дало возможность мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ оглядѣться, распознать своихъ друзей и враговъ, сообразить свои силы и взять починъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ на то время, на которое оставили министерство въ покоѣ. Послѣдствіями такихъ размышленій были слѣдующіе выводы: земскій отдѣлъ имѣлъ за себя: слабую почти безмолвную по неволѣ журналистику, болѣе сильную въ общественномъ отношеніи, но также не сильную въ крестьянскомъ дѣлѣ прогрессивную часть петербургской администриціи и ревностныхъ, но немногочисленныхъ и сильныхъ только своимъ развитіемъ, союзниковъ въ губерніяхъ. Враги того направленія, котораго держался земскій отдѣлъ, были сильные: на верху своимъ государственнымъ значеніемъ, а внизу своей многочисленностію [1]).

При такомъ положеніи дѣла и его защитниковъ невозможно было думать о какихъ либо мѣрахъ къ дальнѣйшему правильному развитію крестьянскаго вопроса. Возможны были на первый разъ только: отрицательная дѣятельность, оборонительныя мѣры, устраненіе тѣхъ затрудненій и препятствій, которыми противная партія хотѣла загородить путь къ дальнѣйшему развитію предпринятаго преобразованія, словомъ очищать дорогу, по которой должно было слѣдовать дѣло къ окончательной своей развязкѣ. Кромѣ того на обязанности министерства лежала возможная поддержка тѣхъ дѣятелей по крестьянскому вопросу въ губерніяхъ, которые обнаруживали сочувствіе къ дѣлу освобожденія крестьянъ [2]).

Всѣ дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи клонилися къ тѣмъ двумъ цѣлямъ, которыхъ она старалась достигнуть при составленіи программы, т. е. или остановить вовсе начатое преобразованіе, или, если это окажется невозможнымъ, то

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Но министерство внутреннихъ дѣлъ, опираясь на интеллигентныя силы народа, поддерживало зародышъ того свѣжаго и здороваго начала, которому предстояла будущность; а враги министерства защищали отжившій свой вѣкъ и носившій въ самомъ себѣ зародышъ стараго порядка. На сторонѣ крестьянскаго дѣла были всѣ свѣжіе, разумные и развитые элементы нашего общества; противъ него: дряхлыя или неразвитыя массы нашего дворянства“.

[2]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Дѣйствія противной освобожденію крестьянъ партіи можно было раздѣлить на двѣ категоріи: во первыхъ, онѣ были направлены къ тому, чтобы не только поколебать въ Государѣ убѣжденіе въ пользѣ предпринятой имъ реформы, но даже (убѣдить) во вредѣ ея; во вторыхъ...“ Я. С.

обратить его въ пользу не крестьянъ, а сословныхъ интересовъ дворянства.

Для достиженія первой цѣли, противники освобожденія крестьянъ не переставали стращать Государя крестьянскими волненіями, могущими обратиться во всеобщій крестьянскій бунтъ, подобный пугачевщинѣ, а также развитіемъ крайняго радикализма, грозившаго такой же всеобщей революціей, какова была первая французская. Защитники узкихъ сословныхъ интересовъ этимъ не довольствовались: они предсказывали всѣ гибельныя послѣдствія освобожденія крестьянъ въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Для достиженіи второй изъ двухъ указанныхъ цѣлей прежде всего старались: или застращать, или вовсе устранить изъ губернскихъ комитетовъ тѣхъ прогрессивныхъ членовъ, которые съ самаго открытія комитетовъ начали обнаруживать явное сочувствіе къ предпринятой реформѣ. Это представлялось тѣмъ удобнѣе, что такіе члены были во всѣхъ комитетахъ—въ болѣе или менѣе малочисленномъ меньшинствѣ. Такая попытка прежде всего обнаружилась въ одномъ изъ первыхъ открытыхъ комитетовъ,—нижегородскомъ.

Съ тою же цѣлію обращенія крестьянскаго дѣла не въ пользу крестьянъ, а въ пользу дворянъ, нѣкоторые помѣщики, убѣдившись, что чѣмъ менѣе будетъ у нихъ крѣпостныхъ и чѣмъ меньше будетъ количество крестьянскихъ земель, тѣмъ для нихъ, помѣщиковъ, будетъ выгоднѣе, стали всѣми способами избавляться отъ крѣпостныхъ людей: или уменьшать ихъ надѣлы или обмѣнивать хорошія крестьянскія земли на дурныя.

Министерству внутреннихъ дѣлъ—по земскому отдѣлу—предстояло устранить всѣ тѣ неблагопріятныя послѣдствія для дѣла, которыя могли возникнуть изъ указанныхъ явленій и фактовъ.

Прежде всего необходимо было устранить возбуждаемыя въ Государѣ, и частными слухами и секретными по тайной полиціи донесеніями, невѣрно составленными и преувеличенно докладываемыми, опасенія волненій между крестьянами. Съ этою цѣлію съ самаго начала дѣла Ланской каждую пятницу докладывалъ Государю о всѣхъ случаяхъ неповиновенія властямъ и вообще безпорядковъ, о которыхъ получены были свѣдѣнія въ теченіи недѣли. С. С. Ланской сказывалъ мнѣ, что ему нельзя было показаться ни въ государственномъ совѣтѣ, ни въ комитетѣ министровъ, безъ

того, чтобы его не атаковали вопросами въ родѣ слѣдующихъ: правда ли, что въ такой-то губерніи начинается волненіе крестьянъ? или: правда ли, что въ такомъ-то уѣздѣ крестьяне отказались работать на помѣщиковъ? или еще: правда ли, что въ такихъ-то имѣніяхъ ни исправникъ, ни губернаторъ ничего не могли сдѣлать съ возмутившимися крестьянами? и т. п. Изъ самыхъ вопросовъ видно, что все, что только похоже было на неповиновеніе и безпорядокъ, преувеличивалось въ частныхъ извѣстіяхъ изъ губерній; а переходя изъ устъ въ уста въ Петербургѣ, возводилось до громадныхъ размѣровъ. Иногда же изобрѣтались извѣстія о возмущеніяхъ вовсе безъ всякаго повода.

Частію для разъясненія, частію для уничтоженія всѣхъ этихъ преувеличенныхъ, вымышленныхъ и нерѣдко недобросовѣстныхъ слуховъ, еженедѣльныя записки были необыкновенно полезны. Онѣ успокоительно дѣйствовали на Государя, поддерживая въ немъ бодрость духа [1]). Записки эти, по докладѣ государю, представлялись въ главный комитетъ; такимъ образомъ оппозиціонное большинство теряло почву для противодѣйствія дѣлу посредствомъ голословныхъ разсказовъ о возмущеніяхъ.

Но министерство внутреннихъ дѣлъ этимъ не ограничилось. По истеченіи нѣкотораго времени, оно представило въ общемъ очеркѣ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ со времени опубликованія мѣръ къ устройству крестьянскаго быта (24-го ноября 1857) по 1-е іюля 1858 г. Въ моихъ бумагахъ сохранился черновой экземпляръ этого очерка, писанный моей рукой. Этотъ докладъ сначала былъ представленъ государю, а потомъ въ главный комитетъ.

Впрочемъ докладъ этотъ составлялся не столько для государя, которому всѣ факты были извѣстны изъ еженедѣльныхъ записокъ, сколько для главнаго комитета, ибо, хотя до свѣдѣнія главнаго комитета и доводились еженедѣльные доклады о безпорядкахъ, но въ этомъ нельзя было положиться на память большинства членовъ. Они очень часто повторяли то, что было уже опровергнуто. Цѣль общаго очерка всѣхъ происшествій въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, со времени опубликованія перваго рескрипта, было

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: „Оставлять эти слухи безъ фактическихъ опроверженій было невозможно". Я. С.

обезоруженіе непріятеля, т. е. отнятіе у него возможности вредить дѣлу распространеніемъ невѣрныхъ слуховъ. Можетъ быть я заслужу упрекъ въ повтореніи нѣкоторыхъ фактовъ, о которыхъ упоминалъ уже выше, но тѣмъ не менѣе я приведу буквально содержаніе упомянутой записки, написанной подъ вліяніемъ всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилось тогда крестьянское дѣло. Вотъ содержаніе этого представленія:

„Высочайшій рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора, послѣдовавшій 20-го ноября 1857 года, и дополнительное къ нему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 21-го ноября за № 36, объ открытіи дворянскихъ комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, были сообщены циркулярно отъ 24-го того же ноября начальникамъ губерній и губернскимъ предводителямъ дворянства. Съ этихъ поръ можно считать, что предпринятыя правительствомъ мѣры объ устройствѣ крестьянскаго быта сдѣлались извѣстны въ народѣ, сначала въ неясныхъ слухахъ, но вслѣдъ затѣмъ, посредствомъ напечатанія въ газетахъ, мѣры эти получили совершенную гласность“.

„Немедленно послѣ этого, вслѣдствіе сдѣланнаго распоряженія, стали поступать изъ губерній свѣдѣнія о толкахъ между крѣпостными людьми о свободѣ. Изъ нѣкоторыхъ губерній получены были донесенія, что крестьяне ожидаютъ объявленія о свободѣ къ новому году. Такое ожиданіе едва ли не было общее по всей Россіи, такъ что церкви на новый годъ были особенно полны крестьянами, которые ожидали чтенія въ этотъ день манифеста о свободѣ. Между крестьянами также начинался показываться опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ полученный будто-бы указъ о свободѣ“.

„На помѣщиковъ предпринятыя правительствомъ мѣры произвели паническій страхъ. Изъ всѣхъ губерній получались донесенія отъ губернскихъ предводителей дворянства, наполненныя мрачными ожиданіями будущихъ народныхъ возмущеній. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ предводителей писалъ:

„Вообще замѣтно въ народѣ напряженное ожиданіе. Неизвѣстно, что насъ ожидаетъ въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что войскъ, „кромѣ двухъ баталіоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при пер-

„вомъ случаѣ станутъ во главѣ всякаго безпорядка. На земскую „полицію разсчитывать невозможно".

„Начальники губерній также доносили о тревожномъ настроеніи умовъ и о принимаемыхъ ими мѣрахъ, вслѣдствіе сдѣланнаго со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ общаго распоряженія, къ сохраненію общественнаго спокойствія. Одинъ изъ нихъ (симбирскій) по ходатайству предводителей дворянства, но вопреки существующимъ узаконеніямъ, призналъ необходимымъ распорядиться о командированіи, въ случаѣ надобности, военныхъ командъ по требованію предводителей и исправниковъ. Хотя, впрочемъ, кромѣ этого случая ни однимъ изъ начальниковъ губерніи не было выражено положительныхъ опасеній на счетъ нарушенія общественнаго спокойствія; однако въ первое время министерство внутр. д. не имѣло вполнѣ успокоительныхъ донесеній".

„Послѣдствія показали, что всѣ опасенія не оправдались; общественный порядокъ былъ сохраненъ, но не столько принятіемъ полицейскихъ мѣръ, сколько гласностію, которая дана была крестьянскому вопросу. Гласность эта разсѣяла неосновательныя ожиданія манифеста о свободѣ, породила въ крестьянахъ надежду на будущее улучшеніе своего быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и терпѣніе. Но что еще важнѣе—со времени обнародованія принятыхъ мѣръ опасный слухъ, что помѣщики скрываютъ указъ о свободѣ, совершенно прекратился".

„Вскорѣ потомъ начали поступать отъ начальниковъ губерній благопріятныя донесенія. Такъ одинъ изъ генералъ-губернаторовъ доносилъ: „Я твердо убѣжденъ, что крестьяне, ожидая и „предвидя измѣненіе своего положенія къ лучшему, никогда не „посягнутъ на какія либо преступныя дѣйствія".

„Въ то же время другой главный начальникъ губерніи писалъ: „Неблагонамѣренные толки начинаютъ затихать, встревоженные „умы видимо успокоиваются". Донесенія же, полученныя во второй половинѣ января (1858 г.), единогласно свидѣтельствовали, что полное спокойствіе между крестьянами ничѣмъ не нарушается. Начальникъ одной изъ губерній въ то время сообщалъ, что помѣщичьи крестьяне тише и покойнѣе, чѣмъ когда либо".

„Нельзя было заблуждаться въ томъ, что въ основаніи общественнаго спокойствія лежала возбужденная надежда, что помѣщики всѣхъ губерній послѣдуютъ примѣру литовскаго и петер-

бургскаго дворянства. Не во всѣхъ концахъ Россіи ясно было понято это обстоятельство. Изъ нѣкоторыхъ губерній стали поступать представленія, что крестьяне не подготовлены къ измѣненію настоящаго ихъ устройства; что помѣщики много потеряютъ; что предпринятыя правительствомъ мѣры заключаютъ въ себѣ нарушеніе права собственности; что крестьяне не поймутъ видовъ правительства и что потому надо опасаться вредныхъ послѣдствій и безпорядковъ между крестьянами, отъ скорой перемѣны настоящаго ихъ устройства. Почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предполагалось ожидать результатовъ предпринимаемыхъ мѣръ въ губерніяхъ, по которымъ уже состоялись высочайшіе рескрипты. Въ другихъ представители дворянства выражались не ясно, но видимо желали отдалить осуществленіе мысли правительства; были и такія губернія, въ которыхъ обнародованныя правительствомъ мѣры приняты были къ свѣдѣнію. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ сохраненія общественнаго спокойствія, въ видахъ пользы самаго дворянства и наконецъ въ видахъ благопріятнаго рѣшенія жизненнаго для всего государства вопроса, сочло своей обязанностію ближе ознакомить предводителей дворянства такихъ губерній съ положеніемъ вопроса о крѣпостномъ состояніи".

„Послѣ гласности, которой весьма много способствовало сдѣланное въ самомъ началѣ распоряженіе о печатаніи высочайшихъ рескриптовъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ, пояснительные отвѣты министерства внутреннихъ дѣлъ на представленія губернскихъ предводителей были вторымъ средствомъ къ сохраненію общественнаго спокойствія. Изъ нихъ дворяне поняли, что не въ поспѣшности, а въ медлительности изъявленія желанія на открытіе дворянскихъ комитетовъ заключается опасность. Посему къ 1-му іюля (1858 г.) не осталось ни одного дворянства губерній, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не изъявило бы желанія на открытіе губернскаго комитета. Въ еженедѣльныхъ запискахъ, начиная съ 27-го декабря 1857 года, доводились до свѣдѣнія государя императора отзывы губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ; причемъ всеподданнѣйше докладывалось, что отзывы эти единогласно свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ сохраненіи общественнаго спокойствія. Между тѣмъ начали распространяться

слухи о важныхъ безпорядкахъ: то въ той, то въ другой губерніи. Это побудило министра внутреннихъ дѣлъ не ограничиваться общими представленіями; но еженедѣльно докладывать его величеству о всѣхъ частныхъ случаяхъ неповиновенія крестьянъ, хотя бы они заключались въ непослушаніи, оказанномъ однимъ или двумя крестьянами, и при томъ не помѣщику, а управляющему или даже старостѣ. Изъ этихъ свѣдѣній, начиная съ 1-го марта по 1-е іюля 1858 г., оказывается слѣдующее":

„Случаи неповиновенія, въ числѣ 70, обнаруживались, въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ, въ 26 губерніяхъ. Изъ нихъ болѣе, чѣмъ по 5 случаевъ, въ двухъ только губерніяхъ: Оренбургской 7 и въ Костромской 13".

„Всѣ вообще случаи ограничивались предѣлами одного имѣнія, кромѣ трехъ: въ Нижегородской губерніи, въ Землѣ Войска Донскаго и въ Эстляндіи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Изъ остальныхъ 67 бо̀льшая часть заключалась въ уклоненіи отъ исполненія повинностей, очень часто вслѣдствіе подстрекательства людей неблагонамѣренныхъ. Весьма незначительное число приходится на всѣ остальные поводы. Изъ нихъ: 6 случаевъ неповиновенія вслѣдствіе переселенія крестьянъ на другія мѣста, 5 по поводу разныхъ недоразумѣній: при отысканіи свободы путемъ законнымъ, при вводѣ во владѣніе, производствѣ слѣдствій о дурномъ управленіи и т. п. Только въ трехъ случаяхъ безпорядки сопровождались волненіями. Въ двухъ крестьяне прибили управляющихъ, которые, какъ кажется, сами не были правы, а въ третьемъ самовольно смѣнили бурмистра, которымъ были недовольны. Кромѣ нѣсколькихъ случаевъ, всѣ неповиновенія произошли въ имѣніяхъ, въ которыхъ не было помѣщиковъ. Во многихъ случаяхъ крестьяне сами просили прощеніе. Во многихъ для этого достаточно было одного внушенія со стороны мѣстнаго полицейскаго начальства. Изъ остальныхъ, кромѣ нѣсколькихъ, всѣ прекращены полицейскими мѣрами. Въ 9 только потребовалось содѣйствіе военной команды. Весьма ограниченное число случаевъ, въ которыхъ признано необходимымъ назначить формальное слѣдствіе съ преданіемъ виновныхъ суду. Въ нѣсколькихъ изъ нихъ было признано, что поводомъ къ безпорядкамъ были: или притѣсненіе крестьянъ, или недостатокъ земли, или неумѣстныя распоряженія, или наконецъ дурное управленіе".

„Изъ всѣхъ частныхъ случаевъ одинъ могъ обратить на себя нѣкоторое вниманіе: Ковенской губерніи, въ маіоратномъ имѣніи князя Васильчикова, Тоурогенъ, гдѣ крестьяне въ числѣ 300 или 400 человѣкъ пришли къ владѣльцу, объявили ему, что не желаютъ болѣе исправлять барщины и требовали перевода ихъ на оброкъ, по примѣру другихъ государственныхъ крестьянъ, къ сословію которыхъ они принадлежатъ по правамъ своего состоянія. По прибытіи губернатора и военной команды и по наказаніи подстрекателей, остальные крестьяне въ числѣ 500, упавъ на колѣни, просили помилованія".

„Изъ трехъ случаевъ неповиновенія, не ограничившихся предѣлами имѣнія, въ Донецкомъ округѣ войска Донскаго; поводомъ къ оному послужили распространившіеся минувшей весной между крестьянами слухи о свободѣ въ искаженномъ видѣ. Вслѣдствіе этого оказалось неповиновеніе вдругъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ и тогда же были приняты мѣры къ возстановленію порядка и прекращенію ложныхъ слуховъ".

„Въ Нижегородской губерніи, Сергачскаго уѣзда, въ мартѣ мѣсяцѣ (1858 г.), болѣе чѣмъ въ 20-ти помѣщичьихъ имѣніяхъ одновременно обнаружились безпорядки и неповиновеніе. По полученіи о семъ донесенія, начальникъ губерніи немедленно отправилъ въ означенный уѣздъ благонадежнаго штабъ-офицера, предписавъ командирамъ двухъ квартирующихъ въ губерніи резервныхъ баталіоновъ командировать въ его распоряженіе военныя команды. Усмиреніе крестьянъ произведено безъ особенно строгихъ мѣръ. Отъ 19 мая губернаторъ донесъ, что изъ послѣдняго имѣнія, въ которомъ оставалась военная команда, она выведена, и затѣмъ спокойствіе повсемѣстно водворено".

„Въ Эстляндіи въ двухъ имѣніяхъ, Зюдъ-Горріенскаго дистрикта, крестьяне отказались исполнять повинности свои по прежнимъ контрактамъ и требовали немедленнаго введенія, по примѣру одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, правилъ вновь утвержденнаго положенія, болѣе для крестьянъ выгоднаго. Для усмиренія послана была военная команда изъ 60 человѣкъ, которая расположилась на ближайшей мызѣ. 2 іюня (1858 г.) толпа въ 1000 или 1500 человѣкъ, большею частію изъ крестьянъ, напала внезапно на эту команду, избила капитана и ранила маіора и 12 нижнихъ чиновъ. Потомъ крестьяне, разграбивъ винный и хлѣбный мага-

зины, сожли самую мызу. Послѣ чего разошлись и съ тѣхъ поръ никакого нарушенія порядка между крестьянами не было. Виновные въ буйствахъ арестованы и преданы военному суду".

Изъ 70 случаевъ неповиновенія крестьянъ почти 10% было по поводу переселенія крестьянъ на другое мѣсто. Но кромѣ того министерству были извѣстны случаи переселеній, въ которыхъ крестьяне подчинялись волѣ помѣщиковъ. Наконецъ, имѣлись свѣдѣнія о приготовительныхъ со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ мѣрахъ: съ одной стороны къ уменьшенію числа крестьянъ, которыхъ они обязаны будутъ надѣлить землей, съ другой или къ уменьшенію крестьянскихъ надѣловъ, или къ представленію имъ худшихъ земель противъ тѣхъ, которыми они пользовались. По крѣпостному праву помѣщики имѣли къ тому всѣ средства. Средства эти слѣдующія: ссылка въ Сибирь на поселенія, отдача въ рекруты, обращеніе крестьянъ въ дворовые люди, увольненіе на волю безъ земли, продажа для переселенія въ другія мѣста, переселеніе въ одномъ и томъ же имѣніи съ лучшихъ земель на худшія, а также просто уменьшеніе крестьянскихъ надѣловъ. Наконецъ самый легкій способъ къ обезземеленію крестьянъ состоялъ въ обращеніи ихъ въ дворовые люди.

Въ то время, когда крѣпостное состояніе еще существовало, трудно было дѣйствовать противъ этихъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Съ юридической точки зрѣнія даже нельзя было назвать такія дѣйствія злоупотребленіями. Между прочимъ правительство не могло оставаться равнодушнымъ при видѣ того, что почти наканунѣ освобожденія, крестьяне лишаются той земли, которая, на основаніи обнародованныхъ началъ, должна была поступить въ ихъ надѣлъ. Кромѣ того распространеніе такихъ случаевъ въ разныхъ губерніяхъ могло бы произвести именно тѣ общія волненія, о которыхъ такъ усердно распускали слухи люди, предвидѣвшіе или желавшіе предвидѣть въ послѣдствіяхъ крестьянскаго преобразованія всевозможныя бѣдствія. Вскорѣ послѣ выхода первыхъ рескриптовъ были приняты нѣкоторыя мѣры противъ обезземеленія крестьянъ. Рядъ этихъ мѣръ начался съ запрещенія, имяннымъ высочайшимъ указамъ (2 марта 1858), даннымъ правительствующему сенату, дальнѣйшаго со времени подачи

ревизскихъ сказокъ, по производившейся тогда десятой народной переписи, перечисленія крестьянъ въ дворовые люди [1]).

Вслѣдъ за симъ одинъ губернаторъ донесъ объ усиленіи представленія мелкопомѣстными владѣльцами, имѣющими менѣе 21 души, своихъ крѣпостныхъ людей въ рекруты. Они не были обязаны поставлять рекрутъ натурой, а если отдавали своихъ людей въ рекруты, то получали за каждаго отданнаго ими человѣка по 300 р. Согласно представленія о томъ министра внутреннихъ дѣлъ, Главный Комитетъ положилъ: вмѣнить въ обязанность рекрутскимъ присутствіямъ, чтобы при представленіи мелкопомѣстными владѣльцами своихъ людей въ рекруты, „обращено было самое строгое вниманіе на ростъ ихъ, тѣлосложеніе, физическія силы и здоровье, и при малѣйшемъ какомъ либо замѣченномъ недостаткѣ ихъ сложенія отказывать въ пріемѣ людей на службу“.

Это распоряженіе конечно было сообщено начальникамъ губерній конфиденціально (20 марта 1858). Одновременно съ этимъ, по положенію главнаго комитета и также негласно, было предложено министромъ юстиціи гражданскимъ палатамъ и уѣзднымъ судамъ, при представленіи владѣльцами къ утвержденію отпускныхъ, на волю даваемыхъ ими своимъ крѣпостнымъ людямъ, предварительно утвержденія, отбирать показанія отъ увольняемыхъ, что они согласны воспользоваться свободой. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ губернскимъ предводителямъ, разумѣется съ высочайшаго разрѣшенія и по положенію главнаго комитета, хотя объ этомъ не было сказано въ циркулярѣ, чтобы они „внушали помѣщикамъ, безъ официіальной огласки, что для собственной ихъ пользы весьма желательно, дабы усадебная осѣдлость крестьянъ оставалась въ теперешнемъ положеніи“.

Изъ всѣхъ этихъ мѣръ только одна о необращеніи крестьянъ

---

[1]) Въ подлинникѣ далѣе зачеркнуто: „Впрочемъ этотъ законъ представлялъ и удобство для помѣщиковъ: дѣйствіе запрещенія начиналось съ подачи ревизскихъ сказокъ, а въ то время производилась ревизія, слѣдственно помѣщикъ могъ показать въ сказкахъ дворовымъ того, кого хотѣлъ. Можетъ быть это имѣли въ виду охранители, исключивъ изъ петербургскаго дополнительнаго къ рескрипту отношенія все, что говорилось о дворовыхъ въ виленскомъ отношеніи. Но если они имѣли это въ виду, то къ чести помѣщиковъ слѣдуетъ прибавить, что сіи послѣдніе не воспользовались представленною имъ возможностію обезземелить часть крестьянъ посредствомъ записи ихъ въ дворовые при подачѣ сказокъ“. Я. С.

въ дворовые была облечена въ форму положительнаго закона; всѣ остальныя, имѣя видъ административныхъ, не совсѣмъ согласныхъ съ законами, распоряженій, ограничивались совѣтами и конфиденціальными указаніями. Это было въ реакціонный періодъ крестьянскаго дѣла,—тогда болѣе ничего нельзя было сдѣлать.

Но страсти, подстрекаемыя сочувствіемъ изъ Петербурга, начинали разгораться, а личные интересы стали проявляться не въ однѣхъ только словахъ, но обнаруживаться на самомъ дѣлѣ.

Изъ числа случаевъ желанія помѣщиковъ избавиться отъ обязанности надѣленія крестьянъ землей слѣдуетъ упомянуть, какъ объ особенно крупномъ фактѣ, надѣлавшемъ въ свое время много шума, о дѣлѣ помѣщика Владимірской губерніи Кошанскаго. Кошанскій—извѣстный во время оно по своимъ темнымъ дѣламъ оберъ-секретарь сената, уволенный отъ службы по высочайшему повелѣнію покойнаго государя за свои продѣлки. Это нисколько не помѣшало ему нѣсколько трехлѣтій сряду быть избираемымъ уѣзднымъ предводителемъ судогодскими дворянами. Онъ былъ предводителемъ и въ 1858 году.

Послѣ выхода первыхъ рескриптовъ, Кошанскій сослалъ всѣхъ крестьянъ одной изъ своихъ деревень въ Сибирь, и то мѣсто, гдѣ была эта деревня, запахалъ и засѣялъ хлѣбомъ. Это дѣло было не у меня (т. е. не въ земскомъ отдѣлѣ), а въ департаментѣ полиціи исполнительной, поэтому я всѣхъ подробностей не помню. Но помню, что на основаніи состоявшагося по личному докладу министра внутреннихъ дѣлъ, высочайшаго повелѣнія: крестьяне были возвращены съ дороги въ Сибирь, водворены на старыхъ мѣстахъ на счетъ Кошанскаго, а поступокъ его былъ отданъ на судъ дворянства. Если бы это шло чрезъ главный комитетъ, то безъ всякаго сомнѣнія не состоялось бы такого энергическаго распоряженія. До какой степени это было непріятно, по принципу, и повсемѣстному дворянству и высшимъ защитникамъ крѣпостныхъ правъ и преимуществъ, у меня остались слѣды въ сохранившейся перепискѣ. А. И. Левшинъ, который обольщалъ себя мыслію, что крестьянское дѣло могло сопровождаться единственно только мягкими и пріятными для дворянства мѣрами, не одобрялъ энергическихъ мѣръ, и потому, самъ не замѣчая, сдѣлался отголоскомъ партіи, не сочувствующей начатому преобразованію. О дѣлѣ Кошанскаго онъ писалъ ко мнѣ изъ Москвы: „дѣло Кошанскаго

сдѣлало въ дворянствѣ и даже въ лицахъ, окружающихъ государя, дурной эфектъ. Не лицо Кошанскаго важно,—онъ давно извѣстный бездѣльникъ; но чего же хотятъ еще отъ дворянства. Онъ уже наказанъ, опубликованъ, имѣніе отобрано, что же можетъ еще сдѣлать съ нимъ дворянство? Неужели сослать самого въ Сибирь или отрубить голову?“ На эти вопросы прямой отвѣтъ: дворянству слѣдовало бы исключить его изъ своей среды. Левшинъ далѣе продолжалъ: „ко мнѣ во Владимірѣ многіе обращались съ этими вопросами... но я отказывался отъ всякихъ отвѣтовъ. Между тѣмъ одинъ изъ приближенныхъ къ государю сказалъ мнѣ: „видно вашему министру нечего докладывать государю, что онъ безъ разбора и безъ разслѣдованія все несетъ къ нему и ставитъ его въ такое фальшивое положеніе“. Этотъ приближенный, по всей вѣроятности, былъ шефъ жандармовъ князь В. А. Долгоруковъ. Коноводы крѣпостной партіи среди владимірскаго дворянства не могли не знать, что состоявшееся высочайшее повелѣніе о Кошанскомъ осуждается лицами, близко стоящими къ государю, и даже товарищемъ самаго министра внутреннихъ дѣлъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые изъ владимірскихъ дворянъ слышали эти недобрительные отзывы изъ устъ самихъ этихъ лицъ. Черезъ три недѣли, по отъѣздѣ государя изъ Владиміра, было открыто тамъ (16 сентября) губернское дворянское собраніе, какъ для суда надъ Кошанскимъ, такъ и для выбора членовъ въ комитетъ по устройству быта крестьянъ.

Объ этомъ собраніи сообщалъ мнѣ Д. П. Гавриловъ, выписки изъ писемъ котораго я уже приводилъ и который участвовалъ въ этомъ собраніи какъ владимірскій дворянинъ. „Грустно сообщать—писалъ Гавриловъ—о всѣхъ возмутительныхъ несообразностяхъ, которыя произносились съ крикомъ и угрозами и подавались въ видѣ мнѣній. Волнуемая страстями масса потеряла способность соображать и сохранила только чувство злобы къ правительству и затаеннаго страха ясно высказать эту злобу. Окончательнымъ результатомъ была совершенная разногласица, которую помощію какихъ-то темныхъ маневровъ, коноводы такъ называемой дворянской партіи свели къ мнимому большинству, кажется 76 голосовъ противъ 74, требующему предварительнаго изслѣдованія поступковъ Кошанскаго“.

Такое постановленіе видимо было подсказано, потому что оно

выражаетъ ходатайство дворянства исправить ошибку министра, который, „безъ разбора и разслѣдованія все несетъ государю и ставитъ его въ фальшивое положеніе“, какъ выражалось одно изъ высокостоявшихъ лицъ въ разговорѣ съ товарищемъ министра о дѣлѣ Кошанскаго.

Случай этотъ былъ не единственный. Объ усиленіи ссылки въ Сибирь въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣлись свѣдѣнія изъ трехъ губерній: Владимірской, Рязанской и Казанской. Число сосланныхъ своими помѣщиками крѣпостныхъ людей съ начала года по сентябрь (1858 г.) было:

По Владимірской губ.—109 [1]) человѣкъ, по Рязанской губ. —96 человѣкъ, по Казанской губерніи свѣдѣній объ общемъ числѣ не было доставлено; но губернаторъ доносилъ, что однимъ помѣщикомъ отправлено въ Сибирь одновременно 7 крестьянскихъ семействъ, въ числѣ 33 человѣкъ.

Сообщая приведенныя числовыя данныя, каждый изъ трехъ губернаторовъ высказывалъ свое мнѣніе по этому предмету.

Владимірскій губернаторъ (Тиличеевъ) доносилъ, что ссылка крестьянъ въ Сибирь по волѣ помѣщиковъ производитъ непріятное впечатлѣніе на низшіе классы народа, особенно на помѣщичьихъ крестьянъ, тѣмъ болѣе, что въ бо̀льшей части случаевъ причины ссылки были конечно не столько „нестерпимое поведеніе“ (законный терминъ), сколько личный произволъ и неудовольствіе помѣщика, а иногда и разсчетъ. Общіе слухи обвиняли нѣкоторыхъ изъ этихъ владѣльцевъ въ намѣреніи, черезъ удаленіе людей, очистить и присвоить себѣ ихъ усадебную осѣдлость.

Рязанскій губернаторъ (Муравьевъ—сынъ М. Н. Муравьева) писалъ, что по собраннымъ секретно свѣдѣніямъ, оказалось, что вина ссылаемыхъ не во всѣхъ случаяхъ соотвѣтствовала строгости наказанія. Жестокость наказанія увеличивалась тѣмъ, что помѣщики строго держались закона, дозволяющаго оставлять въ имѣніяхъ дѣтей: мужскаго пола свыше 5-ти, а женскаго 10-ти лѣтъ. Это обстоятельство, по отзыву Муравьева, доводило ссылаемыхъ до крайняго отчаянія.

Казанскій губернаторъ (Козлянновъ) къ своему представле-

---

[1]) Не помню навѣрное, но должно быть, что въ этомъ числѣ были крестьяне Кошанскаго. Я. С.

нію по частному случаю присовокуплялъ, что столь часто повторяющіеся случаи, кажется, можно отнести къ желанію помѣщиковъ избавиться отъ крестьянъ, съ цѣлью удержать за собою ихъ усадебную землю, да и вообще имѣть возможность надѣлить меньшее число крестьянъ землей.

Правительство не могло не обратить вниманія на полученныя свѣдѣнія. Оно не могло не принять въ соображеніе, что приведенныя цифры относились только къ тремъ губерніямъ и притомъ за 7 первыхъ мѣсяцевъ 1858 года, а всѣхъ губерній, въ которыхъ были крѣпостные люди, въ это время было 46, не считая Сибири и Закавказскаго края. Предварительно принятія какихъ либо мѣръ въ законодательномъ порядкѣ, министерство внутреннихъ дѣлъ сочло нужнымъ циркулярно предложить начальникамъ губерній о строгомъ соблюденіи существующихъ законовъ съ указаніемъ при этомъ на существующія въ законѣ, хотя и не значительныя, ограниченія помѣщичьей власти относительно удаленія своихъ крѣпостныхъ людей въ Сибирь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ министръ, согласно моему докладу, поручилъ мнѣ приступить къ подробному разсмотрѣнію, какъ существующихъ въ то время постановленій и происхожденія ихъ, такъ и тѣхъ ограниченій въ этомъ отношеніи помѣщичьей власти, которыя дѣлались и предполагались въ теченіи двухъ прошедшихъ царствованій.

Начало закона объ удаленіи въ Сибирь за дурное поведеніе, по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ обществъ, положено въ 1760 году, въ видахъ заселенія „тамошняго края“.

Въ 1811 году мѣра эта вовсе была отмѣнена и въ состоявшемся по этому случаю рескриптѣ было сказано, что ссылка есть наказаніе, по суду опредѣляемое, и что слѣдовательно ни помѣщики, ни мірскія общества не могутъ присуждать къ ней по своему усмотрѣнію. По одному частному случаю, она была возстановлена въ 1822 году. Ограниченіе было только сдѣлано при введеніи инвентарныхъ положеній въ западныхъ губерніяхъ въ 1849 и 1853 годахъ, состоящее въ томъ, что уѣздные предводители дворянства обязаны были предварительно удостовѣряться въ причинахъ, побуждающихъ помѣщиковъ къ ссылкѣ крестьянъ. Покойный государь Николай Павловичъ два раза въ началѣ и концѣ своего царствованія, въ 1828 и въ 1854 году, выражалъ намѣреніе ограничить власть помѣщиковъ относительно ссылки крѣ-

постныхъ людей. Но первый разъ высочайшее повелѣніе осталось вовсе безъ послѣдствій; а во второй государственный совѣтъ положительно призналъ ограниченіе власти помѣщиковъ мѣрой неудобной, такъ какъ, по мнѣнію его, мѣра эта потрясла бы довѣріе и уваженіе крестьянъ къ владѣльцамъ и повела бы къ нарушенію общественнаго спокойствія и безопасности.

Когда моя работа была подготовлена, тогда предварительно внесенія дѣла въ Главный Комитетъ, мы просили заключенія тогдашняго министра юстиціи, нынѣ уже (1874 году) покойнаго графа **Панина**, который по своему обыкновенію, далъ прекурьезное консервативное мнѣніе. Графъ Панинъ отозвался, что онъ полагалъ бы, не отмѣняя общаго закона, предоставить губернаторамъ, въ случаѣ удаленія кѣмъ либо изъ помѣщиковъ болѣе одного семейства на 20 душъ крестьянъ, требовать отъ владѣльца объясненія и при неудовлетворительномъ отзывѣ представлять о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. По этому разсчету выходило бы, что помѣщикъ, владѣвшій 1000 душами, могъ сослать безпрепятственно 50 семействъ, т. е. полагая по самому умѣренному разсчету на семейство 3 души, 150 душъ, слѣдовательно по всей Россіи на 10 милліоновъ душъ могло быть сослано въ Сибирь $1^1/_2$ милліона. Конечно министерство внутреннихъ дѣлъ не могло согласиться на допущеніе такого переселенія народа изъ Европы въ Азію. Но главный комитетъ не принялъ и нашего предположенія, чтобы тогда же прекратить произвольное удаленіе крестьянъ въ Сибирь и допускать его не иначе, какъ съ утвержденія губернскаго правленія. Главный комитетъ ограничился предоставленіемъ губернаторамъ права, если они признаютъ нужнымъ, производить негласное дознаніе о причинахъ ссылки. Если при этомъ оказалось бы, что помѣщикъ употребляетъ во зло свою власть, то губернаторъ обязывался представить о такомъ случаѣ министру внутреннихъ дѣлъ, остановивъ переселеніе крестьянъ въ Сибирь. Это распоряженіе было сообщено губернаторамъ въ концѣ года (6-го декабря 1858 г.).

Но, кромѣ удаленія въ Сибирь, могло быть: перенесеніе усадьбъ съ однихъ мѣстъ на другія въ одномъ и томъ же имѣніи, переселеніе изъ одного имѣнія или въ другое, или на незаселенную землю, принадлежащую одному помѣщику, а также крестьяне могли быть переуступлены для переселенія однимъ помѣщикомъ

другому. Подробныхъ свѣдѣній о частныхъ случаяхъ переселеній въ моихъ бумагахъ не сохранилось, потому что дѣла о подобныхъ отдѣльныхъ случаяхъ производились въ то время бо́льшей частію въ департаментѣ полиціи исполнительной, хотя въ наиболѣе важныхъ случаяхъ всегда по соглашенію съ земскимъ отдѣломъ. Съ тогдашнимъ директоромъ упомянутаго департамента С. Р. Ждановымъ я жилъ всегда въ мирѣ и согласіи. Онъ оказывалъ полное содѣйствіе крестьянскому дѣлу и очень былъ радъ, когда земскій отдѣлъ что нибудь дѣлалъ вмѣсто его департамента.

Но выше было упомянуто, что 10 процентовъ всѣхъ случаевъ неповиновенія относилось къ переселенію крестьянъ съ однѣхъ мѣстъ на другія.

Изъ этого было видно, что простаго совѣта, даннаго въ мартѣ (1858 г.) мѣсяцѣ министромъ внутреннихъ дѣлъ помѣщикамъ черезъ губернскихъ предводителей дворянства, оказалось недостаточно. Поэтому, въ концѣ года, открылась необходимость издать положительныя правила относительно переселенія крестьянъ. По высочайше утвержденному положенію главнаго комитета, было предложено (10-го декабря) губернаторамъ, чтобы они допускали переселеніе не иначе какъ по удостовѣреніи, что въ томъ мѣстѣ, куда переселяются крестьяне, находится достаточное для нихъ количество угодій и приготовлены необходимыя для крестьянъ помѣщенія, все нужное для ихъ водворенія и надлежащее количество хлѣба для посѣва и для продовольствія до будущаго урожая. Вмѣстѣ съ тѣмъ и на основаніи того же высочайше утвержденнаго положенія главнаго комитета сдѣлано было распоряженіе по министерству юстиціи о порядкѣ совершенія актовъ на пріобрѣтеніе людей безъ земли и на отчужденіе земли отдѣльно отъ крестьянъ.

При строгомъ исполненіи этихъ двухъ циркуляровъ всякое отдаленное переселеніе дѣлалось невозможнымъ. Исполненіе требованія о заготовленіи для крестьянъ помѣщеній и хлѣба для посѣва и продовольствія стоило бы громадныхъ суммъ. Обыкновенно переселенные крестьяне: сначала помѣщались кое-какъ въ устраиваемыхъ ими самими землянкахъ или шалашахъ и затѣмъ сами мало по малу строили для себя избы; питались тоже кое-какъ.

Установленныя же вышеупомянутымъ циркуляромъ министра юстиціи формальности, при совершеніи купчихъ крѣпостей, дѣ-

лали почти невозможнымъ, какъ пріобрѣтеніе крестьянъ безъ земли, такъ и продажу земли отдѣльно отъ крестьянъ.

Точно также оказалось недостаточною мѣра, принятая въ началѣ года въ видахъ ограниченія пріема рекрутъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ года (5-го ноября), признано было необходимымъ: пріемъ людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые по закону не обязаны были отправлять рекрутскую повинность натурой, (воспретить).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ способовъ обезземеленія крестьянъ открылся еще одинъ: заложить заселенную землю, но безъ крестьянъ. По просрочкѣ закладной, земля подлежала публичной продажѣ; а крестьяне, лишенные земли, оставались собственностію ихъ прежняго владѣльца. По положенію главнаго комитета, состоялось (1-го мая 1859 г.) высочайшее повелѣніе, чтобы, при совершеніи закладныхъ на землю, отдѣльно отъ поселенныхъ на ней крестьянъ, допускались подобныя закладныя въ такомъ только случаѣ, когда, кромѣ закладываемой земли, при имѣніи оставалось не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу.

При разсмотрѣніи изложенныхъ распоряженій правительства, ограничивающихъ произволъ помѣщиковъ, нельзя не замѣтить, что усилія министерства внутреннихъ дѣлъ къ болѣе правильному направленію дѣла не остались безъ существенныхъ послѣдствій. Слабыя въ началѣ 1858 года мѣры все болѣе и болѣе усиливаются, такъ что къ концу года у помѣщиковъ были отняты почти всѣ способы къ обезземеленію крестьянъ [1]).

---

[1]) Въ подлинникѣ зачеркнуто: „Слабость мѣръ противъ обезземеленія въ началѣ 1858 г. и бо̀льшая рѣшительность ихъ впослѣдствіи, объясняется слѣдующими соображеніями. Въ началѣ 1858 г. какъ министерство внутреннихъ дѣлъ, такъ и лица, сочувствующія крестьянскому дѣлу, въ составѣ Главнаго Комитета и его канцеляріи, были подавлены ретроградныъ большинствомъ Комитета. Изъ предъидущаго изложенія ясно было видно, что министерство, вопреки основнымъ началамъ своего учрежденія, въ большей части состоявшихся въ началѣ года постановленій и сдѣланныхъ распоряженій лишено было существеннаго своего права—инціативы въ дѣлахъ своего вѣдомства: Въ теченіи лѣта министерство успѣло собраться съ силами, сообразить планъ своихъ дѣйствій и заготовить матеріалы для предстоящихъ ему представленій въ Главный Комитетъ: у земскаго отдѣла было уже прошедшее, не превышавшее, впрочемъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ накопленіе и матеріаловъ, и опытности. Но министерство внутреннихъ дѣлъ

Вникая въ подробности законодательныхъ и административныхъ мѣръ, предпринятыхъ для предупрежденія обезземеленія крестьянъ, нельзя не признать, что самая важная изъ нихъ состояла въ запрещеніи дальнѣйшаго перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые. Это отчасти видно изъ того, что несмотря на указъ 2-го марта, составители программы пытались допустить это перечисленіе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такое обращеніе надѣленныхъ землей крестьянъ въ безземельныхъ дворовыхъ могло дѣлаться въ умѣренныхъ размѣрахъ одновременно и повсемѣстно въ предѣлахъ каждаго имѣнія, не возбуждая никакой огласки; въ общемъ итогѣ обезземельныхъ такимъ образомъ крестьянъ могло бы оказаться значительное число. Этотъ способъ тѣмъ болѣе былъ опасенъ, что онъ не требовалъ со стороны помѣщиковъ никакихъ издержекъ и никакихъ хлопотъ.

Ссылка въ Сибирь для достаточныхъ помѣщиковъ и отдача въ рекруты для мелкопомѣстныхъ представляли опасность не столько по размѣру распространенія этихъ способовъ обезземеленія, сколько по тяжелымъ послѣдствіямъ для лицъ, подверженныхъ ссылкѣ и отдачи въ рекруты, и раздражающей формѣ уголовныхъ наказаній безъ всякаго суда. Ни ссылка въ Сибирь, ни отдача въ рекруты не могли принять большихъ размѣровъ; предоставленіе людей въ распоряженіе правительства требовало издержекъ; а рекрутъ изъ крестьянъ мелкопомѣстныхъ имѣній не могло быть отдано много, потому что всѣхъ ихъ насчитывалось не бо-

---

одно не въ состояніи было ничего сдѣлать. Самая главная его опора состояла въ твердомъ намѣреніи Государя совершить на началахъ, безобидныхъ для обѣихъ сторонъ, предпринятое имъ великое дѣло и возвращеніе довѣрія Государя къ министру, которое едва не успѣли поколебать. То и другое выразилось въ нижегородскомъ дѣлѣ, о которомъ сейчасъ будетъ сказано, и въ особенности въ словахъ, сказанныхъ С. С. Ланскому Государемъ, по возвращеніи его въ Петербургъ. Слова эти будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ. О союзникахъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ числа членовъ императорской фамиліи, высшаго и еще болѣе интелигентнаго петербургскаго общества, также какъ и литературы, было сказано выше. Здѣсь слѣдуетъ только упомянуть, что все здоровое меньшинство: сначала въ дворянскихъ собраніяхъ, а потомъ въ комитетахъ, сочувствовало направленію и дѣятельности министерства и съ своей стороны оказывало полезное ему содѣйствіе, въ замѣнъ чего пользовалось постоянной поддержкой министерства въ столкновеніяхъ съ большинствомъ. Затѣмъ въ направленіи самаго Главнаго Комитета произошелъ крутой поворотъ къ лучшему, о чемъ подробно будетъ объяснено ниже". Я. С.

лѣе 200 или 300 тысячъ душъ. Но оба эти способа въ основаніи своемъ имѣли столько возмутительнаго, что они легко могли возбудить народное негодованіе и дѣйствительно возбуждали, и затѣмъ повести за собой волненія между крестьянами, которыя пришлось бы усмирять крутыми мѣрами.

Отпуска массами на волю не могло быть, потому что бо̀льшая часть имѣній была заложена, а въ случаяхъ залога требовалось, чтобы за каждую увольняемую душу вносилась сумма, въ какой она были заложены. Отдѣльные случаи увольненія могли соединяться съ требованіемъ отъ увольняемыхъ, если они имѣли деньги, выкупа; но такихъ случаевъ не могло быть много. Большая часть изъ значительныхъ помѣщиковъ на это не рѣшились бы, какъ и вообще на увольненіе массами; а у другихъ владѣльцевъ мало было богатыхъ крѣпостныхъ людей. Во всякомъ случаѣ нельзя было оставлять этого способа обезземеленія во всей его силѣ наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Особеннаго вниманія правительства потребовало переселеніе въ разныхъ видахъ, изъ которыхъ самое возмутительное—продажа крестьянъ безъ земли для переселенія. Я помню одинъ случай продажи нѣсколько сотъ душъ изъ центральныхъ губерній въ одну изъ степныхъ. Этотъ случай и былъ, сколько я помню, поводомъ къ составленію правилъ для переселенія и къ обстановкѣ разными формальностями совершенія купчихъ крѣпостей. Но большихъ размѣровъ переселенія также не могли принять, какъ потому, что противъ этого возставало общественное мнѣніе, такъ и потому, что каждое переселеніе требовало много хлопотъ, издержекъ и безпокойствъ. Даже переселенія внутри имѣнія были весьма рѣдки; но онѣ часто сопровождались крайне несправедливыми дѣйствіями, съ отнятіемъ у крестьянъ хорошихъ земель и предоставленіемъ имъ дурныхъ.

Въ заключеніе, я не могу не прибавить, что правительство обязано было принять всѣ изложенныя мѣры для загражденія помѣщикамъ возможности обезземеленія крестьянъ; обязано было какъ по чувству справедливости, такъ и въ видахъ внутренней политики, изъ боязни, чтобы отдѣльныя, хотя бы и рѣдкія, но тѣмъ не менѣе произвольныя и несправедливыя дѣйствія помѣщиковъ не взволновали крестьянъ. Что же касается до опасенія, чтобы тотъ или другой способъ или всѣ вмѣстѣ стали примѣняться помѣщи-

ками съ систематическимъ постоянствомъ, то подобное опасеніе не могло имѣть мѣста,—по слѣдующимъ причинамъ.

Самыя главныя изъ этихъ причинъ заключались въ томъ, что между русскимъ помѣщикомъ и его крѣпостными не прекращались общечеловѣческія отношенія. Помѣщикъ всегда помнилъ, что крестьянинъ человѣкъ, а съ дворовыми, сверхъ того, его связывали семейныя преданія. Между русскими дворянами и крѣпостными не было такого громаднаго разстоянія, какое существовало и отчасти даже теперь существуетъ между польскимъ помѣщикомъ и крестьяниномъ; хотя бы послѣдній былъ и полякъ и католикъ, это нисколько не мѣшало польскому шляхтичу называть крестьянина „быдломъ“ (скотомъ), а крестьянинъ обязанъ былъ кланяться своему пану до земли и цѣловать его руку, которая протягивалась и протягивается до сихъ поръ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Человѣческія отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ и вообще высшаго класса къ низшимъ—самое лучшее свойство русскаго дворянина, которымъ онъ можетъ гордиться не только передъ польскими и остзейскими своими собратьями, но и передъ высшими классами всей западной Европы; у насъ никогда не существовало тѣхъ унизительныхъ, разорительныхъ для крестьянъ и возмущающихъ душу феодальныхъ правъ, о которыхъ я имѣлъ случай выше упомянуть.

Къ несчастію двѣ другія причины, хотя весьма полезныя для крестьянскаго дѣла, произвели въ нашей исторіи, до сихъ поръ производятъ и долго еще будутъ производить много золъ и служить препятствіемъ къ нашему дальнѣйшему развитію, какъ служили прежде и служатъ теперь.

Во всей нашей жизни до сихъ поръ отражается какая-то неумѣлость пользоваться тѣми правами, какія мы имѣемъ. Мы или вовсе не пользуемся тѣмъ, что намъ даровано или что мы пріобрѣли, или выходимъ изъ предѣловъ нашихъ правъ, нарушая коренныя юридическія основанія. Русскій человѣкъ пойдетъ въ огонь, рѣшится на самый крайній поступокъ; но рѣдко выдержитъ до конца, когда онъ долженъ постепенно, мало по малу, подвигаться къ предназначенной цѣли. Онъ готовъ принять участіе въ славкомъ дѣлѣ, требующемъ энергіи и самоотверженія, но весьма мало способенъ выдерживать хотя и не опасную, однако, постоянную и мелочную борьбу съ интригами и разнаго рода препят-

ствіями обыденной жизни. У русскаго человѣка не достаетъ терпѣнія быть всегда на сторожѣ противъ своихъ враговъ: или онъ сдѣлается жертвою своего добродушія и довѣрчивости или, выведенный изъ терпѣнія, дастъ оружіе своимъ врагамъ какимъ нибудь неосторожнымъ своимъ поступкомъ. Большею частію онъ скоро устаетъ, уклоняется отъ дѣятельной жизни и покоряется обстоятельствамъ, съ которыми не могъ сладить. Обыкновенно при этомъ онъ успокаивается тѣмъ, что виноваты въ его недѣятельности не онъ, а другіе. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что русскій человѣкъ до сихъ поръ былъ почти неспособенъ жертвовать своимъ самолюбіемъ общему дѣлу. Всѣ эти явленія нашей политической незрѣлости привыкли сваливать на правительство и исторію, какъ будто бы свойства правительства не есть самое вѣрное отраженіе свойствъ самаго народа, какъ будто бы не народъ, а что-то постороннее создаетъ исторію.

Опасеніе обезземеленія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ не могло имѣть мѣсто по третьей также немаловажной причинѣ—постояннаго безденежья нашихъ помѣщиковъ. Недѣятельность вслѣдствіе этой причины увеличивалась недостаточностію предпріимчивости. Надо было хлопотать: наводить справки, брать свидѣтельство,—ничего такъ не боялся прежній помѣщикъ, какъ соприкосновенія съ бумажнымъ производствомъ. Отсутствіе денежныхъ средствъ лишало его помощи въ этомъ случаѣ другихъ; притомъ тогда не было такого множества адвокатовъ, хотя и были стряпчіе по дѣламъ, но ихъ было немного и они умѣли писать только просьбы по извѣстной формѣ, но не умѣли вести дѣла по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, на такія дѣла, какъ переселенія, начиная съ Сибири до переноса усадьбъ на другое мѣсто въ томъ же имѣніи, требовались болѣе или менѣе значительныя суммы денегъ, или по крайней мѣрѣ пріостановленіе, болѣе или менѣе замѣтное, барщинскихъ работъ. Во всякомъ случаѣ, необходимы были временныя жертвы, которыхъ помѣщики или не могли или не рѣшались сдѣлать, хотя бы впослѣдствіи эти жертвы были вознаграждены съ избыткомъ.

Оградивъ по возможности крѣпостныхъ людей отъ обезземеленія и отъ крайне произвольнаго проявленія помѣщичьей власти, правительство озаботилось облегчить для нихъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ узаконеній. Такъ съ 1848 года крѣпостные люди

получили право покупать недвижимую собственность на свое имя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшено было помѣщикамъ безпошлинно выдавать купчія крѣпости крестьянамъ на тѣ имущества, которыя пріобрѣтены были сими послѣдними прежде на имена помѣщиковъ; но на это назначенъ былъ 10-тилѣтній срокъ. По случаю истеченія этого срока, онъ былъ продолженъ на неопредѣленное время. Облегчены были формальности приписки къ обществамъ государственныхъ крестьянъ для лицъ, обязанныхъ избрать родъ жизни, изъ которыхъ большая часть были вольноотпущенные. При чемъ предоставлялось имъ водворяться въ казенныхъ селеніяхъ, въ которыхъ были излишнія земли, не испрашивая пріемнаго приговора обществъ. Послѣдняя мѣра, впрочемъ, имѣла и полицейскую цѣль—уменьшить число бродячаго населенія.

Я. А. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1]).

1829 г.

Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близь Шумлы, 25-го іюня.

(Перев. съ франц.). Имѣю честь представить при семъ два ключа отъ воротъ Силистріи, бунчукъ паши Хаджи-Ахмета сераскира и 16 знаменъ, сданныхъ гарнизономъ. Везетъ ихъ поручикъ Черноморскаго казачьяго войска, Майборода — молодой человѣкъ очень способный и весьма храбрый. Генер. Красовскій проситъ его себѣ въ адъютанты, съ переводомъ въ гвардію. Такъ какъ я полагаю, что не благовидно имѣть казачьихъ офицеровъ адъютантами, то В. В., можетъ быть, соблаговолите оставить его, на время кампаніи, при генер. Красовскомъ, гдѣ онъ можетъ служить съ пользою.

Я не имѣю сообщить В. В—ву ничего новаго, кромѣ лишь того, что вышедшій вчера изъ Шумлы болгаринъ разсказывалъ, будто пришедшіе туда 8 или 9 полковъ прибыли изъ Бургаса и Айдоса. Это было бы въ высшей степени выгодно для нашихъ операцій за Балканами; и оно довольно близко согласуется съ извѣстіями отъ генер. Понсета, который—по показаніямъ же болгаръ—тоже говоритъ, что число полевыхъ войскъ и гарнизоновъ значительно уменьшилось. Болгаринъ, вышедшій изъ Шумлы, разсказываетъ, будто онъ самъ сопровождалъ прибывшихъ туда 4 полка, которые изъ Бургаса шли черезъ Айдосъ,

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 105—130; томъ XXXII, стр. 287—302, 705—720.

потомъ черезъ неизвѣстное ему мѣстечко, а затѣмъ черезъ Чаликовакъ и Эскистамбулъ, и что полки эти были безъ пушекъ, но имѣли обозы. Постараюсь, на сколько возможно, разъяснить это показаніе. Въ Адріанополѣ, по всѣмъ слухамъ, не собрано большаго числа войскъ.

30-го числа, передовыя войска Рота начнутъ движеніе. Я останусь съ Паленомъ, вѣроятно, до 4-го числа. Если Богъ намъ поможетъ и намъ удастся скрыть свое движеніе въ продолженіи двухъ дней, то надѣюсь, что самыя большія затрудненія будутъ преодолѣны между 8-мъ и 10-мъ іюля.

Благоволите, Государь......

Лагерь при Энжикіой, близъ Шумлы, 26-го іюня.

(Перев. съ франц.). Фельдъегерь Непорожневъ привезетъ В. И. В—ву ключи Силистріи и 38 знаменъ, которыя доставлены были мнѣ ген.-маіоромъ Бергомъ, тотчасъ послѣ сдачи крѣпости. Генер. Красовскій хотѣлъ на слѣдующій день прислать мнѣ бунчуки и 16 остальныхъ знаменъ; но такъ какъ пребываніе пашей въ крѣпости замедлилось, а знаковъ власти у нихъ не отнимаютъ, пока они заняты сдачею всѣхъ военныхъ вещей и пр., то я не хотѣлъ задерживать отсылки ключей. Надѣюсь однако, черезъ нѣсколько дней, вслѣдъ за этимъ фельдъегеремъ послать другаго, который доставитъ и точную опись всему, что находится въ Силистріи.

Плѣнные, которыхъ 8,000, будутъ отосланы въ Фальчи; паши просились ѣхать въ Одессу,—куда они и будутъ посланы, если В. В. не дадите инаго приказанія. Генер. Красовскій счелъ возможнымъ разрѣшить: находящихся въ числѣ военно плѣнныхъ, турецкихъ раненыхъ (которыхъ около 1,000 чел.) отправить въ Рущукъ, гдѣ они болѣе стѣснятъ гарнизонъ, нежели помогутъ ему.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій, постоянно встрѣчающихся при принятіи турецкихъ крѣпостей, выступленіе Красовскаго, къ несчастію, сильно замедлилось и онъ доноситъ мнѣ, что не въ состояніи будетъ выступить съ послѣднею колонною ранѣе 29-го числа, т. е. цѣлою недѣлею позже, чѣмъ я надѣялся. Согласно сему, я начерталъ себѣ слѣдующія предположенія для перехода черезъ Балканы.

Гарнизонъ Силистріи составятъ: 1-я бригада 4-й и 3-я бригада 8-й дивизій, баталіоны: саперный и 3-й піонерный, и три казачьи полка. На первое время, комендантомъ останется тамъ полковникъ кн. Волконскій, а самая крѣпость будетъ въ вѣдѣніи генер. Киселева, такъ какъ принадлежитъ гораздо болѣе театру воен. дѣйствій Дунайскаго отряда, нежели Балканскаго.

Движеніе арміи произведено будетъ слѣдующимъ образомъ: какъ только прибудетъ 3-я гусарская дивизія, 29-го числа—генер. Ротъ двинется съ 16-ю пѣх. дивизіею по направленію къ Дѣвно, сдѣлавъ первый переходъ ночью; тамъ (въ Дѣвно) онъ соберетъ полки 7-й дивизіи, которая, вмѣстѣ съ 16-ю пѣхотною и 4-ю уланскою, составитъ 6-й армейскій корпусъ и лѣвое крыло арміи. По прибытіи перваго эшелона пѣхоты 3-го корпуса, генер. Ридигеръ двинется — тоже, ночью—черезъ Марковчи къ Праводамъ и составитъ, съ 18-ю дивизіею, егерями 19-й дивизіи и тремя казачьими полками, правое крыло. Послѣ прибытія генер. Красовскаго, генер. Паленъ, оставивъ ему еще одну гусарскую бригаду, пойдетъ ночью въ Енибазаръ и составитъ резервъ, который, на первый случай, будетъ имѣть возможность поддержать каждый пунктъ, гдѣ въ этомъ встрѣтится необходимость; при резервѣ этомъ буду находиться и я.—Красовскій съ 5-ю пѣхот. бригадами 3-го корпуса и 5-ю кавалерійскими бригадами (3-мя гусарскими и 2-мя бугскими уланскими) останется на позиціи передъ Шумлою, одинъ или два дня, въ продолженіи которыхъ генер. Ротъ овладѣетъ проходомъ Дервишъ-Кіой, а генер. Ридигеръ—проходомъ Кіоприкіой, сильно обстрѣлявъ съ фронта турецкіе окопы (въ которыхъ не болѣе какъ по 200 или 300 чел.) и затѣмъ обойдя ихъ съ фланговъ.

Если въ этотъ день великій визирь не предприметъ никакого движенія, то гр. Паленъ въ тотъ же вечеръ и на другой день перейдетъ въ Дѣвно, и даже до Гассансакляра; въ ту же ночь генер. Красовскій перейдетъ къ Енибазару, на позицію у Янускіой.—Генер. Ридигеръ, устроивъ прочное мостовое прикрытіе у Кіоприкіоя, оставитъ тамъ егерей 19-й дивизіи, а самъ двинется черезъ Дервишъ-Кіой, на дорогу въ Айваджикъ. Генер. Ротъ наступаетъ по возможности быстро, вдоль морскаго берега, и можетъ около 8-го іюля прибыть въ окрестности Монастырь-Кіоя, къ южному подножію Балкановъ, гдѣ онъ приготовитъ укрѣпленія, или же овладѣетъ Мисемвріею, съ помощію флота, который прибудетъ туда на тѣхъ же дняхъ.

Если бы, сверхъ всякаго ожиданія, великій визирь послѣдовалъ за генер. Красовскимъ, то я, съ 2-мъ корпусомъ, двинусь на помощь послѣднему; если же, напротивъ того, и визирь, съ своей стороны, поспѣшитъ перейдти Балканы, дабы предупредить насъ по крайней мѣрѣ въ Айдосѣ,—тогда 2-й корпусъ слѣдуетъ, не останавливаясь, за колоннами Рота и Ридигера, и я могу буду собрать за Балканами 40 т. чел., изъ коихъ 28 т. пѣхоты. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, Красовскій двинется къ Шумлѣ, дабы, если возможно, тревожить визиря, при его движеніи черезъ Эски-Стамбулъ, или чтобы

принудить его оставить въ Шумлѣ значительныя силы, для обороны обширныхъ верковъ этой крѣпости. Таковы мои общія соображенія; но обстоятельства могутъ заставить сдѣлать въ нихъ значительныя перемѣны.

Отъ первоначальнаго моего желанія—сдѣлать высадку въ окрестностяхъ Бургаса, я отказался по тремъ причинамъ. Первая—есть слабость флота, вслѣдствіе большаго числа больныхъ, и опасеніе—неоднократно удалять его, при подобныхъ обстоятельствахъ, отъ строгаго наблюденія за турецкимъ флотомъ. Вторая причина есть опасеніе, что подобная экспедиція, которую нельзя совершить иначе, какъ съ обширными подготовленіями, возбудила бы полное вниманіе непріятеля. Наконецъ, третьею причиною является опасность посадки войскъ на суда по близости отъ города, гдѣ свирѣпствуетъ заразительная болѣзнь.

По донесеніямъ перебѣжчиковъ, должно полагать, что великій визирь получилъ изъ Константинополя 9 полковъ регулярной пѣхоты; но полки эти не сильнаго состава и плохо обучены. Прибытіе этихъ полковъ въ Шумлу, вмѣсто того, чтобы они были употреблены на усиленіе Айдоса, подаетъ мнѣ надежду, что остановка моя передъ Шумлою обманула Решида и что онъ думалъ, будто я, по прибытіи Красовскаго, повторю прошлогоднюю блокаду. Постараюсь, насколько возможно, утвердить его въ этомъ мнѣніи.

Заразительная болѣзнь все еще продолжается съ большою силою въ Варнѣ и Козлуджи; въ другихъ портахъ и въ княжествахъ она менѣе сильна. Въ самой арміи были лишь рѣдкіе случаи заболѣваній, но и они, благодаря Бога, не сообщались другимъ.

Съ этимъ же курьеромъ, В. И. В. получите мое представленіе о Бутурлинѣ. Мнѣ весьма жаль его лишиться; онъ, за все это время, обнаружилъ много усердія и честности. Онъ проситъ меня, какъ милости, уволить его отъ должности генералъ-квартирмейстера, чувствуя, что физическія силы не дозволяютъ ему исполнять оную такъ, какъ онъ того желалъ бы и какъ польза службы требуетъ. Убѣдившись въ совершенно разстроенномъ состояніи его здоровья, которое не допускаетъ его даже, въ дурную погоду, ѣздить верхомъ, я—согласно желанію Толля — возложилъ на Берга его прежнюю должность, и осмѣливаюсь просить на это утвержденія В. В—ва, въ виду примѣрнаго усердія, дѣятельности и отличнаго мужества, выказанныхъ имъ при всѣхъ встрѣчавшихся случаяхъ. Осмѣливаюсь испрашивать, какъ особой милости, назначенія Бутурлина въ сенатъ; примѣръ подобнаго назначенія представляетъ генералъ Павелъ Нейдгардтъ.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. Я же осмѣливаюсь просить васъ повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы мои искреннія поздравленія съ днемъ ея рожденія и благоволить.....

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Бобруйскъ, 3-го (15-го) іюля [1].

Курьеръ вашъ, любезный другъ, прибылъ ко мнѣ вчера вечеромъ, послѣ полуночи. Очень радъ узнать, что вы уже готовились начать ваше обширное движеніе и молю Бога, что бы благословилъ ваши старанія. Весьма одобряю распоряженія ваши, которыя—на сколько можно судить отсюда—кажутся мнѣ весьма разумными. Я полагаю даже, что если не встрѣтится препятствій болѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, которыя вамъ доселѣ извѣстны, то Роту можно будетъ прибыть къ Мисемвріи даже ранѣе 8-го числа. Но сомнѣваюсь, чтобы вы могли опредѣлить время прибытія флота, потому что, къ несчастію, вѣтры не состоятъ подъ нашимъ начальствомъ. Я не понимаю, для чего вы составили гарнизонъ Силистріи изъ двухъ бригадъ, взятыхъ изъ 4-й и 8-й дивизій; этимъ, обѣ дивизіи разстраиваются; между тѣмъ какъ у васъ есть для сего 1-я бригада 11-й дивизіи. Любопытно знать, что̀ будетъ дѣлать визирь; трудно даже сказать, что̀бы ему лучше всего сдѣлать.

Я крайне опечаленъ распространеніемъ и опустошеніями чумы. Ради Бога, обратите все ваше вниманіе на то, чтобы съ болѣзнію этою обращались какъ съ настоящею чумою, потому что это она и есть. Старайтесь имѣть какъ можно менѣе сношеній съ Варною, пока эта язва не минуетъ, и устройте по крайней мѣрѣ такъ, чтобы она не проникла въ тѣ морскіе порты, которыми, какъ я надѣюсь, вы овладѣете и которые, тогда, могутъ замѣнить Варну. Я посылаю Лобанова, чтобы осмотрѣлъ всѣ зачумленныя мѣста и донесъ, какъ мнѣ, такъ и вамъ; онъ уѣзжаетъ завтра. Здѣсь я остался вполнѣ доволенъ крѣпостными работами, равно какъ четырьмя полками 3-й дивизіи и двумя піонерными баталіонами. Выѣзжаю завтра, чтобы, переночевавъ въ Могилевѣ, выѣхать оттуда 5-го числа и 7-го быть въ Старой Русѣ.

Мой поклонъ Толлю и Палену. Остаюсь весь вашъ, душею и сердцемъ. Богъ да поможетъ вамъ. Н.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 26-го іюня. (Перев. съ франц.).

Bobrouysk. le 3 (15) Juillet.

Votre courrier m'est arrivé hier soir, mon cher amis, à minuit passé. Je suis fort charmé d'apprendre que vous étiez sur le point de commencer votre grande opération, et je demande à Dieu de bénir vos efforts. J'approuve parfaitement vos dispositions qui, si on en juge d'ici, me paraissent fort sages; je crois même que, s'il n'y a pas de plus grands obstacles que ceux qui vous sont connus jusqu'ici, Rott pourra arriver même plustôt que le 8, devant Missémvrie. Mais, ce dont je doute, c'est que vous puissiez préciser l'arrivée de la flotte, car malheureusement les vents ne sont pas sous nos ordres. Je ne comprends pas, pourquoi vous avez formé la garnison de Silistrie de 2 brigades des 4 et 8; cela dérange deux divisions; tandis que vous avez la 1-re brigade de la 11-me division pour cet effet. Je suis curieux de savoir ce que fera le Wizir; il est même difficile à dire, ce qu'il aura de mieux à faire.

Je suis désolé des ravages et de l'étendue de la peste. Au nom de Dieu, portez toute votre attention à ce qu'on ne traite pas la chose autrement que comme la peste véritable; car c'est elle. Tachez d'être le moins possible en communication avec Warna, tant que ce fléau n'est pas passé, et faites du moins que ça ne gagne pas les ports de mer, que j'éspère que vous prendrez et qui, alors, pourront remplacer Warna. J'envois Lobanof faire la revue de tous les points pestiférés et m'en faire, ainsi qu'à vous, le rapport; il part demain. Je suis parfaitement satisfait ici des travaux de la place et des 4 régiments de la 3-me division, ainsi que des 2 bataillons pionniers. Je pars demain, pour coucher à Mohilef et en repartir le 5, pour être le 7 soir à Staraya Roussa.

Mille choses à Toll et Pahlen. Tout à vous, mon cher ami, de coeur et d'âme; et que Dieu vous seconde. N.

Гр. Дибичъ—императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близь Шумлы, 5-го іюля [1]).

(Перев. съ франц.). 2-го числа я получилъ письмо, которое В. В. удостоили написать мнѣ изъ Козельца, равно какъ и новыя милости, которыми вамъ благоугодно было меня осыпать. Всемогущій, благословляя труды храбрыхъ войскъ вашихъ, да подастъ мнѣ случай доказать В. В—ву мою глубокую благодарность, — и да будетъ Черниговскій полкъ (какъ я на то надѣюсь) навсегда проникнутъ тѣми чувствами, которыя заслужили ему Ваше одобреніе, Государь, а мнѣ - честь сдѣлаться шефомъ старѣйшаго полка, который съумѣлъ уже заслужить похвалу безсмертнаго Петра Великаго, въ день полтавской битвы.

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 26-го іюня 1829 г.

Осмѣливаюсь въ то же время просить В. В., дозволить мнѣ носить и мундиръ гвардейскаго генеральнаго штаба; воспоминанія о времени, въ которое я его носилъ, мнѣ слишкомъ дороги, такъ что не могу не принесть Вамъ этой просьбы.

Изъ послѣдняго письма моего В. В. уже видѣли тѣ распоряженія, какія я сдѣлалъ для перехода черезъ Балканы. До сихъ поръ я ничего въ нихъ не измѣнилъ, исключая лишь, что остался на сегодняшній день здѣсь, вмѣстѣ съ Красовскимъ, и что оба корпуса вмѣстѣ совершатъ, въ эту ночь, переходъ къ Енибазару, откуда я, съ корпусомъ Палена, выступлю еще завтра вечеромъ въ Дѣвно,—если визирь не послѣдуетъ за нами въ значительныхъ силахъ. Измѣненіе это я сдѣлалъ потому, что, по всѣмъ донесеніямъ, непріятель привлекъ къ себѣ всѣ регулярныя войска, бывшія на прибрежьѣ Чернаго моря и на Камчикѣ и, значитъ, генералы Ротъ и Ридигеръ не могутъ встрѣтить сильнаго сопротивленія на этихъ пунктахъ.

30-го іюня мы имѣли здѣсь довольно хорошее кавалерійское дѣло, въ которомъ полки 1-й, 2-й и 4-й Бугскіе и два казачьи, подъ личнымъ начальствомъ генер. Ридигера, неоднократно отбивали турецкую конницу (силою въ 3—4 т. коней), хотѣвшую поддержать своихъ фуражировъ, и принудили ее отступить за укрѣпленія. Самъ визирь находился при этомъ дѣлѣ и лишился въ ономъ одного изъ офицеровъ своей свиты, а также одного кавалерійскаго бимъ-баши и болѣе 100 чел. убитыми. Мы взяли 60 чел. плѣнныхъ. Бугскіе полки и казаки, предводимые храбрымъ старикомъ Жировымъ, показали себя самымъ блистательнымъ образомъ. Я этому тѣмъ болѣе радъ, что на уланъ хотѣли набросить тѣнь сомнѣнія за предшествовавшія дѣла, и что они дѣйствительно заслуживали упрека въ небрежности, особенно относительно содержанія лошадей. Задавъ сильный нагоняй виновнымъ, я, въ то же время, старался не дать упасть духу полковъ; это мнѣ удалось, и теперь сами порицатели не могутъ довольно нахвалиться и войсками и начальниками. Подъ генер. Рейтерномъ убита лошадь; генер. Акинфіевъ (который дѣйствительно болѣнъ и уже получилъ отпускъ) отличался во главѣ своей бригады, а замѣститель его, Пѣшковъ, помогалъ ему отъ всей души и сердца; генер. Сиверсъ, какъ и всегда, высказывалъ примѣрное и неизмѣнное усердіе.

Присылка резервовъ идетъ теперь вполнѣ удовлетворительно. Если обстоятельства, (которыхъ нельзя предвидѣть при нынѣшнемъ, столь рѣшительномъ положеніи), того потребуютъ, то В. В. разрѣшите мнѣ нѣкоторыя дивизіи усиливать, сравнительно съ другими. В. В. можете быть увѣрены, что я, будучи изъ принципа врагомъ

всякихъ переустройствъ, сдѣлаю изъ нихъ лишь такія, какія окажутся необходимыми; но Вы, конечно, уполномочите меня на это, такъ какъ разстояніе, отдѣляющее меня отъ Васъ, громадно и, вслѣдствіе сего, всякое замедленіе можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія.

Уповаю, что Богъ намъ поможетъ и что резервы безвредно пройдутъ черезъ зараженныя мѣстности. Болѣзнь эта, которая къ несчастію усиливается на всѣхъ складочныхъ пунктахъ, каковы: Варна, Базарджикъ, Кистенджи и Бабадагъ, и которая, хотя въ слабомъ видѣ, показалась и въ Сизеполѣ, страшно угрожаетъ всѣмъ нашимъ запаснымъ средствамъ, которыя столь удачно были приготовлены. Въ случаѣ, если бы она причинила намъ потери въ самой арміи, то относительно зимнихъ квартиръ явятся такія затрудненія, которыя я даже не могу надлежащимъ образомъ себѣ представить, прежде чѣмъ не увижу средствъ для перехода черезъ Балканы и не ознакомлюсь съ духомъ населенія Румеліи, а также—пока не обнаружится, какого рода впечатлѣніе произведетъ переходъ черезъ Балканы на непріятеля, который, судя по всѣмъ даннымъ, уже утомленъ обороною, ведшеюся упорнѣе, чѣмъ когда либо. О всемъ этомъ я надѣюсь сообщить В. И. В—ву болѣе подробныя свѣдѣнія только тогда, когда, по переходѣ черезъ горы, буду подготовлять средства для дальнѣйшаго похода.

Я очень радъ, что В. И. В. имѣли причины быть довольнымъ польскими провинціями, и въ Царствѣ и въ Имперіи, равно какъ смотрами, произведенными въ Тульчѣ, Кіевѣ и Козельцѣ. Зная усердіе, которымъ одушевлены войска, смѣю надѣяться, что Вы останетесь довольны и въ Бобруйскѣ, и въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.

Еще до полученія письма В. В—ва, я уже просилъ е. выс—во вел. князя Михаила Павловича позволить удержать здѣсь гвардейскихъ офицеровъ, до слѣдующаго приказанія. Разрѣшите, Государь, оставить здѣсь еще на нѣкоторое время этихъ отличныхъ офицеровъ и храбраго Шильдера.

Если великій визирь не оставитъ весьма многочисленнаго гарнизона въ Шумлѣ, то, поведя энергическую осаду, мы, можетъ быть, успѣемъ овладѣть этою крѣпостью, важною особенно по общему о ней мнѣнію и нужною намъ на тотъ случай, если бы—при несчастіи—третья кампанія заставила насъ менѣе разсчитывать на наше морское преобладаніе. Съ другой стороны, можетъ быть и Киселевъ, по прибытіи резервовъ, получитъ возможность осадить Журжево, занявъ острова противъ этой крѣпости и противъ Рущука,—и въ этомъ случаѣ намъ могутъ еще понадобиться опытные инженеры и артиллеристы.

Надѣюсь, что корпуса Рота и Ридигера сегодня перейдутъ Камчикъ и льщу себя надеждою, что дня черезъ три или четыре великій вопросъ о переходѣ Балкановъ долженъ разрѣшиться, — или же произойдетъ второе сраженіе съ визиремъ.

Насколько я исполненъ надеждъ въ отношеніи военныхъ событій, настолько же опечаленъ страшнымъ дѣйствіемъ заразы, въ усиленной прогрессіи распространяющейся, особенно въ Варнѣ, Праводахъ и Кистенджи. Насколько возможно стараюсь не упустить ни одного человѣческаго средства для того, что бы остановить ее; но на одну лишь милость Божію дерзаю надѣяться.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ къ стопамъ В. В—ва свою искреннѣйшую благодарность за августѣйшее о нихъ памятованіе. Я весьма счастливъ, что имѣю такихъ помощниковъ, примѣръ которыхъ оказываетъ самое благотворное дѣйствіе. — Благоволите Государь....

Лагерь при Дервишъ-Авонѣ, 9 іюля.

(Перев. съ франц.). Строки эти имѣю счастіе писать В. В—ву на лѣвомъ берегу Камчика въ тотъ самый моментъ, когда аванпосты генер. Рота уже достигли вершинъ главнаго Балканскаго хребта, по прямой дорогѣ изъ Асиро въ Монастырь-Кіой.

Постоянные дожди оказали большую пользу травѣ и нашему рогатому скоту, но за то такъ испортили дороги между Праводами и Камчикомъ, что колонны наши не могли въ точности исполнить предписанные имъ на всякій день переходы; однако это маловажное замедленіе не воспрепятствовало имъ въ достиженіи желаемыхъ результатовъ, которыми, надѣюсь, В. В. будете довольны.

Трофеи, пріобрѣтенные генералами Ротомъ и Ридигеромъ, 6 и 7 числа, состоятъ изъ 10 пушекъ (полевыхъ), 14 знаменъ, болѣе 300 плѣнныхъ, множества аммуниціи и другихъ вещей. Вопреки всѣмъ затрудненіямъ и не смотря на то, что непріятельскіе окопы были весьма значительны и очень хорошо расположены,—все это пріобрѣтено съ потерею около 300 чел. убитыми и ранеными. Бо́льшая часть этой потери понесена была передъ переправою, при изготовленіи мостовъ и пр.; потому что окопы турецкіе, при всей ихъ силѣ, взяты были почти безъ урона, бѣгомъ, въ штыки. При этомъ, окопы у Дервишъ-Кіоя взяты были уланами 4-й дивизіи (подобно тому, какъ сдѣлали гусары подъ Шумлою, 31 мая).

Непріятель, защищавшій прибрежье Камчика, отъ Кіоприкіоя до устья, подъ начальствомъ пашей: Али и Юсуфа (въ числѣ 10—12 т.

человѣкъ, между которыми было 3 полка регулярной пѣхоты), бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ и болѣе нигдѣ не держится. Только благодаря крайнему утомленію нашей пѣхоты, ему удалось спасти 4 или 6 пушекъ; но съ 7-го числа онъ ихъ болѣе не употреблялъ въ дѣло.

Такъ какъ 7-го числа великій визирь находился въ Шумлѣ и такъ какъ у Абдерахмана-паши нѣтъ значительныхъ силъ, то все это подаетъ мнѣ надежду, что, при помощи Божіей, я въ состояніи буду, избѣжавъ большихъ потерь, увѣдомить съ слѣдующимъ курьеромъ о переходѣ черезъ пресловутыя Балканы, о которыхъ столько кричали туркофилы и которымъ счастливое состояніе Оттоманской имперіи, въ теченіи пяти столѣтій, доставило исполинскую репутацію.

В. В—ву, надѣюсь, пріятно будетъ тоже узнать, что, благодаря быстротѣ нашихъ дѣйствій, греки и болгары, живущіе въ селеніяхъ той части Балкановъ, которая уже занята нашими войсками, остались на мѣстѣ, приняли побѣдителей съ величайшею радостію и въ церквахъ своихъ принесли благодареніе Богу за ихъ счастливое прибытіе. Я отдалъ самыя положительныя приказанія, что бы щадили все, имъ принадлежащее, и платили наличными деньгами за все, что они готовы продавать намъ.

Послѣднія извѣстія о заразѣ нѣсколько менѣе страшны, за исключеніемъ лишь Праводъ, гдѣ она свирѣпствуетъ хуже чѣмъ, когда либо. Это побудило меня отдать приказаніе: разрушить и сжечь названное мѣстечко, которое, конечно, оказало намъ большія услуги, но которое стало менѣе важнымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли отличное расположеніе у Кіоприкіоя.

Желая заявить гр. Толлю новое доказательство моей дружбы и благодарности, я посылаю къ В. В—ву одного изъ его адъютантовъ, Крузенштерна — отличнаго офицера. Толль и Паленъ повергаютъ себя къ стопамъ В. В—ва. — Осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы выраженіе моей глубокой преданности — такъ какъ я надѣюсь, что Ея В. уже прибыла въ Петербургъ.

P. S. Только что получилъ письмо отъ адмирала Грейга, который вчера хотѣлъ прибыть въ Мисемврійскій заливъ.

Императоръ Николай — гр. Дибичу.

Александрія, близъ Петергофа, 19 іюля [1]).

Вы легко поймете, любезный другъ, съ какимъ крайнимъ удовольствіемъ я принялъ Крузенштерна, привезшаго счастливую вѣсть объ отлично исполненномъ первомъ шагѣ къ рѣшительному моменту кампаніи. Честь вамъ и слава за распоряженія, а храбрымъ вашимъ войскамъ за исполненіе. Да благословитъ Господь наше оружіе и да поможетъ намъ, какъ можно быстрѣе, достигнуть столь желаемаго результата. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ вчера изъ Константинополя, положительно извѣстно, что вслѣдствіе донесенія визиря о переговорахъ его съ Фонтономъ, какое-то важное лицо послано въ его главную квартиру. Можетъ быть вамъ, въ настоящую минуту, болѣе извѣстно объ этомъ, нежели намъ.

Я едва лишь успѣлъ выѣхать изъ Нарвы, какъ получилъ отъ Паскевича извѣстіе о совершенномъ уничтоженіи двухъ турецкихъ армій, которыя были ему противопоставлены, и о взятіи въ плѣнъ начальствующаго одною изъ нихъ; такъ что, по прибытіи въ Петербургъ, мы начали съ того, что отслужили молебенъ.—Крузенштернъ прибылъ вчера вечеромъ, въ ту минуту, какъ я надѣвалъ шарфъ, чтобы ѣхать на смотръ въ Красное Село. Вы легко можете себѣ представить восторгъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю узнать, на что́ рѣшится визирь; я все полагаю, что онъ, не будучи въ состояніи предупредить васъ въ Айдосѣ, сдѣлаетъ все возможное, что бы вымѣстить это на Красовскомъ, или же—встанетъ между вами и имъ. Надо быть на сторожѣ, особенно, если показаніе дезертира, объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ, справедливо. Впрочемъ мнѣ кажется, что у Красовскаго довольно силъ и, особенно — артиллеріи; такъ что онъ можетъ не опасаться этой атаки.

Чума, появившаяся вездѣ, особенно же въ Праводахъ, есть вещь ужасная; дай Богъ, что бы она не добралась до дѣйствующей арміи! Надо удвоить бдительность. Надѣюсь, что вслѣдствіе вашихъ предосторожностей, резервамъ удастся отъ нея уйдти; первые ихъ отдѣлы, должно быть, уже присоединились къ вамъ. Вчера послано приказаніе о доставкѣ вамъ еще 11 т. чел. пѣхоты; это уже последніе въ нынѣшнемъ году. Вы сами ужъ рѣшите — увѣдомивъ о семъ Витта,—желаете ли вы получить на каждый полкъ по 2 эскадрона, которые совершенно готовы.

Здѣсь я всѣмъ очень доволенъ и дѣла идутъ хорошо.—Само со-

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 9 іюля. (Перев. съ франц.).

бою разумѣется, любезный другъ, что вы сохраняете вашъ прежній мундиръ, совмѣстно съ Черниговскимъ; я даже не понимаю вашихъ сомнѣній въ этомъ случаѣ. Кланяйтесь Толлю и Палену. Желаю, что бы вы вскорѣ извѣстили меня объ окончаніи того, что такъ хорошо начато вами.—Жена моя вамъ кланяется; она весьма счастлива, что опять съ дѣтьми, и устраивается на своей прелестной дачѣ.

Прощайте, любезный другъ; Богъ да наставляетъ и хранитъ васъ. Вашъ навсегда Н.

Alexandrie, près de Peterhof, ce 19 Juillet.

Vous vous direz aisement, mon cher ami, avec quel plaisir extrême j'ai reçu Krousenstern avec l'heureuse nouvelle de l'excellent premier pas vers le moment décisif de la campagne. Honneur vous soit rendu pour la disposition et à vos braves trouppes pour l'éxécution. Que Dieu daigne bénir nos armes et nous fasse arriver le plustôt possible au résultat tant desiré. D'aprés des nouvelles, arrivées hier de Constantinople, il est positif, qu'à la suite du rapport du Wizir sur les pourparlers avec Fonton, un personnage a été expedié pour son quartier génèral. Peut être, en savez vous plus que nous, dans ce moment.

C'est à peine après avoir quitté Narva, que j'ai reçu de Paskevitsch la nouvelle de l'entière destruction des deux armées turques qui lui étaient opposées, et la prise de l'un de deux commandants; ce qui a fait que nous avons debutés à Pétérsbourg par un Tedeum. Krousenstern est arrivé hier soir, au moment où je mettais l'écharpe, pour aller passer la revue des troupes à Красное Село. Vous pouvez aisément vous figurer l'enthousiasme.

Je suis impatient de savoir, quel parti va prendre le Wizir; je suppose toujours que, ne pouvant plus vous devancer à Aydos, il fera son possible pour s'en venger sur Красовскій, ou en se mettant entre vous et lui; il faut être sur ses gardes, surtout si le dire du déserteur sur les renforts attendus est vrai. Au reste, il me parait que Красовскій est assez fort, et surtut en artillerie, pour ne pas craindre cette attaque.

La peste partout, surtout à Праводы—est une chose désolante; plaise au Ciel qu'elle ne parvienne pas jusqu'à l'armée active; il faut redoubler d'attention. J'éspère que, vu vos précautions, les résérves pourront y échapper; les prémiers doivent vous avois joint. L'ordre est parti hier pour vous faire arriver encore 11 m. h. d'infanterie; ce sont les d e r n i e r s de cette année. Vous déciderez vous même, en informant Witt, si vous voulez 2 escadrons par régiment, qui sont tout prêts.

Je suis fort content de tout ici, et cela marche bien. Il s'entend de soi même, mon cher ami, que vous conservez votre ancien uniforme à côté de celui de Черниговъ; je ne comprends même pas votre doute ladessus. Mille choses à Toll et Pahlen. Puissiez vous bientot me donner la nouvelle de la fin de ce que vous avez si bien commencé. Ma femme vous dit mille choses; elle est fort heureuse de se retrouver avec les enfants et s'établie dans ce délicieuse campagne.

Adieu, mon cher ami; que Dieu vous guide et vous conserve. A vous pour la vie N.

Гр. Дибичъ — Императору Николаю.

Лагерь при Энжикіой, близъ Мисемвріи, 12 іюля.

(Перев. съ франц.). Всевышній благословилъ усилія храбрыхъ и несравненныхъ войскъ, начальствомъ надъ коими В. В. меня удостоили. Балканы, слывшія непреодолимыми въ теченіи столькихъ вѣковъ, перейдены были ими (войсками) въ 3 дня и побѣдоносныя знамена В. И. В—ва развѣваются на стѣнахъ Мисемвріи, Ахіоло и Бургаса, въ виду населенія, принимающаго нашихъ храбрецовъ, какъ своихъ избавителей и братьевъ.

Взятіе этихъ трехъ укрѣпленныхъ городовъ было послѣдствіемъ нѣсколькихъ дѣлъ, выдержанныхъ войсками 6-го и 7-го корпусовъ (10 и 11 числа), при дебушированіи изъ Балкановъ и преслѣдованіи непріятеля. Генералы Ротъ и Ридигеръ выполнили сдѣланныя мною распоряженія съ такою энергіею и быстротою, которыя не оставляли желать ничего лучшаго.

14 полевыхъ пушекъ, около 40 орудій, взятыхъ на батареяхъ, устроенныхъ для защиты городовъ, 21 знамя и почти 3 т. чел. плѣнныхъ суть трофеи этихъ славныхъ дней, равно какъ почти оконченный, но не вооруженный корветъ, захваченный нашими егерями на верфи, около Мисемвріи. Между плѣнными находится и мисемврійскій комендантъ, двухъ-бунчужный паша Османъ. Наша потеря ничтожна; войска же трехъ-бунчужнаго паши Абдурахмана, который начальствовалъ на всемъ прибрежьѣ моря и на низовьяхъ Камчика, разстроены почти въ конецъ.—Бургасъ былъ взятъ храбрыми уланами, подъ начальствомъ Набеля, при преслѣдованіи гарнизона, предпринявшаго вылазку противъ нашихъ войскъ. Ахіоло занятъ безпрепятственно нашими отважными товарищами, моряками.—По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ Красовскаго, великій визирь, 9-го числа, находился еще въ Шумлѣ.

Къ несчастію, до прибытія моихъ обозовъ, (которые лишь весьма медленно слѣдуютъ за нами, по горамъ), я нахожусь въ невозможности удалиться отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ уже собрано почти на цѣлый мѣсяцъ провіанта и фуража. Надѣюсь, однако, занять Айдосъ и двинуться туда со всѣми силами, какъ только прибудутъ первыя обозы; тогда авангардъ будетъ выдвинутъ къ Карнабаду.

Вчера, на Мисемврійскомъ рейдѣ, на кораблѣ Парижъ, за обѣдомъ у адмирала Грейга, мы праздновали день тезоименитства ея и. выс—ства вел. княжны Ольги. В. В. можете судить сколь я былъ счастливъ, находясь, въ сей благословенный Богомъ день, среди столькихъ

воспоминаній и въ кругу нашихъ храбрыхъ, отличныхъ товарищей-моряковъ. Я познакомился тамъ съ безстрашнымъ Козарскимъ. Всѣ они воспламенены одинаковымъ усердіемъ; но турецкому флоту, повидимому, нѣтъ охоты дать имъ случай показать себя въ рѣшительномъ дѣлѣ.

Такъ какъ генералы Ротъ и Ридигеръ выказали себя съ отличнѣйшей стороны на Камчикѣ и въ славныхъ дѣлахъ за Балканами, то осмѣливаюсь просить В. В., что бы Вы благоволили почтить ихъ какимъ либо воспоминаніемъ о сихъ дняхъ. По моему мнѣнію, первому, за взятіе Мисемвріи—бриллiантовая шпага, а второму—орденъ св. Александра Невскаго съ алмазами, были бы прекрасными наградами; но впрочемъ, воля В. В—ва сдѣлаетъ наилучшій выборъ. Осмѣливаюсь также просить для главнаго моего помощника, графа Толля, за Силистрію и за все, что имъ было сдѣлано со времени сраженія подъ Кулевчею,—орденъ св. Владиміра 1-й степени, котораго онъ вполнѣ заслуживаетъ по своему усердію, дѣятельности и прямодушію.

Депеши эти имѣю счастіе послать съ полковникомъ Лачиновымъ, который, при исполненіи различныхъ порученій, возлагаемыхъ на него зимою, а также въ продолженіе кампаніи, являлъ доказательства величайшаго усердія и отличныхъ способностей и мужества, — также какъ и товарищъ его, Зуровъ. Я направляю Лачинова моремъ, черезъ Одессу, надѣясь, что такимъ образомъ онъ избѣгнетъ карантина; потому что у насъ здѣсь, слава Богу, не было ни одного случая заразительной болѣзни, ни въ арміи, ни среди обывателей. Въ Сизеполѣ болѣзнь тоже начинаетъ исчезать, и умершихъ было весьма мало. Въ Варнѣ, гдѣ смертность была громадная, болѣзнь стала нѣсколько уменьшаться; но Трубецкой, который только что пріѣхалъ, привезъ мнѣ весьма печальныя извѣстія объ Исакчѣ и Бабадагѣ, гдѣ полный недостатокъ въ лѣкаряхъ и госпитальныхъ офицерахъ, (которые всѣ перемерли), имѣлъ, повидимому, самыя грустныя послѣдствія. Во всѣ эти мѣста посланъ уже двойной комплектъ названныхъ чиновъ; но всего этого, повидимому, недостаточно. — Пишу еще генералу Кузьмину; но у него тоже нѣтъ средствъ и почти вовсе не имѣется войскъ; а я не могу, его усиливать, не рискуя заразить посланнаго туда войска, подобно тому, какъ случилось съ Низовскимъ полкомъ, въ Варнѣ; къ тому же, я терплю недостатокъ и въ медикахъ, и въ чиновникахъ карантинныхъ и коммисаріатскихъ.

Такъ какъ 1-я бригада 11-й дивизіи не можетъ быть вся выведена изъ Букарешта, по причинѣ чумы и опасенія занести ее въ Силистрію, то я вынужденъ былъ оставить въ названной крѣпости

3-ю бригаду 8-й дивизіи; потому что, до окончательнаго исправленія верковъ, я считаю четырехъ баталіоновъ недостаточнымъ для занятія этой обширной крѣпости, такъ какъ между нею и Рущукомъ ничего нѣтъ, а пока Красовскій въ Енибазарѣ, то и на дорогѣ въ Шумлу, кромѣ казаковъ, ничего не имѣется.

Графы Толль и Паленъ повергаютъ къ стопамъ В. В—ва свою благодарность за память о нихъ. У послѣдняго была рожа на ногѣ; впрочемъ, ему лучше, и болѣзнь не препятствуетъ ему быть всегда верхомъ, впереди своихъ войскъ.

Айдосъ, 18 іюля.

(Перев. съ франц.). Отправивъ полковника Лачинова, я самъ, 13-го іюля, двинулся по направленію къ Айдосу, для поддержанія авангарда генерала Ридигера, на случай, если бы турки, которыхъ надо было ожидать изъ Шумлы, соединились у вышеназваннаго пункта съ остатками войскъ Абдурахмана-паши. Дѣйствительно, Ибрагимъ-паша (Тульчинскій), посланный великимъ визиремъ, съ 9-ю полками регулярной пѣхоты, 1500 регулярныхъ и такимъ же числомъ иррегулярныхъ всадниковъ, выступилъ 8-го числа изъ Шумлы, по направленію на Кіоприкіой, но узнавъ о взятіи этого пункта и о нашихъ успѣхахъ на Камчикѣ, онъ остановился на дорогѣ въ Айдосъ и двинулся къ этому мѣстечку, когда свѣдалъ о пораженіи Абдурахмана-паши и покореніи крѣпостей у Бургасскаго залива. Такъ какъ войска сераскира разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, то и у Ибрагима былъ отрядъ силою около 10 т., при трехъ пушкахъ; его пѣхота была составлена изъ тѣхъ полковъ, на которыхъ великій визирь еще надѣялся, потому что они прибыли послѣ Кулевчи. Генералъ Ридигеръ имѣлъ лишь 8 весьма слабыхъ баталіоновъ Уфимскаго, Пермскаго, 36-го и 37-го егерскихъ полковъ, 20 орудій, 2-ю бригаду 4-й уланской дивизіи и два слабые казачьи полка, предводимые храбрыми генералами: Шереметьевымъ и Жировымъ. Все это, вмѣстѣ, составляло едва 4 т. человѣкъ; тѣмъ не менѣе, генералъ Ридигеръ не задумался повести атаку. Конница турецкая напрасно старалась своими атаками, еще довольно энергичными, остановить наше движеніе: она была отброшена картечью. Тогда егеря 36-го и 37-го полковъ бросились на городъ, окруженный плохимъ рвомъ и едва лишь начатыми укрѣпленіями, но сильный своими домами и каменными стѣнами садовъ. Турецкая пѣхота вотще старалась противиться егерямъ: она была опрокинута штыками и, сильно обстрѣливаемая артиллеріею, начала отступленіе, которое превратилось въ бѣгство, вслѣдствіе рѣшительной атаки уланъ и казаковъ. Болѣе 1000 уби-

тыхъ осталось на мѣстѣ, въ плѣнъ взято 300 чел.; остальные въ разстройствѣ бѣжали къ Карнабаду, горною тропою, по которой кавалерія не могла ихъ болѣе преслѣдовать и гдѣ сильно утомленная пѣхота не могла уже настигнуть ихъ. Трофеями этого славнаго дѣла были: 3 непріятельскія пушки, изъ коихъ одна подбитая, и четвертая пушка—русская, оставшаяся въ городѣ (вѣроятно, изъ лагеря прежняго великаго визиря, потому что эта пушка та самая, которая взята была у принца Евгенія, въ дѣлѣ 18 сентября); кромѣ того, много зарядныхъ ящиковъ (между ними—и принадлежавшій помянутой пушкѣ, а равно, патронный ящикъ Азовскаго полка, взятый тоже 18 сентября); 4 знамени, множество оружія и другихъ предметовъ, между прочимъ, около 500 боченковъ съ порохомъ. Бѣглецы бросали даже шинели свои, коихъ подобрано болѣе 3000; я велѣлъ взять ихъ для зимнихъ госпиталей.—Послѣ этой послѣдней неудачи, непріятель болѣе нигдѣ не держится. Карнабадъ занятъ безъ выстрѣла, утромъ 15-го числа, и жители говорятъ, будто турки уже оставили Ямболь, куда они бѣжали, слѣдуя по обычной дорогѣ изъ Карнабада въ Адріанополь. По показаніямъ большинства плѣнныхъ, великій визирь, съ 15 т. человѣкъ, находится въ Шумлѣ. Генералъ Красовскій доноситъ то же самое; другіе же плѣнные и дезертиры полагаютъ, что онъ, инкогнито, отправился по дорогѣ въ Адріанополь и что Шумлу начали очищать. — Первое показаніе кажется болѣе достовѣрнымъ.

Ген. Красовскій пишетъ мнѣ, что, согласно приказаніямъ, которыя я оставилъ ему на различные случаи, онъ 15-го числа опять подвинется къ Шумлѣ и, если убѣдится, что она занята такимъ числомъ войскъ, которое не превосходитъ его силъ, то вышлетъ мнѣ, кромѣ 2-й гусарской дивизіи, которая уже на походѣ, еще 2-ю Бугскую бригаду; съ прибытіемъ же его пѣхотныхъ резервовъ, онъ поведетъ противъ крѣпости правильную атаку, употребляя на это двѣ осадныя роты, изъ оставшихся въ Силистріи. Умоляю В. В. оставить мнѣ, на этотъ случай, Шильдера и гвардейскихъ офицеровъ. Первый своею смѣлостію, а послѣдніе отличнымъ исполненіемъ службы значительно ускорятъ ходъ этого предпріятія. Тогда я надѣюсь (если будутъ дѣйствовать согласно плану, въ коемъ мы согласились съ Красовскимъ и Шильдеромъ, во время рекогносцировки 3-го числа, передъ моимъ отъѣздомъ), что черезъ 3 или, самое большое—4 недѣли по прибытіи осадной артиллеріи, Шумла, при помощи Божій, будетъ наша. Это я предпочелъ бы овладѣнію Журжею,—для чего у Киселева нѣтъ достаточныхъ силъ; да и флотиліи нельзя пройдти между сею крѣпостію и Рущукомъ, потому что оба острова сильно заняты

турками. Напротивъ того, если Красовскому удастся взять Шумлу, то я тотчасъ же прикажу совершенно уничтожить ея укрѣпленія, и тогда буду имѣть возможность подкрѣпить Киселева всею 8-ю дивизіею; а это сдѣлаетъ для него возможнымъ и овладѣніе островомъ и осаду Журжи, которая (осада) безъ особенныхъ неудобствъ можетъ продолжаться до осени, такъ какъ будетъ вестись на нашей сторонѣ Дуная и прикрываться островами. Оставивъ, при этомъ, егерскую бригаду 11-й дивизіи и 1-ю Бугскую бригаду, въ видѣ летучаго отряда, между Енибазаромъ и Силистріею, я буду имѣть возможность притянуть къ себѣ остатокъ корпуса Красовскаго и, съ 7-ю пѣхотными и 3½ кавалерійскими дивизіями (оставивъ 10-ю въ Варнѣ и Базарджикѣ, а 12-ю въ приморскихъ крѣпостяхъ и портахъ) приблизиться, еще въ сентябрѣ, къ Мраморному морю и подать руку нашимъ флотамъ, какъ на Средиземномъ, такъ и на Черномъ моряхъ; такимъ образомъ организована будетъ обширная блокада Константинополя, которой онъ не въ состояніи будетъ выдержать цѣлую зиму, и въ которой—разъ, что мы обладаемъ Дарданеллами,—никто не въ состояніи будетъ намъ воспрепятствовать.

Между тѣмъ, я дѣлаю всѣ приготовленія для нашихъ операцій противъ Адріанополя. Благодаря стараніямъ гр. Воронцова, я имѣю теперь, въ портахъ Бургасскаго залива, болѣе чѣмъ на мѣсяцъ продовольствія, и хорошо снабженъ всѣмъ, благодаря усердію, съ какимъ дѣло это велось въ арміи. Въ настоящее время, 2000 верблюдовъ будутъ переносить намъ все нужное, на томъ небольшомъ пространствѣ, которымъ мы отдѣлены отъ моря; черезъ 3 дня, десятидневный запасъ продовольствія, заключающійся въ подвижныхъ магазинахъ, уже перейдетъ черезъ Балканы; а до 5-го августа прибудутъ еще подвижные магазины, съ запасами на 20 дней. Это составитъ, вмѣстѣ съ полковыми обозами (даже и по прибытіи резервовъ), по крайней мѣрѣ на 45 дней продовольствія для войскъ; а по мѣрѣ того, какъ запасъ сей будетъ расходоваться, перевозочныхъ средствъ будетъ достаточно для новыхъ подвозовъ изъ портовъ. За симъ, мы еще отняли у турокъ нѣсколько рогатаго скота и, сверхъ того, 12 т. барановъ, которые очень хороши во время жаровъ. Какъ только прійдутъ послѣдніе резервы (что̀ будетъ, какъ надѣюсь, по маршруту, около 10-го августа), я начну мое рѣшительное движеніе, сосредоточиваясь заблаговременно у Карабунара, куда 2-й корпусъ переходитъ уже сегодня, выдвинувъ авангардъ къ Факи.

Главное движеніе мое—если обстоятельства не измѣнятся—направлено будетъ на Кирклиссу; это, я надѣюсь, заставитъ непріятеля (который, вѣроятно, по привычкѣ своей, будетъ укрѣпляться въ Адріа-

нополѣ и стараться привлечь туда всѣ остатки войскъ и даже, можетъ быть, султанскую гвардію), оставить сей городъ, дабы предупредить насъ въ Люле-Бургасѣ. Если же бы онъ, напротивъ того, остался въ Адріанополѣ, то надѣюсь, при помощи Божіей, успѣть отрѣзать ему путь къ его столицѣ.

Если бы, ранѣе сего, кто нибудь прибылъ ко мнѣ для переговоровъ о мирѣ, то я пріиму его, согласно высочайшей волѣ В. В—ва, назначивъ мѣстомъ для переговоровъ — Бургасъ или Ахіоло; но это ни мало не остановитъ моего движенія, — развѣ бы предложили мнѣ условіемъ дарованія перемирія (никакъ не долѣе какъ на одинъ мѣсяцъ и, самое большое, до 25-го августа)—очищеніе Шумлы и Журжева. Этимъ я выигралъ бы, относительно количества войскъ и стратегической силы, болѣе, нежели потерялъ бы во времени; такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не могу начать энергическаго движенія ранѣе 10-го августа.

Что касается самыхъ переговоровъ, то я буду соображаться съ полученными инструкціями; только полагаю, что слѣдуетъ возвысить сумму требуемаго вознагражденія до 15-ти милліоновъ голландскихъ червонцевъ, — имѣя въ виду спуститься потомъ до предписанной цифры, по мѣрѣ увеличенія ихъ сговорчивости относительно другихъ пунктовъ, особенно-же самаго труднаго (какъ я думаю), т. е. греческаго вопроса.

Полагаю впрочемъ, что получу отъ гр. Нессельроде еще нѣкоторыя инструкціи, когда В. И. В. возвратитесь въ Петербургъ. Между тѣмъ, я написалъ графу Фридриху Палену (въ отвѣтъ на письмо, которое онъ мнѣ послалъ послѣ своего пребыванія въ Тульчинѣ), что считалъ бы полезнымъ, еслибъ онъ пріѣхалъ въ Ахіоло или Бургасъ, дабы быть поближе ко мнѣ.

Я стараюсь, по мѣрѣ возможности, устроить здѣшніе, мѣстные порядки. Христіанскіе обыватели всѣ остаются на мѣстахъ жительства, но находятся въ величайшей нищетѣ. Турки, за немногими исключеніями, всѣ уходятъ. Я призналъ самымъ простымъ и самымъ вѣрнымъ средствомъ, возложить управленіе на епископовъ и прочія духовныя власти, придавъ имъ русскихъ, военныхъ и гражданскихъ, депутатовъ и нѣсколькихъ почетныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей.

Санитарное положеніе на южной сторонѣ Балкановъ совершенно удовлетворительно. Кажется тоже, что и въ Болгаріи, благодаря Бога, зараза начинаетъ ослабѣвать; но опустошенія, ею причиненныя, ужасны, и затрудненія, которыя встрѣтятся при очищеніи городовъ и находящихся въ нихъ громадныхъ складовъ, будутъ еще крайне велики.

Въ войскахъ, благодаря Бога, болѣзни не увеличиваются; но карантины весьма затрудняютъ насъ въ отношеніи прибытія выздоровѣвшихъ людей, и я опасаюсь, какъ бы вынужденный отдыхъ, который мы теперь будемъ имѣть, не увеличилъ числа больныхъ. Постараюсь воспрепятствовать этому, насколько будетъ возможно.

Графы Толль и Паленъ крайне тронуты Вашимъ августѣйшимъ вниманіемъ и просятъ меня повергнуть къ стопамъ Вашимъ заявленіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ.

Во время послѣднихъ дѣйствій, я имѣлъ основаніе быть то же вполнѣ довольнымъ генералами: Ротомъ и Ридигеромъ; къ послѣднему окончательно вернулась его предпріимчивость, заслужившая ему столь блистательную репутацію во время войнъ съ французами.

Всѣ, впрочемъ, несутъ службу съ усердіемъ и самоотверженіемъ, и духъ войскъ вездѣ таковъ, что я не могу отдать имъ достаточной справедливости передъ В. В—мъ и не могу не благодарить Бога.

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

Александрія, близъ Петергофа, 4-го августа [1]).

Любезный другъ, какъ мнѣ отрадно имѣть возможность сказать вамъ: спасибо Забалканскій! Названіе это принадлежитъ вамъ по праву, и я даровалъ его вамъ отъ всего сердца. Но, прежде всего, да будетъ тысячекратъ благословенъ Господь, за Его, столь явное вамъ содѣйствіе! Признаемъ Его покровительство во всякомъ, счастливомъ для насъ событіи!—Затѣмъ, примите полную мою благодарность за ваше движеніе, столь же счастливо, сколь искусно соображенное и отлично выполненное храбрыми помощниками вашими.

Вы правы, говоря, что теперь время убѣдиться, сколь вѣрно судили тѣ, которые утверждали, что было бы полнѣйшею ошибкою—упорствовать въ овладѣніи Шумлою, между тѣмъ какъ настоящимъ пунктомъ для атаки и дальнѣйшаго движенія представлялись Балканы. Доказательства на лицѣ. Побѣда подъ Кулевчею положила основаніе всему, и вы пожинаете ея плоды. Жалѣю, что резервы не могли прибыть къ вамъ ранѣе, дабы доставить вамъ возможность идти дальше, не имѣя надобности останавливаться; но не возможно было ранѣе прислать ихъ вамъ. Въ виду того, что вамъ нельзя было идти сейчасъ же къ Адріанополю,—мысль ваша кажется мнѣ весьма вѣрною. Вы сдѣлаете съ Адріанополемъ тоже, что и съ Шумлою и двинетесь прямо на Кирклиссу. Это принудитъ (турокъ) оставить Адріанополь, дабы прикрыть столицу; если же они не перестанутъ собирать тамъ новую армію, (притягивая туда все, что

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 18-го іюля. (Перев. съ франц.).

имѣютъ на сѣверѣ и въ Виддинѣ), то, вѣроятно, постараются дать вамъ сраженіе, которое—какъ я надѣюсь,—будетъ, при помощи Божіей, второю Кулевчею; а результатомъ этого явится то, что вамъ представится возможность подать свою правую руку Гейдену. Я послалъ ему приказаніе: идти къ Рикорду и быть готовымъ поддержать васъ, какъ только крейсеры васъ замѣтятъ. Условный сигналъ слѣдующій: вы поднимите Кейзеръ-флагъ или Гюйсъ на какомъ либо видномъ пунктѣ побережья; какъ только онъ будетъ замѣченъ съ нашихъ судовъ, онѣ вступятъ въ сообщеніе съ вами. Любезный другъ, какъ все это необычайно и мало согласно съ моими желаніями и моими намѣреніями!—и какъ, помимо нашей воли, оно можетъ повести къ такому результату, который я предвидѣлъ и котораго искренно желалъ избѣжать! Но да будетъ воля Божія!—Онъ знаетъ, какъ вывести насъ изъ этого и все устроить къ лучшему.—Лачинова еще здѣсь нѣтъ, и ваше письмо отъ 18-го прибыло четырьмя днями ранѣе письма отъ 12-го, которое онъ везъ. Мы оставались 11 дней безъ извѣстій и безпокоились; когда же письмо отъ 18-го числа прибыло, мы не могли понять, что сдѣлалось съ Лачиновымъ и думали, что онъ пропалъ. Первое извѣстіе о невѣроятныхъ результатахъ перехода (черезъ Балканы) мы почерпнули изъ письма Воронцова къ Булгакову и, если бы не офиціальный рапортъ Головина Воронцову, мы сочли бы это за басню! Я полагаю, что когда вы получите это письмо, то уже будете имѣть двѣ бригады 12-й дивизіи и двѣ батареи. Намѣреніе ваше, употребить ихъ въ качествѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ—превосходно. Такимъ образомъ, 3 дивизіи 4-го корпуса будутъ содержать гарнизоны въ завоеванной странѣ, а остальная часть войска будетъ свободна и можетъ оставаться въ своемъ настоящемъ составѣ,—что я считаю почти необходимымъ. Измѣненія, которыя вы намѣрены сдѣлать въ порядкѣ укомплектованія войскъ, совершенно отъ васъ зависятъ.—Чума не перестаетъ сокрушать меня, и я умоляю васъ усугубить старанія, чтобы она, по крайней мѣрѣ, не пробралась за Балканы и въ Бургасскій заливъ. Увы! въ Одессѣ намъ пришлось уже принять карантинныя мѣры, такъ какъ тамъ обнаружились признаки чумы. Это ужасно!—и этимъ мы конечно обязаны ложнымъ донесеніямъ доктора Витта.

Вполнѣ одобряю также ваше намѣреніе предпринять осаду Шумлы и льщу себя надеждою, что вамъ удастся овладѣть ею. Прошу васъ, однако, постоянно обращать вниманіе на правое крыло ваше, дабы никакой отрядъ не явился внезапною угрозою вашему флангу, или помѣхою вашимъ сообщеніямъ. Я считаю вѣроятнымъ, что турки постараются собрать все, что можно съ сѣвера, для сформированія новой арміи, — если только не пошлютъ (этихъ войскъ) на помощь

Шумлѣ. Во всякомъ скучаѣ, если бы число войскъ, стоящихъ противъ Гейсмара, значительно уменьшилось, то я полезнымъ считалъ бы разрѣшить ему сдѣлать сильную демонстрацію на ту сторону Дуная, однако не подвергаясь риску и не увлекаясь слишкомъ далеко.—Очень досадно, что храбрые моряки наши не могутъ себя показать! Нельзя ли теперь Грейгу сдѣлать, по крайней мѣрѣ, попытку противъ Иніады или Мидіи, чтобы извлечь пользу изъ отваги и усердія своихъ молодцевъ?

Орловъ уѣхалъ и везетъ вамъ остальныя инструкціи на случай переговоровъ. Повидимому, совершенно вѣрно, что въ Шумлу поѣхалъ уполномоченный.

Въ политикѣ—ничего новаго; наши отношенія со всѣми хороши, съ Франціею же превосходны. Въ Ирландіи серьёзныя безпорядки,—болѣе серьёзные, нежели полагаютъ. Хозревъ-Мирза здѣсь, и только что уѣхалъ въ Петербургъ; представляетъ зрѣлище любопытное и необычайное.

Поклонъ мой всѣмъ товарищамъ, а Толлю и Палену въ особенности; благодарите всѣхъ ихъ, а равно и храбрыя войска за примѣрную и славную службу. Мнѣ ли ее не знать!

Благодарность и дружбу заявляетъ вамъ, любезный другъ, и на всю жизнь, васъ любящій Н.

Жена моя пишетъ вамъ сама.

Aléxandrie, près de Peterhof, le 4 Août.

Mon cher ami, avec quelle joie je puis vous dire: спасибо Забалканскій; ce nom vous revient de droit et je vous l'ai donné de bien bon coeur. Mais avant tout: que le bon Dieu soit mille et mille fois béni de ce qu'Il vous aye secondé d'une manière si visible; reconnaissons Sa protection dans tout ce qui nous arrive d'heureux.—Ensuite, recevez toute ma reconnaissance pour votre mouvement, aussi heureusement qu'habillement combiné, et parfaitement éxecuté par vos braves aides.

Vous avez raison de dire que l'on doit se convaincre maintenant, combien avaient raison ceux qui soutenaient qu'il était complettement faux de s'acharner à prendre Schoumla, tandis que le vrai point à attaquer et à pénétrer était celui des Balkans. La preuve est là. La victoire de Koulevtcha a mis la base de tout, et vous en cueillez les fruits. Je regrette que les réserves n'ayent pu vous joindre plustôt, pour vous donner la possibilité de pousser plus loin, sans devoir vous arrêter; mais il était impossible de vous les faire arriver plustôt. Votre idée, maintenant que vous n'avez pu aller de suite à Andrinople, me parait fort juste; vous traiterez Andrinople comme Schoumla et vous vous porterez directement à Kirklissa; cela forçera, ou à abandonner Andrinople, pour couvrir la capitale, ou—s'ils persistaient à y rassembler une nouvelle armée, en attirant tout ce qu'ils ont à Widdin et dans le Nord,—il est probable qu'ils chercheront à vous donner une bataille, qui, avec l'aide de Dieu, sera, j'éspére, une seconde Koulevtcha; et puis, comme résultat, vous serez de même de donner la main droite à Heyden. Je lui ai envoyé l'ordre de se porter vers Ricord et de se tenir prêt, sitôt que les

croiseurs vous auront vu, à venir vous appuyer. Le signal convenu est que vous ferez arborer le Кейзеръ-флагъ, или Гюйсъ sur un point voyant de la côte; sitôt qu'il sera apperçu d'un de nos bâtimens, l'on se mettra en communication avec vous.—Cher ami, que tout cela est extraordinaire et peu conforme à mes désirs et à mes intentions; combien cela peut pousser les choses, malgré nous, vers un résultat que j'ai prévu et que j'ai si sincérement désiré éviter!—Mais que la volonté de Dieu soit faite, et Il saura nous en tirer et tout arranger pour le mieux.—Лачиновъ n'est pas encore içi et votre lettre du 18 est arrivée quatre jours avant celle du 12, qu'il portait. Nous avons été onze jours sans nouvelles et non sans inquiétudes, et quand la lettre du 18 est arrivée, nous n'avons pas pu comprendre ce qu'était devenu Лачиновъ, et l'avons cru perdu. C'est une lettre de Woronzof à Boulgakof qui nous a donné la première nouvelle des incroyables résultats du passage, et, si ce n'avait pas été Golovin qui en faisait officiellement le rapport à Woronzof, nous l'aurions traité de fable!. Je suppose qu'à la réception de cette lettre vous aurez déja deux brigades de la 12 div. et deux batteries d'arrivées; et votre idée, d'en faire les garnisons des places, est parfaite. Ainsi, les 3 divisions du 4-me corps feront les garnisons du pays conquis, et le reste de la trouppe est libre et peut rester dans sa véritable composition,—ce que je trouve presque indispensable. Le revirement dans le complettement des trouppes, que vous voulez faire, est tout-à-fait à votre volonté.—C'est toujours la peste qui me désole, et je vous supplie de redoubler de soins pour que, du moins, elle ne passe pas les Balcans et dans le golfe de Bourgas. Hélas! nous sommes dans les mesures de quarantaine, des indices de peste s'y étant fait voir. C'est affreux, et c'est bien graçe aux faux rapports de Witt le medicin, que nous sommes redevables.—J'approuve parfaitement aussi votre projet de faire un siège de Schoumla; et je me flatte, que vous parviendrai à l'avoir. Mais je vous prie de faire toujours attention à votre droite, pour être bien sûr qu'aucun corps ne vienne subitement vous menacer en flanc, ni géner en communication. Je crois qu'il est probable que les Turcs tacheront de réunir tout ce qu'ils peuvent tirer du Nord, pour en former une nouvelle armée, — à moins qu'ils ne l'envoyent au secours de Schoumla. En tout cas, s'ils diminuent considérablement contre Geismar, il serait utile, je crois, de l'autoriser de faire une forte démonstration de l'autre côté du Danube, sans toute-fois, ni se compromettre, ni pousser trop loin. Il est bien facheux que nos braves marins ne peuvent pas se montrer! Greig ne pourrait-il pas maintenant tenter du moins un coup sur Iniade, ou Midia, pour utiliser la bravoure et le zéle de ses braves?

Orlof est parti et vous porte le reste des instructions, pour le cas des négociations; il parait certain, qu'un plénipotentiaire est parti pour Schoumla.

Rien de nouveau en politique; nous sommes bien partout; avec la France—à merveille. Il y a des troubles sérieux en Irlande, et plus que l'on ne pense. Hozrew Mirza est ici et vient de partir pour Pétérsbourg: spectacle curieux et extraordinaire.

Mille choses à Toll et Pahlen en particulier, et à tous les camarades, et remerciez les tous, ainsi que la brave trouppe, pour leur service exemplair et glorieux; que n'en sais-je!

Reconnaissance et amitié vous sont voués pour la vie, mon cher ami, par votre affectionné N.

Ma femme vous écrit elle même.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

XII [1]).

Парижъ, 1841 г., февраля 17 (5).

Наконецъ вы [2]) откликнулись! я получилъ письмо ваше отъ 13-го января и всегда получаю, кажется, исправно журналы, вами доставляемые. За все приношу мою искреннюю благодарность, но жалѣю, что я переставалъ вѣрить вашей доброй памяти—и самъ не писалъ къ вамъ, хотя въ письмахъ къ другимъ, напр. въ послѣднемъ 80 страничномъ, съ разными приложеніями, упоминалъ о васъ и указывалъ вамъ на книжку: «Histoire de l'hérésie constitutionnelle, qui soumet la religion au magistrat», par Boyer, изъявляя желаніе, чтобы вы взялись написать на оную историческое возраженіе. Въ ней правда, кажется, смѣшана съ клеветою и обо всемъ и обо всѣхъ идетъ дѣло: «Отъ Сестренцевича до Симашки!» Помнится, я читалъ то же самое и въ нѣмецкой газетѣ. Постараюсь, вмѣстѣ съ симъ послать вамъ эту книгу. Болѣе не могу: едва позволяютъ укладывать въ пакетъ двѣ или три книги, да и то не всегда: эту повезетъ М. Barante. Въ многочисленныхъ и многотомныхъ письмахъ моихъ къ московской пріятельницѣ (65) отъ 16 до 80 страницъ каждое!—вы бы могли выбрать для себя многое; но переставъ писать на имя кн. Вяземскаго, коего горе и меня задѣло, и ему не до моихъ похожденій (66) (72). Я не зналъ къ кому обратиться, и рѣшился пи-

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1881 г. томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206; томъ XXXII, октябрь, стр. 33—343.

[2]) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, къ которому писаны эти письма.

сать къ московской, всегда вѣрной дружбѣ. Около 200 страницъ уже отправилъ! въ нихъ все житье-бытье мое въ Парижѣ и въ Германіи. Ловите его на-полетѣ. Постарайтесь достать копію или оригиналъ сихъ писемъ, или отъ Екатерины Алекс. Свербеевой, чрезъ А. Я. Булгакова, или отъ Ал. Ильинишны Нефедевой, также чрезъ него: но къ тому времени они обветшаютъ! Новое сдѣлается старымъ. Я даю отчетъ въ лекціяхъ Мицкевича, Ленормана, Ozanam, въ проповѣдяхъ Кера, Лакордера (уже Доминиканца) и въ книгахъ о религіи и о философіи: бѣгло, но указываю на многое: Sapienti sat! Только и прошу васъ: «духа не умерщвляйте»—а только въ слогѣ поправляйте.

Благодарю васъ за ваши хлопоты о предисловіи и совершенно апробую ваше мнѣніе и раздѣляю ваши опасенія. Я просилъ о предварительномъ разсмотрѣніи мною чрезъ кн. А. Н. для того, что читалъ въ Петербургѣ первый проэктъ А. Хр. Востокова,—мнѣ весьма не понравившійся. Я боялся и боюсь, чтобы его не тиснули въ этомъ видѣ или съ незначущими исправленіями, когда должно все передѣлать; должно также назвать меня, согласно смыслу отношенія К. А. Н., не въ предисловіи только, а въ титулѣ актовъ, мною собранныхъ, дабы Тургеневскіе оставались Тургеневскими, такъ какъ они особо и напечатаны будутъ. Мнѣ нельзя было не оградить себя предварительнымъ разсмотрѣніемъ, зная расположеніе ко мнѣ Ув. [1]) съ нѣкотораго времени.—Для чего напр. не напечатать первыхъ двухъ томовъ, уже приготовленныхъ, не ожидая отъ Востокова послѣдующихъ? Тогда бы и предисловіе вошло въ первые два тома. Если вы и князь Шихматовъ за меня и сохраните свою ко мнѣ пріязнь, то я не опасаюсь за изданіе; но время летитъ!.. и мы съ нимъ. Вы правы, обвиняя себя: если бы вы откликнулись прежде и успокоили меня на щетъ изданія—я бы не обратился о просмотрѣніи къ князю, но во всякомъ случаѣ желалъ бы, чтобы оно воспослѣдовало, ибо полагаю, что мой голосъ въ моемъ дѣлѣ былъ бы не лишній [2]). Котошихина я и по сію пору не получалъ, ни 2-й и слѣдующихъ тетрадей медалей, ни другихъ изданій археографической коммисіи, на 6 экземпл. коихъ я имѣю право; (и Котошихина 6 экзем.) а мнѣ бы все это нужно было и для себя и для раздачи въ здѣшнія и нѣмецкія библіотеки.—Я опять нашелъ новую рукопись о Россіи (въ 1772 и 73 годахъ) и примѣчательную и переписываю оную для Государя (67); но за сіи на-

---

[1]) Уварова.

[2]) См. примѣч. 64.

ходки въ библіотекахъ, ихъ нужно отблагодарить печатными рѣдкостями. Мухановъ (Павелъ) по моимъ слѣдамъ доискивается здѣсь и находитъ многое, уже мною прежде найденное, но чего я списать не успѣлъ (68). Я опять болѣе занимаюсь духовными явленіями въ литературѣ и въ обществѣ, чѣмъ другими. Одна исторія Россіи еще занимаетъ меня, по моей обязанности: иначе бы весь предался религіи, но не той, которая и здѣсь мнѣ не нравится: т. е. народной. Лакордеръ своею послѣднею проповѣдью—не изумилъ, но огорчилъ меня. Это трибунъ, а не христіанскій проповѣдникъ; а въ книгахъ своихъ, напр. въ жизни Св. Доминика святоша, какъ Ф. въ жизни Св. Сергія (69). Желалъ бы видѣть нашъ катехизисъ на нѣмецкомъ Фишера; но болѣе бы желалъ, чтобы христіане, каковы Неандеръ, Толукъ—просмотрѣли его. Я не имѣю довѣренности къ нашимъ духовнымъ: они мѣняютъ катехизисы съ перемѣною министровъ и оберъ-прокуроровъ; я вѣрю возможности искренней перемѣны въ мнѣніяхъ, въ мнимыхъ убѣжденіяхъ; но вдругъ въ цѣломъ Синодѣ—это подозрительно и не для такого опытнаго въ сихъ перемѣнахъ, какъ бывшій директоръ департамента быть долженъ (70). Чѣмъ болѣе старѣюсь и размышляю, тѣмъ болѣе прилѣпляюсь къ христіанскому ученію, и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ церковникахъ мало вѣры, и что для нихъ она не цѣль, а средство. Радуюсь Алеутскому архіерею—но пожалуйста оставьте его въ прежней его дѣятельности и «духа его не угашайте» вашими камилавками и шапками (71). Не издалъ-ли чего Чигиринскій (72) и возвращенъ-ли онъ академической дѣятельности?—Издатели «Москвитянина» хотѣли пересылать мнѣ его: не напишете-ли къ нимъ, чтобы они переслали его черезъ васъ? а вы по прежнему какъ доселѣ; но похлопочите, чтобы скорѣе высылали изъ канцеляріи гр. Нессельроде. Б. М. Ѳедоровъ—ни слова ни о себѣ, ни о взятыхъ имъ выпискахъ о Петрѣ I, кои обѣщалъ доставить. Попеняйте ему.

Я пробуду здѣсь до конца мая, вѣроятно, а потомъ куда?—еще не знаю; хочется быть осенью въ Москвѣ, но кого назначатъ градоначальникомъ (73). Желалъ-бы получить и «Журналъ Государственныхъ Имуществъ» и испросилъ бы его у Государя, чрезъ князя А. Н., когда испрашивалъ другіе, но онъ еще не выходилъ; «Внутреннихъ Дѣлъ»—очень плохъ и Цынскаго отчеты не замѣняютъ всего того, что могъ бы порядочный редакторъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ сообщать намъ. Фонъ Поль не отличился въ семъ отношеніи. Вашъ журналъ остается лучшимъ и любопытнѣйшимъ для меня; послѣдняя книжка была ноября 1840 г. Посылаю къ князю А. Н. новую книгу: «La Connaissance de J. C. ou le dogme

de l'incarnation envisagé comme la raison dernière et suprême de tout ce qui est›,—par l'Abbé Combalot. 1841. 8. По сію пору зналъ я автора по проповѣдямъ его: книгу хвалятъ.

Если бы случаи чаще представлялись, то посылалъ бы многое и о многомъ, особливо къ вамъ, намекая на многое и указывая любопытное въ явленіяхъ духовной здѣшней литературы. Въ письмѣ, сегодня посылаемомъ, описываю проповѣдь Лакордера въ соборѣ Notre Dame, гдѣ полвѣка не слышны были монахи. Доминиканецъ воскрешаетъ или хочетъ воскресить прошедшее, но льститъ массамъ et fait de la nationalité au lieu de faire de la religion. Увѣряетъ французовъ, что они спасли христіанство въ Европѣ—и отъ кого же? отъ Арія, Магомета и Лютера! между тѣмъ какъ реформація

Verse des torrens de lumières
Par ces obscurs blasphémateurs!

Я описалъ также и новое чтеніе Шатобріяновыхъ загробныхъ Записокъ въ салонѣ Рекамье: я прошу князя А. Н. прочесть сіе письмо, если ему угодно, прежде нежели отправитъ въ Москву, а вы бы могли достать его, чрезъ Гаврила Степановича Попова; но и возвратить немедленно. Пишу нà-скоро и даже не перечитываю написаннаго, щадя глаза и время. Я постараюсь приложить и проповѣдь Лакордера, отрывками въ l'Univers напечатанную. Вотъ католическій журналъ, изъ коего вы бы могли узнавать и оглашать многое.

Здѣсь продавали библіотеку графа Бутурлина (74); я перекупилъ два рѣдкіе фоліанта, изд. Альдовъ, весьма хорошо сохраненные «Origenis Homiliae 1503 г. и Chorïolani in S. Augustini», 1481 г. Обѣ книги рѣдкія и примѣчательныя. Я желалъ сохранить для Россіи памятникъ ея библіомана, собравшаго двѣ славныя библіотеки: одну въ Москвѣ, сожженную французами или Растопчинымъ,—какъ угодно; другую во Флоренціи, коей двѣ трети уже здѣсь продано; третья скоро будетъ продаваться. Такъ какъ купленныя мною рѣдкости духовнаго содержанія, то я и желаю подарить ихъ Духовной Академіи, но если, паче чаянія, онѣ уже находятся у насъ, то я бы не хотѣлъ обременять курьеровъ двумя фоліантами, да и трудно пересылать ихъ. Нельзя-ли о нихъ справиться?

18-го февраля.

Здѣсь все идетъ споръ о проповѣди Лакордера, коей слабый очеркъ посылаю къ князю А. Н. Талантъ проповѣдника не извиняетъ въ немъ фанатизма, въ разныхъ видахъ онаго; въ ультрамонтанизмѣ, и въ треклятой народности, которая вездѣ и всегда ведетъ къ распрямъ, а не къ братству, Христомъ проповѣдуемому.

Примѣчанія:

65) Екатерина Александровна Сверб́ѣева, рожденная княжна Щербатова.

66) Въ 1840 году у князя П. А. Вяземскаго скончалась дочь княжна Надежда Петровна (род. 1822 г.) и погребена въ Баденъ-Баденѣ. Жуковскій въ письмѣ своемъ къ Великому Князю Константину Николаевичу (отъ 10-го декабря 1840 г.) между прочимъ писалъ: „Я получилъ изъ Бадена отъ княгини Вяземской увѣдомленіе о смерти ея дочери и долженъ былъ взять на себя тяжкую обязанность объявить объ этомъ несчастіи отцу умершей. Все это самымъ грустнымъ образомъ заняло меня во весь вчерашній день („Русск. Арх." 1867, стр. 1389). Въ 1843 году Фарнгагенъ фонъ-Энзе вспоминалъ о ней: „Я сохраняю въ сердцѣ моемъ трогательное и нѣжное воспоминаніе о вашей прелестной и чистой Надинѣ. Она такъ мирно наслаждалась начатками жизни" (ibid. 1866, стр. 508). Въ 1850 году Жуковскій посѣтилъ ея могилу: „Въ Баденѣ есть мѣсто, которое составляетъ частицу твоего семейнаго дома; туда я ходилъ съ женой и дѣтьми; на крестъ повѣсили вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ. Посылаю тебѣ съ этого гроба въ отвѣтъ: „воистину воскресе"! отвѣтъ, который ухо не слыхало, но который, конечно, былъ мнѣ сказанъ" (ibid. 1868, стр. 440). Въ 1878 году скончался въ Баденъ Баденѣ и князь П. А. Вяземскій, тогда прахъ его дочери вмѣстѣ и съ его смертными останками былъ перевезенъ въ Петербургъ и погребенъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

67) Не разумѣется ли здѣсь рукопись Собатье де-Кабро: „Catherine II, sa cour et la Russie en 1772", изданная С. А. Соболевскимъ въ Берлинѣ въ 1862 году?

68) Покойный предсѣдатель археографической коммисіи Павелъ Александровичъ Мухановъ (род. 1798 † 1871 г.) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. „Русская Старина" 1872, V, стр. 335 345.

69) Намъ совершенно непонятны тѣ рѣзкіе и въ высшей степени несправедливые отзывы, встрѣчающіеся въ этихъ письмахъ А. И. Тургенева о знаменитомъ и приснопамятномъ святителѣ нашей церкви Филаретѣ, митрополитѣ Московскомъ, со смертію котораго, по справедливому и краснорѣчивому слову И. С. Аксакова, „упразднилась сила великая, нравственная, общественная, сила созданная не извнѣ, но рожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ... Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ... Смолкло художественное важное слово...". Еще болѣе непонятно, что эти отзывы дѣлаются въ письмахъ къ такому лицу какъ К. С. Сербиновичу, который, какъ извѣстно, всегда трепеталъ предъ Московскимъ Владыкою. Да къ тому же, по неложному свидѣтельству ближайшаго друга А. И. Тургенева, князя П. А. Вяземскаго, и самъ Тургеневъ съ митрополитомъ Филаретомъ былъ „въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію, и уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицынѣ". („Русск. Арх." 1875 т. I, стр. 62).

Въ 1834 году, митрополитъ Филаретъ написалъ „Нѣкоторыя черты житія преподобнаго Сергія Радонежскаго послѣ смерти, т. е. нѣкоторыя сказа-

нія о его явленіяхъ и чудодѣйствіяхъ, читанныя на всенощной въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, на канунѣ Сергіева дня іюля" 4-го (Напеч. въ „Христ. Чтеніи" 1836 г. ч. 58).

70) Тургеневъ былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ въ то время, когда Министромъ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ дѣлъ былъ князь А. Н. Голицынъ. Это было время распространенія библейскихъ обществъ и рядомъ съ ними масонскихъ ученій.

71) Рѣчь идетъ о покойномъ митрополитѣ Московскомъ Иннокентіи. Объ апостольской дѣятельности его на крайнемъ Востокѣ мы, между прочимъ, находимъ любопытныя свѣдѣнія въ извѣстномъ путешествіи („Фрегатъ Паллада") нашего знаменитаго писателя И. А. Гончарова. „Не нужно напоминать вамъ", пишетъ авторъ, „имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ Христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги „Записки объ Уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ". Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки „Матеріалами"; но прочтя эти „матеріалы", не пожелаешь никакой другой исторіи молодаго и малоизвѣстнаго края. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ.... Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ Евангелія" („Фрег. Пал." II, стр. 618—620).

72) 1-го марта 1841 года, Иннокентій, изъ Чигиринскихъ епископовъ, былъ назначенъ епископомъ Вологодскимъ („Письма о Кіевѣ", стр. 29).

73) Въ Москвѣ главнокомандующимъ въ это время былъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, который скончался только 27-го марта 1844. Пребываніе его за границей, для излѣченія болѣзни, въ 1841 году вѣроятно дало поводъ А. И. Тургеневу думать, что князь оставляетъ свой постъ.

74) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (род. 1763 † 1829). Съ 1793 г. поселившись въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы, онъ сталъ собирать библіотеку, которая погибла въ 1812 году. Въ 1817 году поселившись во Флоренціи, гдѣ купилъ себѣ палаццо Никколини, онъ сталъ неутомимо собирать вторую библіотеку, которая не уступала первой. Графъ Д. П. Бутурлинъ открылъ путь въ церковной іерархіи человѣку, прославившемуся впослѣдствіи глубокой ученостью: это Евгенію, митрополиту Кіевскому, который въ молодости своей былъ домашнимъ учителемъ старшаго сына графа Бутурлина („Русск. Арх." 1867, стр. 377, 379, 381).

Н. П. Барсуковъ.

XIII.

19 февраля.

Вчера на аукціонѣ книжномъ, послѣ покойнаго Штанфера, умнаго и ученаго швейцарца и писателя, накупилъ я 71 книгу—за бездѣлицу. Онъ былъ библіотекарскимъ секретаремъ здѣсь и писалъ о религіи и о философіи. Много рѣдкихъ брошюръ нѣмецкихъ, времени Канта, Фихте, Шелинга, купилъ я. Кстати, Шелингъ переѣзжаетъ изъ Мюнхена въ Берлинъ профессоромъ. Это для меня

большая радость, ибо не нужно будетъ забиваться въ Мюнхенъ и другъ-мудрецъ на пути въ Берлинъ.

Обнимаю васъ мысленно и сердечно: передайте поклоны Б. М. Ѳедорову, и прочимъ; и сердечное почтеніе вашей сожительницѣ.

Спросите у Б. М. есть ли надежда, чтобы Эйхгофъ, авторъ квартанта о лингвистикѣ и книги, гдѣ и о русской литературѣ — поступилъ въ кореспонденты русской академіи?

Книгу для васъ посылаю на имя кн. А. Н., но въ особомъ пакетѣ. Б. Мих. знаетъ это дѣло и книгу Эйхгофа и хлопоталъ о немъ.

XIV.

Парижъ, 1841 г. іюля 14 (2) (день взятія Бастиліи).

На сихъ дняхъ получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, отъ 28 мая, съ приложеніемъ книгъ и журналовъ. Приношу вамъ чувствительнѣйшую благодарность за всѣ ваши хлопоты объ изданіи римскихъ рукописей и увѣренъ, что предисловіе, вами написанное, будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ критики и справедливости. Очень желаю поскорѣе получить оное и взглянуть хотя на первый томъ моего Историческаго Сборника [1]); но гдѣ я получу его? Черезъ двѣ недѣли, если здоровье Клары (75) нашей позволитъ, отправляюсь я въ Германію,—вѣроятно, опять въ Кисингенъ, гдѣ пробуду весь августъ нов. ст. и оттуда желаю пуститься прямо въ Москву, слѣдовательно, вѣроятно чрезъ Богемію и Краковъ, если это кратчайшій путь, а можетъ быть и чрезъ Берлинъ, если тамъ будетъ Шелингъ: въ началѣ или въ половинѣ октября надѣюсь быть въ Москвѣ. Вотъ планъ мой; состоится-ли? Богу извѣстно.—Очень бы желалъ получить предисловіе съ заглавіемъ до отъѣзда изъ Кисингена.

Благодарю очень за доставленіе катехизиса; экземпляръ для Толука и Неандера беру съ собою и пошлю имъ изъ Германіи. Очень бы желалъ выслать вамъ кое-что отсюда, но лѣтомъ оказіи рѣдки. Читаете-ли вы ультра-католическій журналъ «l'Univers»? Онъ опять на васъ горько жалуется за обращеніе силою уже не одной Уніи. Не могу, не только по чувствамъ сердца и христіанской политики, но по расчетамъ мірской мудрости, не просить васъ, если хотя малѣйшее основаніе есть къ подобнымъ обвиненіямъ, не подавать, сколько возможно, повода къ нимъ. Не подражайте тѣмъ, кои съ нами такъ поступали. Я съ омерзеніемъ читаю «l'Univers» и духъ

[1]) См. примѣч. 65-е.

онаго мнѣ совершенно противенъ. Я не вѣрю ему; и надѣюсь, что и жалобы его—только клеветы.

Все что вы мнѣ пишете о несчастіяхъ, постигшихъ Б. М. Ѳедорова, неожиданно поразило меня. Одна бѣда тяжеле другой и всѣ въ одно время! Но потеря сына ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Я постигаю сердцемъ его положеніе. Не лишился-ли онъ какихъ матеріальныхъ выгодъ и съ Шишковымъ [1])? Что у него осталось послѣ него у княгини Юсуповой, кромѣ таланта и терпѣнія? Чѣмъ онъ занимается? Очень бы желалъ подробнѣе знать о его положеніи.

Графиня Ростопчина прислала мнѣ свои сочиненія. Вашъ журналъ знакомитъ меня и съ другими новинками; въ другихъ нахожу кое-что изъ выписокъ моихъ изъ московскихъ и другихъ архивовъ. Откуда сообщено — не знаю! Многое публикуется, что давно мною представлено правительству. Одно собраніе римскимъ рукописей, вами издаваемое, нѣсколько утѣшаетъ меня. Я бы просилъ васъ, по отпечатаніи 1 тома, довести о семъ до свѣдѣнія кн. А. Н. немедленно, дабы онъ—а не другой кто, какъ первый виновникъ, могъ представить его государю; вы бы могли, отъ моего имени, переговорить предварительно о семъ съ княземъ. Не поскучайте хлопотать, чтобы и послѣдующіе томы слѣдовали одинъ за другимъ въ печатаніи, по крайней мѣрѣ 2-й. Я бы желалъ передать 6 экземпляровъ, кои слѣдуютъ мнѣ отъ Археографической Коммисіи, въ слѣдствіе объявленнаго повелѣнія, поскорѣе тѣмъ архивамъ и библіотекамъ, кои снабжали меня другими рукописями; по сію пору я давалъ имъ русскія книги, но теперь могу указать имъ и на латинскіе памятники русской исторіи.

Не худо отправить 1-й томъ въ двухъ или трехъ экземплярахъ прямо въ Парижъ на мое имя, при первой оказіи, хотя бы они пришли и послѣ меня.

На сихъ дняхъ я объѣхалъ Нормандію, и въ письмѣ моемъ въ Москву описалъ, что видѣлъ. Жаръ и грусть воротили меня сюда.

Я отыскалъ здѣсь экземпляръ церковной археологіи Sancs, запрещенной нынѣшнимъ папою, хотя имъ же напечатанной и мнѣ подаренной. Надѣюсь привести эти два фоліанта съ собою и подарить духовной академіи за рѣдкость. Отъ Жуковскаго я получилъ милое, премилое письмо, изъ Дюссельдорфа, послѣ свадьбы (76). Онъ достоинъ своего святаго счастія — всею жизнію и душею своею: но надолго-ли оно? Завтра иду смотрѣть картину Ингра, Цесаревичемъ

---

[1]) Скончался въ 1841 году.

заказанную и опишу вамъ ее, если успѣю; впрочемъ Jules Janin уже потѣшилъ васъ ею въ «Дебатахъ».

Примѣчательнѣйшее для насъ русскихъ явленіе въ нѣмецкой словесности, книжка покойнаго Бадера (77), въ семъ году вышедшая о греческомъ и католическомъ католицизмѣ. Вы увидите съ какою глубокою ученостію онъ заступается за ученіе нашей церкви противъ католической — и самъ католикъ! Въ ней напечаталъ онъ письмо Шевырева о русской церкви, но вѣроятно не спросясь его. Не худо познакомить русскую и католическую публику съ сею новѣйшею книгою покойника. Онъ часто опровергаетъ въ ней Шмита (Исторія Греко-Россійской церкви), о коей я прошлаго года писалъ къ вамъ. Я привезу ее съ собою.

Хотѣлъ я писать здѣсь, но ноги разбиты, спросите отъ чего у К. Вяз.

Пишите сюда.

Его Высокородію. Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія.

75) Въ 1833 году, Н. И. Тургеневъ женился, въ Женевѣ, на дочери Піемонтскаго изгнанника генерала Віараса. (Свербеевъ. „Русск. Арх." 1871, стр. 1965).

76) Въ 1841 году Жуковскій женился на дочери своего стараго друга Рейтерна, Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

77) Въ 1835 году, Иннокентій писалъ къ Максимовичу: „А что съ нашимъ Бадеромъ? Живъ ли онъ, и каково поживаетъ? Мнѣ пришла на мысль отправить его къ г. Сербиновичу". Максимовичъ въ поясненіяхъ своихъ къ этимъ строкамъ говоритъ: „У Иннокентія въ Кіевской духовной академіи переведено было нѣсколько философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго языка. Переводъ изъ Бадера, болѣе другихъ германскихъ мыслителей любимаго Иннокентіемъ, онъ поручалъ мнѣ прочесть, желая знать мое мнѣніе о „языкѣ перевода" („Письма о Кіевѣ", стр. 52—53). Иное мнѣніе объ этомъ мыслителѣ имѣлъ Ю. Ѳ. Самаринъ: „Прочелъ я книгу Бадера. Ужасно безтолково написана, а очень интересна. О его философскомъ воззрѣніи сказать ничего нельзя, потому что оно еще вполнѣ и въ ясности не высказано. Что же касается до фактовъ, то нѣкоторые очень для насъ важны. Напрасно только думаютъ, что наша церковь нашла въ немъ союзника; онъ почти столько же ея врагъ, сколько и католиковъ" („Русск. Арх." 1880, I, стр. 294).

Н. П. Барсуковъ.

XV.

Парижъ 1841 г., 25 (13) сентября.

Два мѣсяца тому назадъ я писалъ къ вамъ, любезнѣйшій Константинъ Степановичъ, и благодарилъ васъ за обѣщанное предисловіе, прося доставить оное какъ можно скорѣе, хотя отдѣльно отъ печатаемой 1-й части Собранія русскихъ грамотъ [1]). Съ тѣхъ поръ я пролежалъ около двухъ мѣсяцевъ на дачѣ съ больными ногами и ни отъ кого не получилъ ничего съ пріѣхавшимъ сюда посломъ Барантомъ; не знаю даже получены-ли мои письма и пакеты съ Сов. Пос. С. Perrier посланные, ибо было и къ вамъ письмо.

Я сбираюсь въ путь, хотя на первый случай только въ Берлинъ, но чувствую еще слабость въ ногахъ и, опасаясь зимняго пути и для ногъ и для глазъ, не знаю еще выѣду-ли отсюда, доѣду-ли до Берлина или до Москвы и Петербурга? Желалъ бы получить здѣсь или въ Берлинѣ хотя предисловіе или и одинъ экземпляръ 1-й части; въ Берлинѣ безпрепятственно и оказія и курьеры. Передайте пакеты въ министерство иностранныхъ дѣлъ—для скорѣйшаго туда или сюда отправленія. 6 экземпляровъ слѣдуетъ мнѣ всего, что печатается археографическою коммисіею, на основаніи высочайшаго повелѣнія.

Я надѣюсь, что для представленія въ нѣкоторые архивы и библіотеки, изъ коихъ я многое заимствовалъ, напр. въ Стокгольмѣ, мнѣ прикинутъ собственнаго моего Собранія два или три экземпляра сверхъ прочихъ. Какъ вы думаете? Нужно ли для того принять какія либо мѣры или и сама коммисія разрѣшитъ сію выдачу. Нужно послать и въ Римъ, откуда акты сіи большею частію взяты.

Предполагая быть въ Россіи, я хотѣлъ тамъ заготовить всѣ сіи отправленія, испрося на сіе разрѣшенія отъ князя А. Н.; но теперь хотѣлъ бы все это здѣсь или въ Германіи исполнить, т. е. тамъ, гдѣ буду лечиться.

Недавно получилъ я еще три части вашего журнала: право это лучшій въ Россіи и его и здѣсь читаю съ удовольствіемъ и пользою. Напр. импровизаціи Вердера на счетъ Шелинга (78). Но не въ «Отечественныхъ-ли Запискахъ» я читалъ? Порядочно не помню. Я и не зналъ, хотя оба мои пріятели; у перваго слушалъ лекціи прошлаго года; второй приглашаетъ меня пріѣхать осенью и зимой въ Берлинъ, гдѣ онъ откроетъ курсъ свой. Посылая журналъ какъ бы, кажется, вамъ не приложить нѣсколько строкъ не печатныхъ? Вя-

---

[1]) См. Примѣч. 64

земскій въ горѣ [1]), Жуковскій въ Дюссельдорфѣ. Петербургъ онѣмѣлъ для меня; а вотъ уже годъ безъ недѣли какъ я въ Парижѣ! Здѣшняя умственная жизнь какъ-то не живитъ, не одушевляетъ меня; меня что-то влечетъ въ Германію, къ свѣжимъ ея источникамъ глубокаго и всеобъемлющаго вѣдѣнія; но дальніе переѣзды уже не такъ легки для меня какъ прежде!

На сихъ дняхъ отправилъ я къ князю А. Н. чрезъ гаврскій пароходъ снова 9 № рѣдкихъ и любопытныхъ рукописей и двѣ или четыре примѣчательныя книги. Рукописи не подлежатъ гласности, по времени и по натурѣ своей: одна изъ печатныхъ книгъ—для васъ любопытна, хотя только на 6 страничкахъ, старинными готическими буквами на латинскомъ, и кажется, о Флорентинскомъ соборѣ: «Errares atrocissimorum Ruthenorum». Другая, въ двухъ фоліантахъ, также рѣдкость и по части церковной археологіи.

Я живу книгами, и рѣдко, рѣдко и къ немногимъ заглядываю въ общество: прикованный почти на два мѣсяца къ постели и на дачѣ, я прочелъ цѣлую библіотеку, и большею частію духовно-философскихъ книгъ—истинно-христіанскихъ. Журналы не развлекали меня.

Я просилъ васъ также въ послѣднемъ письмѣ увѣдомить меня о Б. М. Ѳедоровѣ и о его положеніи. Очень огорченъ его горемъ, но видя на данномъ имъ мнѣ экземплярѣ библіи — съ какимъ вниманіемъ онъ читалъ ее, отмѣчая ежедневно прочтенное имъ—я надѣюсь, что онъ христіански перенесетъ горе свое.

Возродится-ли Русская Академія? Попадетъ-ли въ нее наконецъ Павскій, единственный у насъ Гримъ и Жонсонъ въ одно время? Для чего не сдѣлать его президентомъ? Для чего не отдать справедливость достойному? Санъ протоіерея—есть духовный—всегда долженъ первенствовать, если съ нимъ соединены и истинныя заслуги: никто не можетъ оскорбиться такимъ назначеніемъ. Почести гражданскія — ничто для приносящаго безкровную жертву. Онъ принесъ бы честь и пользу Академіи и въ его избраніи почтила бы себя Академія и правительство. Никто еще для исторіи языка славянскаго и для его физіологіи столько не сдѣлалъ ни въ Вѣнѣ и Прагѣ, ни у насъ. Онъ, какъ Лютеръ, и перевелъ библію и языкъ свой обогатилъ и объяснилъ (79).

Что дѣлаетъ Чигиринскій епископъ? Употребляете ли вы его по ученой части или талантъ его все еще подъ спудомъ? Недавно въ нѣмецкой книгѣ—о Скифахъ, прочелъ я переводъ указа импе-

---

[1]) См. Примѣч. 66.
[2]) См. примѣч. 72.

ратора Александра о Духоборцахъ и объ обращеніи съ ними! Онъ данъ былъ, помнится, на основаніи донесеній посланнаго для нихъ добродѣтельнаго Лопухина, (Ив. Влад.). Извѣстенъ ли вамъ этотъ указъ? Извѣстенъ-ли онъ министру Внутреннихъ Дѣлъ? Онъ останется честію вѣка, Россіи, и Александра, и прекраснѣйшимъ подвигомъ благодѣтельной жизни Московскаго сенатора—мартиниста. Sapienti sat (80).

28-го (16-го) сентября. Надѣюсь выѣхать послѣ завтра—до Берлина. Пишите туда.

Его Высокородію, Константину Степановичу Сербиновичу. Въ С.-Петербургѣ. Г. Правителю Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода.

Примѣчанія:

78) Здѣсь разумѣется письмо М. Н. Каткова къ А. А. Краевскому, изъ Берлина отъ 21 мая 1841 года, въ которомъ описывается „вдохновенное торжество науки", котораго героемъ былъ профессоръ логики и метафизики въ Берлинскомъ университетѣ Карлъ Вердеръ.—„У нѣмецкихъ студентовъ, пишетъ Катковъ, существуетъ прекрасный обычай: изъявлять чувства любви и признательности профессору серенадами, которыя скрѣпляютъ и животворятъ духовный союзъ между ними". Это торжество происходило наканунѣ того дня, въ который Вердеръ долженъ былъ заключить курсъ своихъ лекцій. Заключительная лекція его была новымъ торжествомъ. „Отведя всѣ несправедливыя и придирчивыя возраженія Шеллинга, вотъ какими словами заключилъ Вердеръ эту послѣднюю лекцію: „Но Шеллингъ прибудетъ къ намъ, онъ будетъ здѣсь скоро, будетъ здѣсь и останется съ нами. Кто не захотѣлъ бы радоваться этому, тотъ доказалъ бы, что не только философія чужда ему, но что и вообще не дано ему органа для великаго и возвышеннаго" и проч. („Отеч. Зап." 1841 т. XVI, смѣсь, стр. 111—116).

79) Подробныя свѣдѣнія о Павскомъ находятся въ изслѣдованіи профессора Н. И. Барсова См. „Русская Старина" 1880 г. т. XXVII, стр. 111—128; 269—288; 495—510; 705—730; т. XXVIII, стр. 105—124; 219—232

80) Въ 1801 году, И. В. Лопухинъ вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ ревизовали Слободско-Украинскую (нынѣ Харьковскую) губернію. Здѣсь Лопухинъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе Духоборцевъ и наблюденія свои надъ ними сообщилъ Императору Александру I, въ двухъ донесеніяхъ (отъ 12 ноября и 3 декабря 1801 года). „Наканунѣ выѣзда изъ Харькова", пишетъ Лопухинъ, „по обыкновенію своему проснувшись рано по утру, нашелъ я въ своей предспальнѣ дожидавшагося меня почтмейстера, который вручилъ мнѣ по эстафетѣ, полученный отъ Императора рескриптъ. Готовъ уже будучи прочитать себѣ неудовольствіе, долго не распечатывалъ я его, и распечаталъ гораздо послѣ. Но вотъ какой это былъ рескриптъ"... (отъ 27 ноября 1801 г.). Вѣроятно объ этомъ рескриптѣ упоминаетъ Тургеневъ въ своемъ письмѣ. Въ этомъ рескриптѣ между прочимъ сказано: „Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцевъ... Я вразумляю губернатора, какимъ образомъ должно располагать ему, назначенное при возвращеніи сихъ Духоборцовъ, увѣщаніе и, находя, между тѣмъ, что прежде предпріятаго тамошнимъ правительствомъ

народнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе бы было помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству, должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простерть имъ руку помощи и покровительства". По этому поводу Лопухинъ замѣчаетъ: „До восхищенія пріятенъ былъ, конечно, сей рескриптъ, коего слова должны неизгладимыми буквами начертаться въ славнѣйшихъ дѣяніяхъ человѣколюбія и просвѣщенія" („Записки" И. В Лопухина, т. II, стр. 92—104).

Н. П. Барсуковъ.

XVI.

Парижъ, 1842 г. февраля 26 (14).

Я съ новою къ вамъ просьбою, хотя и по старому дѣлу: изъ перваго тома напечатанныхъ актовъ усмотрѣлъ я на XI стр., что въ числѣ не вошедшихъ въ собраніе актовъ, находится и посланіе Краковскаго епископа Матвѣя къ св. Бернардію, епископу Клермонскому. Актъ сей былъ въ числѣ Альбертрандіевыхъ (81). Я занимаюсь особенно житіемъ св. Бернарда и сбираю все, что принадлежитъ до него и до его времени. Хотя издатели и полагаютъ, что сей актъ незначителенъ, но я бы желалъ вполнѣ имѣть оный и прошу васъ приказать переписать его, съ дипломатическою точностію, на мой счетъ и при первомъ случаѣ прислать ко мнѣ; я приму это за большое одолженіе. Не смѣю просить о доставленіи и другихъ актовъ, не входящихъ въ печать, но мною доставленныхъ въ Археографическую Коммисію; но конечно для меня желательно было бы имѣть полное собраніе, про себя и для моихъ историческихъ трудовъ, коими теперь, на досугѣ, болѣе прежняго занимаюсь.

Я еще, кромѣ 4-хъ экземпл. I тома, ничего не получалъ, и ни одной, кромѣ 1 тетради, медалей и пр. также и другихъ книгъ Археогр. Ком., о коихъ вы писали къ князю П. А. Вяземскому, и кои должны быть теперь еще въ канцеляріи кн. А. Н. или тамъ, куда она поступила. Примите на себя трудъ справиться о посланныхъ вами печатныхъ актахъ и увѣдомить меня и о томъ, отъ кого буду я получать продолженіе оныхъ. Акты римскіе нужны мнѣ поскорѣе для того, чтобы до отъѣзда моего изъ Парижа, въ началѣ мая нов. ст. я могъ передать нѣкоторые экземпляры въ здѣшнія библіотеки. Жалѣю, что нѣтъ оказіи или курьеровъ для пересылки къ вамъ нѣкоторыхъ книгъ, особливо по части духовно-церковной.

Я посылаю теперь въ Москву гравюру со стариннаго образа русскаго Св. Николая Чудотворца и самъ привезу туда мѣдный образъ, вычеканенный вѣроятно давно уже и врядъ ли не по шведской монетѣ. Я обозначилъ его слегка въ письмѣ къ князю Вяземскому.

Первый найдете вы въ первой тетради—livraison, описанія здѣшняго музея въ Hôtel Clugny, de Somerart, на который подписались Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ; но эта драгоцѣнность не рѣдкость въ Россіи. Я видѣлъ оригиналъ, хорошо сохранившійся, въ музеѣ.

Сейчасъ приносятъ ко мнѣ новый романъ: «Nastasie ou le faubourg St. Germain Moscovite, par Paul de Julvêcourt (82) (женатъ на Всеволожской) въ двухъ раскидисто напечатанныхъ in 8°. Я сообщаю лекціи Мицкевича сколько запоминаю ихъ и успѣваю записывать; но вы могли бы читать ихъ на польскомъ въ журналѣ «Дневникъ», здѣсь выходящемъ, хотя врядъ ли нѣкоторыя изъ моихъ отмѣтокъ не полнѣе печатныхъ: во всякомъ случаѣ вѣрнѣе и слѣдовательно безпристрастнѣе. Совѣтую прочесть въ Université Catholique издаваемый Bonetti, статьи Бернара о Россіи, особенно о Московскихъ и Кіевскихъ древностяхъ церковныхъ, въ книжкахъ 1839 года. Онъ много видѣлъ и читалъ даже—Cryptae Kiovum Гербинія! Онъ занимается исторіей восточной церкви, а между тѣмъ готовитъ въ «Revue de deux mondes» статью о Болгарахъ (о славянахъ вообще уже вышла). Вообще l'Univ. Cathol. хотя и враждуетъ Россійской церкви, но въ немъ много замѣчательныхъ статей о другихъ предметахъ и лекціи Бельгійскихъ католическихъ профессоровъ.

Я началъ снова слушать нѣкоторыя лекціи и снова перестану терять время, и сбираюсь написать письмо министру Вильменю о несовершенствахъ здѣшнихъ академическихъ каѳедръ: Шаль, Chevalier и даже Lenormand—не достойны своего званія, особливо первый, и обо всѣхъ другихъ, такъ какъ и о нихъ, можно сказать то, что Шиллеръ о нѣкоторыхъ юныхъ писателяхъ своего времени:

Was wir heute gelernt—
Wollen wir morgen schon lehren!

Читали-ли вы въ католическихъ журналахъ повѣсть о чудесномъ обращеніи въ Римѣ, молитвою въ тотъ же день умершаго Лафероне, одного богатаго и молодаго еврея Ратисбона, коего братъ, обращенный Ботенемъ за 12 лѣтъ предъ симъ, здѣсь аббатомъ и проповѣдуетъ и написалъ исторію Св. Бернара? Здѣсь только объ этомъ чудѣ и рѣчи въ Сен-Жерменскихъ салонахъ, а Ботень и въ церкви проповѣдывалъ о семъ и сообщилъ намъ подробныя извѣстія о чудѣ. Книга Муравьева: Правда всел. церкви, какъ слышу, очень слаба возраженіями и одинъ православный, прочитавъ ее, сказалъ: «Dieu, délivre nous de nos amis»! Текстъ его болѣе противъ насъ, чѣмъ за насъ. Опасаюсь, чтобы авторъ не имѣлъ участи Стурдзы

и разговора православнаго съ Римляниномъ, Филарета, кои вызвали возраженія іезуита Розовена (83). Не пигмеи, т. е. не полученые, а гиганты должны вступать въ подобный бой.

Не забывайте меня. Простите, вѣрьте моей сердечной привязанности. Тургеневъ.

1 Марта.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

81) Ученый аббатъ Альбертранди, по волѣ Польскаго короля Станислава Августа, составилъ для историка Нарушевича сборникъ выписокъ изъ Ватиканской и другихъ Римскихъ библіотекъ на Латинскомъ, Италіянскомъ и Польскомъ языкахъ. Экземпляръ этого сборника подаренъ былъ королемъ тогдашнему Россійскому посланнику въ Варшавѣ Я. И. Булгакову, отъ котораго онъ въ послѣдствіи достался А. И. Тургеневу. Карамзинъ пользовался этими выписками („Historica Russiae Monumenta" т. I стр. V).

82) Дочь извѣстнаго путешественника Николая Сергѣевича Всеволожскаго была за мужемъ за Жюльвекуромъ.

83) Вскорѣ по возсоединеніи Уніи, въ 1839 году, А. Н. Муравьевъ написалъ „Правду Вселенской церкви о Римской каѳедрѣ". Книга эта, по свидѣтельству самаго А. Н. Муравьева, „послужила, будто бы, къ утвержденію въ догматахъ Римскихъ одного отступника нашего. Это было напечатано даже во французскомъ журналѣ „Ami de le religion", и бывшій митрополитъ всѣхъ Римскихъ церквей въ Россіи Головинскій самодовольно указалъ мнѣ на этотъ листокъ. Я отвѣчалъ ему: „что и самъ весьма доволенъ, если приношу такимъ образомъ двойную пользу обѣимъ церквамъ, однимъ и тѣмъ же словомъ утверждая и своихъ и его единовѣрцевъ" (Муравьевъ. „Письмо о Православіи". Кіевъ 1871, стр. V—VI).

Изъ сочиненій Стурдзы здѣсь разумѣется: „Изслѣдованіе о ученіи и духѣ Православной церкви". Оно явилось въ Веймарѣ на французскомъ языкѣ и издано на счетъ самаго Императора Александра I. Это сочиненіе вызвало также рѣзкій отзывъ Филарета архіепископа Черниговскаго: „сочинитель принялъ на себя философствовать о св. Церкви и ея таинствахъ, тогда какъ ни дарованія его, ни образованность не давали ему на то право. И отъ того вышло, что ни одно сочиненіе не надѣлало столько вреда православной церкви въ мнѣніи запада, какъ размышленія не призваннаго философа-богослова" („Обзоръ" т. II, стр. 193).

„Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Восточной Греко-Россійской Церкви" были написаны митрополитомъ Филаретомъ по случаю совращенія іезуитомъ Розавеномъ молодаго князя Голицына, племянника министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына.

Іезуитъ Розавенъ былъ преподавателемъ философіи въ С.-Петербургскомъ іезуитскомъ благородномъ пансіонѣ и игралъ большую роль въ послѣдніе годы пребыванія іезуитовъ въ Россіи. Онъ писалъ опроверженія на всѣ сочиненія, являвшіяся въ русской и французской литературахъ, направленныя противъ ученія Латинской Церкви. Умеръ, кажется, въ Римѣ, только въ 1851 году.

Н. П. Барсуковъ.

XVII.

Парижъ. 1842 г. апрѣля 21 (9).

Графъ St. Priest, перъ Франціи, пишетъ сегодня къ графу Протасову (84) и проситъ о выдачѣ свидѣтельства о рожденіи уже умершаго сына его, въ коемъ онъ имѣетъ скорую нужду. Примите на себя трудъ похлопотать о семъ и, если возможно, увѣдомьте меня поскорѣе, о дѣйствіи, которое будетъ имѣть просьба его. Я останусь въ Парижѣ до 20 (8) мая, а можетъ быть нѣсколько позже, ибо опять ушибъ туже ногу и на томъ же мѣстѣ: сижу и читаю, но скоро опять начну слушать проповѣди и лекціи, а сегодня ѣду слушать рѣчи Токевиля и Моля въ Академіи.

Я давно не получалъ отъ васъ ни слова, хотя не разъ писалъ къ вамъ чрезъ кн. Вяземскаго. По сію пору не получалъ 6 экземпл. грамотъ, ни 2-хъ тетрадей о медаляхъ, ни другихъ изданій Археограф. Коммисіи; а мнѣ должно все это роздать здѣсь въ библіотеки. Что дѣлается со 2-мъ томомъ Римскихъ рукописей [1])? Пожалуйста сберитесь съ силами и отвѣчайте на всѣ мои запросы. Въ Германіи, т. е. въ Кисингенѣ, гдѣ проведу іюнь, а потомъ въ Берлинѣ—мнѣ уже нельзя будетъ исполнить того, что бы должно было, относительно разсылки книгъ, кои бы хотѣлъ взять и съ собою, для Швеціи и Германіи; въ 1—не буду, но могу переслать отсюда.

Журналъ вашъ получаю, читаю и другихъ имъ поучаю. «Современника» болѣе года уже не получалъ. NB —издателю (85). «Отечественныя Записки» вѣрно доходятъ. Не получилъ отъ васъ также извѣстія о пакетахъ, чрезъ васъ посланныхъ, князю Вяземскому. Онъ выздоровѣлъ и слѣдовательно вы ему всѣ отправили, но и отъ него еще не было ни слова. Впрочемъ я увѣренъ, когда окрѣпится, то напишетъ ко мнѣ обо всемъ. Дайте знать ему, пославъ сіе письмо, что за пять дней предъ симъ посласъ я ему пакетъ съ письмомъ на 27 стран. и съ разными стихами; и другой съ книгами: Joubert, двѣ части, Les nouvelles à la main, Guêpes, Peinture и еще кое-что. Все отдано Рахмановой, которая уѣхала 16-го апрѣля отсюда, и на его имя. Прошу и его поскорѣе откликнуться. Скажите ему, что и отъ Жуковскаго получилъ еще два письма, что онъ уже перевелъ $1^1/_2$ пѣсни Одиссеи, коей новый переводъ Барета ему

---

[1]) См. примѣч. 64.

сегодня посылаю. Сбираюсь къ нему заѣхать въ концѣ мая; кончина М. Орл. [1]) меня поразила. Къ чему палаты и досугъ московскій? Я очень образумился на счетъ жизни земной: совѣтую и всѣмъ тоже. Передо мною много новаго, церковно-духовнаго: Ботень, Port Royal, который и къ вамъ послалъ, но всего лучше проповѣди Равильяна, и его, въ воскресенье, начатыя поученія, или катехизаціи; онъ убѣдительно поучаетъ и обличаетъ слушателей въ невѣжествѣ: это главное. Стеченіе большое и всѣ возвращаются умиленные и наставленные; я не ожидалъ такого успѣха и такой силы отъ іезуита, привыкшаго къ confessions. Но всѣхъ лучше для меня Dupanloup, на каѳедрѣ священной элоквенціи, въ Сорбонѣ. Жаль, что въ Union Catholique первая лекція его была такъ сокращена и высушена, что едва о содержаніи оной судитъ можно—нѣтъ порыва, коимъ онъ вознесся, въ окончаніи оной, къ высшимъ созерцаніямъ божественныхъ истинъ. У меня выпалъ карандашъ изъ рукъ и я внималъ съ благоговѣніемъ и съ восторгомъ. Онъ не обѣщалъ прежними своими сочиненіями—такого оратора—профессора. Читали-ли вы: «Ami de la religion» глупо-гнусную статью о канонизаціи Митрофана (86); я сообщу ее въ первомъ письмѣ къ Вяземскому, которое уже началъ, но пошлю съ оказіей. Лекціи Ампера—лучшія въ Collége de France, я ихъ почти всѣ переписалъ. Мицкевичъ переродился или возродился: безпристрастіе къ Польшѣ и къ Россіи неимовѣрное; часто онъ еще кривотолкъ, но по убѣжденію, а не по ненависти; увлекается воображеніемъ и мистическимъ взоромъ на исторію, но много—Wahrheit въ его Dichtung. Одна изъ лекцій его любопытна по его идеѣ о Россіи и о ея представителѣ; но это поэзія не безъ историческаго основанія. Въ Додаткѣ помѣщаются извлеченія изъ его лекцій. Всѣ эти таланты процвѣтаютъ и блекнутъ здѣсь—теряя скоро запахъ свой.

Повторяю вамъ просьбу: пишите скорѣе, и другую: дайте знать Г. С. Попову или кому другому, что я не получалъ отъ князя (А. Н. Голицына) послѣдняго его отвѣта на послѣднія письма мои и на запросы, по коимъ необходимо разрѣшить меня, хотя отрицательно. Знаю, что о Шамполіонѣ посланъ уже отсюда отвѣтъ гр. Нессельроде и удовлетворительный. Но о моихъ рукописяхъ, въ окт. посланныхъ, желаю знать, гдѣ онѣ? о пребываніи въ Парижѣ, т. е. о подтвержденіи прежняго права и пр. и пр. Объ

---

[1]) Михаила Ѳедоровича Орлова.

этомъ не имѣлъ отвѣта: могу ли я надѣяться, что получу? Если нѣтъ, то такъ и быть! Нельзя-ли спросить Попова?

Поклонитесь Б. М. Ѳедорову. Обнимаю васъ всѣхъ сердцемъ и прошу не забывать меня.

Его Превосходительству Константину Степановичу Сербиновичу.

Примѣчанія:

84) Графъ Протасовъ былъ въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сунода.

85) Издателемъ „Современника" въ то время былъ П. А. Плетневъ.

86) Нетлѣнныя мощи святителя Воронежскаго Митрофана были открыты 6 августа 1832 года.

Н. П. Барсуковъ.

ВРЕМЯ И СПОДВИЖНИКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Матеріалы изъ бумагъ С. И. Маевскаго.

Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, въ бытность еще наслѣдникомъ престола, благоугодно было почтить память отца моего помѣщеніемъ его портрета и шпаги въ дежурной комнатѣ, и архива его въ библіотекѣ л.-г. Егерскаго полка. Такая высокая честь возлагала на меня нравственную обязанность издать этотъ архивъ, тѣмъ болѣе, что содержаніе его должно быть не безъ интереса для публики. Часть его, автобіографія: подъ именемъ: „Мой вѣкъ, или исторія генерала Маевскаго" была напечатана въ журналѣ „Русская Старина" изд. 1873 г., и была принята весьма благосклонно, благодаря наблюдательности и искренности автора, который, будучи ближайшимъ помощникомъ гр. Аракчеева и удостоенный милостей и довѣрія императора Александра I-го, могъ знать, да и дѣйствительно зналъ сущую правду о военныхъ поселеніяхъ.

Помѣщаемъ нѣсколько документовъ изъ переписки покойнаго генерала, заключающихъ въ себѣ первыя либеральныя вѣянія въ средѣ нашей побѣдоносной арміи, и подробности о выдающихся событіяхъ конца царствованія Александра II-го и его кончинѣ.

Н. С. Маевскій.

I.

Графъ М. С. Воронцовъ.

Наша побѣдоносная армія, возвращаясь изъ подъ стѣнъ Парижа, принесла оттуда много новаго, въ томъ числѣ и идей. Передовые ея люди, во главѣ которыхъ можно назвать князя М. С. Воронцова, тогда еще графа, желали уже тогда отмѣны тѣлесныхъ наказаній и развитія солдата посредствомъ школы и возбужденія въ немъ честолюбія. Какъ всегда бываетъ при первомъ проявленіи либеральныхъ идей, староверы, составляющіе сплошную массу, большинство всѣхъ противъ нѣсколькихъ единицъ, усиливаютъ свои мѣры и пріемы и. думая возстановить ихъ значеніе и достоинство въ общественномъ мнѣніи, лишь губятъ ихъ окончательно. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: почти вся масса начальствующихъ лицъ въ арміи напрягала

всѣ усилія, чтобы доказать, что всѣми своими успѣхами, самою своею непобѣдимостью, русская армія обязана лишь тѣлеснымъ наказаніямъ, злоупотребленіе которыми превосходило всякое вѣроятіе. Солдаты того времени, вспоминая о своей службѣ и сравнивая ее съ настоящею, говорили: „служили мы тогда, когда изъ десятерыхъ девять убивали, а десятаго на племя оставляли".

Такъ выдвигались и быстро повышались по службѣ Шварцы съ братіей, приходившіе въ ужасъ отъ того, что не могутъ отучить русскаго солдата отъ скверной привычки дышать. И считались они примѣрными служаками, образцовыми фронтовиками, не имѣя за собою рѣшительно ничего, кромѣ самой лютой, самой кровожадной жестокости. Какъ графъ Воронцовъ былъ главою либераловъ, такъ главою этихъ живодеровъ былъ слишкомъ извѣстный, грустной памяти, генералъ Ротъ, о которомъ много интересныхъ свѣдѣній сообщено въ „Русской Старинѣ", между прочимъ о похоронной процессіи съ его гробомъ, направленной мимо его оконъ и по которой ему, не смотря на всѣ розыски, неудалось найти ни одного виноватаго.

Между тѣмъ обстоятельства слагались далеко не въ пользу старовѣровъ: опытъ Наполеоновскихъ войнъ убѣдилъ до очевидности всѣхъ, что старая прусская система тактики, недопускавшая ничего, кромѣ колонны и развернутаго фронта, никуда не годится, что время ея прошло окончательно и что въ современныхъ войнахъ рѣшительное значеніе должно принадлежать разсыпному строю и меткому ружейному огню. Приходилось поэтому измѣнять все обученіе арміи съ самаго основанія, потому что при новыхъ требованіяхъ солдатъ машина, автоматъ становится безполезнымъ; ему необходимо было пріобрѣсти: ловкость, развязность, смѣлость, сметку и крайнюю подвижность, а, конечно, эти качества внушаются ужъ никакъ не ужасомъ отъ палокъ и розогъ.

Въ то время дисциплина въ арміи была крайне слаба, или, лучше сказать, отсутствовала вовсе: буйство и неповиновеніе офицеровъ были таковые, что часто служебныя столкновенія начальника съ подчиненными кончались дуэлью. Этотъ анахроническій видъ самосуда процвѣталъ такъ, что числомъ дуэлей гордились, какъ боевыми отличіями. Напротивъ, нижніе чины находились въ полной крѣпостной зависимости отъ своихъ начальниковъ, которые могли ихъ истязать, грабить и морить голодомъ, сколько это имъ вздумается. Строевое обученіе велось также отдѣльными начальниками по личному усмотрѣнію и вкусу, потому что общаго строеваго устава не было. Можно поэтому вообразить, какъ разношерста была армія и какъ громадна была самостоятельность, или, лучше сказать, полный произволъ частныхъ начальниковъ. О томъ, какъ подвизался Ротъ, можно судить по письму графа Воронцова къ моему отцу отъ 15-го апрѣля 1820 г.: „Любезный Сергѣй Ивановичъ! Крайнее было для меня удовольствіе узнать, что вы оба съ Дунаевымъ (бывшимъ впослѣдствіи таганрогскимъ градоначальникомъ) произведены въ генералы; радуюсь также, что Богъ васъ избавилъ отъ Рота. Я не такъ щастливъ, и буду въ одномъ корпусѣ съ нимъ; но такъ какъ я пріиму корпусъ не прежде какъ чрезъ 15 мѣсяцевъ или полтора года, то бѣда эта, по крайней мѣрѣ, еще отдаленная". Принимая въ соображеніе, что графъ Воронцовъ, скорѣе англійскій лордъ, чѣмъ русскій большой баринъ, былъ совершеннѣйшій джентльменъ и самый изящный царедворецъ, который и на словахъ употреблялъ лишь самыя мягкія, самыя безобидныя

выраженія, можно себѣ представить, чѣмъ была въ дѣйствительности эта, грустной памяти, армейская знаменитость, о которой даже онъ, осторожный Воронцовъ, писалъ такимъ образомъ.

Въ то время, въ 1815-мъ г, изданъ былъ строевой уставъ, о которомъ отецъ мой говорилъ, что „онъ былъ принятъ арміей съ тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ неофиты принимаютъ таинства“. Образчикомъ могъ служить и самъ составитель архива, который не только выучилъ уставъ наизусть, но еще неоднократно переписалъ его, чтобы лучше затвердить и усвоить. Но знаніе и умѣніе двѣ вещи разныя, а умѣнье существовало лишь въ польскихъ и литовскихъ войскахъ, которыхъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ лично обучалъ по новому уставу и безцеремонно гналъ прочь съ плаца всѣхъ постороннихъ. Телько случайно, снова попавъ въ милость къ великому князю, отецъ мой удостоился чести присутствовать на его ученьяхъ и усвоить себѣ всю суть фронтовой мудрости.

Поэтому новое обученіе привилось не сразу всей арміи, а распространялось понемногу; произволъ частныхъ начальниковъ оставался по прежнему громаденъ и, благодаря этому обстоятельству, оба противуположныя теченія выказывались съ особою рѣзкостью. Фанатики истязаній, имѣя во главѣ Рота, свирѣпствовали съ сугубою яростью, тогда какъ гр. Воронцовъ желалъ уничтожить совсѣмъ въ своемъ корпусѣ всякое тѣлесное наказаніе. Въ этомъ корпусѣ находился и 13-й егерскій полкъ, шефомъ котораго съ начала 1814 г. былъ назначенъ составитель архива, полковникъ С. И Маевскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ „Русской Стариной“, онъ описываетъ ученье стрѣлковъ въ своемъ полку такъ, что у него около мѣста, съ котораго стрѣляли, ставили два ведра: одно съ водкою, другое съ водою. Стрѣлявшій становился между ними и, если попадалъ въ цѣль, то пилъ водку, если же давалъ промахъ—воду, при громкомъ хохотѣ товарищей. Конечно, въ педагогическомъ отношеніи этотъ пріемъ оставляетъ еще желать весьма многаго, но онъ былъ уже большимъ шагомъ впередъ отъ розогъ и палокъ.

Гр. Воронцовъ не довольствовался одними приказами; онъ разъяснялъ ихъ командирамъ частей не только лично при свиданіи, но и письменно. Вотъ образчикъ такого письма: „Ландстуль, 16 (28) іюня 1815 г. Любезный Сергѣй Ивановичъ! давно не писалъ къ вамъ, ибо надѣялся васъ видѣть здѣсь, гдѣ по прежнему плану намъ должно было стоять нѣсколько дней, но теперь перемѣна и мы идемъ, не дожидаясь васъ, до Нассау.

„Посылаю къ вамъ по экземпляру моихъ правилъ, выданныхъ въ дивизіи. Въ разсужденіи перваго изъ нихъ я увѣренъ, что вы одного со мною мнѣнія и что знаете, какъ легко вести русскаго солдата амбиціею. Но многіе изъ нашихъ господъ не вѣрятъ и другихъ хотятъ увѣрить, что это затѣи новыя и вредныя и что безъ палокъ ничего не будетъ хорошаго. На меня уже многіе изъ старыхъ мудрецовъ нашихъ нападаютъ, да я думаю, что и вашъ дивизіонный, можетъ быть, въ томъ же числѣ, почему я бы и не хотѣлъ, чтобы этотъ листъ дошелъ до него и посылаю оный къ вамъ для любопытства и для вашего мнѣнія“.

Уже одна эта выписка служитъ иллюстраціею новыхъ вѣяній и служебныхъ отношеній той эпохи; я могъ бы этимъ и ограничиться, но перепишу это любопытное письмо до конца, изъ котораго видно будетъ, какъ мало въ ту пору были знакомы съ строевыми уставами, отчего чуть не у каждаго полка существовалъ свой собственный. „Теперь у меня есть къ вамъ просьба: насъ

все пугаютъ смотромъ государя; у насъ плохо знаютъ мелкія штуки парадныя, какъ то: какъ держать шпаги, гдѣ стоять унтеръ-офицерамъ во взводахъ и полувзводахъ, гдѣ стоять барабанщикамъ и прочее. Не можете ли вы мнѣ прислать на 3 или 4 дня офицера, который все это твердо узналъ въ Варшавѣ и моимъ полкамъ бы это показалъ. Вы бы меня весьма тѣмъ одолжили; чѣмъ скорѣе пришлете его, тѣмъ лучше. Прощайте, любезный Сергѣй Ивановичъ, вѣрьте истинной моей къ вамъ привязанности".

II

Генералъ М. Е. Храповицкій.

Главнымъ двигателемъ всякаго дѣла, если только оно дѣйствительно было либеральнымъ, былъ всегда самъ Александръ I. Можно себѣ представить, какъ горячо онъ принималъ къ сердцу обученіе стрѣльбѣ и достиженіе возможной ея мѣткости, какъ бы угадывая, что этой части обученія суждено сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ и будущихъ войнъ, и будущаго положенія русскаго солдата. О томъ, какъ это обученіе велось въ гвардіи, подъ личнымъ надзоромъ самого государя, виднѣе будетъ изъ писемъ къ моему отцу, тогда уже бригадному генералу, его начальника дивизіи, Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, будущаго генералъ-адъютанта императора Николая Павловича. При Александрѣ I-мъ онъ командовалъ Измайловскимъ полкомъ, былъ человѣкомъ очень добрымъ и ревностнымъ служакой, а, какъ онъ смотрѣлъ на службу, лучше всего рисуетъ собственноручное, довольно неграмотное письмо его отъ 15-го марта 1822 года.

„Милостивый государь, Сергѣй Ивановичъ! Уничиженіе паче гордости, говоритъ русская пословица; зачѣмъ приписывать мнѣ то, что ревностная служба ваша вамъ доставила, и я увѣренъ, что предстоящій смотръ докажетъ справедливость моего заключенія на счетъ вашей части. Не видалъ 1-й бригады давно, но сердечно радуюсь, что вы идете за 2-ю, а не предъ оной, ибо это будетъ дессертъ, особенно зная, сколько приготовлялось вещей для украшенія полковъ, а теперь надѣюсь, что приготовленія сіи еще пріумножатся. Вы умѣете подстрекнуть вашихъ подчиненныхъ, а они щекотливы и на семъ я основываю мою надежду. Одно, ради Бога, чтобы приготовили болѣе людей къ смотру, а для сихъ—денегъ на хорошія щи и добрую кашицу, которую надобно варить во все время слѣдованья на смотръ, дабы поддержать людей; а подъ симъ предлогомъ мы ихъ болѣе будемъ имѣть вмѣстѣ, не распространяясь по дурнымъ по урожаю квартирамъ и на каждой дневкѣ можно будетъ сдѣлать такую проволочку, которая будетъ весьма полезна. Я говорю сіе съ опыта: я велъ гвардейскій отрядъ изъ Москвы, имѣя приказаніе непремѣнно перещеголять оставшихся въ Петербургѣ. Мы не оставили ни одного больнаго, не было умершихъ, а про бѣглыхъ мы и понятія не имѣли и мы сдѣлали 24000 руб. экономіи на 6 баталіоновъ".

Относительно цѣльной стрѣльбы, вотъ что писалъ генералъ Храповицкій отъ 18-го октября, должно быть, того же 1822 года: „Я полагаю удобнѣе будетъ заниматься цѣльною стрѣльбою изъ избъ, какъ на сіе даже и воля г-на главнокомандующаго была; то прикажите, чтобы непремѣнно было исполняемо. Я былъ здѣсь въ Петербургѣ свидѣтелемъ стрѣлянія въ цѣль: 1-я дивизія

(рѣчь идетъ о гвардіи) была безъ ранцевъ; 2-я, какъ слѣдовало, весь корпусъ поголовно; и въ общемъ счетѣ третья пуля попала въ черныя и бѣлыя полосы; судите, сколько мы отъ гвардіи назади!..... ибо у насъ и застрѣльщики хуже стрѣляютъ. Я прошу васъ о семъ разсказать нашимъ полковымъ командирамъ. А гвардейскіе егеря—только третья пуля мимо".

Генералъ Маевскій отвѣчалъ: „Пальба, пока что, идетъ на открытомъ воздухѣ, а. когда похолоднѣетъ, то попробуемъ стрѣлять изъ избъ; но для сего надо строить свои, а граждане не дадутъ; примѣромъ сему служитъ временный дивизіонный лазаретъ. Не спорю, что въ гвардіи стрѣляютъ хорошо; я поручусь вамъ и за своихъ; надобно только ввести пальбу въ одну моду съ церемоніальнымъ маршемъ, а иначе она всегда будетъ въ настоящемъ печальномъ положеніи и никто подвинуть ее не въ состояніи".

Но замѣчаній стараго боеваго солдата не послушали: церемоніальный маршъ, входя все болѣе и болѣе въ моду, заглушилъ обученіе стрѣльбѣ и одиночную выправку; обращали вниманіе только на стройныя, красивыя движенія массами и одновременно шло прогрессивное пониженіе умственнаго уровня. Такъ пришли мы къ севастопольскому погрому.

III.

Александръ I въ Таганрогѣ.

Кромѣ выше приведенныхъ писемъ, имѣющихъ служебный отпечатокъ, мы помѣщаемъ и выдержку изъ совершенно частной переписки генерала Маевскаго съ задушевнымъ другомъ его, тогдашнимъ таганрогскимъ градоначальникомъ, Александромъ Ивановичемъ Дунаевымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ имѣютъ несомнѣнный историческій интересъ, какъ свидѣтельство очевидца о пребываніи императорской четы въ Таганрогѣ, послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Александра I; другія имѣютъ интересъ минуты.

12-го сентября 1825 г.

„Сейчасъ пріѣхалъ ко мнѣ Василій Алексѣевичъ Сысоевъ [1]); онъ въ 60 верстахъ живетъ отъ меня и, узнавши, что я пишу къ тебѣ письмо, проситъ меня побранить тебя за молчаніе, но я сказалъ ему, чтобы онъ бранилъ самъ, а я сдѣлать этого никакъ не смѣю.

Мы 13-го ч. ожидаемъ царя, а 23-го—царицу и теперь въ Таганрогѣ моемъ столько хлопотъ, сколько и отъ сотворенія міра въ немъ не бывало; между тѣмъ я долженъ тебѣ сказать, любезный другъ, что занятій у меня во всякое время больше, чѣмъ могутъ имѣть два губернатора вмѣстѣ и я каждый день, исключая праздниковъ, и то не всегда, занимаюсь отъ 7 ч. утра до 3 по полудни, ибо, кромѣ трехъ городовъ [2]) и трехъ деревень, кои составляютъ мою команду, я и начальникъ таможеннаго округа, а здѣсь дѣлъ по таможнѣ и карантину бездна. Однако же я надѣюсь скоро разбогатѣть свободными часами и буду тебѣ писать, но только, чуръ, не браниться".

---

[1]) Тогдашній наказной атаманъ Черноморскаго войска, жившій въ Екатеринодарѣ. Письмо его и къ нему А. П. Ермолова см. въ концѣ.

[2]) Т. е. Таганрогъ, Маріуполь и Нахичевань. Н. М.

14-го октября 1825 г.

„Теперь нѣсколько словъ о моей должности; правда, что я занимаюсь 18 ч. въ сутки, подобно тебѣ, но охотно согласился бы заниматься и 20 часовъ дѣломъ по порядку службы, нежели разбирать просителей, смотрѣть на бѣдствія, ими терпимыя, и нерѣдко встрѣчаться съ затрудненіями рѣшать тяжбу двухъ бѣднѣйшихъ семействъ, злою судьбою поссоренныхъ. Согласись теперь, другъ мой, что мои занятія безпрестанны, скучны и утомительны, а еще болѣе теперь, ибо пребываніемъ Государя всѣ рѣшенія весьма ускоряются. Совсѣмъ тѣмъ, сколько ни тягостна теперишняя должность моя, я остаюсь съ избыткомъ награжденъ милостивою благосклонностью государя.

Два раза государь удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ; моя жена представлялась ихъ величествамъ; нѣсколько разъ я и жена моя были приглашены къ столу государя и каждое воскресенье бываемъ въ придворной церкви у обѣдни. А такія милости монарха поощряютъ меня на службу и заставляютъ не щадить и самой моей жизни, чтобы только содѣлаться достойнымъ всѣхъ порученій монарха.

О милостяхъ графа (т. е. М. С. Воронцова) говорить тебѣ нечего: онъ любитъ меня, какъ друга; кн. Волконскій, генер. Дибичъ и Лонгиновъ отлично ко мнѣ расположены. Государь доволенъ климатомъ, полюбилъ городъ и городовой садъ и на улучшеніе его отпущено мнѣ изъ кабинета 11 т. рубл. единовременно, а для ежегоднаго содержанія его опредѣлено по 6 т. рубл. въ годъ. Не знаю, что будетъ дальше, на придворномъ паркетѣ скользко, а до апрѣля мѣсяца еще далеко.

Я имѣю щастіе видѣть царя каждый день и каждый день удостоиваюсь принимать его благодарность за чистоту и устройство въ городѣ. Я не боюсь со стороны моей честности, безкорыстія и неутомимой дѣятельности моей; но боюсь клеветы и зависти.

Теперь я пишу тебѣ по случаю отсутствія государя императора: 11-го числа царь отъѣхалъ чрезъ Новочеркасскъ въ Азовъ и 15-го будетъ въ Таганрогѣ; 20-го выѣзжаетъ въ Крымъ и 4-го ноября опять въ Таганрогъ на всю зиму. Мы ожидаемъ графа Аракчеева и Чернышева; буду писать тебѣ еще при досугѣ".

19-го ноября 1825 г.

„Прежде, нежели ты получишь письмо сіе, я думаю ты уже узнаешь о нещастіи, постигшемъ наше отечество; ты знаешь, кого мы лишились и какой цѣны стоитъ наша утрата. Неумолимая смерть 14 дней сряду томила и похитила у насъ обоготворяемаго всѣми монарха нашего и, наконецъ, 19-го числа въ 10 часовъ дня на 50-й минутѣ съ жестокимъ усиліемъ и къ жестокой нашей общей горести, ангельская душа монарха отлетѣла въ вѣчность. Не буду говорить тебѣ объ отчаяніи окружавшихъ его, о рыданіи жителей всего города Таганрога, ты самъ можешь легко вообразить себѣ по слуху только— путь, по которому благочестивѣйшій монархъ нашъ приближался ко гробу. 5-го числа въ 9 часовъ вечера императоръ изволилъ въѣхать въ Таганрогъ; городъ былъ освѣщенъ и государь отъ самой заставы до дворца изволилъ

ѣхать шагомъ; у дворца я встрѣтилъ государя, подалъ рапортъ; онъ взялъ меня за руку и ввелъ къ себѣ въ кабинетъ. Здѣсь онъ весьма милостиво сообщилъ мнѣ свои замѣчанія о Маріуполѣ и сказалъ мнѣ, что онъ немного не здоровъ и приказалъ мнѣ оставить его до 7-го числа. Государь не хотѣлъ принимать лекарства, а 7-го числа ему сдѣлалось хуже, лихорадка его перешла въ горячку, но лекарствъ все никакихъ не принималъ, кромѣ наружныхъ; 12-го числа пріобщился святыхъ таинъ, въ городѣ начались молебны о здравіи царя и отъ сего времени ему съ каждымъ днемъ дѣлалось тяжелѣе, а 19-го числа въ присутствіи императрицы онъ переселился изъ здѣшняго ничтожнаго міра въ лучшій.

Помолись, любезнѣйшій другъ, за ангельскую душу монарха и пролей слезы въ дань сердечнаго твоего сокрушенія. О другъ мой! цѣлаго вѣка нашего не достанетъ достойно оплакать монарха, монарха, который былъ не только отцемъ, но и истиннымъ другомъ подданныхъ своихъ. Но горесть наша не возвратитъ намъ драгоцѣннаго нашего монарха, и такъ, утѣшимся мыслію, что тамъ, за предѣлами гроба, увидимъ и обнимемъ колѣна обожаемаго монарха нашего, монарха, который, царствуя, находилъ единственное щастіе свое въ благополучіи подданныхъ; оставимъ же всѣ печальныя и безполезныя воспоминанія сіи; душа моя разстроена, сердце растерзано и вздохи не вмѣщаются въ груди моей; но мы всѣ умремъ. Прости. Твой вѣчный другъ, А. Дунаевъ.

P. S. Мы ожидаемъ великихъ князей; это будетъ послѣдняя картина для Таганрога; скажи о прежнемъ временщикѣ [1]), что ты знаешь".

12-го декабря 1825 года.

„Наконецъ, любезнѣйшій другъ, Сергѣй Ивановичъ, драгоцѣнные останки обожаемаго нами монарха перенесены изъ дворца въ греческій Іерусалимскій монастырь 11 декабря. Нашъ ангелъ, наша императрица, до сихъ поръ не видитъ еще никакихъ утѣшеній изъ Петербурга, но около 17-го числа сего мѣсяца мы ожидаемъ пріѣзда графини Строгоновой; она женщина умная и имѣетъ, кажется, щастіе носить имя друга императрицы.

Въ Таганрогѣ новостей никакихъ нѣтъ и для твоего любопытства посылаю къ тебѣ печатный листокъ, изъ котораго ты увидишь весь порядокъ нашего церемоніала, при выносѣ тѣла императора бывшій".

4-го марта 1826 г.

„Давно, очень давно, какъ я не писалъ къ тебѣ, любезнѣйшій другъ Сергѣй Ивановичъ; не забвеніе, не лѣнь и не недосуги тому виною, но положеніе, тѣснившее душу мою и раздиравшее сердце мое, заставляло меня не приниматься за перо.

Послѣ всеобщаго нещастія, поразившаго любезное отечество, я стремился

---

[1]) Т. е. графъ Аракчеевъ, подъ начальствомъ котораго служилъ въ это время генералъ Маевскій, бывшій тогда отряднымъ командиромъ Староруcкаго военнаго поселенія. Н. М.

къ тому только, чтобы пребываніе императрицы въ Таганрогѣ было спокойно. Вскорѣ послѣ того, моя жена заболѣла воспалительною горячкою; таганрогскіе медики принялись, было, за работу, но въ первые три дня, вмѣсто облегченія, болѣзнь усилилась. Благодѣтельная мать наша царица узнала о болѣзни моей жены и въ ту же минуту удостоила приказаніемъ своего лейбъ-медика принять надзоръ за болящею. Отъ сего времени ея величество каждое утро и вечеръ присылала узнать о положеніи здоровья моей жены. Какая безпримѣрная, какая неслыханная добродѣтель великой нашей монархини, заботы ея о подданныхъ поставляютъ ее выше царя-человѣка.

Цѣлые 15 дней я переходилъ отъ отчаянія къ слабой надеждѣ и, благодаря Бога и попеченіямъ монархини, здоровье друга моего возстановилось и она начинала уже оставлять постель, когда всѣ дѣти мои, одинъ подлѣ другаго, начали хворать горячкою. Обстоятельство сіе, обременяя меня новыми безпокойствами, продлило и самую болѣзнь жены моей. Между тѣмъ лейбъ-медикъ по приказанію императрицы, употреблялъ всѣ способы и искусство свое увѣнчалъ желаннымъ успѣхомъ; теперь у насъ въ домѣ все по прежнему и сегодня жена моя получила позволеніе принести личную благодарность монархинѣ.

Описавъ тебѣ причины крушенія моего сердца, я скажу нѣсколько словъ о моей должности, которую я теперь довольно постигнулъ и которую я теперь нахожу довольно пріятною и спокойною; нѣтъ лестныхъ надеждъ и выгодъ, но для человѣка съ такими умѣренными желаніями, какъ я, уголокъ этотъ имѣетъ свои прелести: уединеніе, которое я всегда любилъ, здѣсь свободно наслаждаться имъ можно. Совсѣмъ тѣмъ, я служу здѣсь только до тѣхъ поръ, пока графъ (Воронцовъ) будетъ служить; въ противномъ случаѣ не останусь и минуты.

14-го числа нынѣшняго мѣсяца ея величество императрица изволитъ оставить Таганрогъ и будетъ пребываніе свое имѣть въ Калугѣ, а въ маѣ мѣсяцѣ посѣтитъ подмосковную князя Петра Михайловича (Волконскаго), гдѣ изволитъ остаться до коронаціи. Вотъ тебѣ, другъ мой, всѣ наши новости, печали и радости; пиши ко мнѣ, будь здоровъ и люби твоего вѣрнаго и вѣчнаго друга, А. Дунаева".

19-го мая 1826 г.

„...Блаженной памяти императрица Елизавета Алексѣевна, оставляя Таганрогъ 22-го апрѣля (1826 г.) весьма въ лестныхъ выраженіяхъ изволила изъявлять мнѣ лично свою благодарность за службу и пожаловала мнѣ золотую табакерку, осыпанную бриліантами съ своимъ вензелемъ. Нынче я удостоился получить отъ государя императора орденъ св. Анны I-го класса; впослѣдствіи мои дѣла обѣщаютъ существеннѣйшаго награжденія..."

3-го сентября 1826 г.

„...Мнѣ надо знать, видѣть и счесть что на корабляхъ пришло и ушло; слѣдствіемъ-то сего я долженъ быть три мѣсяца сряду почти по 10 часовъ въ день въ присутствіи на биржѣ и слѣдствіемъ-то сего я въ нынѣшнюю навигацію открылъ утаваемой отъ правительства пошлины милліонъ триста тысячъ. Обстоятельство сіе доведено уже до свѣдѣнія императора и я надѣюсь, что безкорыстіе мое не обойдется безъ должнаго вознагражденія, ибо таможня

сія въ продолженіи 20 лѣтъ похитила болѣе 40 милліоновъ государственныхъ доходовъ, а на берегъ таганрогскій ежегодно вывозили контрабанды на 900,000 рублей. Нынче все мною обрѣзано, прекращено и все предъ правительствомъ приведено въ извѣстность и при всѣхъ сихъ моихъ дѣйствіяхъ я не сдѣлалъ ни одного человѣка нещастнымъ: я открылъ всѣ бывшія злоупотребленія, открылъ мѣста, участвовавшія въ этомъ, но не обвинилъ ни одного лица тѣхъ мѣстъ и симъ средствомъ достигъ желаемой мною цѣли. Вотъ, другъ мой, какіе труды занимали меня въ нынѣшнее лѣто".

IV.

Наказной атаманъ Сысоевъ.

20-го сентября 1826 г. Г. Екатеринодаръ.

„Любезный другъ Сергѣй Ивановичъ! Много прошло времени, какъ я не имѣю удовольствія читать твои строки и не понимаю, что за гордость въ тебя вселилась; хотя и я нѣсколько неправъ, однако же все не такъ, какъ ты: вольно тебѣ молчать на два письма мои, въ семъ году отправленныя и отказываться отъ пріятной для меня переписки.—Я бы теперь имѣлъ право расчитаться съ тобою иначе, но извѣстившись отъ Александра Ивановича (Дунаева), что ты, занимаясь своими поселенными легіонами, вступилъ на поприще ораторское и сочиняешь огромные прожекты, на сей разъ прощаю тебя, а далѣе, хотя бы чрезъ сіе ремесло сдѣлался и Платономъ, поступлю посвойски. Да правда ли, что ты не отказался-бы, какъ увѣряетъ А. И., рыцарствовать на одномъ со мною полѣ. Если это не бездѣлка, то, пожалуй, не мудрено тебѣ сдѣлаться и Катономъ, особенно при теперешнихъ военныхъ съ Персіею обстоятельствахъ, но всего вѣроятнѣе, по крайней мѣрѣ можно было бы ближе 6 лѣтъ поздравить тебя генералъ-лейтенантомъ, котораго по расчоту Александры (sic) ты долженъ ожидать. Онъ и мнѣ предрёкъ, будто бы я близокъ къ нему, но фортуна еще не успѣла открыть мнѣ тайны сей, потому что теперь она отозвана въ столицу и тамъ задержана на заставѣ, какъ слышно, до тѣхъ поръ, пока отдадутъ ей всѣ визиты. Я думаю, она скоро будетъ путешествовать моремъ прямо въ Таганрогъ съ хорошими для нашего безпристрастнаго корабельнаго надзирателя вѣстями. Смотри, не упусти случая побесѣдовать, вкинь нѣсколько словъ и за меня.

Шутки въ сторону, и я тебѣ, другъ мой, признаюсь откровенно, что мое непреоборимое желаніе было и есть потрусить за бороду персидскаго шаха; но бѣда, Алексѣй Петровичъ (Ермоловъ) отказалъ мнѣ невозможностью последовать туда, которую ты увидишь изъ прилагаемаго здѣсь его письма. Персіяне много выиграли, что видно въ выпискѣ, у сего слѣдующей, а теперь, слухи носятся, что много и стѣснены.

Новости сіи я пересылаю изъ Черноморіи, куда я завлеченъ силою высочайшей воли для командованія здѣшнимъ войскомъ. Моя обязанность охранять границы отъ закубанцевъ, которые теперь еще не бушуютъ.

Теперь, я думаю, ты понялъ что я въ столичномъ городѣ Екатеринодарѣ; слѣдовательно оправдаешь себя предо мною своимъ длиннымъ повѣствованіемъ о всѣхъ вашихъ и доходящихъ до васъ свѣдѣніяхъ по разнымъ предметамъ.

Желая тебѣ здоровья, щастья и долгоденствія, пребуду навсегда твоимъ— всепокорнѣйшимъ слугою — Василій Сысоевъ I-й".

V.

А. П. Ермоловъ — В. А. Сысоеву.

26-го августа 1826 года. Тифлисъ.

„Прошу славнаго атамана войска Черноморскаго, почтеннаго Василья Алексѣевича, поспѣшить прислать сюда два конныхъ полка черноморскихъ казаковъ и хорошихъ между ними стрѣлковъ, каковые были въ послѣднюю войну съ французами въ полку Плахова.

Пришли ихъ прямѣйшимъ трактомъ, на прямикъ чрезъ Кабарду. Тамъ хорошіе подножные корма и всякаго рода приволья. Внуши имъ, что они здѣсь нужны и чтобы шли поспѣшно.

Жаль мнѣ, любезный, старый мой сослуживецъ, что нельзя взять тебя отъ твоего мѣста, ибо ты имѣешь его по собственному выбору государя. Если бы зависѣло отъ моего произвола, конечно, на Дону никому не далъ бы я предпочтенія, ибо опыты лучшія удостовѣренія, а мы лѣтъ 20 знакомы и служивали вмѣстѣ.

Лучше бы тебѣ быть здѣсь, а къ Черноморцамъ другаго. По моему мнѣнію приличествовало бы Екиму Екимовичу. Ты можешь написать къ барону Дибичу и, быть можетъ, не откажутъ. Я радъ буду душевно.

Скажи генералу Удому, когда будетъ проходить, чтобы шолъ скорѣе. Поспѣшнѣе высылай своихъ. Прощай Душевно любящій, Ермоловъ“.

Сообщ. **Н. С. Маевскій.**

КНЯЗЬ А. Н. ГОЛИЦЫНЪ И АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ

въ 1822—1825 гг. [1]).

IX [2]).

С.-Петербургъ. Воскресенье.

Отче Фотіе! Увѣдомьте меня о графини Орловой, здѣсь ли она или уѣхала въ Павловское. Ежели здѣсь, то нельзя ли къ ней завтра часовъ въ двѣнадцать—ежели нѣтъ, то я просилъ бы ваше высокопреподобіе ко мнѣ завтра на Каменный островъ въ семь часовъ пополудни. Вы мнѣ сказывали, что вы были у графа Чернышева на Каменномъ островѣ, то къ нему съ моста налѣво, а ко мнѣ направо, въ оранжереи дворцовой; я живу подлѣ мраморныхъ воротъ, которыя ведутъ къ дворцу. Я имѣю жажду васъ видѣть и получить благословеніе, прошу меня увѣдомить. Ежели впрочемъ завтра вамъ не время, я могу другой день выбрать и съ вами спишусь.

P. S. Я сейчасъ изъ Царскаго Села пріѣхалъ.

X [3]).

Царское село.

Высокопреподобный отче Фотіе. Прошу сегодня, яко въ день вашего ангела, благословенія и молитвъ за меня грѣшнаго у Престола благодати. Да Спаситель нашъ сладчайшій омоетъ грѣхи мои кровію Своею безцѣнною.

---

[1]) См. „Русск. Стар." изд. 1882 г., т. XXXIII, мартъ, стр. 765—780.

[2]) Письмо не датировано, но несомнѣнно относится къ 1822 г. и повидимому слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ непосредственно за предъидущимъ.

[3]) Время написанія письма въ рукописи не обозначено, но судя по упоминанію въ письмѣ о томъ, что оно писано въ день ангела Фотія, нужно думать, что оно относится къ 9 августа. Въ 1-й рук. это письмо значится подъ № 8. **Н. Б.**

Молитвы ваши должны быть доходны, ибо онѣ идутъ изъ чистаго и жаркаго сердца, любовію пылающаго ко Господу и да возжетъ Господь нашъ Іисусъ христосъ искру сей любви и въ моемъ искаженномъ сердцѣ, заросшемъ плевелами и загроможденномъ суетами міра и проч.

Поручая себя любви вашей ко мнѣ грѣшному и въ ожиданіи дня успенія пресвятыя Богородицы, чтобъ присутствовать и тѣломъ, и душею, и духомъ при священнослуженіи, вами совершаемомъ и при жертвоприношеніи божественнаго Агнца, вами приносимаго за всѣхъ и вся. Хорошо бы сей день проводить у дщери вашей духовной, которой я писалъ и сіе предлагалъ. Цалуя вашу руку, пребуду на всегда всѣмъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ. Князь Александръ Голицынъ.

XI.

Преподобный отецъ Фотій, коего духъ мой возлюбилъ при первомъ воззрѣніи, и съ тѣхъ поръ истинно ни къ кому не имѣлъ я такого влеченія, какъ къ вамъ. Я не могу привыкнуть къ мысли, что такъ скоро долженъ съ вами буду разстаться; но я надѣюсь, что Господь васъ привлечетъ сюда какимъ ни есть дѣломъ [1].

Увѣдомьте меня писали ли вы къ графини, она при мнѣ васъ просила, чтобъ вы не уѣзжали ее не увѣдомя, а она удобно можетъ уѣхать изъ Павловска на сіи дни; ибо императрица говѣетъ, и думаю, что никого не принимаетъ, у ней же, т. е. императрицы, братъ умеръ. Какой будетъ отвѣтъ, прошу меня увѣдомить—я нахожу у графини самой лучшій способъ съ вами видѣться долго и ловко. Намъ же много бы нужно поговорить. Я прошу васъ о томъ сокровищѣ, или огражденіи для всякаго къ царствію, которое вы желаете, но боитесь мнѣ прочесть: аще и смущусь, то съ помощію молитвъ и любви вашей надѣюсь отъ Господа получить исправленіе и очищеніе чрезъ истину, которую вы мнѣ передадите. Смущеніе таковое во мнѣ можетъ быть произойдетъ отъ самолюбія, но его-то и надобно искоренять, и какъ дикое мясо вырѣзывать, хотя бы и за живое задѣть, у врача небеснаго много есть чѣмъ залѣчить сію боль.

Духъ вамъ глаголетъ, что скорби и хулы многи васъ ожидаютъ, хотя вамъ какъ герою Христову оныя и обычно, но тѣмъ, кто васъ любитъ, тѣмъ будетъ сіе крестомъ большимъ. Господь пошлетъ вамъ силы побѣдить сіи искушенія и пошлетъ вамъ еще болѣе полноты Своея благодати, а мы, пи-

---

[1]) Письмо это не датировано. Вѣроятно здѣсь намекается на близкій отъѣздъ Фотія въ Юрьевъ монастырь, куда онъ былъ назначенъ архимандритомъ. Если такъ, то письмо относится къ августу 1822 г. Н. Б.

тающіеся отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы, воспользуемся вашимъ преизбыткомъ, и да возгорится въ сердцахъ нашихъ искра любви ко Господу, чтобъ совсѣмъ Ему предаться, чтобъ Онъ нами завладѣлъ и творилъ бы въ насъ волю Свою святую. О, какъ бы я желалъ свою собственную волю Ему такъ отдать, чтобъ она была бы не моя, а Его и совсѣмъ бы поглощена была въ Его волѣ. Но всѣ эти желанія временами, а тамъ, поглядишь, то опять принимаюсь за своеволіе.

Итакъ, я надѣюсь, что ежели графиня пріѣдетъ, то въ среду съ 12 часовъ полудня (пробуду) у нее до тѣхъ поръ, пока вы меня прогоните; ежели же у меня, то прошу на Каменный островъ васъ въ 6 часовъ пополудни въ среду. Прошу благословенія, молитвъ и цѣлованія вашего, а я цѣлую вашу руку, пребываю навсегда вамъ преданный слуга.

P. S. Письмо, мною вамъ возвращенное, вы пишете, что не могли переписать за немощью; да я не съ тѣмъ къ вамъ послалъ, чтобъ вы сами переписали, а ежели можно, то вѣрному человѣку, кто у васъ обыкновенно переписываетъ, но ежели нельзя сего, то прошу мнѣ возвратить оное, я уже разберу съ помощію Божіей.

Вамъ довольно другихъ тягостей нести, а я не хотѣлъ бы васъ отягощать понапрасно, такое длинное письмо переписывать.

Кн. А. Голицынъ.

XII [1]).

30 августа, въ 12 часу вечера.

Послѣ моей вечерней молитвы пишу къ тебѣ, преподобный отче Фотіе! чтобъ сказать нѣчто отъ тѣхъ чувствъ, кои изліялись изъ моего сердца въ сей вечерней молитвѣ предъ Сладчайшимъ Іисусомъ Господомъ нашимъ.

Я Его благодарилъ за все то, что Онъ послалъ мнѣ чрезъ тебя. Какъ любовно ты меня принялъ, накормилъ меня хлѣбомъ святымъ, научилъ меня, украсилъ выю мою знаменіемъ креста изъ злата чиста, удѣлилъ мнѣ ризы Спасителевой для облегченія меня недостойнаго, главу мою елеемъ помазалъ, облобызалъ ее, благословилъ и псалмопѣніемъ наградилъ меня.

Миръ Господень рекъ мнѣ и онъ подѣйствовалъ внутри меня и Христа посреди насъ призвалъ и въ писаніи твоемъ всѣ дѣйствія сіи запечатлѣлъ любовью, которое я прочелъ по возвращеніи моемъ изъ лавры. Благодарю еще за все, что мнѣ сдѣлалъ, какъ сегодня, такъ во все время здѣшняго пребыванія съ начала нашего знакомства. Грустно мнѣ, когда помышляю, что намѣреніе твое на годъ въ обитель отправиться; но воля Господня, когда призоветъ, то не воспротивишься—да будетъ Его воля, и въ отсутствіи об-

---

[1]) Въ 1-й рук. № 9.

щеніе можно духовно имѣть въ Господѣ и я надѣюсь, что не забудете меня никогда, и что я имѣю крестъ за меня памятникомъ на васъ. Прошу благословенія и писанія, когда что на сердце придетъ. Пребывая на всегда всѣмъ сердцемъ во Господѣ вамъ преданнымъ слугою князь Александръ Голицынъ.

P. S. Помышляю я о тѣхъ цвѣтахъ розовыхъ, кои велѣли вы мнѣ отдать царю; скажите мнѣ отъ васъ ли я долженъ ихъ дать и что сказать, ибо я видя какую молитву надъ ними произнесли и какъ мнѣ отдали, такъ что важность ихъ назначенія я принялъ символомъ великимъ и къ вамъ о томъ писалъ—то я боюсь, что отдавъ царю, онъ ихъ можетъ недовольно уважить, то и прошу наставленія. Я вамъ надоѣлъ: все къ вамъ пишу, но ежели недосужно, то изъ обители напишите отвѣтъ.

XIII [1]).

Высокопреподобный отче Фотіе, благослови. Пріѣхалъ изъ Царскаго Села вмѣсто того, чтобъ писать по взятой пріятной сердцу моему привычкѣ къ графинѣ, когда бы увидѣться съ прелюбезнымъ отцемъ Фотіемъ; надобно было писать, чтобъ узнать здѣсь ли вы или уже уѣхали и только что я написалъ къ митрополиту о семъ, то скоро получилъ и отъ графини присылку двухъ горшковъ цвѣтовъ отъ васъ. И по отъѣздѣ вашемъ получилъ награжденіе цвѣтами, надѣюсь, что и царствіе Божіе процвѣтетъ такъ во мнѣ молитвами вашими и плоды поростутъ. Сегодня же въ день св. Захарія и св. Елизаветы [2]) получилъ отъ васъ писаніе драгоцѣнное, буду молить Господа, да поможетъ мнѣ въ пути, Имъ назначенномъ мнѣ. Толкованіе о имени моемъ важно, и по званію моему какой отвѣтъ должно отдать! но надежда моя единственно на Господа нашего Іисуса Христа. Онъ меня не оставитъ бѣднаго и слабаго слугу, подкрѣпитъ Своею силою и Своимъ богатствомъ. Увѣдомьте меня, ежели можно, о явленіи благодати на мнѣ грѣшномъ во время ли пребыванія вашего въ Петербургѣ? или уже по пріѣздѣ въ Юрьевъ монастырь и ежели здѣсь, то во снѣ или въ моемъ присутствіи. Ежели ли же не нужно мнѣ сего знать, то простите мой вопросъ. Я только вамъ скажу, что послѣднее наше свиданіе у графини было мнѣ чрезвычайно примѣчательно по всему, а особливо по чтенію житія Аркадія и Іоанна, кое останется навсегда въ моемъ сердцѣ. Во время же нашей послѣдней бесѣды у графини примѣчательное происшествіе было въ моей домовой церкви, которую, какъ я вамъ сказывалъ, передѣлываютъ, и

[1]) Въ 1-й рукоп. № 10.

[2]) Изъ этихъ словъ видно, что письмо писано 5 сентября. Въ рукописи письмо не имѣетъ даты. Н. Б.

окошки были отворены; мой камердинеръ случился въ домѣ въ сей день: вдругъ влетѣли три голубя и летали въ олтарѣ только, а не въ церкви; мнѣ жаль, что ихъ не оставили, но мальчикъ, увидѣвъ сіе, захотѣлъ ихъ ловить, и они улетѣли. Увѣдомьте каково здоровье ваше и какъ вы нашли монастырь. При семъ посылаю по желанію вашему псалтырь. Благодарю за порученную тайну, коя для меня одного останется. Поручая себя молитвамъ вашимъ, надѣюсь, что Христосъ посредѣ насъ есть и будетъ. Аминь. Покорнѣйшій слуга вашего высокопреподобія князь Александръ Голицынъ.

P. S. Слово въ великій четвертокъ, которое вы мнѣ дали въ Александровъ день, кѣмъ было говорено? благословеніе крестомъ и прочее, что происходило въ Александровъ день между вами и мною, такія имѣло послѣдствія, что не только миръ я ощущалъ въ себѣ, но и чистота помысловъ продолжалась нѣсколько дней; однимъ словомъ дѣйствительно я ощутилъ благословеніе Господне рукою вашею. Да Господь воздастъ вамъ по своей великой милости; мнѣ нечѣмъ васъ возблагодарить,—кромѣ того, что въ сердцѣ моемъ вы жить будете навсегда. Аминь.

XIV [1]).

17 сентября. С.-Петербургъ.

Высокопреподобне отче Фотіе! въ сей день празднованія Софіи, Вѣры, Надежды и Любви пожелалось мнѣ бесѣдовать съ вами и попросить благословенія вашего. Во время пребыванія вашего здѣсь желалъ я, чтобъ жертва безкровная Спасителя нашего вами была принесена въ храмѣ, находящемся подъ однимъ кровомъ съ моимъ жилищемъ; но никакъ не могъ онъ быть оконченъ, и надежда моя остается впредь на любовь вашу ко мнѣ, что не откажетесь совершить сію жертву, когда Господь благословитъ вамъ сюда пріѣхать. Мнѣ обѣщали кончить работы въ церкви къ 1-му сентября, но никакъ не могли прежде 12-го числа, и такъ я въ сей день переѣхалъ въ мой домъ къ всенощной, а на другой въ праздникъ обновленія храма обновленъ и наружный мой храмъ. Прошу васъ помолиться о мнѣ грѣшномъ, да вѣра моя оживится,—надежда моя да не усомнится, что любовь Спасителя за насъ умершаго такъ водворится въ мое бѣдное сердце, что и внутренній мой храмъ обновится и украсится изъ единаго милосердія Господа. Сего желаетъ душа моя и сердце вопіетъ о семъ иногда, а я желалъ бы завсегда. Послѣ освященія церкви, я прочелъ въ четіи минеи описаніе обновленія храма въ той день празднуемое и мнѣ было чтеніе сіе утѣшительно. Также мнѣ примѣчательны были слова священника моего по окончаніи литургіи,

[1]) Въ 1-й рукоп. № 11.

давая мнѣ просфору онъ сказалъ: благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима—слова, которыя и ваше высокопреподобіе мнѣ говорили, а потомъ онъ сказалъ что-то о Корнилѣ сотникѣ, но я не разслушалъ,—потомъ 14-ое число, день воздвиженія Честнаго Креста. Графиня Орлова слушала у меня божественную литургію, а послѣ я у ней обѣдалъ и она хотѣла васъ увѣдомить, какъ мы провели время. Истинно мы съ вами соединены были духомъ въ Господѣ и все время провели въ чтеніи и разговорѣ о васъ съ воспоминаніями. Благодарю за сообщеніе открывшееся вамъ кафизм. 12 въ присланномъ отъ меня псалтырѣ, прошу Господа, да начертаетъ онъ слова оныя въ сердцѣ моемъ, какъ вы то желаете. Вы мнѣ позволили вопрошать васъ о всемъ, то и прошу васъ изъяснить мнѣ нѣкоторые стихи въ главѣ 5-ой посланія 1-го святаго Іоанна Богослова стихъ 8 и 9, какъ оной принимать. Засимъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностью вашего высокопреподобія покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Съ митрополитомъ я имѣлъ разговоръ, нахожу, что онъ предобрый,—и между нами сказать, вы ему о семъ не пишите: онъ имѣлъ на сердцѣ нѣкую тягость по дѣламъ его службы и по объясненію моему съ нимъ съ Божіею помощію я его успокоилъ нѣсколько, а надѣюсь, что совсѣмъ чрезъ нѣкоторое время.

XV [1].

2 октября. С. Петербургъ.

Высокопреподобный отче Фотіе! Многолюбезно-назидательныя писанія ваши обрадовали сердце мое къ вамъ, влекомое самимъ Господомъ—я не имѣю время довольно и боюсь васъ отвлекать отъ должности, а можетъ и отъ духовнаго вашего занятія; безъ того я хотя бы ежедневно могъ писать, судя по желанію сообщаться съ вами.

Вы пишете о трехъ голубяхъ истинно ли то было? я увѣряю въ томъ, ибо мой камердинеръ человѣкъ христіанскихъ правилъ и ни за что не солжетъ; желаніе ваше по сему случаю принимаю за благословеніе и при помощи молитвъ вашихъ надѣюсь на Того, Кто всемогущъ, милосердъ къ грѣшникамъ и никого не презираетъ, кто проситъ у Него сихъ крылъ голубиныхъ. Сердце чисто созижди во мнѣ, Господи и духъ правъ обнови во утробѣ моей,—тогда, какъ бы ни тяжелъ я былъ подъ бременемъ грѣховнымъ, то крилѣ Имъ данныя подымутъ и понесутъ; а кровь Его безцѣнная

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 12.

омоетъ нечистоту мою. Вы же мнѣ выпросите ризу спасенія, чтобъ въ чертогъ пустили и на брачной вечери накормили. Ваши молитвы конечно то дѣлаютъ, что я къ вамъ пишу теперь и орошаясь слезами жажду такъ спасенія, что все бы, кажется, бросилъ, чтобъ полетѣть на крылахъ сихъ,— но много еще нужно Господу меня обработывать,—бѣденъ бо и неключимъ несказанно на духовномъ поприщѣ. Молитесь за меня, Христа ради, Господь васъ вознаградитъ за то....

Недаромъ мнѣ хотѣлось къ вамъ писать въ день Софіи, какое драгоцѣнное письмо отъ васъ получилъ въ отвѣтъ; желаю отъ всего сердца, чтобъ выполнилось по оному со мною. Сія Софія ко мнѣ милостива и давно ищетъ меня сблизить съ дщерьми своими, но я не имѣю довольно постоянства и вѣрности, хотя полюбилъ ихъ. Постепенность, которую вы научаете въ сихъ трехъ дщеряхъ прекрасна и какъ за любовь прежде вѣры не должно браться, надо мной сдѣлало большое дѣйствіе. Сонъ вашъ о служеніи въ церкви подъ кровомъ моимъ да сбудется на яву! когда Господу то угодно будетъ — готовъ ждать сего съ терпѣніемъ, ибо онъ все устрояетъ въ свое время, только желаю, что ежели подлинно вы совершать будете, когда божественныя тайны въ моемъ явномъ храмѣ, чтобъ успѣли и меня напитать тѣмъ, чѣмъ вы спѣшили себя причастить, чтобъ не обратилось все въ огнь (любви). Весь сонъ чрезвычайно примѣчателенъ. Но что меня порадовало въ слѣдъ за оньмъ: вы посылаете мнѣ миръ и молите Господа, да дастъ Онъ вамъ совершить въ моей внутренней церкви служеніе слова и дѣла Божія, тайну любви совершать и вечерею тайною меня питать, и что Христосъ посреди насъ есть и будетъ; а я всему сему реку отъ полноты сердца: Аминь. Аминь. Аминь.

О государѣ мы имѣемъ извѣстія отъ 14-го и когда получимъ послѣ 15-го или 17-го не примину васъ увѣдомить; а частныя извѣстія отъ 16-го, гдѣ говоритъ, что государь слава Богу здоровъ. Извѣстія объ отъѣздѣ изъ Вѣны еще нѣтъ, только все считаютъ, что ни въ Римъ, ни въ Неаполь не поѣдетъ, а только въ Верону для конгресса, которой городъ итальянскій подъ владѣніемъ Австрійскимъ.

11-го числа сего мѣсяца ѣду въ Гатчино къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, она меня звала на освященіе церкви въ гошпиталѣ, и думаю тамъ дня три проживу.

Графинѣ Орловой читалъ я ваше письмо о Софіи и трехъ ея дщеряхъ; она была въ восхищеніи и покуда я читалъ, она восклицала: ахъ, отецъ! отецъ!—какъ онъ милъ, и такъ какъ вы желали, чтобъ она съ сего письма имѣла копію, то и выпросила у меня тотчасъ. Какая у ней прекрасная душа! да поможетъ ей Господь продолжать свой путь къ горнему Іерусалиму и имѣя такихъ путеводителей куда она не дойдетъ.

Много я васъ безпокою длиннымъ своимъ письмомъ, но истинно хотѣ-

лось съ вами побесѣдовать и чувствую сладость, хотя по заочно заниматься съ вами. Поручая себя молитвамъ вашимъ, и прошу благословенія, пребуду навсегда съ совершеннымъ почтеніемъ и любовію во Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

Вашего высокопреподобія преданный всѣмъ сердцемъ князь Александръ Голицынъ.

P. S. Вчерашній день праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы для меня примѣчателенъ. Въ сей день въ 1812 году, когда французы еще владѣли Москвою, освящался храмъ подъ кровомъ моимъ находящійся и посвящался Святой Троицѣ.

Вчера минуло сему 10 лѣтъ, какъ я имѣю счастіе жить подъ однимъ кровомъ съ жертвенникомъ, гдѣ приносится безкровная жертва Спасителя и за меня грѣшнаго, умершаго, какъ и за весь міръ. Я возблагодарилъ Господа отъ всея души и духа моего и просилъ, да проникнетъ Онъ въ мой внутренній храмъ и да созиждятся тамъ стѣны Іерусалимскія для принесенія въ жертву Ему благоугодную всесожженіе воли моея и да царствуетъ на мѣсто ея воля святая Его во вѣки. Аминь.

XVI [1]).

17 октября С. Петербургъ.

Высокопреподобный отецъ Фотій. Хотя давно не имѣю ни строчки отъ васъ и думаю, что надоѣлъ вамъ моими письмами; но истинно не могу оставить себя, чтобъ не писать къ вамъ, хотя короткое письмо. Я бы желалъ знать причину сего молчанія и тогда бы былъ спокоенъ; ежели оное происходитъ не отъ неудовольствія какого на меня, то я ожидалъ бы съ терпѣніемъ. Иногда думаю я не чувствуетъ ли духомъ отецъ Фотій, что я не въ порядкѣ. Молюсь, прошу, и недоумѣваю.

Ежели же сіе происходитъ отъ духовнаго вашего расположенія, требующаго нѣкотораго покоя внутренняго и отдаленія отъ наружной дѣятельности, то не только терпѣливо ожидалъ бы того времени, когда Господь благословитъ васъ на переписку со мною; но и благодарилъ Господа, что вы съ Нимъ бесѣдуете и Имъ исполняетесь и когда наполнитесь, то и намъ прольется то, что черезъ край!—Были бы сосуды наши готовы для принятія и чисты, и просты.

И такъ, хотя два слова для успокоенія многолюбящаго васъ и просящаго благословенія грѣшнаго.

P. S. Графиню я просилъ и увѣренъ, что вы уже имѣете свѣденіе, что государь слава Богу здоровъ,—послѣднее извѣстіе отъ 1-го октября съ дороги въ Верону; въ декабрѣ будетъ назадъ, а я писемъ отъ него совсѣмъ не получаю.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 13.

XVII [1]).

31 октября. С. Петербургъ.

Отче Фотіе! Послѣ молчанія вашего получены мной письма отъ васъ, въ томъ числѣ и послѣднее отъ 26 октября, такъ какъ и писаніе ваше къ графини Орловой отъ того же числа совершенно меня успокоили. Я вижу что то было искушеніе, ибо молчаніе сіе не долженъ бы я ни въ какомъ случаѣ относить къ перемѣнѣ вашей ко мнѣ, ибо слуги Божіи и любящіи Его какъ вы не перемѣняются, какъ мірскіе люди, которые по прихотямъ или видамъ собственныхъ интересовъ сводятъ знакомства и ихъ разрываютъ и правду сказать, я не въ васъ сомнѣвался, но казалось мнѣ, что аки бы я можетъ не въ порядкѣ и что вы чувствуя по духу оное, не хотите со мной сообщаться и тутъ ошибочное было мое разсужденіе, ибо я увѣренъ, что въ семъ послѣднемъ случаѣ любовь ваша ко мнѣ во Господѣ еще болѣе побудила бы васъ ко мнѣ писать. Однимъ словомъ, то было частью искушенія, а частью натуральная любовь моя къ вамъ, но недостаточно была очищена въ то время любовью о Господѣ, которая умѣряетъ порывы сердца нашего не порядочные, успокоиваетъ сердце наше и просвѣщаетъ свѣтомъ своимъ. Итакъ, я по милости Божіей, успокоенъ и увѣренъ въ васъ болѣе, чѣмъ въ себѣ, ибо ежели Господь меня не поддержитъ, то я могу къ вамъ перемѣниться, а о васъ я увѣренъ, что вы уже утверждены во Господѣ, и ежели бы я перемѣнился, то вы выведете меня изъ заблужденія. На вопросъ вашъ: хочу ли я, чтобъ вы писали два раза въ недѣлю и что воды достаточно въ монастырѣ вашемъ будетъ, чтобъ меня поить, развѣ время не достанетъ, скажу вамъ, что я не желалъ теперь, чтобъ вы непремѣнно всякую почту писали, а прошу писать тогда только, когда у васъ будетъ побужденіе. Воды, конечно, у васъ много, но и сосудовъ для принятія оной у васъ много же; слѣдовательно, я думаю, что полезнѣе для меня тогда отъ васъ оную получать, когда вы въ сердцѣ почувствуете, что надобно меня напоить,—а я буду просить Господа, чтобъ Онъ всегда, когда нужно, тогда бы мнѣ посылалъ черезъ васъ, а ежели угодно Ему заставить меня и пожаждать, то чтобъ послалъ терпѣніе. Все что о слезахъ вы мнѣ писали очень было мнѣ усладительно, такъ какъ и о водѣ возлитой на жертву и сожегшей оную; о! коли бы сія вода возлитая на жертвенникъ сердца моего сожгла бы ветхаго человѣка моего и обновила меня въ нову тварь; надѣюсь на Господа, на молитвы святыхъ Его,—Онъ спасетъ меня благодатію Своею для славы Своея и изъ любви неизрѣченныя:

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 14.

Ему все возможно, хотя мнѣ и трудно сіе кажется. Я молю Его: да умножитъ вѣру мою и сдѣлаетъ ее живою, да надежду мою сдѣлаетъ несомнѣнною, а любовь мою да очиститъ и да поглотитъ Своею любовію. Совѣтъ данный голубямъ и гнѣзды да вьютъ тамъ, гдѣ Богу угодно будетъ и насколько времени передамъ имъ во всей чистотѣ. За молитву вашу о мнѣ грѣшномъ благодарю и слѣдствіе оной запечатлѣваю въ сердцѣ моемъ. Теперь [1]) разскажу вамъ одно происшествіе, которое мнѣ чувствительно и умилительно было. Я не знаю извѣстно ли вамъ, что бурята, народъ идолопоклонническій, у насъ въ Сибири, нѣсколько лѣтъ тому назадъ услышавъ, что библейское общество переводитъ священное писаніе на разные языки, собрало чрезъ родоначальника своего 12,000 рублей и прислало къ намъ оные, чтобъ мы перевели на ихъ языкъ слово Божіе и имъ доставили. Мы не знали какъ къ сему приступить, что у нихъ за языкъ и кому поручить. Наконецъ прислали они къ намъ двухъ бурятъ, чтобъ ихъ научить по русски и потомъ, чтобъ они перевели имъ библію. Бурята сіи успѣли въ русскомъ языкѣ и одинъ изъ нихъ отправился во-свояси и Иркутскимъ преосвященнымъ окрещенъ. Оставался здѣсь другой чрезвычайно хорошаго сердца человѣкъ. Онъ перевелъ Евангелиста Матвѣя и началъ чувствовать отдаленіе къ идоламъ, которые онъ привезъ, потомъ перевелъ св. Іоанна и уже четвертый годъ, что онъ сердцемъ началъ любить Спасителя, крещеніе же не могъ получить по разнымъ препятствіямъ, какъ вдругъ открылась въ немъ пресильная чахотка и докторъ объявилъ, что онъ двухъ недѣль не проживетъ. Я тотчасъ написалъ къ преосвященнѣйшему митрополиту, описавъ все, что съ нимъ происходило, учить его и время уже не доставало, да и выученъ уже онъ былъ Господомъ. Митрополитъ назначилъ священника, чтобъ его крестить въ постелѣ, ибо онъ слабъ былъ, что не могъ встать; съ онымъ я былъ отцемъ крестнымъ его, и когда я къ нему вошелъ, спросилъ: какое имя хочетъ? онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобъ я ему выбралъ имя, итакъ я предложилъ ему Іоанна, на что онъ охотно согласился. По окрещеніи былъ онъ пріобщенъ Святыхъ тайнъ и въ четвертый день послѣ того онъ скончался. Я былъ у него наканунѣ и принесъ ему крестъ деревянный, освященный на гробѣ Господнемъ и лежавшій 40 дней на Голгофѣ. Я ему объ этомъ разсказавъ, отдалъ; онъ схватилъ крестъ и не выпускалъ изъ рукъ, державъ его крѣпко до самой кончины. Я спросилъ: радъ ли ты, что сподобилъ тебя Господь принять въ Свою церковь? онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: я таю сердцемъ. Чудное сіе было зрѣлище-на одрѣ смертномъ, лежащій идолопоклонникъ—отрекающійся отъ идоловъ, а на

---

[1]) Эта часть письма (до конца) напечатана въ Чтеніяхъ Москов. Общ. И. и Древностей 1868 г. книга III. Н. Б.

стѣнѣ у него образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, коему онъ поклонялся и вѣровалъ,—благовѣщенія образъ и 4 Евангелиста. Помолитесь о душѣ сего новокрещеннаго Іоанна, да приметъ Господь его въ обители Его вѣчной.

Прощайте, отецъ преподобный и будьте увѣрены, что у меня въ сердцѣ впечатлились ваши слова: что Христосъ посреди насъ есть и будетъ. Аминь. Аминь. Аминь. **Кн. А. Голицынъ.**

XVIII [1]).

21 ноября. С. Петербургъ.

Преподобне отче Фотіе! Давно не писалъ я къ вамъ, были недосуги да и пребываніе у васъ чада вашего духовнаго и многолюбезнаго [2]) остановило меня писать къ вамъ, не хотя мѣшать вашимъ бесѣдамъ духовнымъ. Я увѣренъ, что и графиня рада была, что я не отвлекалъ васъ и не отнималъ время для нее драгоцѣннаго, такъ какъ она на долгое время разстается. Между тѣмъ получилъ отвѣтъ вашъ отъ 16 ноября на послѣднее мое письмо о смерти крестившагося бурята. Какъ письмо ваше для меня важно и точка ваша зрѣнія на смерть примѣчательна, буду помнить послѣдняя моя четыре: судъ, смерть, адъ и царствіе небесное молитвами вашими; я прочиталъ со вниманіемъ ваше письмо и вѣрно, что такъ бываетъ, какъ вы пишете, но такъ какъ всякъ человѣкъ идя къ одной цѣли, но всякъ разными способами, которые составляютъ его путь, то я обратился на свою жизнь прошедшую и какими способами Господь привлекалъ меня къ себѣ и что внутри сердца моего теперь происходитъ относительно кончины дней моихъ временной сей жизни. Всѣ сіи размышленія захотѣлъ я кратко исторически вамъ описать, какъ со мною происходило до нынѣ. Въ молодости первой, когда я пустился въ міръ, какъ конь необузданный, я былъ здоровъ, веселъ, любилъ міръ для своего сластолюбія и только цѣлью имѣлъ себя-какъ бы день провести въ новыхъ утѣхахъ и сластяхъ, когда о кончинѣ своей я не помышлялъ, истинно думая, что такъ до онаго долго, что почти считалъ, что оное никогда не будетъ; хотя я видалъ всякій день и моложе меня умирающихъ;—ослѣпленіе! ничто иное. Наконецъ я началъ находить, что я счастья совершеннаго не нашелъ и желалъ богатства и чести. Потомъ разныя со мной были перемѣны, о которыхъ отчасти я вамъ разсказывалъ, какъ Господь меня сталъ привлекать и наконецъ сердце мое по благодати Его возлюбило и тутъ начались пожертвованія лю-

[1]) Въ 1-й рукоп. № 15.

[2]) Рѣчь идетъ о посѣщеніи Фотія въ Сковород. монастырѣ графини Орловой.

бимыхъ вещей, ибо безъ того я не могъ бы оставить все то, что мнѣ было мило въ мірѣ, ежели-бы Господь Своими милостями не привлекалъ меня искать въ духовныхъ наслажденіяхъ то, что надобно было оставлять изъ мірскихъ наслажденій. Въ семъ состояніи я боялся умереть, думая, что долгая жизнь лучше очиститъ душу и спастися удобнѣе, имѣя долгое время предъ собою. Потомъ пришла эпоха искушеній разныхъ, какъ въ духовныхъ вещахъ, такъ и плотскихъ и большія борьбы съ сильными лицами. Я вамъ тоже о семъ говорилъ и наконецъ вамъ извѣстно, что въ теченіи нынѣшняго года мнѣ очень тяжело было отъ разныхъ состояній людей; теперь нѣсколько успокоивается сія буря съ окончаніемъ сего года, и въ сіи тяжкія времена я вамъ по истинѣ скажу чувство, которое я въ себѣ ощущалъ,—я все желалъ удалиться отъ дѣлъ и Господу сіе не угодно; что я по всему видѣлъ и такъ я предался Его воли, но въ отношеніи къ смерти я дивлюсь чувству моему—знаю и чувствую: я великій грѣшникъ и знаю, что грѣшникамъ смерть люта,—но совсѣмъ тѣмъ надежда моя столь велика на Спасителя, что я увѣренъ, что онъ спасетъ меня непремѣнно, и какъ Онъ всемогущъ, можетъ въ одно мгновеніе переобразить меня духомъ Своимъ, то я не только боялся, но были со мною времена въ нынѣшнемъ году, что я желалъ умереть, только бы на сіе воля была Господня. Сіе случалось со мною и въ бесѣдахъ съ вами бывшихъ иногда, когда вы о царствіи или любви Божіей говорили,—въ дни причащенія и въ другія умилительныя минуты—я не знаю, когда на опытѣ поставленъ буду Господомъ, когда придетъ смерть; какъ-то я ее приму; но о семъ непрестанно молюсь и васъ прошу молитвами своими не оставить о послѣднихъ дняхъ моихъ, чтобъ Господь далъ мнѣ христіанскую кончину, чтобъ я съ радостію сему вѣстнику сказалъ: отверзи мнѣ дверь во имя Іисуса Христа въ царствіи Его. Но боюсь я смерти для другихъ, признаюсь и прошу о тѣхъ, коихъ я считаю, что полезны для дѣла Божія, но все съ тѣмъ, что ежели на то воля Божія.

А вы пишете въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, что Господу никто не нуженъ такъ, чтобъ замѣнить его не было кѣмъ.

Конечно правда, но я себѣ позволяю молиться за слугъ Божіихъ; Господь сдѣлаетъ только то, что должно, а проститъ, что я къ Нему прибѣгаю, какъ къ отцу Царю и Богу, и сказываю ему, что сердце мое желаетъ не для меня одного, но для дѣла Божія, моей души или ближнихъ моихъ.

Вы говорите: время бѣжитъ и Фотій не коснитъ туда же идти, куда твой Іоаннъ пошелъ и вы думаете, что я не стану молить о вашей жизни для вертограда Господня, но Его святая воля конечно; однако бываютъ случаи, что и грѣшная молитва иногда доходитъ къ Господу въ соединеніи съ другими святыми душами, кои молитву сію возносятъ и она умножаетъ, хотя на каплю, массу молитвъ сихъ. Господь милосердъ; Онъ васъ оставитъ

въ сей юдоли плачевной, чтобъ многихъ утѣшить, исцѣлить и руку подать помощи утопающимъ въ мірѣ семъ. Полно уже говорить о смерти, я прошу меня увѣдомить графиня Орлова не забыла ли вамъ сказать, что мнѣ отъ роду 49-й годъ истекаетъ, что всякія семь лѣтъ бываетъ въ жизни перемѣна въ человѣкѣ физическая или духовная, а сей годъ 7-ю семь и какъ вы знаете довольно былъ тяжелъ, то я желаю и прошу Господа сподобить меня причаститься святыхъ и животворящихъ таинъ 8-го будущаго декабря —день моего рожденія и въ который я вступаю въ 50-й годъ; я просилъ графиню, и она обѣщала мнѣ не забыть вамъ разсказать все вышеписанное и просить васъ, чтобъ вы въ сей день соединились со мной въ духѣ и принесли обо мнѣ моленіе къ Спасителю нашему Господу Іисусу Христу, да благословитъ онъ меня быть Ему вѣрнымъ да умножитъ Онъ мою вѣру и сдѣлаетъ ее живою, да умножитъ надежду и сдѣлаетъ ее не сомнѣнною, да умножитъ мою молитву, любовь и сдѣлаетъ ее чистѣйшую,—да созиждетъ во мнѣ сердце чисто и смиренно и да будетъ воля Его святая во мнѣ царствовать во вѣки вѣковъ. Аминь.

Прошу васъ 8-го декабря, ежели Господь пошлетъ вамъ молитву о мнѣ грѣшномъ, написать мнѣ въ сей день, хотя бы былъ не почтовый, вы пошлете его въ свое время, но я желалъ, чтобъ имѣть отъ того дня вашу бесѣду къ сердцу моему, которое васъ въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ любитъ безмѣрно. Прошу благословенія вашего, пребывая навсегда вашему высокопреподобію преданный душевно слуга князь Александръ Голицынъ.

P. S. Я увѣренъ, что вы желаете знать о государѣ, итакъ я васъ увѣдомляю, что онъ слава Богу здоровъ, я отъ него имѣю письмо отъ 28 октября, о возвращеніи однако ничего не пишетъ. Надо ожидать, что съ первымъ курьеромъ не узнаемъ ли что; мы все надѣемся, что въ декабрѣ.

Я обращусь еще къ предмету, о которомъ въ письмѣ моемъ писалъ, то есть о людяхъ, кои слабы здоровьемъ и о коихъ я молюсь. Владыко Серафимъ въ томъ числѣ по человѣческому соображенію, кажется теперь его жизнь нужна, какже за него не молиться, а Господь сдѣлаетъ по волѣ Своей, но не можетъ Ему быть противна молитва таковая, когда предавая въ Его волю и себя и тѣхъ, коихъ любимъ, просимъ о нихъ. Я истинно Серафима митрополита люблю во Господѣ—также прошу васъ помолиться за Василія Михайловича Попова, онъ все очень боленъ, у него [1]) мокроты кинулись въ руки и всѣ покрыты ранами были, теперь оттягиваютъ шпанскими мухами на другое мѣсто выше локтя, чтобъ сдѣлать фонтенель;—нѣсколько дней ему получше, худо спалъ ночи и аппетиту нѣтъ; помолитесь за него, Христа ради, душа его прекрасная, любящая Господа,

[1]) Слово не разобрано.

и у меня нѣтъ человѣка способнѣе по дѣламъ до духовности касающимся, когда нужно, что написать, и какъ онъ трудолюбивъ. Письмо ваше о смерти по желанію вашему самъ спишу и пошлю графинѣ,—еще желаю узнать благословите ли вы мнѣ писать въ письмахъ графинѣ, называя ее сестрою о Господѣ,—я думаю вы видѣли мое къ ней писаніе изъ Гатчины брата Іоанна къ Аркадію,—но мнѣ какъ-то трудно къ ней писать церемоніально: ваше сіятельство и проч.; но я желаю, чтобъ вы сіе рѣшили и увѣдомили ее и меня. ежели же вы найдете, что сіе не нужно, то чтобъ между нами осталось. Знакомство мое съ нею было совсѣмъ не мірское: я ее зналъ давно и признаюсь, что я не искалъ съ нею сблизиться, особливо, когда была она и я помоложе; всѣ бы сказали, что ищу ей быть женихомъ, — нынѣ же знакомство мое было точно духовное и такъ чистосердечное, что я какъ бы вѣкъ съ нею въ связи родственной былъ и истинно люблю ее какъ сестру. Прощайте отецъ Фотій, преподобнѣйшій и прелюбезнѣйшій; вы мнѣ сказали, какъ обыкновенно въ вашихъ письмахъ: Христосъ посреди насъ есть и будетъ, а я вамъ отъ всего сердца отвѣчаю: Аминь. Аминь. Аминь.

XIX [1]).

1 декабря. С. Петербургъ.

Приношу мое сердечное благодареніе высокопреподобный отче Фотій! за продолженіе посланія вашего о смерти. Добро помнить о ней и ваше поученіе глубоко впечатлѣлось во мнѣ; молите Господа, да поможетъ мнѣ Онъ премилосердный искупитель созрѣть къ жизни вѣчной и да (будетъ) смерть мнѣ въ радость и вратами къ тихому пристанищу послѣ суетъ міра сего.

Въ письмѣ послѣднемъ вашемъ примѣчателенъ мнѣ былъ сонъ вашъ съ 22-го на 23 число ноября, какъ существо сна, такъ и самое число, ибо 22 число по утро въ молитвѣ моей утренней часу въ 7-мъ утра, когда я углубился въ оной и сердечно молился, вдругъ пришло мнѣ чувство спросить у васъ: знаете ли вы по гречески говорить. Въ ту минуту я совсѣмъ и не думалъ о васъ, ибо вамъ я долженъ сказать, что я по окончаніи молитвы своей приношу молитву о васъ, извѣстную вамъ съ тремя земными поклонами, но въ то время я еще за васъ не молился, какъ получилъ сіе чувство,—то во исполненіе онаго прошу написать мнѣ знаете ли вы греческій языкъ?

Вслѣдствіе онаго и другое было чувство, которое кажется должно теперь помолчать; время и Господь укажетъ какой развязки быть.

За симъ прося благословенія и низко кланяясь, лобызаю руку вашу, пребывая навсегда васъ сердечно любящій князь Александръ Голицынъ.

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 16.

XX [1]).

10 декабря. С. Петербургъ.

Благодареніе Господу за вся, яже посылаетъ по милости своей и за писаніе ваше, преподобный отче Фотіе! начинающееся сими словами: святое святымъ! . . . получа оное, я ощутилъ въ сердцѣ своемъ многое! . . чувствовалъ я, что оно писано живымъ духомъ и сколь я не достоенъ и грѣшенъ. Однако надѣясь на неизрѣченное милосердіе Божіе, отвѣчалъ вамъ въ сердцѣ моемъ: Единъ Святъ, Единъ Господь Іисусъ Христосъ,—а Онъ за меня умеръ, чтобъ меня искупить, очистить и освятить, итакъ прибѣгнувъ къ нему просилъ помилованія и надѣялся, что не отвергнетъ Онъ меня окаяннаго. Теперь вамъ разскажу, что со мною происходило, ибо я замѣчалъ, что всякій разъ, какъ я причащаюсь святымъ тайнамъ, дѣйствія бываютъ со мною различныя: по большей части чувствую умиленіе, слезы, иногда радость, а иногда болѣзнь въ главѣ и всемъ тѣлѣ до причащенія, а потомъ облегченіе тотчасъ, какъ удостоиваюсь принять тѣло и кровь Господнюю, нынѣ-же вотъ что случилось: по обыкновенію на канунѣ исповѣдывался я и по милости Божіей довольно чувствуя грѣховность мою вообще, но нечастно, и во исповѣданіи моемъ болѣе чувствовалъ я болѣзнь грѣха вообще и просилъ врача душъ и тѣлесъ нашихъ, чтобъ онъ далъ мнѣ отвращеніе отъ всякаго грѣха и исцѣлилъ,—потомъ принялся я за чтеніе всѣхъ тѣхъ словъ Ефрема Сирина, которыя вы мнѣ назначили для чтенія 7-го декабря и нашелъ ихъ совершенно сообразными съ душевною моею нуждою и благодарю васъ за сей совѣтъ, читалъ я до 12 часовъ пополуночи, потомъ помолясь легъ спать,—8-ое декабря вставъ, чувствовалъ я какую-то тягость тѣлесную, а въ сердцѣ расположеніе къ молитвѣ; итакъ во время приготовленія и чтенія правила погружался я точно глубоко въ сердцѣ моемъ, но не чувствовалъ того трезвѣнія духа, которое люблю я имѣть—искушеніе ли то было отъ врага или отъ плоти, я не знаю, но грустно мнѣ было, что казалось мнѣ, я не съ тѣмъ чувствомъ умиленія приступалъ къ Божественной Вечери, какъ бы я желалъ. Наконецъ, приступивъ къ причащенію чувствовалъ свое недостоинство и немного слезы показались на глазахъ; но по причащеніи ощутилъ большой миръ и тишину внутри меня—радости явной не ощущалъ, но хорошо мнѣ было и покойно. Возвратясь въ свою комнату, благодарилъ я Господа и минута смущенія прошла, отчего я такъ мало плакалъ при семъ дѣйствіи и потомъ не такъ радовался, какъ прежде,—боялся не прогнѣвалъ ли чѣмъ Господа. Но тотчасъ сіе прошло и

---

[1]) Въ 1-й рукоп. № 17.

я, предавъ все въ Его святую волю, просилъ Его да дастъ мнѣ вкусить Его почаще и видѣть сколько Онъ благъ, и коимъ образомъ Ему угодно. Сію тишину я и до сихъ поръ по милости Божіей нѣсколько чувствую и увѣренъ, что ваши молитвы не оставляли меня въ сіи дни, какъ и всегда; но въ Николинъ день что-то я ощущалъ васъ къ себѣ очень близкимъ. Въ воображеніи моемъ образъ вашъ мнѣ ясно обозначался въ сей день и какъ бы въ той шапочкѣ, въ которой я иногда васъ видалъ, въ малой, совсѣмъ по головѣ сдѣланной, въ которой я васъ два раза видѣлъ только. Годъ 49-й моей жизни, благодареніе Господу, прошелъ, онъ мнѣ тяжелъ былъ, потому что не дѣлалъ я по части народнаго просвѣщенія, для служенія Господу было не удачно;—духъ міра бралъ верхъ, разумъ хотѣлъ сидѣть на престолѣ, на которомъ я хотѣлъ, чтобъ царствовалъ Христосъ—вездѣ неудачи, гоненія христіанъ,—между христіанами раздѣленіе вмѣсто согласія, котораго мнѣ желалось. Но съ лѣта нынѣшняго началась перемѣна и я чувствовалъ какъ бы облегченіе, и что Господь молитву услышалъ тѣхъ, кои за меня оную приносили изъ чистыхъ своихъ сердецъ. Но мнѣ нужно было потерпѣть нѣсколько, ибо Господь всегда меня привлекалъ къ себѣ милостями, а пора была посмотрѣть, вѣренъ ли буду при гоненіяхъ. Все спасеніе мое было въ теченіи сего года, что я исполняю волю Господню! Помолитесь, да пошлетъ Онъ мнѣ въ теченіе нынѣшняго года благодать свою для узнанія Его воли въ служеніи моемъ и для спасенія души моея. Потомъ получилъ я писаніе ваше отъ 7-го декабря, въ коемъ отвѣчаете мнѣ о греческомъ языкѣ; будьте увѣрены, что я никакихъ предположеній не имѣлъ, а на молитвѣ стоя, вдругъ приходитъ мнѣ чувство о васъ, и умѣете ли вы по гречески говорить. Я не знаю къ чему это, но я къ вамъ просто написалъ, что со мною случилось. Я не знаю, что Господу изъ васъ угодно сдѣлать, да продлитъ Господь вѣкъ вашъ и да сохранитъ ту связь духовную, которую я почувствовалъ при первомъ свиданіи моемъ съ вами въ храмѣ новоосвящаемомъ и посвященномъ Святому Духу [1]). Предположеній же моихъ собственныхъ я не смѣю дѣлать, особливо о орудіяхъ Божіихъ и ежели бы что представилось, то вамъ сообщилъ бы. По порученію вашему писаніе о смерти [2]) я переписалъ своею рукою и на нынѣшней почтѣ къ графинѣ Орловой посылаю, а продолженіе онаго писанія не успѣлъ списать и пошлю послѣ сестрѣ моей о Господѣ.

---

[1]) Первое знакомство Голицына съ Фотіемъ произошло при освященіи Духовской церкви въ Александро-Невской лаврѣ въ маѣ 1822 года.

[2]) Обширный трактатъ Фотія, доселѣ остающійся въ рукописяхъ (между прочимъ въ одной изъ тѣхъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ настоящія письма). Это самое крупное и наиболѣе замѣчательное изъ всѣхъ сочиненій Фотія. О немъ упоминаетъ кн. А. Н. Голицынъ выше въ письмѣ XIX-мъ.

Н. В.

О государѣ мы имѣемъ пріятное извѣстіе, что онъ въ первыхъ числахъ января будетъ въ Петербургѣ, не заѣзжая въ Вѣну, и что онъ слава Богу здоровъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и прося благословенія, есмь сердечно васъ любящій князь Александръ Голицынъ.

P. S. Пишете вы, что не рѣдко меня видите въ нощи и что объ одномъ случаѣ постараетесь написать; напишите, я желаю сердечно онаго.

Вы пишете: помню ли слова ваши? Все помню и подаянія за царя ежедневныя исполняются и прочія порученія. Самъ я не всякій день имѣю время выходить пѣшкомъ, то у меня есть вѣрный человѣкъ, любящій нищую братію: онъ сіе исполняетъ и поручаетъ молиться за царя. Я же сверхъ того, когда выхожу, то съ своей стороны дѣлаю. Въ день моего рожденія три горшка цвѣтовъ мнѣ присланы отъ неизвѣстнаго; я подумалъ: не отъ васъ ли кому поручено? впрочемъ не знаю; —два горшка бѣлыхъ и одинъ красныхъ цвѣтовъ; кто бы то ни былъ—благодарю за вспоминаніе. Прощайте, Христосъ посреди насъ... Слава Богу.

P. S. Хотя я помню ваши слова, какъ я выше написалъ, но чтобъ вѣрнѣе знать, прошу мнѣ написать, что вы мнѣ говорили объ искушеніяхъ.

Вы мнѣ совѣтовали взывать: сердце чисто созижди во мнѣ Боже и проч... отъ тайныхъ моихъ очисти мя—грѣхъ юности моей и проч., потомъ загнутые листы въ малой псалтырѣ, которую вы мнѣ дали.

XXI [1]).

25 декабря. С. Петербургъ.

Въ послѣднемъ посланіи вашемъ, высокопреподобный отецъ Фотій, отъ 8-го декабря, не могли вы мнѣ ничего написать какъ: Христосъ посреди насъ есть и будетъ; чего же больше? сіе есть едино на потребу, – благодареніе Господу и вамъ, что въ день моего рожденія вамъ ничего не послано въ сердце, какъ «Христосъ посреди насъ есть и будетъ», и сіе чувство вы имѣли въ радости. Благодареніе Господу за ваше писаніе, за ваше слово, за ваше желаніе, за ваше цѣлованіе.

Во взаимность вамъ сердце мое речетъ вамъ «аминь» на писаніе ваше, и речетъ оно сіе въ день рождества Спасителя нашего и Господа, царя царей и Господа Господей, сладчайшаго Іисуса Христа, милосерднаго Искупителя,—речетъ: да будетъ по глаголу и молитвамъ вашимъ: Христосъ посреди насъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь,—слава въ вышнихъ Богу и на

[1]) Въ 1-й рук. № 18.

земли миръ. О! желаетъ мое сердце сего мира, которое воспѣли ангели и которое дается только симъ Словомъ, воплотившимся и рождшимся въ яслѣхъ для нашего спасенія. Радость я ощущалъ большую и истинно какъ бы сердце играло вчера, какъ на всенощной стали пѣть радостными гласы то, что поется въ славу рождества Богочеловѣка, и, наконецъ, пришедъ къ себѣ не могъ я лечь до полуночи, въ сей часъ помолился я и поклонился я сему смиреннорождшемуся Младенцу, а сердце мое въ радостномъ чувствѣ соединялось съ вами и съ отсутствующимъ царемъ нашимъ. Какъ желалъ я ему, чтобъ сей Божественный Младенецъ въ немъ воцарился бы и царствовалъ чрезъ него надъ нами и надъ всѣми языками для славы Божіей и спасенія человѣковъ.

Сегодня же по обычаю вставши въ 6-ть часовъ и помолясь первымъ долгомъ и влеченіемъ сердца побужденъ былъ къ вамъ писать и просить благословенія вашего. Я увѣренъ, что въ сей день вы совершаете безкровную жертву на олтарѣ Божіемъ; то и я не буду забытъ. Крестъ вашъ мнѣ то свидѣтельствуетъ—и можетъ частица за меня вынута будетъ и руками вашими ввержется въ кровь Спасителя по окончаніи литургіи и омоетъ меня грѣшнаго и окаяннаго раба неключимаго.

Пріятно мнѣ писать къ вамъ всегда, а въ такіе дни ощущаю я особенное удовольствіе и ощущая радость сего великаго дня, представляю себѣ, что же чувствуетъ сердце столь пламенно-любящее Спасителя, какъ ваше: я истинно желалъ бы любить Его единаго, но сіе есть особая благодать отъ Господа и нужна чистота сердца особенная. Господи! сердце чисто созижди во мнѣ и Духъ правый обнови во утробѣ моей. Аминь.

Поручая себя молитвамъ, пребываю сердечно любящій во Господѣ васъ. Князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ, въ день Рождества Спасителя нашего Господа Іисуса Христа.

P. S. Радъ я былъ, что случаемъ подписки на искупленіе грековъ вы меня еще возлюбили; а что вы спрашиваете: можете ли вы отъ себя вещами жертвовать! конечно, можете, и всѣ къ тому приглашаются; да благословитъ Господь сей сборъ для избавленія единовѣрцевъ отъ плѣна, гдѣ ихъ турчать желаютъ.

Сообщ. **Н. И. Барсовъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

1842—1875.

Матеріяловъ для библіографіи переводовъ, на иностранные языки, сочиненій Лермонтова, не особенно много. Вотъ что имѣется по этому предмету, по настоящее время: 1) Въ Catalogue de la section des Russica, 2 vol. 1873 [1]); въ первомъ томѣ, на стр. 718—719, подъ рубрикой Лермонтова, съ № 642—662, 21 заглавіе и три ссылки на другія рубрики, и кромѣ того нѣсколько книгъ пріобрѣтено публичной библіотекой послѣ 1873 г.; 2) Въ каталогахъ книгопродавцевъ Базунова и Исакова, составленныхъ В. И. Межовымъ 75 заглавій переводовъ и статей періодическихъ изданій, содержащихъ рецензіи на переводы; 3) Въ справочномъ словарѣ, Г. Н. Геннади т. II, стр. 235—238, до 37 заглавій переводовъ и статей; 4) Въ весьма подробной русской библіографіи о Лермонтовѣ, составленной П. А. Ефремовымъ, приложенной къ изданію сочиненій Лермонтова 1873 г. (т. I, стр. 382—394), единственная до сего времени, указывается лишь на 8 статей и замѣтокъ о переводахъ, въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ; собственно о переводахъ на стр. 392, упомянуто только общими словами; 5) Въ Catalogue général de la littérature Française, O. Lorenz, VI vol. 1867—1877, въ III и VI том. только 6 заглавій подъ именемъ Лермонтова. Вотъ и все—причемъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что заглавія книгъ въ Catalogue des Russica, въ библіографіяхъ В. И. Межова и Г. Н. Геннади повторяются и они только незначительно по-

---

[1]) Пора бы напечатать дополненіе къ этому каталогу; за восемь лѣтъ матеріала должно быть понакопилось. В. Ш.

полняютъ другъ друга. Составивъ очеркъ: «Пушкинъ въ переводѣ французскихъ писателей» (Древн. и Нов. Россія 1880 г.) мы признавали полезнымъ составленіе подобнаго же очерка и о Лермонтовѣ, и въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ производили розысканія по библіографіи переводовъ сочиненій Лермонтова, и въ настоящее время имѣемъ до 140 заглавій переводовъ и статей; эта значительная коллекція дала намъ возможность составить предлагаемый очеркъ; признавая собранные матеріалы достаточными, мы не можемъ однако ручаться въ томъ, что въ него попало все, но во всякомъ случаѣ позволяемъ себѣ надѣяться, что пропусковъ немного; о переводахъ сочиненій Лермонтова, на французскій языкъ, у насъ ничего не напечатано, кромѣ нѣсколькихъ рецензій, разбросанныхъ въ журналахъ, то и полагаемъ, что таковой очеркъ не лишенъ будетъ интереса. Предлагаемый очеркъ раздѣленъ на четыре главы: въ первой перечислены переводы мелкихъ стихотвореній; во второй — поэмъ; въ третьей—прозы, т. е. «Героя нашего времени»; въ четвертой—біографическія и критическія статьи.

При сравненіи переводовъ, мы держались послѣдняго изданія сочиненій Лермонтова 1880 г., вышедшаго подъ редакціей П. А. Ефремова, и всѣ ссылки на это изданіе обозначены (т. стр.) т. е. томъ такой-то, страница такая-то: для отличія ссылокъ на французскіе переводы—(ч. стр.) т. е. часть и страница такая-то, или если переводъ въ одной книгѣ, то просто (стр.).

Нѣкоторыя изъ французскихъ изданій содержатъ матеріалы по двумъ или по тремъ отдѣламъ настоящаго очерка, а потому полное заглавіе книги изложено только при первомъ упоминаніи, а далѣе—при повтореніи—приводится только сокращенное заглавіе книги.

Въ концѣ очерка приложенъ алфавитный, нумерованный указатель всѣхъ заглавій книгъ, и другой, алфавитный же, именъ переводчиковъ, причемъ возлѣ именъ переводчиковъ сдѣлана ссылка на нумера перваго списка, т. е. заглавій книгъ и періодическихъ изданій, въ которые помѣщены были переводы или статьи; для отличія періодическія изданія нумерованы римскими цифрами.

Лермонтову болѣе посчастливило, чѣмъ Пушкину, въ отношеніи переводовъ и статей о немъ; о второмъ поэтѣ переводчики, за немногими исключеніями, писали вирши или передѣлывали его произведенія по своему, такъ что они дѣлались почти неузнаваемы. Между переводами твореній Лермонтова, попадается очень не много плохихъ, а большею частью точные и изящно написанные—но по французскому обычаю, а иногда и по требованіямъ французскаго стихосложенія, съ добавленіями отъ себя переводчиковъ;—что же касается

до статей о Лермонтовѣ, то они большею частью, очень сочувственны и толково написаны. Мы не можемъ здѣсь не отмѣтить довольно страннаго явленія: до конца пятидесятыхъ годовъ наша литература, въ писаніяхъ своихъ о Лермонтовѣ, ограничивалась болѣе или менѣе заурядными или тенденціозными рецензіями его сочиненій и не было ни одной сколько нибудь основательной объ немъ статьи, за исключеніемъ конечно двухъ изъ ряду вонъ выходящихъ оцѣнокъ таланта Лермонтова, написанныхъ Бѣлинскимъ въ 1840 и 1841 г. (въ «Отечеств. Зап.»); но эти двѣ статьи собственно только разборы: «Героя нашего времени» и стихотвореній изданія 1840 г. Съ конца пятидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться біографическія замѣтки и кое-что въ родѣ оцѣнки поэта (изд. сочиненій 1860 г.) и только въ 1873 году къ изданію сочиненій, подъ редакціей П. А. Ефремова, приложено вполнѣ обстоятельное изслѣдованіе о нашемъ поэтѣ А. Н. Пыпина, которое и по настоящее время остается самой капитальной и единственной достойной оцѣнкой незабвеннаго поэта. Между тѣмъ во французской публицистикѣ мы находимъ, что уже въ 1845 г. явилась въ «Иллюстраціи» хотя и незначительная по объему, но талантливо написанная характеристика поэта; А. Дюма, въ своихъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ, много пишетъ о Лермонтовѣ и приводитъ краткую біографію, написанную графиней Растопчиной; за тѣмъ въ 1855 году въ Revue des deux mondes помѣщено весьма обстоятельное изслѣдованіе г. Сенъ-Рене Тайландье, въ которой, за недостаткомъ біографическихъ свѣдѣній, авторъ старается, и мѣстами удачно, обрисовать личность поэта, выводами изъ его произведеній; въ 1861 г. въ Revue Britannique помѣщено другое изслѣдованіе о Лермонтовѣ, г. Ксаверія Мармье; и наконецъ г. Пеланъ изъ Анжера, въ предисловіи къ своимъ переводамъ изъ Лермонтова, помѣстилъ не лишенную достоинствъ біографію и характеристику поэта. Другая еще странность о Лермонтовѣ; никого кажется изъ нашихъ поэтовъ не называли подражателемъ другихъ поэтовъ, особенно свои, менѣе иностранные писатели, какъ Лермонтова, (даже Бенедиктова, Шевыревъ, въ Москвитянинѣ), а между тѣмъ Лермонтовъ (кромѣ юношескихъ произведеній) былъ вездѣ Лермонтовъ. Бѣлинскій въ 1841 году заключилъ свою рецензію стихотвореній М. Ю. Лермонтова изданія 1840 г. слѣдующими словами: «И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова,—и уже недалеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ...» Бѣлин-

скій только ошибся во времени, и недалекое отошло до шестидесятыхъ годовъ, когда русская литература стала болѣе серьозно заниматься Лермонтовымъ,—но со взглядами иностранцевъ на Лермонтова мы до сего времени очень мало знакомы (кромѣ развѣ Ф. Боденштедта и еще Фарнгагена фонъ-Энзе), и вотъ главная цѣль, кромѣ библіографической, побудившая насъ взяться за предлагаемый трудъ.

В. К. Шульцъ.

1882 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переводы стихотвореній Лермонтова.

1) «Отечественныя Записки» 1842 г. Т. XXV, отдѣлъ библіографическихъ и журнальныхъ извѣстій (хроника), на стр. 61, 62, помѣщено извѣстіе, что въ скоромъ времени должна выйти книга: Morceaux choisis de la poèsie Russe, traduits par M. M., (избранныя пьесы изъ русской поэзіи), причемъ приведены три образца переводовъ: Пушкина — «Эхо», Жуковскаго — «Море» и стихотвореніе Лермонтова: Послѣднее Новоселье.

Рецензентъ «Отечественныхъ Записокъ» говоритъ, что переводы замѣчательно хороши и передаютъ вѣрно и характеристически звуки и образы русскихъ поэтовъ на французскій языкъ; что весьма рѣдко, прибавимъ мы, вслѣдствіе чего и рѣшаемся привести цѣликомъ переводъ М. М.—Послѣдняго Новоселья (Т. I, стр. 208).

Le dernier domicile.

Tandis que maintenant la France applaudissante
S'empresse à la rencontre des cendres du héros,
Expiré dans les fers au milieu des tourmentes,
Sous le verrou de ses bourreaux —
Tandis que l'univers de louanges fragiles
Applaudit a cet acte d'un répentir tardif,
Qu'en oubliant le passé, la foule imbécile
S'ennorgueillit contente d'elle même—pensif,
Plein d'indignation, et triste à la fois,
Voyant la vanité dorée de ces festins,
Que je voudrais lui dire — à ce peuple roi:
Tu es un peuple misérable et vain!
Oh! tu es misérable et vain, car emporté
Par ton doute puéril, ta sotte raillerie,
Tu as pétri dans la fange la gloire, la beauté,

Le génie, la foi, le bien de ta patrie!
Tu te fis de la gloire un hochet bon à tout,
De la liberté une hache du bourreau —
Et en frappais aveugle, en abattant partout
Les croyances de tes pères, sur leurs propres tombeaux!
Tu périssais... et voila qu'il parut,
Portant au large front la marque du doigt divin,
Et d'une voix unanime comme chef étant élu
    Il absorba votre destin...
Il vous a relevès, vous, qui alliez choir
Et le monde étonné, ébahi, admirait
L'auréole éclatante de force et de gloire
    Dont il vous entourait!
Impassible, rendant la gloire envieuse,
Père de ses vieux soldats — il était seul partout,
Sous les murs de Vienne, dans l'Egypte sablonneuse
    Et dans les neiges de Moscou...
Et vous, que faisiez vous, pendant qu'il combattait
Qu'il périssait superbe, ferme et résolu?
Vous tachiez d'ébranler le joug qui vous pesait
    Et que vous mêmes aviez voulu!
Dans les derniers combats, au milieu des détresses,
Sans comprendre la honte dans vos coeurs follets
Vous le trahites, comme une maitresse,
    Vous le vendites — comme des valets!
Jetant de lui même du haut de sa grandeur
Sa couronne brisée et au destin soumis —
Il confia son fils aimé à votre honneur —
    Et vous vendites ce fils aux ennemis.
Alors on enleva aux soldats sanglottans
Le héros détroné, on leva la voile
Et seul sur un rocher aride et écumant
    Il s'éteignit en étoile!
Il s'éteignit par la soif de vengeance rongé —
Et comme un soldat couvert du manteau militaire,
Il fut enterré dans un sol étranger
    Par des mains mercenaires!

* * *

Des années s'écoulèrent, et le peuple folatre
S'écrie: rendez nous les cendres du héros!
Ce n'est qu'au milieu d'une ville qui l'idolatre
    Qu'il dormira en plein repos!
Et il revint dans son pays aimé
Et comme autrefois la foule bourdonne autour...
Et descend avec pompe son corps embaumé
    Dans un sépulcre tout d'or et de velours,
Et emportant ailleurs son extase nonchalante,
Riant aux grands éclats et content de soi

Le peuple imbécile qui le tremblait (?) [1]) vivant
Foule en passant son corps froid.
Et je m'indigne à l'idée que les hommes stupides
Ont troublé le saint calme de l'illustre martyr
Qui n'attendait tant d'annèes sur son rocher aride
Qu'un dernier lit pour s'endormir.
Et si son ombre errante, quittant les sphères sublimes
S'arrète sur la ville pour voir son cercueil.—
Oh! quelle colére légitime
Viendra gonfler tout son orgueil!
Oh! comme il regrettera les tropiques brulans,
Et son ile lointaine, et sa prison cruelle —
Où l'océan — comme lui indomptable et grand
Etait placé en sentinelle.

Дѣйствительно переводъ, по возможности и на сколько позволяетъ французскій языкъ и стихъ, близокъ къ подлиннику, но есть мѣста, переданныя очень слабо, впрочемъ общее впечатлѣніе удовлетворительное. Г. Геннади въ статьѣ: Переводы сочиненій Пушкина («Библіографическія Записки» 1859 г. № 2, столб. 54 и 55), приводя извѣстіе объ этихъ переводахъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», прибавляетъ отъ себя, что имя переводчика ему неизвѣстно, и что онъ не помнитъ появлялась-ли брошюра подъ упомянутымъ заглавіемъ; подозрѣваетъ однако, что подъ буквами М. М. скрыто имя г-жи Moreau de la Meltiére,—и тутъ-же приводитъ переводъ Пушкинскаго стихотворенія: «Эхо».

2) Les poètes Russes, traduits en vers Français, par le prince Elim Mestschersky, Paris 1846, Amyot, 2 тома, въ 8 д. л., I — стран. XCVI и 287, II—стран. 399. Русскіе поэты, переведенныя французскими стихами княземъ Э. Мещерскимъ. Посмертное изданіе.

Сначала краткое предисловіе, въ которомъ исчислены сочиненія и переводы князя Мещерскаго, потомъ напечатаны стихотворенія французскихъ литераторовъ въ честь и въ память князя Мещерскаго; далѣе приводится текстъ рѣчи, произнесенной княземъ Мещерскимъ, въ Марсельскомъ Атенеѣ, въ засѣданіи 30 іюня 1830 года; засимъ на 14 страницахъ краткія замѣтки (notices) о 43 русскихъ поэтахъ, по нѣсколько строкъ на каждаго; наконецъ въ обоихъ томахъ помѣщены переводы 49 русскихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова, послѣдними стихотворенія Теплякова; въ числѣ ихъ одно стихотвореніе Лермонтова, (ч. II, стр. 235—238) Le poète d'aujourd'hui. Поэту (т. I, стр. 156).

---

[1]) Полагаемъ такъ: qui tremblait, lui vivant. В. Ш.

Не совсѣмъ удачно сдѣланъ переводъ, въ особенности вторая часть стихотворенія слаба и растянута собственными вставками переводчика; напр.

Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ,
    На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
    Въ походной лавкѣ армянина.

Mais au bord du Terek un Kasak l'enleva
    Sur le froid cadavre du maître;
Après un long duel ou le Tscherkess trouva
    Le bras Russe bien dur peut-être,
Puis un armenien, un vil marchand forain
    Cota d'un regard apathique
Le taux commercial de ce fer souverain
    Et le jeta dans sa boutique (стр. 236).

Первая строфа, начала второй части стихотворенія, вовсе не далась князю Мещерскому:

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
    Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
    Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?

Ainsi, poète, ainsi dans ce siècle énervé
    Tu manques à ta destinée,
Echangeant contre l'or le bandeau réservé
    A la tête découronnée.

Первые два стиха и половина третьяго переведены вѣрно, но вторая половина третьяго и четвертый стихъ такая безсмыслица, что даже и обратно перевести трудно, но на всякой случай вотъ ихъ буквальный переводъ: Промѣнялъ на золото завѣсу предоставленную (сбереженную) для развѣнчанной главы.

Въ концѣ второй части книги есть примѣчаніе издателя переводовъ князя Мещерскаго, въ которомъ объясняется, что такъ какъ князь Мещерскій не нашелъ удобнымъ помѣстить въ своей книгѣ, въ числѣ русскихъ поэтовъ, знаменитаго баснописца Крылова, то этотъ пробѣлъ пополненъ и помѣщены двѣ лучшія басни Крылова въ переводѣ г.г. А. Суме (Soumet) и Э. Дешанъ; кромѣ того прибавлены переводы того же г. Э. Дешанъ, трехъ стихотвореній Мятлева и прекрасное и любопытное лирическое стихотвореніе Лермонтова:—Le vaisseau fantôme (ч. 2 стр. 387—391). Воздушный корабль (т. I, стр. 189).

Переводъ, на сколько позволяетъ французскій языкъ, довольно вѣрный, но по требованію французскаго языка явились нѣкоторыя измѣненія въ расположеніи строфъ и стиховъ; у Лермонтова 18 строфъ, по четыре стиха каждая, въ переводѣ только 17 строфъ—7 и 8 строфы: «Изъ гроба тогда императоръ» и т. д. слиты въ одну; въ 12 строфахъ сохранено четырестишіе; 6 и 7 строфы, имѣютъ по шести стиховъ, 8, 11 и 16 строфы—по 5 стиховъ.

Вотъ для примѣра довольно удачно переведенныя первыя двѣ строфы:

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, и т. д.

Sitôt qu'au firmament scintillent les étoiles [1],
On aperçoit de loin voguer à pleines voiles,
Sur les flots bleu de l'Océan,
Un navire aux longs mâts, que nul vent ne balance,
Dont tous les agrès font silence,
Et dont chaque canon béant,
Sans un seul artilleur de garde,
Pointé vers l'horizon, reste morne et regarde.

Переводъ Г. Дешанъ перепечатанъ нѣсколько разъ.

3) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1852 г. 1 ноября № 246 въ фельетонѣ разсматривается переводъ стихотвореній Лермонтова Боденштедтомъ и какъ образецъ приведенъ небольшой отрывокъ изъ «Хаджи-Абрека» по русски и по нѣмецки; тутъ же, какъ обращикъ хорошаго перевода стихотворенія Лермонтова на французскій языкъ, напечатанъ «Воздушный Корабль» въ переводѣ г. Эмиля Дешанъ [2], причемъ фельетонистъ замѣчаетъ, что хотя переводъ очень близокъ къ подлиннику и хорошо написанъ и даже превосходитъ переводъ «Хаджи-Абрека» Боденштедта, но что французскій переводчикъ, какъ видно, не могъ не прибавить своего и приводитъ за симъ слѣдующую заключительную строфу сочиненія г. Дешанъ:

Ainsi, lorsque son corps frémit sous les barreaux
Du sépulcre Anglais qui l'enferme,
L'ame visible du héros
Doit errer, pour un temps dont Dieu connait le terme,

---

[1]) Варіантъ: Le firmament reluit de toutes ses étoiles. — Quel est là bas, là bas voguant à pleines voiles.

[2]) Г. Эмиль Дешанъ, кромѣ стихотворенія Лермонтова „Воздушный корабль", перевелъ еще съ русскаго, одну басню Крылова: „Оселъ и соловей" и три стихотворенія Мятлева (напечатанныя въ книгѣ князя Мещерскаго: Les poètes Russes) и одно стихотвореніе графини Растопчиной (см. Собраніе сочиненій Эмиль-Дешанъ, ч. 2, стр. 182, 183). В. Ш.

Cherchant ses vieux soldats, son fils, ses généraux,
Jusqu'à ce que, monté pour ne plus redescendre,
Purifié de pleurs, en pleurs, Napoléon,
De ses aieux, César, Charlemagne, Alexandre
Aille habiter en paix l'éternel Panthéon!

т. е.: и такъ, въ то время когда его трупъ содрагается подъ запоромъ англійской могилы, его замкнувшей, видимая душа героя должна скитаться, на время, срокъ которому извѣстенъ Богу, отыскивая своихъ старыхъ солдатъ, своего сына, своихъ генераловъ, до тѣхъ поръ пока, поднявшись, чтобы болѣе не опускаться, очищенный отъ плача до плача, Наполеонъ, къ своимъ предкамъ, Кесарю, Карлу Великому и Александру, поселится въ мирѣ въ ихъ вѣчномъ Пантеонѣ.

Въ перепечаткѣ этого стихотворенія въ книгѣ князя Мещерскаго «Les poètes Russes», этой заключительной строфы нѣтъ; равнымъ образомъ и въ перепечаткѣ этого же перевода въ статьѣ о Лермонтовѣ г. Сенъ-Рене Тайландье въ «Revue des deux mondes» 1855 г. 1-го февраля, а также и въ книгѣ Allemagne et Russie, въ которую вошла эта статья изъ Revue des deux mondes, и въ брошюрѣ г. Frout de Fontpertuis: Etudes de littérature étrangère, — 1859 г.; наконецъ переводъ этого стихотворенія вошелъ въ полное собраніе сочиненій Эмиля Дешанъ ч. 2, Poèsies стр. 121—123, съ заключительною строфою, прибавленною г. Дешанъ. Oeuvres complètes de Emile Deschamps, Paris 1872, A. Lemerre éditeur in 8°, 6 vol.

Въ переводахъ стихотворенія «Воздушный Корабль», помѣщенныхъ въ книгѣ князя Мещерскаго, въ статьѣ г. Сенъ-Рене Тайландье и въ полномъ собраніи сочиненій г. Э. Дешанъ, есть разница,— нѣсколько стиховъ передѣланы, но эти поправки въ общемъ особаго значенія не имѣютъ. Мы выше въ выноскѣ указали, для примѣра, на одинъ изъ такихъ варіантовъ.

Такимъ образомъ нами только не опредѣлено гдѣ напечатанъ впервые переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Дешанъ, и откуда заимствовалъ фельетонистъ «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» 1852 г., № 246, свою перепечатку, такъ какъ кромѣ 2 тома полнаго собранія сочиненій Э. Дешана, нигдѣ не оказалось вышеприведенной дополнительной строфы.

4) Въ Пантеонѣ 1853 г. № 3, отдѣлъ IV, общественная жизнь, «Петербургскій вѣстникъ», стран. 60—62, помѣщенъ, рядомъ съ подлинникомъ, другой переводъ стихотворенія «Воздушный Корабль» г. Перро, или лучше сказать сдѣланный, по заявленію Пантеона, учениками г. Перро, подъ его руководствомъ. «Хотя и тутъ не обходится безъ промаховъ, сказано въ Пантеонѣ, напр. вся 6-я строфа,

и попадаются нѣсколько слабыхъ стиховъ, какъ напр. послѣдній стихъ заключительной строфы, не передающій мысли подлинника, но мы предпочитаемъ этотъ переводъ переводу г. Дешанъ». Нельзя не присоединиться къ этому заключенію, такъ какъ большею частію переводъ замѣчательно близокъ къ подлиннику и сохраненъ размѣръ стиховъ Лермонтова; вотъ этотъ переводъ:

Le vaisseau fantôme.

Aux pâles reflets des étoiles
Sur les flots de l'Océan bleu
Un vaisseau vogue à toutes voiles,
Il vogue à la garde de Dieu.

* * *

Les flammes aux mâts sont muettes,
Les mâts sont immobiles, morts,
Et les canons passent leurs têtes
En silence par les sabords.

* * *

On n'entend point le capitaine
On ne voit point les matelots;
Sans crainte il dresse son antenne
A travers les vents et les flots.

* * *

Sur la mer une île se hausse
Un roc sur les flots en fureur:
Dans cet île est une fosse
Et dans la fosse un empereur.

* * *

Là, sans les honneurs de la guerre,
Les ennemis qu'il à vaincu,
L'ont mis sous une lourde pierre
Pour qu'il ne se relevât plus.

* * *

A l'heure où ce roi sans royaume
Mourut de la plus triste mort,
A minuit le vaisseau fantôme
Tous les ans s'approche du bord.

* * *

Lors s'éveillant avec la brise
L'Empereur surgit du tombeau:
Il porte sa capote grise,
Il porte son petit chapeau.

* * *

Les bras croisés sur la poitrine
Et le front penché tristement,
Sur le gouvernail il s'incline,
Et s'éloigne rapidement.

* * *

Il gouverne droit sur la France.
C'est là qu'est son trône éclatant,
Son héritier, son espérance,
Sa vieile garde qui l'attend.

* * *

Il marche tout droit à la grève
Il appelle ses grenadiers,
D'une voix menaçante et brève
Il appelle leurs officiers.

* * *

Mais ses grenadiers intrépides
Dorment sous les vagues du Rhin
Sous les sables des Pyramides
Et sous les neiges du Kremlin.

* * *

Ses généraux n'ont pu l'entendre:
Les uns sont morts dans les combats,
D'autres ont survécu pour vendre
Leurs sabres et leurs vieux soldats.

* * *

Il marche à grands pas sur la côte
Du pied il frappe le gravier
Il appelle encore à voix haute
Il appelle son héritier.

* * *

Son fils, sa dernière espérance,
Son dernier réve dans ses fers,
A lui, Napoléon, la France,
Mais à l'enfant—roi l'univers.

* * *

Mais son fils à la fleur de l'age
S'est endormi dans un linceuil,
Et, l'attendant sur le rivage,
L'Empereur reste longtemps seul.

* * *

Il reste seul, jusqu'à l'aurore,
Il respire péniblement;
Sur le sable qui les dévore
Ses larmes tombent lentement.

* * *

Puis remontant sur son navire,
Le front retombant sur son sein,
Lentement de bord il revire
Et part en agitant la main.

Въ этомъ переводѣ также только 17 строфъ, пропущена десятая строфа. Въ Пантеонѣ 1853 г. № 1, IV отдѣлъ общественная жизнь, «Петербургскій Вѣстникъ», стран. 60, объяснено: что Jules-Joseph Perrault—лекторъ французской словесности въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, а прежде былъ лекторомъ той же словесности въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ.

Г. Перро много писалъ и переводилъ съ русскаго, но сколько намъ извѣстно ничего не печаталъ.

5) «Revue des deux mondes», т. VI, 1 Avril 1854, въ статьѣ г. Cyprien Robert: La poèsie slave au XIX siècle, помѣщенъ плохой переводъ прозой небольшаго отрывка изъ «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова». (Т. I, стр. 88).

6) «L'Athenaeum Français» 1855, 30 Juin, № 26, стр. 546, въ статьѣ г. Сазонова по поводу книги: Le Décaméron Russe par M. P. Douhaire, кромѣ разбора этой книги, помѣщенъ и краткій очеркъ современной русской литературы, причемъ г. Сазоновымъ переведены: одно стихотвореніе Пушкина («Три ключа») и два стихотворенія Лермонтова:

1) Les sons mystèrieux.

Есть рѣчи—значенье (Т. I, стр. 204).

2) Le Poète.

Поэту (Т. I, стр. 156).

Первое стихотвореніе переведено чѣмъ-то въ родѣ бѣлыхъ стиховъ, второе прозой и вѣрнѣе перваго, которое частью приводимъ для образца:

Les sons mystérieux.

Il y a des paroles: le sens en est
Obscure ou vulgaire;
Mais les entendre sans être ému
Cela est impossible.

* * *

Le son en est plein
De l'ardeur du désir,
Des larmes de la séparation,
Du frémissement de la rencontre и т. д.

Сазоновъ перевелъ стихотвореніе подстрочно, но не избѣгъ ошибокъ, напр. слово ничтожность означаетъ insignifiance, nullité, а не vulgaire, т. е. простой, низкій, (вслѣдствіе трудности перевода этого слова, у насъ вошло въ употребленіе переводить его вулгарность). Вторая и третья строфы переданы не совсѣмъ вѣрно. Второе стихотвореніе переведено хотя и прозой, но и въ немъ встрѣчаются неточности, напр. 1-я строфа 4-й стихъ: Наслѣдье браннаго востока — переведено: Tradition des guerriers de l'orient, т. е. Преданіе воиновъ востока, вмѣсто: L'héritage guerrier de l'Orient; въ 5-мъ стихѣ слово наѣздникъ переведено chevalier, вмѣсто cavalier, и т. д.

7) «Revue des deux mondes», 1855, 1 Février, стр. 502—534: Poètes et romanciers de la Russie: Le poète du Caucase, Michel Lermontoff, par Saint-René Taillandier, т. е. Поэты и романисты Россіи:

Поэтъ Кавказа, Михаилъ Лермонтовъ. Статья эта вошла также (стр. 269—324) въ особый сборникъ изданный г. Тайландье, подъ заглавіемъ: Allemagne et Russie, études historiques et littéraires, par M. Saint-René Taillandier, Paris 1856, Michel Lévy frères стр. 391.

Въ статьѣ этой, кромѣ вышеупомянутаго перевода, въ стихахъ г. Дешана, стихотворенія «Воздушный корабль», съ нѣкоторыми измѣненіями въ редакціи, противу первоначальной, помѣщенной въ книгѣ князя Мещерскаго, переведены прозой слѣдующія стихотворенія Лермонтова:

1) Совершенно фантастически написанный якобы переводъ стихотворенія «На смерть Пушкина» (т. I, стр. 81). Это какая-то компиляція, со многими прибавками переводчика, но энергично написана; переводъ изъ Боденштедта съ неточнаго списка.

2) Сокращенно и болѣе нежели своими словами переложеніе «Дары Терека». (Т. I, стр. 149).

3) Хорошій переводъ «Казачьей колыбельной пѣсни» (т. I, стр. 182) съ незначительными прикрасами переводчика.

4) Сокращенный переводъ стихотворенія «Родина» (т. I. стр. 207) съ дополненіями переводчика.

5) Краткій пересказъ въ извлеченіи «Послѣдняго Новоселья».

6) Полный переводъ: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова» (т. I, стр. 88).

Переводъ прекрасный и вѣрный, но съ небольшими пропусками; болѣе значительные слѣдующіе: въ I главѣ четыре стиха:

Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ... (стр. 90).

И во второй главѣ, два стиха:

Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ. (стр. 93).

Мѣстами есть еще незначительныя сокращенія. Слѣдуетъ однако объяснить, что г. Тайландье переводилъ съ нѣмецкаго перевода сочиненій Лермонтова, г. Ф. Боденштедта 1852 года.

8) Le prisonnier du Caucase, poème traduit du Russe de Pouchkine, par Eugène de Porry, Marseille 1858, брошюра въ 16 д. л. 46 стр.; «Кавказской плѣнникъ», поэма переведенная съ русскаго изъ Пушкина, Евгеніемъ де Порри. Въ концѣ брошюры (стр. 33—46) приложеніе (appendice): Le chant d'une mère cosaque, romance composée par le poète Russe Lermontof, élève de Pouchkine, т. е. пѣснь «Казацкой матери», романсъ, сочиненный русскимъ поэтомъ Лермон-

товымъ, воспитанникомъ Пушкина, все это длинное заглавіе означаетъ просто: «Казачья колыбельная пѣсня» (т. I, стр. 182). У Лермонтова въ пѣснѣ шесть строфъ, у г. де Порри восемь; переводъ сдѣланъ стихами, но совершенно произвольный и г. де Порри прибавилъ отъ себя двѣ строфы. Вотъ какъ напр. г. де Порри перевелъ вторую строфу, всего болѣе близко передающую мысль поэта:

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Le Circassien, près du rivage,
Nous lance un farouche regard;
Chamil, brandissant un poignard,
Excite sa horde sauvage!..
Au doux murmure de mon chant
Endors-toi, gracieux enfant.

т. е. черкесъ, возлѣ берега, бросаетъ на насъ грозный (дикій) взглядъ, Шамиль, размахивая кинжаломъ, возбуждаетъ свою дикую орду, подъ сладкій шепотъ моей пѣсни, усни милое дитя. Что же въ этомъ французскомъ переводѣ осталось Лермонтова?

9) Etudes de littérature étrangère, par Adalbert Frout de Fontpertuis, chef de division à la prefecture de la Haute-Loire. Au Puys. 1859, chez Jaquet-Chauve, стр. 29 и 117, Очерки иностранной литературы г. А. Фроутъ де Фонпертюи 1859.

Въ этой весьма плохой книжонкѣ, въ концѣ перепечатанъ переводъ стихотворенія «Воздушный корабль», изъ книги г. Сенъ-Рене Тайландье Allemagne et Russie, причемъ г. Фроутъ приписываетъ этотъ переводъ г. Тайландье, между тѣмъ какъ послѣдній въ своей статьѣ заявляетъ, что переводъ сдѣланъ Эмилемъ Дешанъ и благодаритъ его за сообщеніе.

10) Le Démon, légende Orientale, par Lermontow, traduction de T. Anossow; Paris, 1860, въ 8 д. л. стр. 79. «Демонъ», восточная легенда, Лермонтова, переводъ Т. Аносовой, на стр. 79, переводъ стихами: Dédicace, т. е. Посвященіе къ поэмѣ Демонъ (Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣніе—Т. II, стр 255, 256) довольно посредственный переводъ.

11) «Revue Britannique» 1861. Septembre № 9, стр. 33—52. Статья: Littérature Russe. Michel Lermontoff, т. е. Русская литература, Михаилъ Лермонтовъ, подписано X. M. (Xavier Marmier) изъ National

Review. Статья эта перепечатана въ сборникѣ разныхъ статей г. Мармье, изданномъ въ 1862 году подъ заглавіемъ: Voyages et Littérature, par X. Marmier, Paris, Morizot, въ 8 д. л. стр. 414, т. е. Путешествія и литература. Статья о Лермонтовѣ на стран. 364—392, пропущена въ оглавленіи книги.

Мармье перевелъ стихами три стихотворенія Лермонтова:

1) Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю, (т. I, стр. 253).

2) Они любили другъ друга, такъ долго и нѣжно (изъ Гейне, т. I, стр. 247).

3) Благодарность, (т. I, стр. 194). Actions de grâces.

Вотъ что Мармье говоритъ по поводу выбора имъ для перевода этихъ трехъ стихотвореній: Мы попробуемъ перевести, въ строгой ихъ сжатости, три изъ его маленькихъ лирическихъ пьесъ, показывающихъ, въ нѣсколькихъ строфахъ, сколько было холодной скорби въ этомъ обманутомъ духѣ, въ этомъ сердцѣ изгнанника.

Въ переводѣ перваго стихотворенія, пожалуй, что общая мысль поэта проведена, но въ частности въ первыхъ двухъ строфахъ все переиначено, и далеко не то, что выразилъ Лермонтовъ, за то третья строфа передана болѣе удачно:

De celle qui charma les jours que je regrette
Je cherche danx tes traits les doux traits tant aimés,
Dans ta voix les accents de cette voix muette
Et dans tes yeux, ses yeux à tout jamais fermés. (Стр. 39).

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

Второе восьмистишіе Лермонтова изъ Гейне передѣлано въ четыре французскихъ куплетца, причемъ совершенно не понята основная мысль поэта, и оттого стихотвореніе утратило данное ему поэтомъ значеніе. Сами по себѣ французскіе куплетцы—вышли не дурные.

Третье стихотвореніе какъ переводъ на французскій языкъ рѣдкость,—русское восьмистишіе переведено на французскій языкъ, такимъ же числомъ французскихъ стиховъ; при этомъ любопытно однако сравнить то, что г. Мармье, вѣроятно, при всемъ своемъ желаніи, не могъ вмѣстить въ свой переводъ, и то, что имъ отъ себя прибавлено. Пропущенное подчеркнуто въ подлинникѣ, въ переводѣ же подчеркнуто то, что г. Мармье прибавилъ отъ себя.

Actions de grâces

Je te rends grâces, ô Seigneur!
Du tableau varié d'un monde plein de charmes,
Du feu des passions et du vide du coeur
Du poison des baisers, de l'âcreté des larmes,

* * *

De la haine qui tue et de l'amour qui ment,
De mes rêves trompeurs perdus dans les espaces
De tout enfin mon Dieu? Puissé-je seulement
Ne pas longtemps te rendre grâces!

Благодарность.

За все, за все тебя благодарю я;
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченной въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Такимъ образомъ изъ восьми стиховъ только четыре съ половиной переданы вѣрно, остальные три съ половиной замѣнены четырьмя съ половиною стиховъ сочиненія г. Мармье.

12) Impressions de voyage.—Le Caucase,—par Alexandre Dumas, Paris, Michel Lévy frères, 3 vol, 8 д. л. I—стр. 308, II—стр. 303, III—стр. 292.—Путевыя впечатлѣнія, А Дюма (отца), Кавказъ.

Говорить подробно о Путевыхъ впечатлѣніяхъ на Кавказѣ А. Дюма-отца нѣтъ особенной надобности; онѣ въ томъ же родѣ, какъ и всѣ другія его, такъ называемыя, путевыя впечатлѣнія по разнымъ странамъ; онѣ всѣмъ и каждому читающему французскую беллетристику болѣе или менѣе извѣстны; изящно, весело и остроумно написанныя, эти дорожныя записки испещрены описаніями проѣзжаемыхъ мѣстностей, разсказами о разныхъ исторических событіяхъ выхваченныхъ отовсюду, безъ разбора, въ которыхъ истина до того смѣшана съ вымысломъ, что безъ всякаго сомнѣнія читателю, незнакомому съ дѣломъ, трудно разобраться въ этой путаницѣ, и даже самому несвѣдущему читателю иногда невольно должно придти въ голову: «экъ его куда занесло!» Читаются эти путевыя впечатлѣнія легко, наблюдательности много, и могъ бы кажется А. Дюма, при его несомнѣнномъ и громадномъ талантѣ, написать что нибудь дѣльное; пропустите сквозь сито эти три тома о Кавказѣ, и останется почти ничего или очень мало;—за то собственное я не забыто, и это я играетъ въ этихъ книгахъ большую роль.

Проѣзжая Кавказъ, такъ очаровательно и многоразлично воспѣтый Лермонтовымъ, конечно Дюма не могъ о немъ забыть, и, дѣйствительно, онъ часто о немъ вспоминаетъ, и между прочимъ перевелъ восемь его лирическихъ стихотвореній (ч. 2, стр. 259—267). При поэтическомъ дарованіи Дюма переводы вышли не только очень изящные, но и основныя мысли поэта большею частью удачно схвачены, но, къ сожалѣнію, А. Дюма не могъ избѣжать соблазна улуч-

шенія Лермонтова, дополняя своими фантазіями поэтическія произведенія нашего поэта. Вотъ способъ, который Дюма, какъ онъ самъ разсказываетъ, употреблялъ, для полученія хорошихъ переводовъ; поймаетъ онъ кого нибудь, на пароходѣ на Волгѣ, или въ городахъ, гдѣ останавливался по дорогѣ, который хорошо владѣетъ французскимъ языкомъ, онъ тотчасъ проситъ сдѣлать ему подстрочный, слово въ слово, переводъ стихотворенія, а затѣмъ принимается самъ за работу и передѣлываетъ подстрочный переводъ на французскіе стихи; когда они готовы, онъ прочитываетъ ихъ переводившему и окончательно исправляетъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ и переводъ готовъ. Въ виду того, что переводы Дюма хороши, мы приводимъ ихъ вполнѣ, и тѣмъ болѣе, что сочиненіе Дюма о Кавказѣ не имѣетъ свободнаго обращенія въ нашей книжной торговлѣ.

А. Дюма перевелъ слѣдующія восемь стихотвореній Лермонтова, всѣ во второй части путевыхъ впечатлѣній:

1. La pensée	стр.	259, 260.	— Дума. (Т. I стр. 108).
2. La dispute	„	261—264.	— Споръ. (Т. I стр. 243).
3. Le rocher qui pleure	„	264, 265.	— Утесъ. (Т. I стр. 246)
4. Les nuages	„	265.	— Тучи. (Т. I стр. 195).
5. Le blessé	„	266.	— Неизвѣстное.
6. Boutade	„	266.	— Моя мольба. (Т. II стр. 95).
7. Gornaia-Verchina	„	266.	— Изъ Гете (Т. I стр. 194).
8. Les mercis	„	267.	— Благодарность. (Т. I стр. 194).

1) «Начнемъ, говоритъ А. Дюма, съ пьесы, озаглавленной La pensée, жалоба, въ которой Лермонтовъ оцѣниваетъ, можетъ быть, нѣсколько мизантропически свое поколѣніе:

La Pensée.

Oh! que, des yeux, je suis tristement sur sa route
Ce siècle, à l'avenir ou vide ou ténébreux;
Sous le poids écrasant du savoir et du doute
Il viellit inactif et cependant fiévreux.

* * *

Nous pourrions, éclairés des fautes de nos pères,
Nous faire des radeaux de nos vaisseaux brisés;
Mais, comme un repas pris aux fêtes étrangères,
La vie est insipide à nos palais blasés.

* * *

Athlètes énervés avant d'entrer en lutte,
Le bien comme le mal nous trouve indifférents
Nous voyons s'accomplir les grandeurs et les chutes
Sans plaindre les proscrits, sans haïr les tyrans.

* * *

C'est ainsi qu'un fruit maigre éclos dans une serre,
Pour les yeux sans attraits, pour le goût sans saveur,
Rongé secrétement d'un invisible ulcère,
Meurt de viellasse, alors qu'il devrait être en fleur.

* * *

Nous avons, par les longs frottement de l'étude,
Usé le velouté de nos illusions,
Et notre coeur a pris cette triste habitude
De se moquer de tout, même des passions.

* * *

Notre main touche à peine à la coupe remplie
Où la bonté des dieux versa la volupté,
Qu'un impuissant dèsir, changeant le vin en lie,
En place de l'amour boit la satiété.

* * *

La poèsie est morte et l'art est un fantôme;
Admirer est stupide, et, si dans notre coeur
D'enthousiasme encor vit un dernier atome,
Vite il faut l'étouffer sous un rire moqueur.

* * *

Jusqu'au bout de nos dents ce rire monte à peine;
Nos pleurs sont desséchés avant d'atteindre aux yeux;
Nous ne connaissons plus ni l'amour ni la haihe,
Robustes sentiments morts avec nos aïeux.

* * *

Nous craignons d'imprimer nos traces dans l'histoire,
Nous raillons ces grands noms qui laissaient un grand deuil,
Et nous hâtons nos pas vers un tombeau sans gloire.
En jetant sur la vie un dédaigneux coup d'oeil.

* * *

En foule taciturne et bientôt effaceé,
Nous traversons le monde, où nous n'avons planté
Ni travail fructueux, ni fertile pensèe,
Qui fasse une moisson pour la postérité.

* * *

Mais aussi dans la tombe, inutile refuge,
Nous fuirons l'avenir... Sévère historien,
Il nous condamnera comme poëte et juge;
Il nous méprisera comme homme et citoyen.

Отдѣлите то, что слѣдуетъ приписать слабости перевода, замѣчаетъ Дюма, и окажется, что ни Байронъ, ни А. де Мюссе ничего столь горькаго не написали.

Сообщ **В. К. Шульцъ.**

[Продолженіе слѣдуетъ].

РОССІЯ И ПОЛЬША

въ 1814—1831 гг.

Костюшко.—Александръ I.—Цесаревичъ Константинъ.—Николай I.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО ИМПЕРАТОРУ ПАВЛУ [1]).

Парижъ, 4-го августа 1798 г.

[Переводъ]. Ваше Величество. Пользуюсь первыми минутами свободы, которую я вкушаю подъ охраною законовъ величайшей и великодушнѣйшей націи въ мірѣ, чтобы возвратить вамъ подарокъ, который мнимая доброта ваша и вѣроломное поведеніе вашихъ министровъ заставили меня принять. Будьте увѣрены В. В., что я согласился на это единственно изъ глубокой привязанности къ моимъ соотечественникамъ, къ товарищамъ моимъ по несчастью и въ надеждѣ, что мнѣ удастся быть можетъ послужить еще моей родинѣ. Да, съ удовольствіемъ говорю и повторяю вамъ, государь, мнѣ показалось, что вы были тронуты моимъ отчаяннымъ положеніемъ; но министры ваши и приверженцы ихъ поступили со мною совершенно противно вашему желанію; поэтому если бы они посмѣли приписать лично моей волѣ тотъ поступокъ, который они вынудили меня сдѣлать, то я обнаружу передъ вами и передъ всѣми людьми, дорожащими честью, ихъ насиліе, жестокость и коварство, и ихъ однихъ, государь, придется вамъ винить въ этомъ случаѣ въ томъ, что злодѣянія ихъ будутъ обнаружены. Примите В. В. и пр. І. Костюшко.

---

[1]) Письмо это помѣщаемъ въ настоящей серіи документовъ только по нѣкоторой связи его съ послѣдующими письмами Костюшко къ преемнику Павла I,—императору Александру I. Ред.

Sire. Je profite des premiers instants de la liberté dont je jouis sous les loix protectrices de la plus grande et la plus généreuse nation pour vous renvoyer le présent que l'apparence de votre bonté et la conduite atroce de vos ministres m'ont forcé d'accepter. Si je m'y suis preté, Sire, ne l'attribuez qu'à la force irrésistible de l'attachement que je porte à mes compatriotes, compagnons de mes malheurs et à l'espoir de servir encore peut-être ma patrie. Oui, je vous le répéte, sire, et j'aime à vous le déclarer, votre coeur m'a paru touché de ma situation désastreuse; mais vos ministres et leurs satellites n'ont pas agi à mon égard conformément à vos voeux; aussi s'ils osaient attribuer à la determination de ma volonté libre une démarche, qu'ils m'ont contraint de faire, je devoilerais devant vous et devant tous les hommes qui connaissent le prix de l'honneur, leurs violences et leur perfidie, et c'est à eux seuls, sire, que vous devez vous en prendre de la publication de leur forfait.

Agréez, Sire, etc. I. K.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Бервиль, близь Фонтенебло, 9-го апрѣля 1814 г.

[Переводъ]. Государь! Я осмѣливаюсь обратиться изъ моего скромнаго убѣжища съ просьбою къ великому монарху, великому полководцу и въ особенности къ защитнику всего человѣчества, качество, единственное въ своемъ родѣ; ибо мнѣ извѣстно все величіе его души. Да, государь, мнѣ хорошо знакома ваша доброта, ваша щедрость и великодушіе. Я прошу у васъ трехъ милостей, первую: даровать полякамъ всеобщую амнистію, безо всякихъ ограниченій, такъ чтобы крестьяне, разсѣянные за границей, считались свободными, если они возвратятся къ своимъ очагамъ. Вторую: чтобы Ваше Величество провозгласили себя королемъ польскимъ съ свободной конституціей, подходящей къ англійской конституціи; учредили бы въ Польшѣ народную школу для крестьянъ, гдѣ воспитанники содержались бы на счетъ правительства, и уничтожили бы по прошествіи десяти лѣтъ крѣпостное право, съ надѣломъ крестьянъ землею. Если мои просьбы будутъ уважены, то, не смотря на свою болѣзнь, я отправлюсь лично съ тѣмъ, чтобы повергнуться къ стопамъ В. В., поблагодарить Васъ и чтобы первому воздать Вамъ должный почетъ, какъ моему монарху. Если бы мои ничтожныя способности могли еще принести малѣйшую пользу, то я не медля отправился бы отсюда съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ моимъ соотече-

ственникамъ, и съ честью и преданностью служить моей родинѣ и моему монарху.

Третья просьба моя, государь, хотя имѣетъ вполнѣ частный характеръ, но тѣмъ не менѣе весьма живо интересуетъ меня; вотъ уже 14 лѣтъ, какъ я живу въ почтенномъ домѣ г. Цельтнера, родомъ швейцарца, бывшаго нѣкогда швейцарскимъ посломъ во Франціи. Я многимъ обязанъ ему, но мы оба бѣдны, а онъ обремененъ многочисленной семьей; поэтому я убѣдительно прошу дать ему приличное мѣсто (place honorable) при новомъ французскомъ правительствѣ, или въ Польшѣ; онъ человѣкъ образованный и я ручаюсь за его неподкупную честность.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть В. В. покорнѣйшій слуга Костюшко.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШКѢ.

Парижъ, 3-го мая 1814 г.

[Переводъ]. Съ особымъ удовольствіемъ, генералъ, отвѣчаю на ваше письмо. Самыя сокровенныя желанія мои исполнились и съ помощью Всевышняго я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и почтенной націи, къ которой вы принадлежите.

Я далъ въ этомъ торжественную клятву и благосостояніе польскаго народа всегда было предметомъ моихъ заботъ. Однѣ лишь политическія обстоятельства послужили преградою къ осуществленію моихъ намѣреній. Нынѣ препятствія эти уже не существуютъ, онѣ устранены страшною, но въ то же время и славною двухлѣтнею войною. Пройдетъ еще нѣсколько времени и при мудромъ управленіи поляки будутъ снова имѣть отечество и имя, и мнѣ будетъ отрадно доказать имъ, что человѣкъ, котораго они считаютъ своимъ врагомъ, забывъ прошедшее, осуществитъ всѣ ихъ желанія.

Какъ отрадно было бы мнѣ, генералъ, имѣть васъ помощникомъ при этихъ благотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ характеръ, ваши способности будутъ мнѣ лучшею поддержкою. Примите, генералъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи. Александръ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ ЧЕРНЫШЕВЪ—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 4-го (16) апрѣля 1815 г.

[Переводъ съ франц.]. Государь! Намъ предстоитъ новая война, которая вовлечетъ въ большія издержки, какъ бы блистателенъ ни былъ ея исходъ; не буду говорить о потерѣ людей, такъ какъ всѣ они почтутъ за счастье умереть за такое дѣло, важность котораго понята

и прочувствована всѣми; но сомнѣнія, могущія легко возникнуть въ томъ случаѣ, если англичане захотятъ или будутъ въ состояніи принести, какъ въ прошломъ, большія денежныя жертвы, новый титулъ, который Ваше Императорское Величество собираетесь принять, и, наконецъ, дальнѣйшее отсутствіе Ваше изъ Россіи, настоятельно требуемое событіями,—вотъ пункты, которые Вашему Величеству чрезвычайно необходимо выяснить Вашимъ подданнымъ, чтобы они не оставались въ неизвѣстности, парализующей всегда болѣе или менѣе дѣйствія народа. Привыкши, государь, дѣйствовать во всемъ, касающемся службы, съ усердіемъ, вслѣдствіе котораго я могъ бы подъ часъ казаться слишкомъ смѣлымъ, если бы меня не поощряла къ тому благосклонная снисходительность Вашего Величества, я осмѣливаюсь изложить предъ Вами нѣкоторыя мысли, касающіяся главнымъ образомъ того новаго положенія, въ какомъ будетъ находиться обширная имперія Вашего Величества.

Пруссія, менѣе истощенная войною, нежели Россія, пріобрѣтя по постановленіямъ конгреса землю, составлявшую давно уже мечту всякаго пруссака, выказываетъ въ настоящее время такую же энергію, какъ въ то время, когда дѣло шло о ея освобожденіи. Положеніе Россіи въ этомъ отношеніи не столь благопріятное: Вашему Императорскому Величеству не безъизвѣстны предразсудки, существовавшіе всегда у насъ относительно образованія польскаго королевства, и пріобрѣтеніе бо́льшей части Варшавскаго герцогства, пріобрѣтеніе въ сущности весьма важное, можетъ далеко не имѣть подобнаго значенія въ глазахъ многихъ русскихъ людей. Пруссія не была жертвою погрома, не имѣющаго себѣ подобнаго въ исторіи, и представляетъ сверхъ того на ограниченномъ пространствѣ массу народонаселенія и частныхъ владѣній.

Пруссія, въ которой администрація опирается на прочныхъ началахъ, выработанныхъ сто лѣтъ тому назадъ, не столь нуждается для своего существованія въ непосредственномъ присутствіи ея монарха; въ Россіи же вся энергія и сила государства обусловливается волею и дарованіемъ ея правителя. Изъ этого сравненія вытекаетъ, государь, что если отъ Россіи желаютъ такой же энергіи въ 1815 г., какую она проявила въ 1812 г., то, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы Ваше Величество, не теряя времени, обнародовали въ ней ваши великодушныя намѣренія, которыя могутъ вызвать сочувствіе народа и главное, государь, разсѣять всякое опасеніе въ томъ, что конституція, даруемая Вашимъ Величествомъ Польшѣ, является какъ бы знакомъ предпочтенія;—подобнаго же опасенія со стороны народа, который такъ дорожитъ отеческимъ расположеніемъ своего монарха

и при томъ монарха, столь горячо любимаго имъ, можетъ само по себѣ вызвать нѣчто въ родѣ разочарованія. Когда этотъ вопросъ будетъ разъясненъ достаточно яснымъ и утѣшительнымъ образомъ, прежде нежели его успѣютъ исказить толки, дошедшіе до общества косвеннымъ путемъ, было бы также не безполезно, государь, успокоить вашихъ подданныхъ относительно продолжительнаго отсутствія Вашего Императорскаго Величества и касательно продленія того способа управленія, которое не можетъ быть продолжительно и не лишено злоупотребленій, потому что управленіе это временное. Тогда, государь, Россія будетъ стремиться къ одной цѣли съ вашими войсками и военная слава не истомитъ ее, такъ какъ она не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода къ боязни и будетъ видѣть цѣль и награду за приносимыя ею жертвы.

Такъ какъ время Вашего Императорскаго Величества драгоцѣннѣе теперь, чѣмъ когда либо, то я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности касательно необходимости всѣхъ этихъ мѣръ, внушаемыхъ самыми важными соображеніями, и я ограничусь принесеніемъ В. В. глубочайшей признательности моей за все могущее способствовать выполненію Вашихъ великодушныхъ и благодѣтельныхъ плановъ для всѣхъ вообще и для каждаго въ частности. Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія, государь, честь имѣю быть В. И. В. вѣрноподданный А. Чернышевъ.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна. 13-го іюня 1815 г.

[Переводъ]. Государь, князь Чарторыйскій сообщилъ мнѣ о всѣхъ благодѣніяхъ, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество пріуготовляете для польскаго народа. Никакія слова не могутъ выразить моей благодарности и удивленія; одна лишь забота тревожитъ меня еще, отравляя мою радость: я уроженецъ Литвы, государь, и мнѣ остается жить не долго, а между тѣмъ будущее моей родины и многихъ частей моего отечества покрыто еще мракомъ неизвѣстности. Я не забылъ тѣхъ великодушныхъ обѣщаній, которыя Ваше Императорское и Королевское Величество соблаговолили лично высказать по этому поводу мнѣ и нѣкоторымъ изъ моихъ соотечественниковъ, и я никогда не осмѣлюсь усомниться въ дѣйствительности этихъ священныхъ словъ, но мысль, напуганная столь продолжительными несчастіями, жаждетъ постоянно быть вновь успокоенной.

Повинуясь моему личному чувству, я готовъ посвятить остатокъ дней моихъ службѣ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества; однако, государь, будьте моимъ руководителемъ въ этомъ рѣшительномъ для меня шагѣ и соблаговолите своимъ благосклоннымъ отвѣтомъ извѣстить меня, одобряете ли вы мое рѣшеніе; это слово съ вашей стороны осуществитъ единственное теперь желаніе мое и я могу тогда сойти въ могилу съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что всѣ ваши польскіе подданные будутъ пользоваться вашими благодѣяніями. Подобная увѣренность, сознаюсь, чрезвычайно увеличила бы мои силы и мою энергію къ дѣлу. Я не осмѣлюсь никогда, государь, торопить выполненіе вашихъ великихъ предначертаній; я свято буду хранить эти мысли въ тайнѣ и лишь съ именнаго разрѣшенія В. В. воспользуюсь этой священной тайной.

Тутъ я буду ожидать вашихъ повелѣній, въ отвѣтъ на мою покорнѣйшую просьбу; она будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственной и послѣдней просьбою, которую я осмѣливаюсь еще повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго и Королевскаго Величества съ такимъ непоколебимымъ довѣріемъ, которое можетъ сравняться лишь съ великодушіемъ и несравненной добротою Вашего Величества.

I. Костюшко.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

[Переводъ]. Прежде чѣмъ возвратиться въ деревню, позвольте мнѣ, государь, повергнуть къ стопамъ Вашего Величества всю признательность, на какую способно человѣческое сердце, за Ваши великодушныя и великія намѣренія относительно моей родины. Если я могу вступить въ свое отечество съ именемъ поляка, то я отдамъ себя въ полное распоряженіе Вашего Величества, и никто не превзойдетъ всѣхъ насъ въ преданности и вѣрности нашему монарху. Наши желанія, государь, выгодны для обѣихъ націй, и для ихъ взаимной безопасности; одинъ и тотъ же духъ побуждалъ бы ихъ любить нашего общаго монарха; ибо тамъ, гдѣ существуетъ равенство, исчезаетъ всякій личный интересъ и всѣ стремятся лишь любить монарха и жить въ мирѣ. Иначе Польша будетъ постояннымъ источникомъ раздора и сосѣднія державы всегда найдутъ въ ней почву для возбужденія волненій.

ЗАМѢТКА ГЕНЕРАЛА КОСТЮШКО.

Безъ числа.

[Переводъ]. Королевство Польское начиналось бы отъ Двины и до Днѣпра, имѣло бы либеральную конституцію, подобно англійской, съ обезпеченной свободой собственности и вѣроисповѣданія. Слѣдуетъ позаботиться о начальномъ образованіи крестьянъ и черезъ 20 лѣтъ уничтожить крѣпостное право съ надѣломъ крестьянъ землею. Въ арміи сохранить голубой съ малиновымъ мундиръ и бывшіе національные эполеты. Всѣ гражданскія должности замѣстить поляками.

ГЕНЕРАЛЪ КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Berville près de Fontainebleau. 9 Avril 1814.

Sire. Si de mon obscure retraite j'ose adresser ma prière à un grand monarque, grand capitaine et surtout protecteur de l'humanité entière, chose unique! c'est que je connais sa grande âme. Oui, Sire, votre bonté, votre générosité et votre magnanimité m'est bien connue.

Je vous demande trois grâces, la première est d'accorder une amnistie générale aux Polonais sans aucune restriction, et que les paysans dispersés dans les pays etrangers soient regardés libres s'ils rentrent dans leurs foyers. La seconde que V. M. se proclame Roi de Pologne avec une constitution libre approchant de celle d'Angleterre, d'y etablir une école d'instruction pour les paysans dont l'entretien des élèves aux dépens du gouvernement, d'abolir leur servitude au bout de dix ans et qu'ils jouissent de leurs possessions en propriété. Si mes prières sont exaucées j'irai personellement quoique malade, me jeter aux pieds de V. M. pour La remercier et Lui rendre hommage le premier comme à mon sonverain. Si mes faibles talents pouvaient encore être de quelque utilité, je partirais à l'instant pour joindre mes concitoyens, servir ma patrie et mon Souverain avec honneur et fidélité.

Ma troisième prière, Sire, quoique particulière, interesse beaucoup mon coeur et ma sensibilité; j'habite depuis 14 ans dans la maison respectable de Mr. Zeltner, Suisse de nation, jadis Ambassadeur de son pays en France. Je lui dois mille obligations, mais nous sommes pauvres tous les deux et il a une nombreuse famille,

je reclame pour lui une place honorable soit dans le nouveau gouvernement francais, soit en Pologne; il est instruit et je réponds de sa probité à toute epreuve.

Je suis avec un profond respect de V. M. le plus soumis serviteur J. K.

АЛЕКСАНДРЪ I—КОСТЮШКѢ.

Paris, le 3 Mai 1814.

J'éprouve une grande satisfaction général à répondre à Votre lettre. Mes voeux les plus chers sont accomplis, avec l'aide du Tout-Puissant, j'espère réaliser la régénération de la brave et respectable nation à laquelle Vous appartenez. J'en ai pris l'engagement solennel et de tout temps son bien être a occupé mes pensées. Les circonstances politiques seules ont mis des entraves à l'exécution de mes desseins. Ces obstacles n'existent plus. Deux années d'une lutte terrible mais glorieuse, les ont applanis. Un peu de temps encore avec une marche sage, et les Polonais recouvreront leur patrie, leur nom et j'aurai la jouissance de les convaincre qu'oubliant le passé, celui qu'ils croyaient leur ennemi, sera celui qui réalisera leurs voeux.

Combien il me sera satisfaisant, général, de Vous voir mon aide dans ces travaux salutaires; votre nom, votre caractère, vos talents seront mes meilleurs appuis. Recevez, général, l'assurance de toute mon estime. Alexandre.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Вѣна, 13-го іюня 1815 г.

Sire, le Prince Czartoryski m'a developpé tous les bienfaits que V. M. I. et R. prépare pour la nation Polonaise. Les expressions ne peuvent répondre aux sentiments de reconnaissance et d'admiration; une seule inquiétude trouble encore mon coeur et ma joie. Je suis né Lithuanien, Sire, et je n'ai que peu d'années à vivre, néanmoins le voile d'un avenir incertain couvre encore les destinées de ma contrée natale et de tant d'autres parties de ma patrie. Je n'oublie point les magnanimes promesses que V. M. I. et R. a daigné me faire verbalement à cet egard, ainsi qu'à plusieurs de mes compatriotes, mon coeur ne me permettra jamais de douter de

l'effet de ces paroles sacrées, mais la pensée intimidée par de si longs malheurs ne cesse à chaque fois de désirer à être de nouveau rassurée.

N'écoutant que l'impulsion de mes sentiments, je suis venu dévouer le reste de mon existence au service de V. M. I. et R., toutefois, Sire, soyez mon arbitre dans cette conjoncture décisive pour ma conscience, et par un seul mot de bienveillante reponse, daignez dire que Vous approuvez ma determination; ce mot remplira l'unique voeu qui me reste à former, celui de descendre au tombeau avec la consolante certitude que tous vos sujets Polonais seront appelés à bénir vos bienfaits. Cette certitude, je l'avoue, augmenterait à l'infini mes efforts et l'energie de mon zèle. Je noserais jamais, Sire, presser l'execution de Vos grands projets; j'en garderai saintement la pensée pour ma propre conscience et ce ne serait que sur une autorisation expresse que je ferais usage de ce dépot sacré.

J'attendrais ici Vos ordres sur mon humble prière, c'est la seule, c'est la dernière que j'ose encore mettre aux pieds de V. M. I. et R. avec un sentiment de confiance inébranlable qui ne peut être mesuré que par Votre magnanimité et par Votre incomparable bonté. I. K.

КОСТЮШКО—АЛЕКСАНДРУ I.

Avant que de retourner à la campagne, permettez moi, Sire, de mettre aux pieds de V. M. toute ma reconnaissance dont le coeur humain est susceptible, pour les intentions si généreuses, grandes et sublimes en faveur de mon pays. Si je peux entrer dans ma patrie avec le nom Polonais, je serai aux ordres de V. M. et personne ne pourra nous surpasser tous en fidélité, attachement et dévouement pour Notre Souverain. Les voeux que nous formons, Sire, sont avantageux pour les deux nations et leur sûreté réciproque, le même esprit nous animerait alors de chérir notre commun Souverain, car où il y a egalité, tout interêt cesse, hormis celui de l'aimer et de vivre en paix. Autrement la Pologne sera une source intarissable de discorde, et les Puissances voisines y trouveront à leur volonté, un aliment prêt à fomenter des factions.

ЗАМѢТКА КОСТЮШКИ.

Note sans date.

Depuis Dwina et Dniéper commencerait le Royaume de Pologne avec une constitution libérale comme celle de l'Angleterre—il aurait une liberté, une sûreté personelle de la proprieté et du

culte. On etablira une instruction primaire pour les paysans et dans 20 ans on abolirait l'asservissement et ils jouiront de leurs possessions en proprieté. A l'armée l'uniforme bleu et cramoisi sera conservé avec les epaulettes ci devant notionales. Tous les postes civils seront occupés par les nationaux.

Событія въ Варшавѣ въ 1816 г.

Разсказъ Эрдберга.

Могилевъ, 21-го мая 1816 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго.] Въ половинѣ марта, на парадѣ, великій князь [цесаревичъ Константинъ] приказалъ двумъ офицерамъ 3-го полка взять оружіе и стать въ ряды. Офицеры исполнили это приказаніе безъ малѣйшаго признака неудовольствія и промаршировали два раза вокругъ Саксонской площади; вслѣдъ за тѣмъ великій князь приказалъ имъ отдать оружіе и занять свои прежнія мѣста.

Тотчасъ послѣ парада общество офицеровъ 3-го полка объявило, что они не могутъ служить съ этими двумя офицерами, считая ихъ разжалованными, такъ какъ подобнаго случая никогда еще не бывало въ войскѣ.

Принявъ это рѣшеніе, офицеры ожидали, что генералы войдутъ объ этомъ съ представленіемъ къ великому князю, съ тѣмъ, чтобы побудить его загладить свой необдуманный поступокъ. Но прождавъ напрасно подобнаго заявленія, капитанъ Виличко (Wilizek), адъютантъ генерала Красинскаго, явился въ совѣтъ, въ которомъ засѣдали генералы и сталъ упрекать ихъ въ томъ, что они думаютъ лишь о своихъ собственныхъ выгодахъ, отнюдь не заботясь объ интересахъ своего отечества и своихъ подчиненныхъ, что они держатъ себя противъ русскихъ съ такимъ же малодушіемъ и покорностью, какую они выказали и въ своихъ отношеніяхъ къ французамъ, и что будучи лишь капитаномъ онъ считаетъ однако своимъ долгомъ дѣйствовать такъ, какъ подобало бы дѣйствовать генераламъ, если бы они были честными людьми. Генералъ Красинскій, возмущенный этими неприличными выраженіями, арестовалъ капитана Виличко, присудивъ его къ домашнему аресту. Лишь только разнеслась объ этомъ вѣсть, какъ многіе офицеры собрались къ своему «защитнику», какъ они называли Виличко, и тутъ они дали другъ другу слово умереть за родину и за товарища, если съ ними не перемѣнятъ обращенія-

Въ теченіи трехъ дней лишили себя жизни два брата Трембинскіе, Германъ и Бржезинскій. За ними послѣдовалъ Виличко, написавшій предварительно великому князю и генералу Красинскому. Я читалъ копіи съ обѣихъ писемъ, но не могу вполнѣ ручаться, что онѣ были доставлены (kann aber nicht dafür bürgen, das sie nicht wären), хотя послѣдствія доказали все ихъ значеніе.

Письмо, написанное къ великому князю, было приблизительно слѣдующаго содержанія: «Если бы я послѣдовалъ первому внушенію моего чувства, то я сошелъ бы въ могилу не одинъ. Но такъ какъ ни одинъ полякъ не запятналъ еще себя преступленіемъ противъ членовъ семейства своего монарха, то я оставилъ эту мысль, чтобы не сдѣлать родину мою еще несчастнѣе. Я считаю долгомъ предупредить васъ, чтобы вы не доводили моихъ соотечественниковъ до отчаянія, которое легко можетъ довести кого либо изъ нихъ до преступленія, отъ коего я отказался по зрѣломъ обсужденіи. Всякій полякъ дорожитъ честью болѣе жизни и не переноситъ оскорбленія ея. Нѣсколько товарищей уже лишили себя жизни; я слѣдую за ними и увѣряю васъ, что многіе еще послѣдуютъ моему примѣру. Разрѣшите перевезти мое тѣло въ имѣнье генерала Красинскаго, который не откажетъ мнѣ въ мѣстѣ для погребенія». Почти такого же содержанія было и письмо къ генералу Красинскому, лишь съ нѣкоторыми дополненіями, касающимися семейныхъ обстоятельствъ. По приказанію генерала Красинскаго, тѣло капитана Виличко было набальзамировано и отвезено въ его помѣстье. Послѣ него застрѣлились еще два офицера.

Эти самоубійства, слѣдовавшія одно за другимъ, чрезвычайно встревожили великаго князя. Онъ навелъ точныя справки и тогда узналъ наконецъ настоящую причину, которую онъ едва ли подозрѣвалъ. Желая успокоить встревоженные умы, онъ поручилъ своему генералъ-адьютанту, генералу Тулинскому, извиниться въ присутствіи всего полка въ его опрометчивости передъ тѣми двумя офицерами, которые должны были встать подъ ружье Когда онъ спросилъ ихъ, довольны ли они этимъ, то одинъ изъ нихъ по фамиліи Шуцкій (Szucki) отвѣчалъ, что это теперь дѣло общества офицеровъ, а не ихъ. Тогда генералъ обратился къ обществу офицеровъ, которые разумѣется были успокоены этимъ и единогласно согласились считать этотъ фактъ несовершившимся. Затѣмъ генералъ Тулинскій обратился снова къ Шуцкому съ вопросомъ удовлетворенъ ли онъ теперь? «Нѣтъ! отвѣчалъ тотъ; общество офицеровъ разумѣется должно быть удовлетворено объясненіемъ великаго князя, такъ какъ онъ своимъ заявленіемъ смываетъ оскорбленіе, нанесенное имъ офицерскому

званію. Но для моей личной чести этого мало и я прошу для себя лично удовлетворенія». Взволнованный генералъ вскричалъ: «ужъ не хотите ли выйти на поединокъ съ великимъ княземъ?»—«Да, разумѣется», отвѣчалъ Шуцкій.—«Вы арестованы, сказалъ генералъ, г. адъютантъ, примите отъ него шпагу, онъ подвергается домашнему аресту».

— «И такъ и мой часъ насталъ, и я послѣдую за моими честными товарищами, но къ сожалѣнію умру не удовлетвореннымъ», сказалъ Шуцкій.—Когда онъ былъ уведенъ, офицеры обступили генерала Тулинскаго, говоря, что по ихъ мнѣнію генералъ или не понялъ великаго князя, или зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ порученіи, задавъ капитану Шуцкому такіе вопросы, которые весьма естественно вызвали съ его стороны подобные отвѣты.

Чтобы предотвратить самоубійство со стороны Шуцкаго, къ нему былъ приставленъ офицеръ. Въ великій четвергъ (по старому стилю) офицеръ этотъ на минуту задремалъ. Шуцкій воспользовался этимъ и, снявъ съ себя галстухъ, повѣсился на немъ. Шумъ, произведенный имъ, разбудилъ офицера, который позвалъ на помощь, освободилъ его отъ петли и, по приказанію полковаго командира, препроводилъ его на гауптвахту.

Получивъ это извѣстіе, великій князь, въ сопровожденіи генерала Курутты, поспѣшилъ на гауптвахту, приказалъ позвать всѣхъ офицеровъ 3-го полка и обратился къ Шуцкому съ слѣдующими словами:

— «Вы объявили, что желаете стрѣляться со мною; генералъ Тулинскій арестовалъ васъ, исполнивъ тѣмъ самымъ мое порученіе совершенно иначе, чѣмъ я того желалъ. Я явился сюда съ тѣмъ, чтобы исполнить ваше желаніе; смотрите на меня не какъ на брата вашего монарха, и генерала, а какъ на товарища, который очень сожалѣетъ, что оскорбилъ такого хорошаго офицера. Всѣ мои дѣла приведены въ порядокъ и генералу Куруттѣ поручено на случай моей смерти распорядиться всѣмъ тѣмъ, что я желалъ бы еще устроить».

Шуцкій, тронутый снисхожденіемъ великаго князя, сталъ увѣрять его, что онъ теперь болѣе, нежели удовлетворенъ и что милость, оказанная ему великимъ княземъ, составляетъ для него полное удовлетвореніе. Но такъ какъ великій князь непремѣнно хотѣлъ поединка, то противъ этого возстали наконецъ самъ Шуцкій и всѣ офицеры.

— «Ну, если вы этимъ удовлетворены, то обнимите же меня, сказалъ великій князь, и докажите тѣмъ, что вы мнѣ другъ; только обнимемтесь по русскому обычаю, поцѣловавшись въ губы», что и было исполнено. «Но въ доказательство того, что вы мой другъ, вы

должны не оставлять службы, чтобы я имѣлъ случай доказать вамъ мое расположеніе».

— «Я не могу этого обѣщать, сказалъ Шуцкій, ибо семейныя обстоятельства вынуждаютъ меня выйти въ отставку; но я прослужу еще годъ, чтобы доказать вашему высочеству, что я не имѣю никакихъ заднихъ мыслей».

Не довольствуясь удовлетвореніемъ, даннымъ имъ въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, великій князь явился на слѣдующій день на полковой смотръ, еще разъ попросилъ у Шуцкаго извиненія и обнялъ его передъ всѣмъ полкомъ.

За четыре дня до этого событія, именно въ первый день католической пасхи, повѣсился одинъ полякъ-фельдфебель. Русскіе, проходившіе мимо, посмѣялись надъ нимъ, назвавъ его за это дуракомъ. Слова эти услыхали въ свою очередь поляки и такъ какъ они были выпивши, то дѣло дошло до драки; обѣ партіи были подкрѣплены земляками, наконецъ потекла кровь. Одинъ подполковникъ-полякъ пришелъ съ баталіономъ на помощь своимъ и съ обѣихъ сторонъ было убито нѣсколько человѣкъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, великій князь поспѣшилъ на мѣсто происшествія и своимъ присутствіемъ остановилъ драку, оставшуюся безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Подполковникъ былъ арестованъ.

Своимъ поступкомъ съ капитаномъ Шуцкимъ великій князь заслужилъ въ высшей степени любовь всѣхъ поляковъ. Между ними возстановилось совершенное спокойствіе и всякій старается доказать чѣмъ-нибудь великому князю свою преданность. Въ то время, какъ я уѣхалъ, генералъ Тулинскій утратилъ уже свое значеніе, чѣмъ поляки, повидимому, были весьма довольны.

Событіе, описанное мною здѣсь, было предметомъ городскихъ толковъ и многіе офицеры 3-го полка увѣряли меня, что все это произошло именно такъ, какъ я здѣсь описалъ. Фонъ-Эрдбергъ (v. Erdberg).

ЗАПИСКА О ВТОРОМЪ ПОЛЬСКОМЪ СЕЙМѢ 1820 Г.

Варшава, 1-го (13) октября 1820 г.

[Переводъ съ франц.]. Рѣчь Его Императорскаго и Королевскаго Величества воодушевила, такъ сказать, всѣхъ слушателей. Лишь только Его Величество оставилъ залу сейма, какъ со всѣхъ сторонъ послышались упреки членамъ палаты земскихъ депутатовъ, ибо извѣстно, что они вотировали за отмѣну проектовъ, представленныхъ этой палатѣ.

Одни говорили: «Видите, Его Величество не одобряетъ дѣйствій палаты». Другіе: «Ну что, не говорили ли мы, что надобно узнать въ точности, каковы намѣренія короля?» Наконецъ иные говорили: «Кажется, намъ придется долго дожидаться третьяго сейма».

Въ рѣчи Его Величества, полной громкихъ фразъ (grandes phrases), замѣтили, между прочимъ, слѣдующія слова: «Предоставляю рѣшить вашей совѣсти и вашимъ соотечественникамъ, оправдали ли вы довѣріе, возложенное на васъ».

Говорили о пріемѣ, оказанномъ наканунѣ Его Императорскимъ и Королевскимъ Величествомъ депутаціи отъ палаты депутатовъ. Говорятъ, что Е. В. выразилъ свое неудовольствіе по поводу дѣйствій палаты, высказавъ, что онъ даровалъ либеральную конституцію и право свободной подачи голосовъ не для того, чтобы они старались уменьшить его власть.

Повторяли и другія фразы, а именно, что Его Величеству извѣстно, что не какія-либо дурныя намѣренія, а скорѣе слабость характера была причиною того, что бо̀льшая часть членовъ палаты поддались вліянію нѣкоторыхъ господъ, желавшихъ отличиться и заслужить рукоплесканія публики (de la galerie).

Вообще всѣ недовольны и поражены результатомъ сейма.

ПРОЕКТЪ АДРЕСА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО, СОБСТВЕННОРУЧНО ПИСАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 г.).

[Переводъ]. Государь, представители Вашего польскаго королевства, движимые неизмѣнной преданностью ихъ къ особѣ В. В. и къ своему отечеству, взвѣсивъ по возможности зрѣло всѣ неудобства, выяснившіяся во время послѣднихъ двухъ сеймовъ, осмѣливаются покорнѣйше просить Ваше Величество дозволить имъ почтительнѣйше представить на Ваше усмотрѣніе нѣкоторыя соображенія о полезныхъ измѣненіяхъ, какія слѣдовало бы сдѣлать въ конституціонной хартіи, а равно и въ органическихъ уставахъ (statuts organiques), коими они обязаны великодушію Вашего Величества.

Они осмѣливаются, государь, предложить Вамъ эти измѣненія съ единственной цѣлью устранить изъ этого труда, на которомъ, благодаря благодѣяніямъ Вашимъ, основаны драгоцѣнныя для ихъ отечества льготы, все, что могло бы поощрить развитіе того демагогическаго духа, который сталъ въ наше время самымъ дѣятельнымъ оружіемъ въ рукахъ недоброжелателей. Они вполнѣ убѣждены, что

осмѣлившись представить Вашему Величеству эти предложенія. они дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ какъ граждане, по истинѣ преданные отечеству и его правамъ, такъ какъ они умоляютъ Васъ, государь, вычеркнуть изъ его уставовъ все то, что могло бы поколебать ихъ прочность, замѣнивъ ихъ въ то же время такими постановленіями, которыя не только подтвердятъ либеральные принципы, послужившіе основаніемъ хартіи и органическимъ статутамъ, но будутъ также имѣть цѣлью упрочить еще болѣе общественное спокойствіе, а слѣдовательно, и благосостояніе народа.

Если Ваше Величество, взвѣсивъ все сказанное со свойственною Вамъ мудростью, найдете причины, побудившія насъ почтительнѣйше представить эти предложенія на усмотрѣніе Ваше, достойными Вашего одобренія, то Вамъ одному, государь, какъ законодателю Польши, подобаетъ придать имъ силу закона, провозгласивъ ихъ съ высоты Вашего престола.

О правилахъ засѣданій сейма, въ девяти статьяхъ.

[Собственноручная записка императора Александра I].

[Переводъ]. 1) Пренія должны происходить съ тою же торжественностью, какая соблюдается въ судахъ.

2) Личности строго воспрещаются.

3) Также всякія колкости, брань и шумъ.

4) Надзоръ за соблюденіемъ вышеупомянутыхъ статей возлагается на президента сената и на маршала сейма.

5) Всякій членъ, отклонившійся въ своей рѣчи отъ этихъ правилъ, будетъ немедленно прерванъ и призванъ къ порядку предсѣдателемъ той палаты, къ которой онъ принадлежитъ.

6) Членъ, подвергшійся замѣчанію три раза, лишается слова на все время засѣданія.

7) Членъ, подвергшійся замѣчанію въ трехъ засѣданіяхъ, исключается изъ членовъ и долженъ быть замѣщенъ по представленію, сдѣланному въ обычной формѣ и по новому выбору въ палатѣ, какъ это дѣлается въ случаѣ смерти кого либо изъ членовъ.

8) Члены, выключенные изъ какой либо палаты, не могутъ быть избраны вновь, исключая того случая, если поступятъ впослѣдствіи на государственную службу и своимъ усердіемъ докажутъ свое искреннее сожалѣніе за свой опрометчивый поступокъ.

9) Для того, чтобы они могли быть избраны вновь, правительство должно дать имъ разрѣшеніе явиться въ числѣ кандидатовъ на выборы въ воеводства.

Записка о второмъ Польскомъ сеймѣ 1820 г.

Варшава, 1 (13) октября 1820 г.

Le discours de S. M. l'Empereur et Roi a electrisé pour ainsi dire tous les auditeurs. A peine S. M. a-t-elle quitté la salle de la diète, que commencèrent les reproches de toutes parts aux Membres de la chambre des Nonces que l'on connait qu'ils ont voté pour le rejet des projets qui furent présentés à cette chambre.

Les uns disaient: „He bien, voyez Vous que S. M. désaprouve le procédé de la chambre". D'autres: „He bien, n'avons nous pas dit qu'il faut bien nous assurer quelle est l'intention du Roi?" Enfin on disait: „Il parait que nous attendrons longtemps la troisièms diète."

On a remarqué dans le discours de S. M. plein de grandes phrases entre autre celle: „Je laisse à juger à votre conscience et a vos concitoyens si vous avez repondu à la confiance mise en vous".

On a répété la manière avec laquelle a été reçu hier par S. M. l'Emp. et Roi la députation de la chambre des nonces. On a dit que S. M. a témoigné son mécontentement sur les procédés de la chambre, que s'il a donné la constitution libérale et le droit de votes librement que ce n'est point pour qu'on cherche à resserer son pouvoir.

On a aussi répété d'autres phrases, nottement celle que S. M. sait bien que ce n'est point par mauvaise intention, mais par une faiblesse de caractère qu'une grande partie des membres de la chambre s'est laissé guider et conduire par quelques messieurs qui voulaient se distinguer et se faire applaudir par la galèrie.

Tout le monde en général est mécontent et consterné par le résultat de cette Diète.

Проэктъ адреса представителей Царства Польскаго, собственноручно писанный Императоромъ Александромъ I-мъ.

(Относится, вѣроятно, къ сейму 1825 года).

Sire. Les Représentants de Votre Royaume de Pologne animés par leur inaltérable dévouement à la personne de V. M. ainsi que par leur attachement inviolable à leur Patrie, après avoir murement pesé les différents inconvénients qui se sont fait sentir pen-

dant la durée des deux dernières diètes, osent dans leur soumission demander la permission de V. M. de lui soumettre très respectueusement quelques idées d'amendements salutaires à faire dans la charte constitutionelle, ainsi que dans les statuts organiques, ouvrage qu'ils doivent à la magnanimité de V. M.

Ils osent vous les proposer, Sire, dans le but unique, d'écarter de cet ouvrage, sur lequel reposent graces à vos bienfaits les précieuses libertés de leur Patrie—tout ce qui pourrait encourager cet esprit démagogique, devenu de nos jours l'instrument le plus actif des malveillants. Ils portent dans leur coeur la conviction, qu'en osant soumettre à V. M. ces propositions, ils agissent en Citoyens vraimant attachés à leur Patrie et à ses libertés, puisqu'ils vous supplient, Sire, d'effacer de ses instutions tout ce qui peut en miner la stabilité, et le remplacer en même temps par des reglements qui loin de refuser les principes liberaux qui ont servi de base à la charte et aux statuts organiques n'ont d'autre but que d'assurer davantage la tranquilité publique, et conséquement le bien être national.

Si V. M. après avoir pesé dans sa sagesse trouve les raisons qui nous ont porté à lui soumettre humblement ces propositions dignes de sa sanction, c'est à Vous seul, Sire, qu'il appartient comme au législateur de la Pologne de leur donner force de lois en les promulgant du haut de Son trone.

О ПРАВИЛАХЪ ЗАСѢДАНІЙ СЕЙМА, ВЪ ДЕВЯТИ СТАТЬЯХЪ.

Собственноручная записка императора Александра I-го.

1) Les discussions doivent porter la gravité des Tribunaux judiciaires.

2) Toute personalité est sévérement défendue.

3) Toute aigreur ou diatribe, tout bruit ou tapage.

4) Le Président du Senat et le Maréchal de la Diète sont chargés de l'exécution des articles ci dessus.

5) Tout membre qui s'en ecarterait dans son discour, sera sur le champ interrompu dans son discour et rappelé à l'ordre par celui qui préside la chambre à laquelle il se trouve appartenir.

6) Un membre qui aura été trois fois repris perd la parole pour le reste de la séance.

7) Un membre qui aura été repris dans trois séances cesse

d'être membre et doit être remplacé par une présentation d'après les regles ordinaires et dans la chambre par une nouvelle election, comme cela se pratique dans les cas de morts.

8) Ceux qui seront exclus de l'une des chambres ne peuvent plus être réelus, à moins qu'ayant été employés par le Gouvernement dans quelque place administrative ils lui aient donné des preuves de zèle et de regrets de s'être mis dans le cas précité.

9) Pour qu'ils puissent être réclus il faut que le Gouvernement leur donne une autorisation de pouvoir se présenter au nombre des candidats dans les elections des Palatinats.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1816—1828 гг.

Цесаревичъ—генералу Сипягину.

Варшава, 27-го февраля 1816 г.

Николай Мартьяновичъ. Получивъ извѣщеніе ваше, что Г. И. приказать изволилъ прислать сюда трехъ подпрапорщиковъ л.-гв. Литовскаго полка для узнанія порядку военной службы, я съ трепетомъ ихъ ожидаю и выведу весь Варшавскій гарнизонъ, чтобы палъ ницъ лицомъ передъ ними, ибо не смѣю и помыслить этого, чтобы ихъ здѣсь выучить, а развѣ у нихъ будемъ учиться, такъ какъ они были подъ мудрымъ начальствомъ и обучены у совершенныхъ знатоковъ е. с. графа Милорадовича и его превосходительства генерала Потемкина.

На увѣдомленіе ваше, что у васъ приготовляются большіе парады и что надѣетесь, что моя старуха конная гвардія не отстанетъ отъ прочихъ, скажу по пословицѣ, что я тащуся на кауромъ за милостію, и такъ далѣе.

Бога ради избавьте по дальше меня отъ вашего комитета сочиненія воинскаго устава. Я отъ двухъ вещей бѣжалъ сюда изъ Петербурга за полторы тысячи верстъ: 1-й въ Мраморномъ дворцѣ пріемнаго зала и знаменной комнаты, а 2-е вашего комитета; боюсь поклоновъ и шарканіевъ и сочиненіе устава такъ, что если мнѣ сюда объ немъ будете писать, то я дальше еще за полторы тысячи верстъ убѣгу.

Будьте здоровы, сего вамъ желаетъ съ дружбою истинно васъ уважающій Константинъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ — г.-л. Курутѣ.

Мыза Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

Дмитрій Дмитріевичъ! Скажу вамъ, что я слава Богу здоровъ, былъ вчерась въ Царскомъ Селѣ у Г. И. и пробывъ съ 7 часовъ вечера до 11, все съ Государемъ гуляли по саду и обо многомъ толковали; и вы, хотя весьма коротко знаете царскосельскій садъ, но право не узнали бы его теперь, такъ государь изволилъ его нынѣ хорошо отдѣлать. Государь изволитъ быть такъ милостивъ и ласковъ со мною, что я не могу даже нахвалится, свыше моихъ заслугъ...

Я нашелъ конную гвардію такъ и сякъ довольно изрядную и при первой съ нею встрѣчи на смотру арестовалъ нѣсколько офицеровъ; она стала для меня совсѣмъ какъ новая, даже почти никого изъ людей не знаю, которые ѣздятъ на флангахъ и большой части офицеровъ. Лошади въ конной гвардіи содержаны хорошо и въ конюшняхъ весьма чисто, сѣдлаютъ худо, но надѣюсь поправить и на дняхъ начну заниматься старухою, чтобы въ петергофскіе праздники не ударить мнѣ съ нею лицемъ въ грязь. Та бѣда, что столько разныхъ даютъ приказаній въ перемѣнахъ отъ имени Г. И., что во всемъ перепутываютъ; напротивъ сего государь самъ изволилъ мнѣ сказать, что многого совсѣмъ не приказывалъ; государю только угодно, чтобы кавалерія строилась изъ густыхъ колонъ какъ пѣхота, а тутъ было совсѣмъ кавалерію хотѣли обратить въ пѣхоту...... Въ Стрѣльнѣ я нашелъ все въ порядкѣ и чистотѣ.... Ожидая вашихъ эстафетовъ, что то будетъ отъ васъ новинькаго, считаю излишнимъ вамъ повторить увѣреніе въ моемъ къ вамъ дружескомъ, искреннемъ всегда душевномъ расположеніи, въ чемъ вы вѣрно сами не можете ни мало сомнѣваться, желаю только вамъ здоровья и всякаго благополучія.

Цесаревичъ Константинъ — генералу Сипягину.

Варшава, 3-го марта 1818 г.

Николай Мартьяновичъ. Письмо ваше минувшаго февраля отъ 20-го числа съ нынѣшней эстафетой я получилъ, за которое васъ весьма благодарю, увѣдомляя васъ, что Е. И. В. изволилъ къ намъ прибыть точно въ назначенной день, какъ я къ вамъ писалъ, но только весьма поздно: въ половинѣ пятаго часа уже утра на 1-е число марта и мы всю ту ночь не спали; а я по увѣдомленію посланнаго отъ меня на встрѣчу фельдъегеря о скоромъ прибытіи Е. И. В., со

втораго часа ночи поѣхалъ въ замокъ и тамъ дожидалъ ежеминутно Г. И.—Е. И. В. особенно весьма милостиво изволилъ меня принять и князь Петръ Михайловичъ Волконскій пересказывалъ мнѣ, что Е. И. В. во время путешествія своего сюда, въѣзжая еще въ расположеніе отдѣльнаго Литовскаго корпуса 27-й пѣхотной дивизіи, изволилъ сказать: «вотъ уже видны войска, подъ начальствомъ брата находящіяся». Я въ полной мѣрѣ чувствую сію милость Е. И. В., но при семъ случаѣ скажу: это значитъ по ногамъ какъ бы бичикомъ подхлестывать для того, чтобъ болѣе еще подпрыгивать [1]). Я таковой милостивый отзывъ ко мнѣ Е. И. В. съ благоговѣніемъ пріемлю, и готовъ сколько моихъ силъ достанетъ трудиться.

На другой день прибытія сюда Е. И. В., т. е. 1-го числа марта, разводъ былъ л.-гв. Литовскаго полка 1-го баталіона и польскихъ войскъ 2-го пѣхотнаго полка обѣихъ баталіоновъ. Е. И. В. симъ разводомъ изволилъ быть весьма довольнымъ, изволилъ объявить благодарность и изволилъ сказать: «вотъ я такого шагу не могу о сю пору еще добиться». Послѣ развода были представлены Г. И. всѣ военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры. 2-го марта былъ разводъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка 1-го баталіона и обоихъ баталіоновъ польскаго-же 6-го пѣхотнаго полка. Г. И. изволилъ быть разводомъ весьма доволенъ и также изволилъ объявить благодарность.

Сколько могъ собрать вамъ на первый разъ новостей нашихъ, вотъ онѣ всѣ тутъ, а что будетъ далѣе, я васъ буду увѣдомлять, а затѣмъ весь къ вамъ всегда съ дружбою расположен. Константинъ.

Варшава, 10-го марта 1818 г.

Николай Мартьяновичъ! Письмо ваше ко мнѣ отъ 27-го февраля съ послѣднимъ эстафетомъ я получилъ, за которое вамъ весьма благодаренъ.

Высочайшее присутствіе здѣсь Г. И. насъ день ото дня восхищаетъ, и нѣтъ дня, въ который бы Е. И. В. не изволилъ изъявлять своего удовольствія... но особенно... еще вамъ скажу, что въ минувшую пятницу, по католическому закону страстной недѣли, разводъ былъ безъ барабановъ и музыки; шли по взводно и по рядамъ скорымъ и тихимъ шагомъ весьма хорошо, а объ кавалерійскомъ взводѣ

[1]) Подобныя выраженія часто встрѣчаются въ перепискѣ Цесаревича Константина Павловича, напр. письмо его къ Новосильцеву:

Стрѣльна, 11-го іюля 1816 г.

„Государь изволитъ особенною своею ко мнѣ ласкою какъ будто бичемъ погонять, чтобы я болѣе еще старался хлопотать“.

(„Рус. Старина“, 1872 г. томъ V).

польскаго гвардейскаго конно-егерскаго полка Е. И. В. изволилъ сказать: «C'est l'idéal de la cavalerie».

Весьма бы желалъ и впредь сообщать вамъ такія же пріятныя новости—въ полной мѣрѣ будучи увѣренъ, что вы принимаете въ оныхъ участіе—если бы мы были такъ счастливы, чтобы и далѣе все такъ было хорошо; но по крайней мѣрѣ по сіе время Богъ милуетъ и худаго еще ничего не случилось.

Всегда съ истинною дружбою къ вамъ расположенный Константинъ.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Грузино, 15-го октября 1820 г.

В. и. в—ство всемилостивѣйшій государь! Позвольте обезпокоить в. и. в. симъ моимъ письмомъ, дабы изъявить чувства моей безпредѣльной и душевной благодарности за всѣ Ваши, оказанныя мнѣ, милости во время моего пребыванія въ Варшавѣ, которыя останутся во всю мою жизнь въ душѣ моей незабвенны.

Я ежедневно молю Бога о сохраненіи Вашего здоровья, которое нужно для нашего отечества, ибо в вы—ство, всемилостивѣйшему нашему Государю Императору усердною Вашею службою, дѣлается первѣйшимъ Его помощникомъ, такъ что всякій изъ насъ вѣрноподданный долженъ у Васъ оному учиться и перенимать.

По дозволенію в. и. в—ства, осмѣливаюсь послать книгу, содержащую въ себѣ рисунки мундировъ бывшихъ въ арміи во время блаженныя памяти покойнаго Императора Павла Петровича, Вашего Родителя и моего милостиваго отца и благодѣтеля.

Я всегда почитаю себя счастливымъ, когда в. и. в—ство осчастливливаете меня какими Вашими приказаніями, которыя я съ душевнымъ удовольствіемъ исполняю. В. и. в—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 7-го (19) ноября 1820 г.

Спѣшу принесть в. с. искреннюю мою благодарность за почтенное письмо ваше отъ 15-го октября, которое сегодня имѣлъ честь получить; равномѣрно и за чувства в. с. ко мнѣ, будучи увѣрены, что я ихъ въ полной мѣрѣ принимаю и цѣнить умѣю. Лестное мнѣніе в. с. на образъ служенія моего, пріемлю особеннымъ знакомъ вашей ко мнѣ дружбы. Исполнять свой долгъ съ преданностію къ Вы-

сочайшей особѣ Вс—го нашего Г. И., есть для меня священною обязанностію, отъ которой никогда и ни въ какомъ случаѣ не отступлю, покуда силы мои дозволятъ. Благодарность и преданность моя къ нему останется со мною по гробъ. В. с. чувства сіи понимать изволите, доказавъ во многихъ случаяхъ оные, а потому излагаю ихъ предъ вами съ чистосердечностію. Снисхожденіе в. с. къ трудамъ моимъ, въ здѣшнемъ краю, пріемлю какъ новый опытъ вашего усердія ко мнѣ. Книгу-рисунокъ имѣлъ я честь при письмѣ в. с. получить, за которую весьма благодарю и въ скоромъ времени возвращу. У насъ, слава Богу, все смирно и служба идетъ по старому. Рекрутскій наборъ начался, а съ онымъ новые труды и работа; дай Богъ успѣху!—въ отставку вышло до 3,000 человѣкъ.

Позвольте старому вашему подчиненному въ концѣ письма его просить в. с. принять увѣреніе его въ истинномъ къ вамъ почтеніи, уваженіи и дружбѣ, съ которою останусь навсегда в. с. усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 1-го (13) февраля 1821 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Съ послѣднимъ фельдъегеремъ изъ Лейбаха, имѣлъ я честь получить почтенное письмо в. с., пущенное изъ С.-Петербурга отъ 31-го прошлаго декабря, за которое, равномѣрно какъ и за печатныя копіи высочайшихъ рескриптовъ покойнаго Государя Императора, спѣшу принести в. с. искреннюю мою благодарность и признательность. Читалъ я сіи рескрипты съ любопытствомъ, и чтеніе сіе перенесло меня за 20 лѣтъ назадъ, представя тѣ времена какъ бы настоящими [1]). Позвольте мнѣ в. с. просить васъ принять отъ меня взаимное поздравленіе съ наступившимъ Новымъ Годомъ и пожелать вамъ отъ души всѣхъ счастій и благополучій, оставаясь увѣренъ, что в. с. не сумнѣваетесь въ моемъ къ вамъ расположеніи и въ искренности моихъ желаній.

У насъ здѣсь слава Всевышнему все спокойно и благополучно. Усердіе въ войскѣ и стараніе угодить Государю всеобщее. Что же касается до политическихъ мыслей большаго свѣта, объ томъ я умалчиваю; в. с., поживъ съ нами, его видѣли сами. Дай Боже мнѣ обмануться; но мѣры нужны самыя дѣятельныя, чтобъ прекратить зло въ самомъ его началѣ и корнѣ. Въ протчемъ мнѣ сдается, что сіе

---

[1]) Рескрипты императора Павла Петровича къ Алексѣю Андреевичу Аракчееву напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г. т. VII, стр. 477—490. Это перепечатка весьма рѣдкой брошюры, изданной самимъ Аракчеевымъ въ 1821 году въ іюнѣ мѣсяцѣ. Ред.

зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчено не только здѣсь, но и повсюду. Прошу в. с. принять въ концѣ письма сего увѣреніе искренняго моего къ вамъ почтенія и уваженія, съ которымъ есть навсегда вашъ усерднѣйшій Константинъ Цесаревичъ.

Варшава, 11-го февраля 1821 г.

Графъ Алексѣй Андреевичъ! Видя изъ письма в. с. къ г.-л. Курутѣ, что вамъ угодно имѣть такой же станокъ для литографіи, какой изволили видѣть въ Главномъ Штабѣ Е. И. В. отъ меня доставленный, я, находя всякій случай, въ которомъ могу сдѣлать угодное в. с., для меня пріятнымъ, приказалъ сдѣлать здѣсь точно таковой же станокъ, который по изготовленіи и будетъ немедленно отправленъ къ в. с. Пользуясь симъ случаемъ, прошу в. с. принять увѣреніе всегдашняго моего къ вамъ особеннаго почтенія и уваженія.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ.

С.-Петербургъ, 31-го января 1822 г.

В. И. В! Милостивый Вашъ подарокъ, литографической станокъ, мною полученъ, и онъ на всю мою жизнь будетъ мнѣ напоминать милостивое Ваше вниманіе къ старому слугѣ покойнаго Вашего родителя. Примите сію истинную благодарность отъ вѣрнопреданнаго вашего высочества преданнаго. В—го и. вы—ства вѣрноподданный графъ Аракчеевъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ—ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ОПОЧИНИНУ.

Варшава, 6-го февраля 1825 г.

По слухамъ, какъ здѣсь носится, будетъ у насъ собраніе вкупѣ князей Людстихъ (т. е. Сеймъ), а какъ вы хотѣли оной видѣть и обѣщались для того пріѣхать, то потому неугодно ли вамъ будетъ пожаловать сюда, чтобы по совершеніи вмѣстѣ на страстной недѣлѣ христіанскихъ требъ, ожидать совокупно и нашествіе князей здѣсь Людстихъ—на что, во ожиданіи вашего увѣдомленія, есмь всегда съ дружбою къ вамъ расположенной. Константинъ.

КНЯЗЬ ВОЛКОНСКІЙ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Парижъ, 24-го мая (5 іюня) 1825 г.

В. и. выс—тво! По возвращеніи моемъ изъ Реймса имѣлъ счастіе получить въ одно время три всемилостивѣйшіе рескрипта в. и. выс—тва, одинъ отъ 17-го марта съ приложеніемъ правилъ о движеніяхъ фурштатскаго баталіона, другіе два отъ 23-го и 29-го апрѣля съ журналами о происходящемъ въ Варшавѣ по военной части.

Упадая къ стопамъ в. и. выс—тва, не нахожу словъ къ изъясненію моей наичувствительнѣйшей благодарности за таковую отличную милость, и воспоминаніе обо мнѣ во время столь многочисленныхъ занятій Вашихъ, особенно во время Высочайшаго присутствія Е. И. Величества въ Варшавѣ. Сей новый опытъ всемилостивѣйшаго благоволенія в. и. выс—тва никогда не изгладится изъ памяти моей, и всячески буду стараться заслужить оный.

Усмотрѣвъ изъ журнала, что ея свѣтлость княгиня Ловичская получила орденъ св. Екатерины 1-й степени, осмѣливаюсь принесть всеусерднѣйшее мое поздравленіе, какъ в. и. выс—тву, такъ и ея сіятельству.

Касательно изъявленныхъ Высочайшихъ Е. И. В. благоволеній за отличное устройство предводительствуемыхъ в. и. выс—твомъ войскъ, я напередъ былъ увѣренъ, что Г. И. изволитъ быть оными совершенно доволенъ, потому что нѣтъ нигдѣ подобной точности во всѣхъ отношеніяхъ, какъ въ сихъ войскахъ, доведеніе коихъ до таковой степени совершенства единственно принадлежитъ, безъ всякой лести, трудамъ неусыпнымъ и искусству в. и. высочества.

Позвольте при семъ случаѣ донести в. и. выс—тву, вкратцѣ о происходившемъ въ Реймсѣ.

16-го (28) мая Е. В. король французскій имѣлъ тріумфальный въѣздъ въ Реймсъ въ богатой бронзовой каретѣ, заложенной 8-ю лошадьми, предшествуемый пятью отрядами изъ пяти ротъ гренадеровъ, и послѣдуемый эскадронами гвардіи кирасировъ, конныхъ гренадеровъ, конныхъ егерей, гусаровъ, улановъ и gendarmerie d'élite, каждыхъ по одному эскадрону. Пѣхота разставлена была шпалеромъ отъ тріумфальныхъ воротъ по улицамъ до собора, и состояла изъ 16-ти баталіоновъ гвардейскихъ и линейныхъ полковъ, по одному баталіону изъ каждаго полка. Въ кавалеріи было не по 16, но только по 9 рядовъ, а въ пѣхотѣ: въ гвардіи не по 36, но по 20, въ линейныхъ полкахъ не по 29, но по 19 и 18 рядовъ во взводѣ. Вой-

ска гвардейскія были одѣты чисто и довольно ровно, линейныя же посредственно, а болѣе худо. Во время марша вообще всѣ равнялись весьма дурно, взводы находили одинъ на другой и останавливались. Въ гусарахъ послѣдніе скакали въ карьеръ, чтобы догнать переднихъ. Въ артиллеріи орудія, лафеты, принадлежность и упряжь не были вычищены, и даже грязны.

Первой батареи орудія были поставлены столь близко къ шоссе, что лошади кареты Е. В. испугались выстрѣловъ и несли весьма долго, такъ что съ трудомъ могли удержать эскортомъ лошадей; другая карета, ѣхавшая въ слѣдъ за королевскою, была опрокинута, и сидѣвшіе въ оной камеръ-юнкеры Duc de Damas, Duc d'Aumont, генералъ Curial и гофмаршалъ графъ Коссэ—были всѣ ушиблены, Damas и Curial довольно опасно.

Е. В., пересѣвъ подъ городомъ въ парадную карету, изволилъ пріѣхать прямо въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ духовенствомъ и слушалъ вечерню. Соборъ былъ убранъ воликолѣпно и съ большимъ вкусомъ въ готическомъ видѣ. Посреди церкви поставленъ былъ на возвышеніи тронъ подъ тріумфальной аркою въ греческомъ вкусѣ.

17-го (29) по утру, въ 7 часовъ съ половиною, король изволилъ придти съ церемоніей въ соборъ. Потомъ началась служба мѵропомазанія и коронованія, послѣ того обѣдня. Церемонія была великолѣпна, съ большимъ порядкомъ, и продолжалась до половины двѣнадцатаго часа. По возвращеніи изъ собора король изволилъ кушать на тронѣ, въ той же залѣ за другими столами обѣдали всѣхъ дворовъ послы, депутація перовъ и нижней камеры, имѣя всѣ шляпы на головахъ.

18-го (30) по утру, въ 10 часовъ, было поздравленіе королю отъ дипломатическаго корпуса и разныхъ сословій королевства. По полудни, въ часъ, была вечерняя въ соборѣ, послѣ которой былъ пріемъ кавалеровъ ордена св. Духа.

19-го (1 іюня) по утру король изволилъ ѣздить верхомъ въ церковь св. Реми и въ лагерь, гдѣ былъ смотръ войскамъ, кои проходили церемоніальнымъ маршемъ, потомъ Е. В. ѣздилъ на загородное гулянье, гдѣ подносимы были королю разныя произведенія фабрикъ, находящихся въ Шампаніи.

20-го (2) Е. В. возвратился ночевать въ Компьенъ, откуда изволилъ прибыть въ Парижъ 25-го (6) и будетъ имѣть тріумфальный въѣздъ прямо въ Notre Dame.

Потомъ начнутся разныя празднества и будутъ продолжаться до 23-го іюня, послѣ коихъ я надѣюсь отсюда отправиться, и остановлюсь нѣсколько времени у водъ въ Бадъ-Баденѣ. Потомъ надѣюсь имѣть счастіе въ Варшавѣ лично принесть в. и. выс—тву мою наи-

чувствительнѣйшую благодарность за всѣ Ваши милости ко мнѣ, въ числѣ коихъ осмѣливаюсь испрашивать еще одну, позвольте мнѣ остановиться въ Варшавѣ во дворцѣ въ прежнихъ комнатахъ, или въ другихъ какихъ угодно будетъ мнѣ назначить.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть в. и. высочества, всепреданнѣйшій слуга князь Петръ Волконской.

ГРАФЪ АРАКЧЕЕВЪ—ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1826 г.

В. и. выс—тво, всем. г—рь цесаревичъ. Получа при письмѣ вашемъ отъ 25-го марта воинскаго устава пѣшей артиллерійской службы второй томъ съ планами къ оному принадлежащими, я изъ онаго увидѣлъ, что в. и. выс—ство помните обо мнѣ, убитомъ старикѣ, бывшемъ вѣрномъ слугѣ родителя и Августѣйшему брату вашему.

Я принимаю сію вашу милость продолженіемъ ко мнѣ милостей моего отца и Благодѣтеля въ Бозѣ почивающаго Благословеннаго Александра Павловича, который находясь нынѣ, по праведной своей жизни у престола Славы Божіей, упросилъ Господа Бога вложить сію милостивую мысль в. им. выс—тву, чѣмъ самымъ облегчили хотя нѣсколько страждущую мою душу, находящуюся нынѣ въ такомъ положеніи, что ни днемъ ни ничью не имѣетъ покою.

Всѣ пользующіе меня врачи, единогласно объявили мнѣ одно средство испытать Карльсбатскія воды, куда я въ первыхъ числахъ наступающаго мая намѣренъ отправиться.

Продолжайте, всемилостивѣйшій г—рь, ко мнѣ несчастному вашу милость, которую я нѣкогда при жизни моего отца и Благодѣтеля Александра Павловича пользовался отъ в. и. выс—тва.

Съ глубочайшимъ душевнымъ высокопочитаніемъ останусь до конца моей жизни, в. и. выс—тва вѣрноподданный слуга графъ Аракчеевъ [1]).

---

[1]) 9-го же апрѣля графъ Аракчеевъ во всеподданнѣйшемъ письмѣ испрашивалъ заграничный отпускъ. Письмо это было напечатано въ Чт. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г. Въ немъ графъ Аракчеевъ доносилъ Государю, что онъ оставляетъ наличныхъ денегъ въ военныхъ поселеніяхъ болѣе 32 милліоновъ рублей. Словами: „Всемірный Судія, грядущее время и потомство изречетъ всему справедливый приговоръ", оканчиваетъ графъ свое оправдательное посланіе. Ред.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Варшава, 23-го апрѣля 1826 г.

Я имѣлъ честь получить почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 9-го сего апрѣля и обращаясь съ истинною моею за онсе благодарностію и за изъясненныя чувства ко мнѣ, въ которыхъ я никогда не сомнѣвался, съ моей же стороны скажу, что мы оба съ вами служили блаженной памяти Государю батюшкѣ и Государю Императору Александру Павловичу Благодѣтелямъ нашимъ и пользовались милостію и довѣренностію ихъ, и оба уже такъ стары, чтобы могли перемѣниться, слѣдовательно остается только просить васъ быть въ полной мѣрѣ увѣреннымъ во всегдашнемъ моемъ къ вамъ особенномъ почтеніи и уваженіи.

Отмѣтка Государя Императора Николая Павловича: «Покорнѣйше благодарить».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ—ГЕН.-АД. БАР. ДИБИЧУ.

Varsovie le 19 Juin (1 Juillet) 1826.

Mon cher Général, comformément au contenu de Votre lettre du 5 Juin, j'adresse à S. M. I. & R., mes notes sur les Généraux de l'armée Royale Polonaise. Ces notes redigées dans la forme de celles que Vous avez vues dans le temps, sont entièrement neuves et analogues à l'opinion que depuis 12 ans j'ai été à portée de recueillir sur le compte de chacun d'eux; les anciennes étaient pour la plupart devenues sans application par les mutations et changements survenus dans l'intervalle.—J'inclus ici ce travail et vous prie de le présenter à S. M. I. & R.

Croyez, mon cher général, à l'ancien et invariable attachement que je vous porte. Constantin.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—ГЕН.-АДЪЮТ. БАРОНУ ДИБИЧУ.

Варшава, 19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ]. Любезный генералъ, согласно содержанію письма вашего отъ 5-го іюня, я представляю его императорскому и королевскому величеству мои замѣтки о генералахъ польской королевской арміи. Замѣтки эти составлены по образцу тѣхъ, которыя вы нѣкогда видѣли; онѣ составлены заново по тѣмъ мнѣніямъ, какія я

составилъ себѣ въ послѣдніе 12-ть лѣтъ, о каждомъ изъ нихъ; прежнія замѣтки сдѣлались по большей части непримѣнимы вслѣдствіе тѣхъ перемѣнъ и измѣненій, какія произошли въ этотъ промежутокъ времени. Прилагаю при семъ этотъ отчетъ и прошу васъ представить оный его императорскому и королевскому величеству.

Будьте увѣрены, любезный генералъ, въ моемъ всегдашнемъ расположеніи къ вамъ. Константинъ.

Примѣчаніе: На верху отмѣтка императора Николая: «Покорнѣйше благодарить».

ЗАМѢТКИ О ГЕНЕРАЛАХЪ ВСѢХЪ ЧИНОВЪ, СЛУЖАЩИХЪ ВЪ ПОЛЬСКО-КОРОЛЕВСКОЙ АРМІИ, ПО ПОРЯДКУ СПИСКА.

19-го іюня (1-го іюля) 1826 г.

[Переводъ съ французскаго]. Заіончекъ, генералъ отъ инфантеріи, намѣстникъ королевства. Старикъ достойный и почтенный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ старъ и разбитъ и вѣроятно не проживетъ долго; смерть его была бы настоящей потерей для государства и его трудно было бы замѣнить; человѣкъ преданный, онъ имѣлъ одну мысль исполнить волю покойнаго императора.

Рожнецкій, дивизіонный генералъ, начальникъ кавалеріи. Ревностный, умный, весьма способный, строгій на службѣ, добросовѣстный исполнитель даваемыхъ ему приказаній. Онъ создалъ и поддерживаетъ польскую кавалерію и жандармовъ. Сверхъ того человѣкъ весьма умный, свѣдущій и незамѣнимый по части свѣдѣній, доставляемыхъ высшей полицейской властью, которыя неоднократно доводились мною до свѣдѣнія покойнаго императора, и всегда оказывались согласными съ строжайшей правдою. Свѣдѣнія, доставленныя имъ, открыли глаза покойнаго императора на демагогическіе происки въ Швейцаріи и Германіи. Я воспользовался бы его услугами на войнѣ съ большимъ довѣріемъ [1]).

---

[1]) Разсказывалъ намъ покойный членъ Государ. Совѣта П. А. Мухановъ, близко знавшій Рожнецкаго, что тотъ весьма экономно относился къ передаваемымъ ему отъ правительства деньгамъ на оплату сыщиковъ. Имъ, Рожнецкимъ, установлена была такса за извѣстнаго рода сообщенія; при чемъ за тѣ извѣстія, о которыхъ у него уже были нѣкоторыя свѣдѣнія, платилось скудно. Является бывало еврей-шпіонъ и докладываетъ Рожнецкому по видимому совершенное новое свѣдѣніе; но у генерала за замаскированнымъ отверстіемъ сидѣлъ обыкновенно въ сосѣдней комнатѣ—секретарь, который моментально записывалъ показаніе шпіона и тотъ, при получкѣ въ тотъ же день гонорара, — узнавалъ, что онъ, шпегъ, имѣетъ право только на гонораръ низшей таксы, такъ какъ извѣстіе его не оказывалось совершенно свѣжимъ, перваго, по новизнѣ своей, достоинства. Ред.

Красинскій, Исидоръ, дивизіонный генералъ, командующій второй пѣхотной дивизіей.

Не отличается особенными способностями и познаніями; человѣкъ честный и прекрасный дивизіонный командиръ; весьма ревностный къ службѣ, всегда старающійся быть исполнительнымъ; при хорошемъ начальникѣ штаба онъ будетъ хорошъ по службѣ. Чрезвычайно храбрый па войнѣ, дѣйствуя всегда съ отвагою, онъ всегда на мѣстѣ и исполняетъ въ точности данныя ему приказанія.

Гауке, дивизіонный генералъ, начальникъ артиллеріи и инженернаго корпуса, исполняющій должность военнаго министра и главный квартирмейстеръ. Моя правая рука во всѣхъ отношеніяхъ; преданный, честный, умный, строгій и заботящійся лишь о пользѣ службы. Онъ заслужилъ во всѣхъ отношеніяхъ уваженіе Его Величества, покойнаго императора. Служа постоянно при штабахъ, онъ былъ всегда по службѣ на хорошемъ счету. Покойный государь самъ, безъ всякаго посторонняго намека, обратилъ на него вниманіе, расчитывая замѣстить имъ намѣстника, въ случаѣ кончины послѣдняго.

Красинскій, Викентій, графъ, дивизіонный генералъ, командующій резервнымъ корпусомъ. Умный, свѣдущій, весьма усердный, очень хорошъ на войнѣ; его услугами часто пользовался Наполеонъ; онъ весьма способенъ къ маневрамъ, и скоро усваиваетъ ихъ цѣль и общій планъ. Впрочемъ онъ мотъ, подъ часъ довольно сумасбродный, чрезвычайно кичится званіемъ корпуснаго командира; съумѣлъ заслужить довѣріе подчиненныхъ. Изъ генераловъ, я не желалъ бы имѣть лучше его.

Потоцкій, Станиславъ, дивизіонный генералъ, начальникъ 1-й пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ, въ военное и въ мирное время; онъ заботится много о своихъ солдатахъ и хорошо знаетъ свою дивизію. Человѣкъ способный, старательный, ревностный, но, къ несчастію, подчиняется женѣ, которая держитъ его въ рукахъ и много позволяетъ себѣ. Самъ же онъ порядочный болтунъ; впрочемъ годенъ на всякую должность.

Аксамитовскій, бригадный генералъ, состоящій по арміи Половина тѣла отнята у него параличемъ; это человѣкъ ничтожный, пользующійся относительно честности весьма сомнительной репутаціей. Онъ никогда не служилъ при мнѣ.

Бѣганскій (Bieganskу) бригадный генералъ. Начальникъ коммисаріата. Отличается по службѣ большою честностью; знакомъ со своей частью до малѣйшихъ подробностей.

Жолтовскій, бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады и 2-й пѣхотной дивизіи. Не отличается особеннымъ умомъ и позна-

ніями, прекрасный фронтовой офицеръ и весьма храбрый на войнѣ, въ которой онъ безпрестанно участвовалъ. Порядокъ въ его бригадѣ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Коссецкій, бригадный генералъ, conseiller sécrètaire d'Etat. Служилъ весьма недолго подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, при новомъ управленіи; однако и до м ня доходили всегда лестные отзывы о его военныхъ заслугахъ. Что же касается исполненія имъ обязанностей по государственному совѣту, при намѣстникѣ, то въ этомъ отношеніи объ немъ долженъ представить вашему императорскому и королевскому величеству отчетъ самъ намѣстникъ.

Грабовскій, Степанъ, графъ, бригадный генералъ, министръ, статсъ-секретарь. Я былъ постоянно доволенъ этимъ генераломъ, когда онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ въ качествѣ начальника бригады и затѣмъ въ чинѣ статскаго совѣтника былъ директоромъ военной коммисіи. Трудно представить себѣ въ человѣкѣ соединеніе болѣе драгоцѣнныхъ качествъ. Въ настоящее время ваше императорское и королевское величество имѣете возможность сами оцѣнить его по заслугамъ. Покойный императоръ, которому я предложилъ назначить его на мѣсто графа Соболевскаго, часто высказывалъ мнѣ свое удовольствіе по поводу этого выбора.

Вейсенгофъ, бригадный генералъ, начальникъ уланской дивизіи. Человѣкъ умный, съ познаніями, прекрасный офицеръ. Дивизія его находилась всегда въ такомъ порядкѣ, который не оставлялъ желать ничего лучшаго. Весьма храбрый на войнѣ и прекрасный офицеръ въ мирное время, онъ отлично знаетъ свою дивизію. Онъ вездѣ на своемъ мѣстѣ.

Сѣравскій (Sierawski), бригадный генералъ, состоитъ по арміи. Хорошій честный человѣкъ, но слабый характеромъ, что вынудило меня лишить командованія надъ отдѣльными частями, которыя ввѣрялись ему. На войнѣ онъ дѣйствовалъ удачно. Его можно употреблять въ военное время для формированья резервовъ; на эту должность онъ былъ предназначенъ покойнымъ императоромъ.

Раутенштраухъ, бригадный генералъ, дежурный генералъ, Conseiller d'Etat, главный директоръ военной коммисіи. Соединяетъ въ себѣ всѣ качества и познанія, которыя дѣлаютъ военнаго человѣка пригоднымъ къ канцелярской и къ фронтовой службѣ. Генералъ этотъ способенъ обнять всю сущность дѣла и въ тоже время въ состояніи войти въ мельчайшія его подробности; поэтому въ какой бы части его не употребили, нѣтъ той должности, въ которой онъ не могъ бы служить съ отличіемъ. Политика, администрація, ничто

не чуждо ему. Словомъ. это человѣкъ замѣчательно способный и безупречнаго характера.

Круковецкій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи. Человѣкъ въ высшей степени вѣтренный во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасный фронтовый и военный офицеръ, весьма способный. Онъ въ состояніи забыться каждую минуту, если ему дана будетъ воля; его необходимо держать въ рукахъ и не спускать ему ни малѣйшей бездѣлицы. Онъ можетъ быть весьма полезенъ, если его будутъ держать строго;но при малѣйшемъ снисхожденіи онъ можетъ сдѣлаться вреднымъ; человѣкъ хвастливый, пускается съ офицерами во всевозможные неумѣстные разговоры. Вспыльчивъ до крайности, онъ не помнитъ себя во время гнѣва; охотникъ до ссоръ; и такъ повторяю, что его можетъ сдержать лишь боязнь строгаго взысканія, если вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ обращаются съ величайшимъ хладнокровіемъ. Бригада его, одна изъ лучшихъ въ арміи, содержится въ такомъ порядкѣ, который не оставляетъ ничего желать, тѣмъ болѣе, что ему содѣйствуютъ въ этомъ случаѣ полковые командиры.

Клицкій, бригадный генералъ, начальникъ дивизіи конныхъ егерей. Дивизія его содержится въ порядкѣ, заслуживающемъ величайшей похвалы. Прекрасный офицеръ въ военное и въ мирное время. Покойный принцъ Евгеній Богарне обязанъ ему большей частью своей славы во время войны 1812 г. Это человѣкъ вполнѣ достойный, храбрый и благородный. но, къ несчастью, болѣзненный. Ему можно поставить въ упрекъ лишь слишкомъ большую снисходительность къ подчиненнымъ, доходящую иногда до слабости; это происходитъ оттого, что онъ считаетъ людей такими, какими они должны быть, а не такими, каковы они есть. Онъ превосходенъ па маневрахъ и замѣчательно уменъ.

Курнатовскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады конно-гвардейской дивизіи. Это олицетворенное усердіе, честность, преданность, желаніе сдѣлать все какъ можно лучше, однимъ словомъ, служа со мною двѣнадцать лѣтъ, онъ былъ всегда одинаково хорошъ по службѣ. Заслуживъ похвалу или получивъ выговоръ за какую нибудь оплошность по службѣ, случившуюся въ ввѣренной ему части, онъ никогда не терялъ отъ этого энергіи, а напротивъ дѣйствовалъ по видимому еще съ большимъ усердіемъ. Одаренный рѣдкимъ духомъ субординаціи, онъ съумѣлъ заслужить любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и подчиненныхъ. Бригада его содержится въ полнѣйшемъ порядкѣ и Гродненскій гвардейскій гусарскій полкъ, принадлежащій къ этой бригадѣ, обязанъ ему своимъ положеніемъ.

Цыхотскій (Cichocki) бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи, человѣкъ храбрый, достойный и честный; онъ получилъ весьма серьезную рану въ голову, вслѣдствіе чего почти совсѣмъ оглохъ. Это генералъ весьма усердный, искренно желающій исполнять свои обязанности какъ можно лучше, но не одаренъ особенными способностями. Бригада его содержится въ примѣрномъ порядкѣ и можетъ считаться одною изъ лучшихъ въ арміи.

Пшебендовскій, (Przebendowski) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-й конно-егерской дивизіи. Порядочный хвастунъ и болтунъ; хорошъ на войнѣ, знаетъ службу довольно хорошо, усерденъ, но не особенно способенъ отъ природы. Бригада его находится въ довольно удовлетворительномъ порядкѣ.

Редель, бригадный генералъ, начальникъ пѣшей артиллеріи. Прекрасный офицеръ, выказавшій себя съ хорошей стороны во время войны. Хорошо знаетъ свою часть, очень старателенъ, желаетъ всегда исполнить все какъ можно лучше; ничего не упускаетъ изъ вида. Такъ какъ онъ хворалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то онъ не могъ тогда проявить такой дѣятельности, какъ послѣ своего выздоровленія. Обѣ бригады пѣшей артиллеріи, состоящія подъ его командой, находятся въ прекрасномъ положеніи.

Маллетскій (Malletski), бригадный генералъ, начальникъ инженеровъ. Человѣкъ съ большими достоинствами по своей части, рѣдкаго ума, примѣрной честности; это настоящій подарокъ, сдѣланный Польшѣ покойнымъ императоромъ французовъ; видно, что это былъ его выборъ; кромѣ того онъ замѣчателенъ спокойнымъ характеромъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ; никогда не вмѣшивается въ дѣла, не касающіяся его части.

Потоцкій, Антонъ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады дивизіи конныхъ егерей. Не отличается ни способностями, ни умомъ; впрочемъ онъ исполняетъ свои обязанности, не заслуживая замѣчаній. Бригада его въ прекрасномъ состояніи, такъ какъ ему дѣятельно помогаютъ полковые командиры.

Жимирскій (Zymirski) бригадный генералъ; начальникъ 1-й бригады гвардейской пѣхотной дивизіи. Лучшій изъ моихъ пѣхотныхъ офицеровъ. Въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, которыя онъ служитъ подъ моимъ начальствомъ, онъ былъ моей правой рукою въ исполненіи всѣхъ приказаній, отданныхъ ему мною; его строгость и разборчивость въ дѣйствіяхъ могутъ назваться примѣрными. Его полкъ, а равно и саперы содержатся въ совершенномъ порядкѣ, точно также какъ и его бригада. Онъ одаренъ рѣдкимъ умомъ и способностью;

заслужилъ уваженіе начальства и подчиненныхъ и можетъ служить примѣромъ умѣнья поддерживать дисциплину среди офицеровъ.

Новицкій, бригадный генералъ, главный секретарь военной коммисіи. Весьма свѣдущій по своей части; работаетъ хорошо, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящая кумушка въ мужскомъ платьѣ.

Блумеръ, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады 2-ой пѣхотной дивизіи. Прекрасный офицеръ въ военное и мирное время. При Тарутинѣ, бывши въ чинѣ полковника, онъ спасъ остатки арміи[1]), явившись съ прикрытіемъ и остановивъ преслѣдованіе. Человѣкъ весьма честный, надежный; онъ назначался мною неоднократно въ весьма трудныхъ и щекотливыхъ случаяхъ въ судъ, на слѣдствія и въ военные совѣты и всегда дѣйствовалъ честно, осмотрительно и искусно, не щадя никого, не исключая самаго себя, всегда равнодушный къ тому, что называютъ обыкновенно общественнымъ мнѣніемъ. Генералъ этотъ пользуется полнымъ моимъ довѣріемъ; порядокъ, въ какомъ содержится его бригада, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Гельгудъ (Gielgud) бригадный генералъ, начальникъ 1-й бригады 1-ой пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, но не особенно опытный, онъ никогда не участвовалъ въ сраженіяхъ, такъ какъ въ самомъ началѣ своей службы, въ концѣ 1812 и началѣ 1813 гг., ему пришлось сидѣть въ Модлинѣ. Весьма усердный и всегда старается быть исправнымъ. Его бригада одна изъ лучшихъ въ арміи.

Сухоржевскій (Suchorzewski) бригадный генералъ. Начальникъ 1-й бригады уланской дивизіи. Превосходнѣйшій офицеръ въ военное и мирное время, много разъ участвовалъ въ сраженіяхъ и всегда съ отличіемъ. Этотъ кавалерійскій офицеръ заботится о пользѣ службы, не упуская и малѣйшихъ подробностей; это олицетворенное усердіе и желаніе быть всегда исправнымъ. Бригада его безспорно лучшая во всей кавалеріи.

Принцъ Адамъ Виртембергскій, бригадный генералъ, начальникъ 2-й бригады уланской дивизіи. Олицетворенное усердіе, старательность и преданность; всегда при исполненіи своихъ обязанностей и отличный въ бою. Рѣдкій примѣръ, чтобы Германскій принцъ, не тщеславясь своимъ родомъ и званіемъ, служилъ бы какъ послѣдній разночинецъ, какъ будто отъ этого зависитъ его состояніе. Бригада его въ наилучшемъ порядкѣ.

Моравскій, бригадный генералъ, начальникъ 3-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи. Весьма старательный, усердный, старающійся всегда быть исправнымъ, съ честью участвовавшій въ войнѣ, немного

---

[1]) Конечно французской „великой" арміи. Ред.

неопытенъ для маневровъ; вообще человѣкъ вполнѣ благородный, надежный и честный; онъ годенъ на всякое дѣло. Бригада его очень хороша.

Бонтанъ (Bontemps) бригадный генералъ, начальникъ матеріальной части артиллеріи (comand. le matériel d'artillerie). Чрезвычайно умный и проницательный офицеръ; хорошо знакомый съ научной, теоретической и практической частью артиллеріи, смѣло рѣшающій всякіе вопросы. Съ этими военными качествами онъ соединяетъ чрезвычайную обходительность и доступность. Онъ былъ избранъ покойнымъ императоромъ французовъ, пославшимъ его въ Польшу. По артиллеріи это моя правая рука. Онъ всегда умѣлъ заслужить величайшее довѣріе начальства.

Даревскій, бригадный генералъ, главный директоръ военной коммисіи. Весьма честный человѣкъ, чрезвычайно умный и дѣятельный; онъ часто бывалъ въ дѣлѣ и также нерѣдко занималъ канцелярскія должности, всюду заслуживъ полное одобреніе своего начальства. «Константинъ».

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ — ГЕН.-АДЪЮТ. БАР. РОЗЕНУ.

12-го апрѣля 1828 г.

......«Объ образованныхъ такъ называемыхъ офицерахъ не могу умолчать, чтобы не сказать со всею откровенностію мое заключеніе, что я гораздо лучше желаю имѣть подъ своимъ начальствомъ, какъ говорится, черныхъ офицеровъ, нежели мнимо-образованныхъ бунтовщиковъ, чему служатъ явнымъ доказательствомъ бывшія извѣстныя произшествія въ 1825 и 1826 годахъ и 14-е декабря, ибо исключая немногихъ, нѣтъ почти полка 1-й и 2-й арміи, гдѣ бы не оказались возмутители и въ самой гвардіи, не говоря уже о прежней исторіи Семеновскаго полка; въ одномъ кавалергардскомъ полку нашлось 13 бунтовщиковъ, бывшихъ 14-го декабря во фронтѣ; какъ напротивъ того, несмотря на то, что 8-я артиллерійская бригада, гдѣ оказалось большое число возмутителей. расположена была въ срединѣ 25-й дивизіи, но Литовскій корпусъ остался чистъ и неприкосновененъ ни къ какому нареканію, тогда какъ прочіе посрамили своими дѣяніями Россійскую армію; ежели же случилось происшествіе въ Литовскомъ піонерномъ баталіонѣ, то сіе произошло отъ пришельцовъ изъ 2-й арміи образованныхъ гг. Игельстрома, Вегелина и прочихъ собратій, которые по близкому расположенію успѣли вовлечь въ свои пагубныя дѣянія и двухъ неопытныхъ офицеровъ изъ Гренадерскихъ полковъ. Впрочемъ даже сами извѣстные графъ Мошинскій и Швейковскій отозвались, да и Бестужевъ-Рюминъ показалъ,

что они опасались дотронуться до Литовскаго корпуса, зная какой существуетъ въ ономъ духъ, въ чемъ конечно я долженъ отдать полную справедливость не только однимъ гг. начальникамъ частей, которые успѣли сохранить между своими подчиненными надлежащій порядокъ, но и всѣмъ гг. офицерамъ за ихъ приверженность и вѣрность своему Государю. Къ сему еще присовокупляю, что когда я прежде имѣлъ подъ своимъ начальствомъ конную гвардію, у меня по большей части были, какъ говорится, черные офицеры и все было въ порядкѣ; а послѣ меня, когда явились въ оной мнимообразованные, то и тамъ трое попались въ число бунтовщиковъ. Слѣдовательно, что полезнѣе для правительства имѣть ли такихъ офицеровъ, какъ Литовскаго корпуса, или нынѣшняго образованія вольнодумцевъ»?

Примѣчаніе. Поводомъ этой profession de foi цесаревича Константина Павловича послужило письмо ген.-адъют. бар. Розена графу Курутѣ, (отъ 6-го апрѣля 1828 г.), въ которомъ между прочимъ сказано, что „теперь весьма мало добромыслящей и хорошей старинной шляхты отдаютъ своихъ дѣтей въ службу, а поступаютъ въ оную по большей части токмо такіе, которые не находятъ инаго способа къ пропитанію, слѣдственно безъ малѣйшаго образованія, частію безграмотные даже на природномъ языкѣ своемъ, а нѣкоторые и съ дурными качествами; сіи послѣдніе, получивъ первый офицерскій чинъ, вынуждаются полковыми командирами, а иногда товарищами своими, преждевременно оставить службу, а прочіе дослужа до поручиковъ, передъ производствомъ въ штабсъ-капитаны, чувствуя свои неспособности, а также часто вынужденные начальствомъ выходятъ въ отставку и переводятся въ гарнизонъ“.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ—КНЯЗЮ П. М. ВОЛКОНСКОМУ.

Варшава, 20-го апрѣля 1828 г.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій князь Петръ Михайловичъ. Я имѣлъ удовольствіе получить письмо в. с. отъ 11-го сего апрѣля, при которомъ препроводили ко мнѣ маршруты Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Θеодоровны въ Одессу, за доставленіе котораго весьма васъ благодарю, присовокупляя къ сему, что увидѣвъ сію голубую книжку, такую точно какъ бывало вы ко мнѣ присылали о путешествіяхъ блаженной памяти нашего общаго съ вами благодѣтеля Г. И. Александра Павловича, я не могъ безъ сокрушенія сердца равнодушно о семъ вспоминать.

За поздравленіе меня съ наступающимъ днемъ рожденія остаюсь вамъ также весьма благодарнымъ, и мы оба съ женою въ вполной мѣрѣ умѣемъ цѣнить искренность вашу къ намъ, въ которой съ нашей стороны просимъ быть совершенно удостовѣрены.

И затѣмъ почтеннѣйшій князь Петръ Михайловичъ примите повтореніе увѣренія совершеннаго моего къ вамъ особеннаго почтенія, уваженія и дружбы.

НИКОЛАЙ I — ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ САКЕНУ.

Москва, 29-го октября 1831 г.

[Переводъ.] Любезный фельдмаршалъ! Миновало время тяжкихъ испытаній и критическая эпоха въ нашей исторіи замѣнилась безсмертнымъ воспоминаніемъ о новой славѣ, заслуженной нашими храбрыми войсками. Хотя въ виду вашихъ преклонныхъ лѣтъ, любезный фельдмаршалъ, вы не были призваны на поле брани пожать новые лавры, но за то своими мудрыми распоряженіями, своею неусыпною дѣятельностью, вы съумѣли подавить возмущеніе, угрожавшее большой опасностью арьергарду нашей арміи; съ такою же заботливостью отнеслись вы и ко всѣмъ прочимъ, ввѣреннымъ вамъ дѣламъ.

Поэтому васъ вѣроятно не удивитъ, что не имѣя возможности высказать вамъ все это лично, я желаю по крайней мѣрѣ письменно высказать вамъ мою искреннюю и живѣйшую признательность; примите ее во имя отечества, которому мы оба служимъ и которому вы оказали въ этомъ случаѣ одну изъ немаловажныхъ услугъ, ознаменовавшихъ вашу многолѣтнюю, славную карьеру.

Будьте увѣрены въ искренности чувствъ, побудившихъ меня написать вамъ эти строки, и въ неизмѣнномъ уваженіи и расположеніи, съ какимъ пребываю къ вамъ благосклонный Николай.

Москва, 29-го октября 1831 г.

Mon cher Maréchal! Une époque de peinibles épreuves, une époque critique vient de passer; elle est remplacée par des souvenirs immortels d'une nouvelle gloire, acquise par nos braves armées.

Si votre age, mon cher Maréchal, ne vous a pas appelé sur les champs de bataille, pour cueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité a su arrêter le feu de la rebellion, qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; partout, dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez su porter la même sollicitude.

Vous ne serez donc point surpris, si privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par ecrit dans ce moment; je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance; recevez la, au nom de la patrie, que nous servons et à laquelle le service présement rendu, n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière.

Croyez à la sincérité du motif, qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié, que vous porte

Votre sincèrement affectionné Nicolas.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

СПИСОКЪ СЪ УКАЗА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

18-го мая 1651 года.

Извѣстно, что князь А. С. Меншиковъ весьма заботливо собиралъ и въ большомъ порядкѣ хранилъ въ подлинникахъ и въ копіяхъ множество драгоцѣнныхъ историческихъ документовъ; было не мало и такъ называемыхъ курьезовъ; къ числу ихъ принадлежитъ печатаемый здѣсь списокъ яко бы съ указа царя Алексѣя. Онъ уже былъ напечатанъ (по другой копіи и съ большими варіантами) въ „Русской Старинѣ“ изд 1871 г. томъ III, стр 393, но мы его помѣщаемъ вновь какъ потому, что покойный кн. Меншиковъ придавалъ ему значеніе документа достовѣрнаго, такъ и потому, чтобы вызвать отзывъ знатоковъ нашей старины—не встрѣчалъ-ли кто этотъ указъ въ спискѣ XVII-го вѣка? Ред.

Учали на Москву приходити разные Еретики и Нѣмцы, и просити нашея царскія службы, и мы собра Архіепископы, Архиреи, Архимандриты и Іереи на думу, и положили со думными людьми ихъ б...киныхъ дѣтищъ, нѣмцовъ, на воеводство не посылать, и къ воеводствамъ не опредѣлять; а быти имъ б...инымъ дѣтищамъ, нѣмцамъ, точію въ Москвѣ и записываться по черной сотнѣ и въ службу нашу царскую и ступати по нуждѣ въ ратную.

Дѣло о стихахъ на генерала Рета.

I.

Всепод. рапортъ цесаревича Константина Павловича.

Варшава. 6-го января 1824 г.

Когда высочайшимъ В. И. В. приказомъ, отданнымъ въ 26-й день сентября прошлаго 1823 года, командующій 3-мъ пѣх. кор. г. л. Ротъ 1 утвержденъ былъ командиромъ онаго корпуса, въ то время данъ былъ для него въ г. Житомирѣ балъ и на оной вышли тамъ стихи, которые получилъ я чрезъ имѣющіеся у меня средства

Сіи стихи, по дерзкому и злому ихъ смыслу, какъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ обращено было особенное вниманіе, то осмѣливаюсь всеподд. представить оные на высочайшее В. И. В. благосоизволеніе.

О балъ достойный поношенья!
Безчестіе гусаръ, ихъ вѣчно униженье,
Кому дается онъ? чей вензель весь въ огняхъ?
Товоль, кто васъ ругалъ еще на этихъ дняхъ?
Кто дѣйствій вашихъ всѣхъ былъ мстительный содѣтель,
Кому по слуху лишь знакома добродѣтель,
Кто имя славное дивизіи помрачилъ.
Тово-ли наконецъ, кто князя васъ лишилъ;
Безхарактерные!... и вы ему забыли
И трауръ горестной на радость премѣнили.

II.

Стихи эти подняли цѣлую бурю, заскрипѣли перья въ Петербургѣ, Могилевѣ и Варшавѣ.

18-го января 1824 года и. д. нач. гл. ш. г. а. бар. Дибичъ обратился съ нижеслѣдующимъ рапортомъ къ цесаревичу Константину Павловичу.

«Г. И. съ признательнѣйшею благодарностію читалъ рапортъ в. и. высочества, при которомъ изволили доставить Е. В. появившіеся въ г. Житомирѣ пасквильные стихи на счетъ г. л. Рота».

«По сему случаю нынѣ же объявлено главнокомандующему 1-ю арміею высочайшее повелѣніе, о порученіи военной полиціи узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ означенныхъ стиховъ. Но не менѣе того Г. И. желаетъ, дабы ваше имп. высочество и съ своей стороны взяли возможныя мѣры для открытія секретнымъ образомъ сочинителя сихъ стиховъ».

III.

Рапортъ ген.-ад. бар. Дибича—гр. Сакену.

18-го января 1824.

До свѣдѣнія Г. И. дошло, что въ г. Житомирѣ во время бала, который данъ былъ по случаю утвержденія г. л. Рота корпуснымъ командиромъ, появились стихи.... которые по своему содержанію показываютъ дерзость и злобу сочинителя въ высокой степени.

Е. И. В. угодно, чтобы в. с. поручили военному ген.-полицмейстеру стараться всевозможными способами узнать секретнымъ образомъ, кто былъ сочинителемъ сихъ стиховъ.

IV.

Графъ Сакенъ — ген.-ад. бар. Дибичу.

17-го февраля 1824 г.

...«Военный ген. полицм. отправилъ жандармскаго полка поручика Полонскаго въ Житомиръ для скрытнаго развѣдыванія о сочинителѣ извѣстныхъ вамъ стиховъ, причемъ я поручилъ г. л. Роту, доставить ему всевозможныя къ тому пособія».

«Изъ отзывовъ, полученныхъ отъ г. л Рота и поручика Полонскаго видно, что упоминаемый... балъ, дѣйствительно данъ былъ офицерами 3-й гусарской дивизіи только не въ Житомирѣ, а въ Бердичевѣ; но о существованіи тѣхъ стиховъ, ни въ Житомирѣ, ни въ расположеніи дивизіи, совершенно никакихъ нѣтъ слуховъ и самъ г. л. Ротъ, до полученія моего предписанія, свѣдѣнія о томъ не имѣлъ. За симъ поручикъ Полонскій и самъ возвратился нынѣ въ Могилевъ, безъ всякаго въ развѣдываніи своемъ успѣха».

Нижеслѣдующій рапортъ цесаревича г. а. Дибичу отъ 2-го апрѣля 1824 г. прекратилъ наконецъ все это «дѣло»:

...«Во исполненіе Высочайшей Е. И. В. воли, я поручилъ командиру 25-й пѣхотной дивизіи г. м. Гогелю 2, употребить всемѣрное стараніе къ открытію секретнѣйшимъ образомъ упомянутаго сочинителя, и нынѣ получилъ отъ него донесеніе, что при самыхъ дѣятельнѣйшихъ мѣрахъ, принятыхъ посредствомъ партикулярныхъ людей и нарочно посланнаго чиновника, достовѣрное открытіе сочинителя совершенно невозможно, тѣмъ болѣе, что по случаю нахожденія въ Бердичевѣ адъютанта генералъ-полиціймейстера 1-й арміи генерала отъ инфантеріи Эртеля, присланнаго также для узнанія о семъ, принята самая строгая осторожность. Кромѣ того, говорятъ, что г. л. Ротъ просилъ начальство о прекращеніи по сему предмету дальнѣйшихъ розысканій».

Резолюція императора Николая по поводу обиды, нанесенной г.-м. К—лю [1]).

Въ 1826 году командиръ резервной батарейной № 5 роты 12-й артиллерійской бригады подполковникъ Гинцель находился подъ судомъ за дерзость противъ г.-м. К......ля, заключающуюся въ томъ, что во время объясненій по службѣ съ этимъ генераломъ послѣ слова его «молчать», сказалъ: «видно васъ, г. К.....ель, мало по р... били».

[1]) Впослѣдствіи графа и главноуправляющаго путями сообщенія.

Аудиторіатскій департаментъ, представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе такой, въ высшей степени неприличный поступокъ сего офицера, равно долговременную, отличную и безпорочную, до означеннаго случая, службу его, бытность въ походахъ и сраженіяхъ и полученныя имъ на войнѣ раны, полагалъ: Гинцеля, по лишеніи всѣхъ чиновъ и орденовъ, написать въ рядовые до выслуги.

По этому дѣлу послѣдовала нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая I:

«Подполковника Гинцеля посадить на два года въ крѣпость и въ уваженіе прежней хорошей службы и полученныхъ ранъ, вмѣсто разжалованья, отставить отъ службы».

Николай.

Марта 23 дня 1826 года.

Примѣръ сочувственнаго отношенія императора Александра I-го къ нуждамъ своихъ сослуживцевъ.

Графъ Дибичъ — графу Аракчееву.

С.-Петербургъ, 6-го ноября 1827 г.

Г.-м. Берхманъ, изъясняя, что въ 1824 году блаженныя памяти Г. И. Александръ Павловичъ всемилостивѣйше соизволилъ ему пожаловать на уплату долговъ 49,000 р., что монаршее соизволеніе о семъ объявлено Е. В. изустно г.-м. Паткулю и что онъ Берхманъ въ счетъ оныхъ получилъ въ 1824 г. чрезъ сего же генерала только 15,000 р.,—проситъ о выдачѣ ему достальныхъ 34,000 р. въ довершеніе изліянной на него милости въ Бозѣ почивающимъ Г. И.

Г.-м. Паткуль въ удостовѣреніе сего представилъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія: «1824 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ блаженныя памяти Г. И. изволивъ потребовать его г.-м. Паткуля къ себѣ, спрашивалъ о причинѣ просимаго г.-м. Берхманомъ увольненія отъ службы; на что онъ отвѣчалъ, что полагаетъ причиною разстроенное его состояніе; посему Е. В. угодно было приказать ему г.-м. Паткулю подробно отъ него узнать, и что если сія только причина, то Государь радъ ему помочь. Г.-м. Берхманъ показалъ въ то время долгу по разнымъ мѣстамъ наиболѣе его тѣснившія 49,000 р., о чемъ онъ Паткуль имѣлъ счастіе доложить Г. И. и Е. В. угодно было сію сумму уплатить въ три срока, а именно: первый въ ономъ же 1824 году въ декабрѣ мѣсяцѣ, на основаніи чего и доставлено къ нему г.-м. Паткулю въ Царское Село чрезъ камердинера Федорова 15,000

рублей для врученія г.-м. Берхману, съ тѣмъ, что достальная выдача 34,000 р. послѣдуетъ въ 1825 и 1826 годахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, о каковомъ Высочайшемъ назначеніи извѣстенъ былъ и г. генералъ графъ Аракчеевъ; притомъ Е. В. угодно было, чтобы сіе оставалось въ тайнѣ».

Прежде доклада Г. И., я имѣю честь обстоятельство сіе довести до свѣдѣнія в. с. и покорнѣйше прошу васъ, м. г., почтить меня по оному вашимъ отзывомъ, пребывая затѣмъ и пр.

Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ 11-го ноября: «Пожалованное покойнымъ Г. И. Александромъ Благословеннымъ вспоможеніе г. м. Берхману мнѣ извѣстно было изъ разговоровъ покойнаго Г. И. объ ономъ со мною, о чемъ и. ч. увѣдомить в. с.».

Графъ Дибичъ и его сношенія какъ начальника главнаго штаба Е. И. В. съ Александромъ I и Николаемъ I.

Въ бытность съ 1823 года генералъ-адъютанта барона, а впослѣдствіи графа И. И. Дибича начальникомъ главнаго штаба, онъ постоянно представлялъ, по разнымъ текущимъ вопросамъ службы; краткія всеподданнѣйшія докладныя записки, на обыкновенномъ листѣ почтовой бумаги, загнутомъ на половину; съ боку Г. И. писалъ собственноручно карандашемъ резолюціи, и отсылалъ обратно своему «Major Général», какъ тогда величали Дибича. Такимъ образомъ начальникъ Главнаго Штаба находился, независимо отъ частыхъ личныхъ докладовъ, въ ежедневныхъ непрерывающихся письменныхъ сообщеніяхъ съ Государемъ.

Содержаніе докладныхъ записокъ самое разнообразное; онѣ касаются представляющихся, разводовъ, высочайшихъ приказовъ, отправленія фельдъегерей, приглашеній къ высочайшему обѣденному столу. Многія изъ этихъ записокъ не лишены историческаго интереса; на ряду же съ таковыми встрѣчается также напр. донесеніе о томъ, что придворный истопникъ Павелъ Соболевъ, ловя рыбу, утонулъ (1824 г.). Кромѣ того, Государь лично отъ себя передавалъ графу Дибичу, въ короткихъ записочкахъ, различныя приказанія по военной части (по гарнизонной службѣ, формѣ одежды и пр.) и сообщалъ о предстоящихъ поѣздкахъ, работахъ и пр. [1]).

[1]) Приведемъ для примѣра двѣ записочки императора Николая:

1) „Вели, любезный Иванъ Ивановичъ, прислать сейчасъ инвалида изъ поселеній, что полы краситъ, къ Виламову. Матушка объ томъ мнѣ пишетъ".

2) „Я ѣду завтра въ 7 часовъ въ Кронштадтъ на цѣлый день; если у

Записки и повелѣнія императора Александра I.

«Генералъ-адъютанту князю Менщикову состоять по министерству иностранныхъ дѣлъ».

Апр. 1823.

Къ приказу 6-го декабря 1823 г.

«Приготовьте приказъ сего вечера о поступленіи корпуса офицеровъ гвардіи Семеновскаго полку по прежнему на правахъ старой гвардіи. и пришлите его ко мнѣ, какъ скоро готовъ будетъ, дабы можно было завтра отдать его».

Всеподданнѣйшія записки г.-а. бар. Дибича.

«Не угодно-ли будетъ В. И. В. назначить пароль на 6-е ноября».

Высочайшая резолюція:

— «Пароль Таганрогъ».

7-го ноября 1825 г.

«Завтрашняго числа по случаю табельнаго праздника тезоименитства Е. И. В. Михаила Павловича, разводъ назначенъ въ шарфахъ и бѣлыхъ панталонахъ».

«Г.-а. Чернышевъ, прибывшій сего числа изъ Новочеркаска, испрашиваетъ позволеніе можетъ ли быть завтра къ обѣднѣ во дворецъ, равно и супруга его, безъ вторичнаго представленія».

— «Могутъ» [1]).

3-го марта 1826 г.

«Полученное отъ генерала графа Аракчеева письмо имѣю честь представить при семъ В. И. В., испрашивая высочайше повелѣніе на счетъ позволенія быть ему въ Чесмѣ!» [2]).

— «Можно позволить и я прикажу».

тебя есть готовая работа, то я тебя возьму съ собой; а чтобъ тебѣ не терять времени, то можешь взять съ собой кого хочешь, съ тѣмъ, чтобъ работать на яхтѣ, покуда я буду свое дѣло дѣлать".

[1]) Это была послѣдняя резолюція императора Александра I. Первое письмо г. а. Дибича, посланное въ Варшаву къ начальнику штаба цесаревича генералу Курутѣ, о болѣзни Государя, помѣчено 12-мъ ноябремъ 1825 г.

[2]) Въ день прибытія тѣла императора Александра I изъ Царскаго Села.

29-го августа 1826 г.

«Г.-а. Бенкендорфъ спрашиваетъ меня, для увѣдомленій чужестранцевъ, изволите ли В. В. быть завтра къ разводу? Я осмѣливаюсь спросить о семъ высочайшее повелѣніе».

— «Я не буду завтра къ разводу, дабы не праздновать въ первый разъ тотъ день, въ который я разстался навсегда съ государемъ».

«Я не желаю, чтобы завтра ко мнѣ пріѣзжали съ поздравленіями».

Записка императора Николая — г.-а. Дибичу.

8-го сентября 1827 года.

«Богъ даровалъ мнѣ сына Константина, любезный Иванъ Ивановичъ. Вели внести его въ сегодняшній приказъ такъ: назначается: Е. И. В. Великій Князь Константинъ Николаевичъ въ Л.-Г Измайловскій полкъ».

Всеподданнѣйшая записка графа Дибича.

3-го февраля 1828 г.

«По случаю усилившагося у меня кашля, докторъ меня пользующій желаетъ, чтобы я завтра не выѣзжалъ и по сему воспользуюсь всемилостивѣйшимъ позволеніемъ на завтрашній день; надѣюсь, что послѣ завтра мнѣ столько будетъ легче, чтобы быть съ утреннимъ докладомъ».

— «Настоятельно прошу любезный Иванъ Ивановичъ сидѣть дома, доколь не выздровишъ совершенно».

Изъ военно-медицинскихъ нравовъ 1828 года.

Рапортъ князю А. С. Меншикову отъ коммисіи военнаго суда, учрежденнаго въ крѣпости Анапѣ.

23-го октября 1828 г. № 52.

Коммисія сія отъ 17-го прошедшаго сентября за № 34 рапортомъ испрашивала вашего предписанія, дѣйствительно ли подсудимый въ сей коммисіи Тамапскаго гарнизоннаго полка младшій фельдшеръ Иванъ Васильевъ жаловался в. св. на г. лѣкаря Шпрингера, въ

истязаніи его, Васильева, какъ въ лагеряхъ и въ самомъ дѣйствіи противъ непріятеля ежедневно наказаніемъ палками, розгами и рукою по щекамъ и оглушивалъ по ухамъ, на защищеніи его какое было учинено распоряженіе, каковаго не имѣя до нынѣ въ полученіи, осмѣливается почтеннѣйше ожидать въ непродолжительномъ времени.

Резолюція князя А. С. Меншикова: «получено въ Николаевѣ [1]) 12-го ноября 1828 г. Отвѣчать коммисіи, что перваго отношенія я не получилъ, что фельдшеръ Васильевъ на ш.-л. Шпрингера жалобы не приносилъ, а ежели бы и принесъ, то былъ бы за прошеніе не по командѣ тогда же наказанъ».

Высочайшій выговоръ г.-а. Закревскому 1828 года.

5-го августа 1828 г.

Графъ Дибичъ представилъ всеподданнѣйшую записку объ отзывѣ, послѣдовавшемъ къ графу П. А. Толстому [2]) со стороны министра внутреннихъ дѣлъ ген. ад. Закревскаго, что онъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба, по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ общемъ учрежденіи министерствъ, по которому министры сносятся съ одними только главноначальствующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

Для скорѣйшаго теченія дѣлъ, графъ Дибичъ, съ своей стороны, полагалъ сношенія по главному штабу военныхъ поселеній оставить и на будущее время, въ томъ самомъ порядкѣ, который введенъ былъ на основаніи высочайше утвержденной 23-го апрѣля 1819 г. записки графа Аракчеева, относительно сношеній со всѣми министрами.

Императоръ Николай на этомъ докладѣ написалъ слѣдующую собственноручную резолюцію:

— «Поручить графу Толстому, призвавъ къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть [3]) его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ.

20-го августа 1828 г.
Одесса.

---

[1]) Кн. Меншиковъ лѣчился въ Николаевѣ отъ раны, полученной имъ при осадѣ кр. Варны.

[2]) Графъ Толстой во время отсутствія императора Николая въ Турцію былъ назначенъ въ С.-Петербургѣ главнокомандующимъ.

[3]) Три раза подчеркнуто Государемъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ.

Въ предписанiи генералъ-губернатора Восточной Сибири на имя Иркутскаго гражданскаго губернатора отъ перваго сентября 1826 г. за № 842, относительно женъ государственныхъ преступниковъ, сужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, между прочимъ изложено слѣдующее:

По необдуманной рѣшимости могли послѣдовать за ними ихъ жены, не знающiя существующихъ о ссыльно-каторжныхъ постановленiй.

Высочайшая резолюцiя: «Все справедливо, но всѣ выраженiя необходимости и проч. перемѣнить на неизвѣстность мѣстныхъ обстоятельствъ».

Прикажите внушить крѣпостнымъ людямъ, которые прибудутъ съ съ женами осужденныхъ, что соединенiе съ мужьями лишаетъ ихъ права имѣть при себѣ крѣпостныхъ слугъ и что могутъ они просить о возвращенiи ихъ изъ Сибири

Высочайшая резолюцiя: «Это совершенно воспрещаю; бунтовать людей не должно, достаточно объявить женамъ, что по положенiю онѣ не могутъ брать съ собой людей своихъ какъ съ добровольнаго ихъ согласiя».

Изъ исторiи священнаго союза.

1830.

Изъ всѣхъ членовъ священнаго союза, одна Россiя съ невозмутимымъ самоотверженiемъ стояла 40 лѣтъ на стражѣ ненарушимости легитимизма и словомъ, и дѣломъ. Помѣщенное ниже предписанiе графа Чернышева 1830 г. служитъ тому доказательствомъ. Едва ли архивы: австрiйскiй или прусскiй того времени могутъ выступить съ подобнымъ документомъ:

ГРАФЪ ЧЕРНЫШЕВЪ — КРОНШТАДТСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ ВИЦЕ-АДМИРАЛУ РОЖНОВУ.

Спб 5-го августа 1830 г.

По случаю возникшаго во Францiи мятежа и перемѣны существовавшаго правительства, Г. И. высочайше повелѣть соизволилъ, ни подъ какимъ видомъ не дозволить кораблямъ сей нацiи, плавающимъ подъ флагомъ трехъ цвѣтнымъ, а не бѣлымъ, входа въ Кронштадтскiй портъ, но если бы они усиливались войти въ оный, то останавливать ихъ дѣйствiемъ оружiя.

Е. И. В. равномѣрно благоугодно, чтобы всякій корабль французскій изъ остающихся нынѣ въ кронштадтскомъ портѣ, который бы перемѣнилъ бѣлый флагъ на трехъ цвѣтный, немедленно былъ высланъ въ море.

Сообщая в. пр. высочайшую волю сію къ непремѣнному и строгому исполненію, и. ч. присовокупить, что я вмѣстѣ съ симъ увѣдомляю объ оной г. начальника морскаго штаба Е.И.В.

7-го августа 1830 г. вице-адмиралъ Рожновъ отвѣчалъ: «Я надлежащія къ строгому исполненію на брандвахты какъ дальней, такъ и внутренней ввѣреннаго мнѣ порта, командирамъ предписаніе далъ, и увѣдомилъ Кронштадтскую таможню».

Екатерина II и крестьяне.

(Поправка къ книгѣ „Графъ Киселевъ").

Помѣщаемъ здѣсь одну существенную поправку въ прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ трудѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго „Графъ Киселевъ и его время". Излагая вкратцѣ исторію крестьянскаго вопроса въ Россіи и коснувшись заботъ императрицы Екатерины II, авторъ говоритъ: „Указъ 1790 г., 2-го марта, былъ данъ на имя генералъ губернатора Кашкина, относился къ раздѣленію государственныхъ крестьянъ на волости, и, какъ историческій памятникъ, важенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ есть ссылки на предположенія самой государыни о сельскомъ устройствѣ. Въ чемъ состояли эти „предположенія", равно какъ и „высочайшіе экономическіе пункты", на которыхъ было основано учрежденіе 1787 г. („Учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ екатеринославскаго намѣстничества"), намъ неизвѣстно" и т. д. (т. II, 31). Между тѣмъ, свѣдѣнія объ этомъ, а равно и самый проектъ сельскаго положенія Екатерины, вполнѣ соотвѣтствующій высочайшимъ экономическимъ пунктамъ, который притомъ въ свое время былъ сообщенъ графомъ Нессельроде на разсмотрѣніе графу Киселеву, напечатаны были еще въ 1877 г. В. И. Вешняковымъ въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества", т. XX (стр. 447—499).

В. И.

Александрійскій гусарскій полкъ.

1829 г.

Въ весьма интересныхъ Запискахъ принца Евгенія Виртембергскаго, окончаніе которыхъ помѣщено въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г., сентябрь, говорится о взятіи, подъ Шумлою, редутовъ спѣшанными гусарами. Авторъ говоритъ, что это были гусары Александровскаго полка и что командовали въ этомъ дѣлѣ Ностицъ или Мадатовъ. Александровскаго гусарскаго полка нѣтъ въ нашей арміи, а есть Александрійскій, который взятіе редутовъ, подъ Шумлою, считаетъ однимъ изъ славнѣйшихъ эпизодовъ своей славной исторіи.

Отрядомъ, въ составъ котораго входилъ въ этотъ день (31-го мая 1829 г.) Александрійскій полкъ, командовалъ князь Мадатовъ

А. А. Вязмитиновъ.

В. И. Назимовъ.

Въ февральской книгѣ „Русской Старины" изд. 1882 г. напечатано письмо покойнаго Владиміра Ивановича Назимова, бывшаго въ 1850-хъ г. попечителемъ Московскаго учебнаго округа къ бывшему министру народнаго просвѣщенія А. С. Норову о разрѣшеніи изданія „Русской Бесѣды", въ 1855 году, доставленное М. Н. Похвисневымъ.

Въ качествѣ постояннаго читателя „Русской Старины", а также въ качествѣ человѣка, который очень хорошо помнитъ бывшаго своего начальника, т. е Владиміра Ивановича Назимова, я позволяю себѣ сказать, что есть еще люди, которые скажутъ, что Владиміръ Ивановичъ самъ не только не могъ написать ничего подобнаго, но даже очень часто говорилъ такія вещи, которыя, не въ осужденіе ему будь сказано, не обличали въ немъ той правильности теченія мысли, которая видна въ напечатанномъ письмѣ. Ясно, что это письмо было только подписано Владиміромъ Ивановичемъ. Спрашивается: для чего же прямо не сказать: кто же написалъ это письмо? для исторіи гораздо важнѣе это, чѣмъ то,—что письмо подписано В. И. Назимовымъ?

Сколько мнѣ помнится, М. Н. Похвисневъ былъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи г. Назимова. Если это письмо написалъ онъ самъ и подалъ его подписать его превосходительству В. И. Назимову, то для чего же скрываться? для чего же приписывать Назимову то, что ясно не могло быть имъ написано? Девизъ „Русской Старины" истина, она дороже всего, и вотъ почему я написалъ этотъ запросъ. **Н. Щеховской.**

1882 г. 10 февраля.

Смоленской губерніи г. Красный.

Отвѣтъ редакціи. Письмо В. И. Назимова мы напечатали со списка, рукою писаря переписаннаго, но съ поправками самого В. И. Назимова. Навѣрное можемъ сказать, что этотъ весьма интересный документъ составленъ бывшимъ въ 1855 г. правителемъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, М. Н. Похвисневымъ, но по порученію В. И. Назимова и имъ просмотрѣнъ и подписанъ. Многіе изъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей не сами составляютъ тѣ акты, подъ которыми являются ихъ подписи; но слѣдуетъ ли изъ этого, что документы эти принадлежатъ не ихъ почину, не вытекаютъ изъ ихъ мысли и не согласны съ ихъ собственными убѣжденіями и взглядами? В. И. Назимовъ совершенно правильно и ясно, хотя и не вполнѣ литературно, излагалъ свои мысли по русски; вообще-же это былъ человѣкъ съ умомъ прямымъ и положительнымъ, притомъ одинъ изъ честнѣйшихъ, добрѣйшихъ и гуманнѣйшихъ людей своего времени. Эти черты въ его характерѣ высоко цѣнилъ покойный императоръ Александръ II; прекрасный качествамъ Назимова отдавали справедливость—Гоголь, Грановскій, Погодинъ, Соловьевъ и многіе другіе. Затѣмъ мы ни на минуту не сомнѣваемся, что добрыя мысли, которыми полно заинтересовавшее г. Щеховскаго письмо, вполнѣ принадлежали тому лицу, которое письмо это подписало, т. е. Владиміру Ивановичу Назимову.

Ред.

И. М. Синельниковъ [1]).

Въ „Сл...ской Старинѣ“ изд. 1882 годъ, кн. 1, стр. 79 азбучнаго указателя къ запис...ъ Порошина заявлено недоумѣніе Н. П. Барсукова: какой это былъ „Сип...ьниковъ“, о которомъ (въ его время), „говорили вездѣ крайне дурно“.

По мѣрѣ имѣющихся подъ рукою достовѣрныхъ свѣдѣній постараюсь сообщить Н. П. Барсукову о Синельниковѣ слѣдующее.

Иванъ Максимовичъ Синельниковъ сталъ извѣстнымъ на югѣ Россіи съ 1778 года, когда генералъ Александръ Васильевичъ Суворовъ занимался выводомъ христіанъ изъ Крыма къ Азовскому морю. Синельниковъ занимался перевозкою и продовольствіемъ переселенцовъ, за которыя былъ рекомендованъ Суворовымъ графу Г. А. Потемкину [2]), а имъ былъ въ 1783 году повышенъ чиномъ бригадира, съ порученіемъ надзора за соляными и питейными сборами, собираемыми на устроеніе Таврической области. Въ 1785 году, съ производствомъ въ чинъ генералъ-маіора, опредѣленъ, по ходатайству Потемкина, правителемъ Екатеринославской губерніи, которую Синельниковъ привелъ въ желанное устройство, причемъ пріобрѣлъ общественное расположеніе. Ему же давались порученія: по устройству черноморскаго флота и по продовольствію арміи, осаждавшей Очаковъ. Зависть и клевета шли отъ недовольныхъ подрядчиковъ, безсовѣстно обиравшихъ казну [3]). Отправясь въ очаковскую армію съ отчетами къ фельдмаршалу, когда онъ обозрѣвалъ очаковскія укрѣпленія, сопровождавшій Синельниковъ 23-го іюля былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Тѣло его было перевезено въ Херсонъ, и погребено въ оградѣ крѣпостной церкви Св. Екатерины, совмѣстно съ прочими убитыми при очаковской осадѣ и другихъ мѣстахъ [4]). По распоряженію свѣтлѣйшаго Г. А. Потемкина-Таврическаго, сынъ убіеннаго поставилъ надъ могилою каменный обелискъ, доселѣ существующій. Иваномъ Максимовичемъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ Екатеринослава въ 19-ти верстахъ, основано большое село Синельниково.

Н. Н. Мурзакевичъ.

Одесса.

---

[1]) См. его письма въ томѣ Записокъ одесскаго общества исторіи и древностей, т. IX, стр. 260—282.

[2]) Архивъ князя Воронцова, М. 18, т. XXIV, стр. 295, № 23. Главнымъ сборщикомъ при соляныхъ Перекопскихъ озерахъ былъ надворный совѣтникъ Свербѣевъ. Записокъ т. IX, стр. 266.

[3]) Отзывъ князя Потемкина Фалѣеву: «Копотени (въ Бессарабіи) 3-го іюня 1790 г. Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдамъ жиду такому поставщику. Пора отстать отъ мошенниковъ-подрядчиковъ, кои истощили суммы, и все недостатками подчивали. Чрезъ нихъ разворовано много». Записокъ т. II, стр. 673.

[4]) Генералъ-маіоровъ барона Меллеръ-Закомельскаго, Ивана Максимовича Синельникова, князя Сергія Абрамовича Волконскаго, полковниковъ: Петра Семеновича Максимовича, Ивана Петровича Горича-большого, Николая Ивановича Корсакова (строителя Херсонской крѣпости), Дмитрія Петровича Мартынова. Убитаго при Киліѣ генерала-артиллеріи барона Ивана Ивановича Меллеръ-Закомельскаго; умершихъ въ Молданіи — принца Александра Виртембергъ-Штудгардскаго (брата императрицы Маріи Ѳеодоровны), молдавскаго господаря Эммануила Россети. Записокъ т. IX, стр. 393 и 394. Н. М.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1882 года

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія и біографическіе очерки.

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Исторія русской литературы.

Писатели XIX вѣка.

Русскіе художники.

Портреты.

Приложенія.

Примѣчаніе Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXIII томѣ „Русской Старины“ изд. 1882 года, будетъ приложенъ при слѣдующемъ XXXIV томѣ—т. е. при іюньской книгѣ изд. 1882 г. „Русской Старины“.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Труды общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. Томъ X, выпускъ I. Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края. А. П. Иванова. Казань, 1881. 52 стр. въ 8 д. л. (На обертке 1-й книги «Русской Старины» 1882 г.).
2. Изслѣдованія о русской Правдѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго. Вып. I. Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды. М. 1881. XXII+196. Ц. 2 р. (Тамъ-же).
3. Указатель матеріаловъ по исторіи почтъ въ Россіи, составленный В. Д. Левинскимъ и И. Ѳ. Токмаковымъ. М. 1881. 53. (Тамъ-же).
4. Кіевъ, его святыня, древности, достопамятности и свѣдѣнія, необходимыя для его почитателей и путешественниковъ. Н. Сементовскаго. 6-е исправлен. и дополн. изданіе книгопрод. Ю. Л. Оглоблина. 1881. 264. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
5. Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1881. Книги 1 и 2. (Тамъ-же).
6. Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію. 1700—1880. Составилъ генералъ-маіоръ Лалаевъ. Спб 1880. Часть первая. 1700—1825. X+140. Часть вторая. 1825—1880. 283+20 ненумеров. въ 8 д. л. (На обертке 2-й книги «Русской Старины» 1882. г.).
7. Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей Московской епархіи. Собраны В. Холмогоровымъ и діакономъ Г. Холмогоровымъ. Выпускъ первый. Русская десятина. Москва 1881. X+254 стр. въ б. 8 д. л. съ приложеніемъ чертежей fac simile. Ц. 1 р. (Тамъ-же).
8. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положеніе заключенныхъ, пересыльныхъ, ихъ дѣтей и освобожденныхъ изъ подъ стражи, со времени возникновенія русской тюрьмы, до нашихъ дней. 1560—1880. В. Н. Никитинъ. Спб. 1880. IV+674 стр. въ 8 д. л. (Тамъ-же).
9. Сочиненія Г. Е. Благосвѣтлова.—Съ портретомъ и факсимиле автора и предисловіемъ Н. В. Шелгунова. Изданіе Е. А. Благосвѣтловой. Спб. Спб. 1882 г. въ б. 8 д. л. стр. XXVIII+600. (Тамъ-же).
10. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Рос. имперіи. Т. V. Спб. 1881. 605 стр. Ц. 1 р. 50 к. (На обертке 3-й книги «Русской Старины» 1882 г.).
11. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XXVII. Спб. 638. Т. XXXIII, 551. Т. XXXIV. 560+47. Ц. по 3 р. за томъ. (Тамъ-же).
12. Памятная книжка Кубанской области на 1882 годъ. Состав. дѣйств. членъ Куб. областн. стат. комит. Е. Д. Фамицынъ. Екатеринодаръ. 1881 Ц. 2 руб. (Тамъ-же).

